ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ПЕНИТЕНЦИАРИЗМА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
Член-корреспондент РАН
доктор исторических наук, профессор
Репина Лорина Петровна

Рязань – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ. 30
1.1. Источниковая база исследования 30
1.2. Освещение проблемы в зарубежной историографии 54
1.3. Освещение проблемы в отечественной историографии..... 84
Глава 2. ГЕНЕЗИС АНГЛИЙСКОГО «КРОВАВОГО КОДЕКСА» XVIII ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ 107
2.1. Уголовные наказания в конце XVII–XVIII вв.: законодательство и практики..... 107
2.2. Отражение смысла и целей уголовного наказания в конце XVII–XVIII вв. в религиозном дискурсе эпохи 165
2.3. Идеология и практика исполнения уголовных наказаний в XVIII в.: консервативный нарратив..... 198
Глава 3. ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ СТАТУТ 1779 г.: ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ 233
3.1. Идейный и нарративный повороты в интерпретации уголовного наказания в XVIII в. 233
3.2. Правовое оформление первой модели английского пенитенциария. 292
3.3. Институционализация пенитенциарного содержания как меры уголовного наказания..... 325
Глава 4. АМЕРИКАНСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ МОДЕЛИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА 359
4.1. Уголовные наказания в английских колониях: законодательство и практики..... 359
4.2. Пенсильванская пенитенциарная модель: теория и практика одиночного содержания..... 380
4.3. Нью-Йоркская пенитенциарная модель: теория и практика принудительного труда..... 400
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 448
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 460
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 521
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 532

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Среди проблем истории Нового времени одно из центральных мест занимает вопрос реформирования социально-экономической и государственно-правовой систем. Этот процесс затронул все институты государственной власти, в том числе те, которые обеспечивали защиту общества от преступных посягательств. Эпоха европейского Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия. Конец XVIII – начало XIX столетия принято считать временем рождения «эры карательной сдержанности», когда доминирующий вид уголовного наказания – смертная казнь – стал рассматриваться как средневековый анахронизм, не достойный высокоморального и цивилизованного общества. Классическая пенология[1] рассматривает этот период как отправную точку становления национальных пенитенциарных систем – государственных институтов, ведающих исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом.

Первыми переход от карательных традиций уголовного правосудия – публичных казней, телесных наказаний, каторги и ссылки – к прогрессивным практикам тюремного содержания преступников совершили Великобритания и США. Англичанам принадлежит пальма первенства в разработке теоретико-методологических основ современной системы наказания. Идейным источником доктрин, обеспечивших

---

[1] *Англ*. penology: от *лат*. poena – наказание, *гр*. logos – наука. Учение об исполнении наказаний и одноименная научная дисциплина, задача которой – на эмпирической основе разрабатывать оптимальные санкции наказания с целью исправления и ресоциализации преступника. В дореволюционной России эта наука называлась *тюрьмоведением*. Современная пенология значительно расширила объект исследования, выйдя далеко за пределы тюремных стен, и разрабатывает теорию предупреждения преступлений, а также комплекс мер психолого-педагогического воздействия на осужденных. Соответственно *историческая пенология* занимается изучением пенологических доктрин и их эффективности, исследованием эволюции как самих доктрин, так и пенитенциарных систем, созданных на их основе.

революционный переворот в традиционном уголовном правосудии, послужило интеллектуальное наследие британских мыслителей XVII–XVIII вв., ставшее своеобразным фундаментом социальных реформ XVIII–XIX столетий. В открытой британскими интеллектуалами дискуссии о природе человека: происхождении добра и зла, сущности нравственности и причинах противоречивого поведения, а также об изменчивости нравственных принципов в зависимости от среды и воспитания – человек как объект познания был сведен с пьедестала «венца творения Божьего» и подвергнут всестороннему изучению, в том числе с помощью экспериментальных и механико-математических методов. В рамках подобного дискурса возникла тенденция трактовать социальные девиации типа бедности и бродяжничества, преступности и аморального поведения, которые особенно контрастно проявились в эпоху промышленного переворота, в качестве «нарушения в работе механизма», в том числе под влиянием негативных факторов социальной среды. Оптимистичная вера в возможность скорректировать работу «общественного механизма» нашла выражение в многочисленных проектах по созданию специально организованной управляемой среды, в условиях которой девиации могут быть устранены, а поведение человека усовершенствовано.

Именно в Англии сочетание идеалов Просвещения с традиционными ценностями протестантской этики привело к формированию современной парадигмы пенитенциаризма, определившей новые подходы общества и государства к исполнению уголовных наказаний: стремление к свертыванию репрессивных мер, подавляющих личность преступника, и направленность на реализацию принципов исправительного заключения. Распространение подобных установок, в свою очередь, привело к появлению новой формы социальной институционализации – *пенитенциария*. Сформулированные британскими интеллектуалами и реформаторами-практиками гуманистические принципы пенитенциарного содержания, предусматривавшие правовую защиту арестантов, их раздельное

содержание по категориям, медицинское обслуживание, улучшение санитарно-бытовых условий, создание государственной пенитенциарной службы и др., являвшиеся квинтэссенцией доктрины пенитенциаризма, стали теоретической основой для широкомасштабных международных тюремных реформ XIX столетия.

Соединенные Штаты Америки выступили своеобразной «социальной лабораторией» по практическому воплощению идей английских просветителей в первых тюремных моделях. В то время как Европа занималась идеологическим, методологическим и политико-правовым обоснованием необходимости преобразования уголовного правосудия, молодая республика, возникшая на просторах Нового Света, в рекордно малые сроки сумела на практике осуществить первую тюремную реформу. Именно в США в конце XVIII – начале XIX вв. появились исторически первые исправительные (пенитенциарные) учреждения, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения. В основу американских пенитенциарных моделей были положены принципы исправления осужденных в условиях обеспечения изоляции от общества в специализированных учреждениях – пенитенциариях или реформаториях.

В XIX столетии англо-американские пенитенциарные практики вышли за пределы национальных пенитенциарных систем и впоследствии были заимствованы большинством европейских стран. Подобные институциональные изменения в системе исполнения уголовных наказаний в странах Европы и Америки носят собирательное название *пенитенциарные реформы* и рассматриваются в историко-правовой исследовательской традиции как единый общеевропейский процесс. К началу XX в. пенитенциарные реформы, инициированные британскими интеллектуалами и американскими практиками, можно было считать завершенными. Переход от карательных традиций Средневековья к системе исправления и реабилитации правонарушителя на практике был

зафиксирован во всех европейских странах, в США и Российской империи. Постепенно под влиянием всех этих изменений система исполнения наказаний приняла четко выраженный исправительный характер, ее эффективность отныне определялась не зрелищностью пыток и казней, как некогда, а осознанием неизбежности и неотвратимости наказания, а также специально-организованным воздействием на личность осужденного преступника. Тюрьмы стали рассматривать не только как места содержания лиц, опасных для общества, в самой же практике заключения предполагалось найти средство борьбы с преступностью. Итогом реформ уголовного правосудия стал переход от эшафота как сдерживающего фактора преступности к *пенитенциарной системе*, главной целью которой было обозначено возвращение раскаявшегося и исправившегося правонарушителя в общество.

Однако уже в процессе реформирования национальных систем исполнения уголовных наказаний актуализировались все новые проблемы, необходимость решения которых запускала очередной этап пенитенциарных преобразований. Известный правозащитник современности Л. Альперн назвала тюремные реформы «перманентной революцией» [1], с характерными признаками непрерывности в течение длительного времени и перемещением «эпицентра» преобразований из ведущих на периферийные страны. Бесспорным признается тот факт, что и в XXI в. пенитенциарная реформа внесена в повестку дня большинства развитых стран, и правоведы, криминологи, педагоги, социологи и психологи стремятся найти оптимальное соотношение мер уголовно-правового воздействия, способных обеспечить защиту общества и предотвратить угрожающие обществу преступления. В Великобритании, например, в 2017 г. был принят Билль

[1] Альперн Л.И. В поисках свободы: интеграция тени, или Тюремная реформа как перманентная революция // Неволя. 2006. № 10. С. 57.

о тюрьмах и судах [1], который внес существенные изменения в основы пенитенциарного законодательства страны 1952 г., в Российской Федерации в 2021 г. утверждена очередная Концепция развития уголовно-исполнительной системы[2].

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в отечественной историографии до сих пор отсутствует специальное исследование генезиса пенитенциарной системы в контексте социально-культурных и политико-правовых практик рассматриваемого периода. Изучение данного вопроса в отечественной пенологии представлено исключительно юридическими исследованиями[3], сфокусированными на формальной стороне права, которые представляют историю английского уголовного правосудия XVIII столетия исключительно как историю норм, санкций, законов и постановлений. В соответствии с исследовательской традицией правового позитивизма юридические нормы рассматриваются как формально-юридические установления государства, взятые в искусственной изоляции от идейных комплексов и социальной среды, в которой эти идеи были укоренены и которая, безусловно, придавала им различное выражение. Еще одна тенденция, порожденная нормативистским подходом к истории рассматриваемого вопроса, – трактовка пенитенциарных реформ как

---

[1] Prisons and Courts Bill (HC, Dill 170). URL: https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/2016-2017/0170/cbill_2016-20170170_en_1.htm

[2] Распоряжение Правительства РФ № 1138-р от 29.04.2021.

[3] Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб., 1873; Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881; Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения : монография. Красноярск, 2005; Маруков А.Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001; Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006; Пахалов М.Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы : теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2019 и др.

общеевропейского «гомогенного» процесса, без учета национального своеобразия революционных переворотов в традиционном правосудии.

Англо-американские тюремные модели во второй половине XIX в. были искусственно имплементированы в уголовно-исполнительную практику европейских стран и Российской империи, что придало тюремным реформам международное звучание. Подготовка к проведению отечественной пенитенциарной реформы (1862–1879 гг.) для российских исследователей-пенологов стала отправной хронологической точкой в научных изысканиях, что фактически исключило из сферы их научного интереса тот историко-культурный контекст, в котором заимствованные пенитенциарные модели прошли длительный этап идейного оформления. Возможно, именно в игнорировании этого фактора кроется причина провальных экспериментов и драматических поворотов, с которыми столкнулась российская практика реформирования системы наказания в XIX–XX столетиях. Все это задает определенный вектор ревизии многих положений истории отечественного уголовно-исполнительного права и дает возможность заново переосмыслить происхождение и сущность современной пенитенциарной системы.

В настоящем диссертационном исследовании важнейшая реформа уголовного правосудия XVIII–XIX вв., становление социального института тюрьмы и связанные с ним властные отношения рассматриваются в контексте национальной уникальности социальных и культурных практик.

Объект исследования – идейный комплекс пенитенциарных преобразований, составляющих суть доктрины пенитенциаризма, и опыт практического воплощения оформленных концепций в первые прогрессивные модели тюремного содержания.

Предмет исследования – процесс эволюции базовых концептов теории пенитенциарного исправления в английской общественной мысли

XVII–XVIII вв. и англо-американской уголовно-исполнительной практике начала XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период конца XVII – начала XIX вв. Нижняя граница исследования обусловлена тем, что именно в конце XVII в. в английской системе уголовного права обозначились первые признаки системного кризиса. Уголовное правосудие XVIII столетия наследовало основы юриспруденции Средних веков, в рамках которой наказание рассматривалось преимущественно с точки зрения его карательной функции как симметричный и наиболее адекватный ответ на преступление. Поэтому вполне закономерным результатом бурного роста преступности и неспособности правоохранительных органов с ней справиться стала резкая эскалация применения высшей меры наказания – смертной казни – как «универсального ответа» на рост криминальной пассионарности. Подобная логика развития действующего уголовного права привела к тому, что XVIII столетие Англия встретила с кодексом, в котором смертная казнь полагалась примерно за 50 видов преступлений, завершила же век списком, возросшим более чем в четыре раза! Это дало основание отечественному юристу-криминологу И.Я. Фойницкому определить Англию как «классическую страну применения смертной казни», по праву занимавшую первое место в Европе Нового времени по числу преступлений, за которые полагалась высшая мера как в простой, так и в квалифицированных формах [1]. Уже современники определяли XVIII в. как «эпоху Кровавого кодекса», а первые исследователи назвали такое законодательство «самым нелепым, самым безответственным и самым жестоким, которое когда-либо позорило цивилизованную страну» [2]. Однако к началу XIX в. стало очевидно, что поступательное развитие карательного правосудия более невозможно

---

[1] Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 134–135.

[2] Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L. and Cambridge, 1863. P. 182.

и просто количественный рост «кровавых статутов» качественно не решит обозначенную проблему. В результате напряженной работы интеллектуалов английского Просвещения – озабоченных проблемой роста преступности патриотов, гуманистов, государственных и общественных деятелей, священнослужителей и филантропов – рождались многочисленные концепции и проекты реформирования системы уголовных наказаний, сложившиеся в конце XVIII в. в целостную идеологию пенитенциарной реформы.

Верхняя граница исследования – рубеж 1810–1820-х гг. – обусловлена тем, что именно в этот период возникли прогрессивные модели тюремного содержания, впервые воплотившие на практике результат теоретико-методологического оформления основ доктрины пенитенциаризма.

Географические рамки исследования включают Великобританию, английские колонии в Америке (до 1776 г.) и государство США, преимущественно штаты Пенсильвания и Нью-Йорк, как места возникновения одноименных пенитенциарных моделей.

Степень разработанности темы исследования. Историография заявленной проблематики, как отечественная, так и зарубежная, в целом представлена исследованиями *классического* (государственно-правового), *ревизионистского* и *контревизионистского* направлений. Крайне сложно провести границу между источниками XIX в., содержащими подробное описание и первые оценочные характеристики англо-американского опыта, и историографией проблемы. Первые европейцы, специально прибывшие в США для изучения американских тюремных учреждений, – французы А. де Токвиль и Г. де Бомон, первые россияне, командированные в Европу со сходной миссией – чиновники Министерства внутренних дел М.Н. Галкин и А.В. Пассек – составили детальные отчеты о работе передовых пенитенциарных учреждений с комментариями о возможном

применении прогрессивных тюремных моделей в родной стране[1]. В этих исследованиях предпринята первая попытка осмыслить англо-американский опыт построения государственной пенитенциарной политики, в том числе и с точки зрения его *истории*. Следующим этапом унификации пенитенциарного опыта и интернационализации тюремных моделей стали международные пенитенциарные конгрессы XIX – начала XX вв. – съезды официальных и частных лиц (общественных деятелей, ученых, правоведов, работников и служащих пенитенциарных заведений: директоров, архитекторов, пасторов, медиков и т. д.), проводимые с целью обсуждения вопросов усовершенствования теории и практики исполнения уголовных наказаний. Уже в период конгрессов появляется первая специализированная научная литература: публикуется и анализируется тюремная статистика, учреждаются научно-практические журналы пенитенциарной направленности[2], активно издаются брошюры, описания личных наблюдений, воспоминания, разного рода компиляции и первая конструктивная критика прогрессивных пенитенциарных практик[3].

Одновременно можно констатировать появление первой историографической школы, предложившей классическое осмысление феномена пенитенциарных реформ. Ее особенностью стал интернациональный характер – сходство идейно-теоретических позиций

---

[1] Beaumont G. de Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France. Philadelphia, 1833; Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868; Пассек А.В. Проект о преобразовании тюрем. СПб., 1867.

[2] Например, отечественное издание «Тюремный вестник» – ежемесячный журнал МВД России, издававшийся Главным тюремным управлением в 1893–1917 гг., печатался в типографии Санкт-Петербургской тюрьмы.

[3] Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867; Transactions on the National Congress on Penitentiary and Reformatory Discipline held at Cincinnati, Ohio. Albany, 1871; Report on the International Penitentiary Congress of London, held July 3–13, 1872. Washington, 1873; Мишле Э.И. Второй международный конгресс. СПб., 1878; Гольденвейзер А.С. Современная система наказаний и ее будущность по трудам Парижского пенитенциарного конгресса. Киев, 1896; Анненков М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы // Вестник Европы. 1873. Т. II. С. 706–765; Свод решений международных тюремных конгрессов Лондонского (1872 г.), Стокгольмского (1878 г.), Римского (1885 г.) и С.-Петербургского (1890 г.) // Тюремный вестник. 1894. № 5. С. 246–264 и др.

и оценок представителей отечественной (дореволюционной) и зарубежной научной мысли объясняется общностью дискуссионных площадок международных пенитенциарных конгрессов. Так в историко-правовой науке были заложены основы *государственно-правового подхода* в оценке генезиса и характера реформ правосудия и системы наказаний. Представители классической школы криминологии и уголовного права связывают трансформацию отношений общества и государства к исполнению наказаний с идеями Просвещения, секуляризацией и утверждением гуманизма в качестве базового принципа человеческого общежития.

В процессе подготовки отечественной пенитенциарной реформы 1879 г. российские государственные деятели и юристы-правоведы проявили непосредственный интерес к изучению англо-американской практики исполнения уголовных наказаний. Анализируя английский опыт, известные ученые этого периода М. Галкин, И. Фойницкий, М. Филиппов, Д. Тальберг, С. Богородский, С. Гогель [1] не только заложили основы российского тюрьмоведения, но и актуализовали нормативистский подход к пониманию и оценке эпохи европейских пенитенциарных реформ, который в настоящее время продолжает доминировать в отечественной пенологии.

Научным апогеем зарубежных исторических исследований в русле обозначенного классического подхода к проблеме можно считать совместный труд фабианских социалистов, супругов С. и Б. Уэбб «Местное самоуправление: английские тюрьмы» [2] и первую часть фундаментального пятитомного произведения «История английских уголовных законов»

---

[1] Фойницкий И.Я. Указ. соч.; Филиппов М.А. Указ. соч.; Галкин М.Н. Указ. соч.; Тальберг Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем. Киев, 1875; Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII-го века. Т. I. Киев, 1862; Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб., 1906.

[2] Webb S. and Webb B. English Prisons under Local Government. L. and N-Y., 1922.

Л. Радзиновича[1]. Авторы едины в оценке британских пенитенциарных реформ как кульминации прогрессивного движения за модернизацию и гуманизацию средневековой тюрьмы, придавшего импульс преобразованиям на континенте.

С момента формирования советской научной традиции отечественная и зарубежные историографические школы продвигались разными курсами, иногда сближаясь в критических оценках классического подхода к истории пенитенциарных реформ. Сторонники неклассического взгляда на рассматриваемую проблему в западноевропейской историографии объединены в условную исследовательскую группу приверженцев *ревизионизма*. В русле неклассического подхода ревизии были подвергнуты мотивы пенитенциарных реформ как исключительно гуманистические и оспорен ее основной результат – переход к исправительной системе наказаний – как безусловно-прогрессивный. Ревизионисты рассматривают возникновение пенитенциарных учреждений как следствие изменения экономической и социальной природы наказания. Одной из первых вариаций ревизионизма в зарубежной историографии стала криминологическая теория К. Маркса и его последователей. Сторонники этой концепции видят причину возникновения преступности в классовом расслоении общества, а причину перехода от смертной казни и телесных наказаний к принудительному труду в форме каторги, ссылки, галер и труда в условиях длительного тюремного заключения – в экономических интересах субъектов капиталистической системы. Становление принудительного труда рассматривается в связи с этим как один из источников трудовых ресурсов – закономерный итог развития капитализма в странах Европы[2]. Продолжением классического марксизма в пенологии стали теории, связывающие появление тюрьмы с прагматичным желанием

---

[1] Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N-Y., 1948.

[2] Melossy D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. L., 1981. P. 13–16.

использовать труд заключенных на благо государства вместо «неэффективных» средневековых практик физической деактивации и полного устранения провинившихся. Квинтэссенцией «рыночного подхода» к наказанию является работа Г. Руше и О. Кирчхеймера, которые предлагали «сорвать с институтов наказания их идеологический покров… и описывать их в реальных производственных отношениях» [1]. Проанализировав соотношение наказания с существующими производственными отношениями и ситуацией на рынке труда, авторы приходят к выводу: в обществах, где фиксируется избыточность рабочих рук, (например, насыщенность обществ позднего Средневековья маргинальными элементами – бродягами, попрошайками, нищими и пр.) широко распространена смертная казнь и калечащие наказания. Когда относительная ценность труда возрастает – меняются пенальные практики: галеры, каторга, переход к труду в условиях тюремных стен. Следует отметить, что в западной историографии марксистскому подходу к анализу глубинных причин реформ уголовного правосудия уделяется несколько меньше внимания, нежели в отечественной традиции: критически воспринимая марксистские тезисы, эту теорию трактуют как одну из многообразных вариаций социологического направления в криминологии.

Советская наука испытывала б*о*льшее влияние марксистской школы, нежели современные ей зарубежные исследования. В советской историографии опора на основные тезисы марксистской криминологической теории в оценке возникновения системы принудительного труда прослеживается более явственно. Советские тюрьмоведы и практики дополнили марксистскую пенитенциарную теорию идеологически-окрашенным тезисом о «безграничных возможностях трудового воздействия на формирование личности», чем заложили основы советского исправительно-трудового права. В целом оно заимствовало

[1] Rusche G., Kirchheimer O. Punishment and Social Structure. N-Y., 1939. P. 20.

методологию государственно-правового подхода, сформированного отечественными правоведами XIX – начала XX вв.: в трудах С. Познышева, Б. Утевского, М. Шаргородского [1] кардинальная трансформация английского уголовного правосудия представлена как результат синтеза светских идей английских реформаторов, облеченных в форму пенитенциарных актов парламента.

Более популярной вариацией ревизионизма стала распространенная в европейской и американской историографии *теория социального контроля*. Отталкиваясь от работы знаменитого французского социального философа М. Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» [2], исследователи анализируют установившуюся «бестелесность» уголовно-исполнительной системы Нового времени в корреляции с системой координат новых властных отношений. Если целью и смыслом наказания в Средние века был карательный захват преступника и публичное причинение страдания, то реформированная система наказаний задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к «политическому телу», обладающему правом на жизнь и свободу: «перестав быть искусством причинения невыносимых страданий, наказание становится экономией “приостановленных“ прав» [3]. Американский исследователь Д. Ротман рассматривал тюрьму как один из элементов всеобъемлющей социальной программы по контролю над девиациями в обществе наряду с психиатрическими больницами, школами, приютами и богадельнями [4]. Теория социального контроля стремительно набрала массу последователей, единодушных в оценке реформ конца XVIII столетия как отправной точки

---

[1] Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923; Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950; Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. Ч. 1. М., 1957.

[2] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2021.

[3] Там же. С. 16.

[4] Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. Boston, 1971.

создания целого механизма контроля бедноты со стороны правящего класса посредством новых дисциплинарных институтов.

Для историографии вопроса 1980-х годов характерен *контр-ревизионизм*. В 1981 г. канадский историк русского происхождения М. Игнатьев (Майкл Игнатьефф) выступил с аналитической статьей, в которой подверг критике ревизионистов, в том числе свои предшествующие работы, за «упрощенный подход» к такой многосторонней проблеме, как становление тюремных режимов [1]. Он подчеркнул преувеличенное внимание ревизионистов к роли государства в пенитенциарном реформировании и утилитаризм в понятийном аппарате, сводящие сложные социальные процессы к выстраиванию «вертикали подчинения». М. Игнатьев призвал к новой социальной истории и пересмотру устоявшихся взглядов на становление системы наказания. Одновременно были последовательно подвергнуты критике те положения теорий марксистской направленности, которые обусловливали переход к использованию труда заключенных исключительно развитием капитализма и колебаниями рыночного спроса на этот ресурс[2]. Призыв к новой социальной истории пенитенциарных практик сфокусировал внимание историков на отдельных, ранее находившихся на периферии научных интересов, аспектах проблемы генезиса пенитенциарных реформ и инициировал целый спектр оригинальных исследований. Более подробно анализ степени изученности темы диссертационного исследования представлен в первой главе.

---

[1] Ignatieff M. State, Civil Society, and Total Institutions: A Critique of Recent Social Histories of Punishment // Crime and Justice: An Annual Review of Research. Vol. 3. 1981. P. 153–192.

[2] Platt A.M. Rethinking and unthinking «social control» // Inequality, Crime and Social Control / ed. by G.S. Bridges, M.A. Myers. Oxford, 1994. P. 72–79; Weiss R.P. Humanitarianism, Labour Exploitation, or Social Control? A Critical Survey of Theory and Research on the Origin and Development of Prisons // Social History. Vol. 12. 1987. Iss. 3. P. 331–350.

Цель исследования – комплексное изучение генезиса базовых идеологем пенитенциаризма, выявление основных направлений их эволюции в английской общественной мысли и интеграции в англо-американскую правовую систему, а также анализ опыта трансформации идей в социальные конструкты в уголовно-исполнительной практике.

Задачи исследования вытекают из поставленной цели и научной актуальности изучаемой проблемы:

– выявить составляющие элементы концепции пенитенциарного исправления в английской общественной мысли XVII–XVIII вв. как базиса современной парадигмы уголовного наказания;

– систематизировать материалы зарубежной и отечественной историографии по заявленной проблеме, дать обзор направлений и специфики отдельных исследований, преодолеть доминирующее влияние нормативистского подхода к теме в российской пенитенциарной науке;

– раскрыть специфику конфессионального фактора в пенитенциарных реформах конца XVIII – начала XIX вв. как детерминанты, практически полностью исключенной из сферы научного рассмотрения и анализа, особенно в отечественной историографии и историческом правоведении, исследовать изменение ментальных установок в отношении преступников и узников в англо-американском социокультурном пространстве в рассматриваемый период;

– уточнить и систематизировать ряд теоретических, теологических и организационных аспектов, связанных с оформлением первых прогрессивных систем тюремного содержания – пенсильванской и обернской, проанализировать формы институционализации тюремной благотворительности и миссионерской попечительской помощи, впоследствии имплементированные в пенитенциарные системы европейских стран;

– проанализировать нормативные документы, закрепившие теоретико-методологические основы парадигмы пенитенциаризма в уголовно-исполнительном праве;

– раскрыть актуальность и степень валидности англо-американского пенитенциарного опыта для построения национальных пенитенциарных систем европейских стран.

Методологическая база исследования. Основная сложность работы состояла в том, что отечественные исследования в области пенитенциарной истории традиционно проводились с привлечением формально-юридических и сравнительно-правовых методов, соответствующих предметной области истории государства и права. Методологической основой диссертации выступают *принципы* историзма, системности, научной объективности, а также междисциплинарный подход, которые определили использование конкретного набора научных методов, сочетающего как традиционные, так и современные.

В работе автор, прежде всего, ориентировался на достижения таких направлений современных исторических исследований, как *новая культурная* и *интеллектуальная история*, которые Л.П. Репина характеризует как родственные постмодернистские тенденции в современной историографии, метафорически сравнивая их с «сиамскими близнецами» или «Сциллой и Харибдой»[1]. Учитывая заявленные объект и предмет исследования, метод культурно-интеллектуальной истории, предполагающий постановку нетрадиционных вопросов к историческому источнику, представляется продуктивным в изучении истории идей пенитенциаризма в их тесной связи с конкретно-историческими условиями: социокультурным окружением и общими моральными и эстетическими ценностями эпохи. Интеллектуальная культура как «совокупность мыслительных привычек» исторически изменчива и с течением времени

[1] Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 249.

претерпевает значительные сдвиги, языками интеллектуальной культуры выступают идеи – религиозные, социальные, философские, политические, эстетические и т. д. Опора на методологические основы *истории идей*, изложенные американским философом Артуром Лавджоем в книге «Великая цепь бытия. История идеи»[1], позволила вычленить «идеи-единицы»[2] основных концептов пенитенциаризма и рассмотреть процесс их эволюции в контексте социально-культурных и политических практик. Обращение к интеллектуальным источникам, которые ранее не привлекались исследователями применительно к области пенитенциарной истории, – богословским текстам и проповедям, светской публицистике, визуальным образам, эссеистике и литературному творчеству, в том числе анонимных авторов и публицистов так называемого второго и третьего ряда[3], позволило проследить появление идей-единиц будущей реформы в широком социокультурном контексте гораздо раньше установленных в историко-правовой литературе хронологических границ.

В диссертации используется понятие *дискурса*, которое служит своеобразным маркером методологии социогуманитарного познания Мишеля Фуко. Дискурс в данном случае рассматривается как «текст вместе с той социальной практикой, к которой он принадлежит и которая определяет способ обсуждения некоторой темы, образцы постановки проблем и подхода к ним, оправдания, обоснования, связи с другими темами и пр.»[4] Предпринята попытка комплексного анализа совокупности дискурсов (консервативно-правового, реформистского, богословского, медицинского, утилитарно-прагматического), связанных с реформой системы

---

[1] Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001.

[2] *Англ*. unit-idea.

[3] А. Лавджой подчеркивал необходимость обратить внимание исследователя на писателей второго и третьего ряда, произведения которых, хотя и не представляют ценности с точки зрения современных эстетических и интеллектуальных стандартов, но могут быть не менее важными для понимания разноуровневого интеллектуального ландшафта эпохи. См.: Репина Л.П. Указ. соч. С. 253.

[4] Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. Т. 4. 1998. № 1. С. 177.

уголовных наказаний. Привлекаются различные приемы работы с историческим текстом с учетом принципа исторической лингвистики, утверждающего, что любой текст не существует изолированно, а взаимодействует с другими текстами и воспринимается всегда на фоне определенного историко-культурного контекста. Метод критического дискурс-анализ позволил выделить сложившуюся к XIX в. систему норм и правил, условно зафиксировавших границы новой парадигмы уголовных наказаний.

Особую группу интеллектуальных источников исследования составляют тексты религиозно-проповеднического содержания, задача интерпретации которых потребовала применения специфического герменевтического подхода. По мнению С. Аванесова, такого рода тексты не просто передают сложный для понимания смысл, но и нередко заключают в себе несколько уровней смысла, иначе говоря, являются «многослойными» сообщениями, в которых можно выделить нарративный, нормативный и теологический компоненты[1].

Необходимость точного понимания языка пенитенциарных реформ, т.е. понятий, которые использовали современники изучаемой эпохи для выражения своих намерений и обоснования практических действий, обусловила обращение к методологии *истории понятий*. Глава немецкой школы истории понятий Р. Козеллек убежден, что «значение понятия может представлять собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего»[2]. Сравнительный анализ трактовок и взаимосвязей базовых концептов исправительного содержания позволил выявить каналы трансфера основных понятий пенологии, определить разницу между намерениями и действиями реформаторов и их языковым

---

[1] Аванесов С.С. Аллегорическое и буквальное в герменевтике сакрального текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013 № 5 (25). С. 55–60.

[2] Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий : пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 27.

выражением, обнаружить смысловые акценты, которые возникали в процессе освоения новых идей.

Немаловажное значение принадлежит *личностно-психологическому подходу*, так как в формулировке основных концептов пенитенциарного исправления и складывании первых тюремных моделей большая роль отводилась личностному фактору, который определял видение конечной цели новой системы уголовных наказаний. С помощью методологических приемов парадигмы «*другой социальной истории*» [1] представилось возможным совместить анализ становления социального института тюрьмы с анализом поведения конкретных индивидов в рамках этого института.

Хотя данное исследование главным образом основывается на принципах культурно-интеллектуальной истории, фокусируясь на углубленном чтении текстов, оно было бы невозможно без использования традиционных методов исторического исследования. В диссертации использовались как общенаучные методы исследования, так и специальные исторические: *проблемно-хронологический*, *системного анализа*, *ретроспективный* подход. *Историко-сравнительный метод* необходим при выявлении сходств и различий в идейно-теоретических основах первых пенитенциарных моделей, на базе *историко-типологического* метода представилось возможным выявить их доктринальные основы и универсальные характеристики, имплементация которых в европейские национальные системы уголовных наказаний привела к интернационализации англо-американских пенитенциарных практик.

Примененные в совокупности методы позволили осуществить исследование, учитывающее как *синхронный* (фиксация структуры изучаемого предмета, взятого в определенный промежуток реального исторического времени его существования с помощью вертикального временного сечения эволюции), так и *диахронный* (расчленение процесса

---

[1] См.: Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. Т. 10. 2010. С. 17–28.

эволюции изучаемого предмета на ряд последовательно сменяющих друг друга в реальном историческом времени этапов и последующее сравнение этих временных состояний по определенным признакам их структуры путем горизонтального временного сечения) подходы.

Исследование сущности и содержания пенитенциарных реформ предполагает объективное и информативное использование ряда ***терминов***. В современном юридическом тезаурусе под *пенитенциарной системой* понимают государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом. Одним из важнейших направлений деятельности пенитенциарной системы по восстановлению социальной справедливости, наряду с карательной функцией, является исправление заключенных и профилактика рецидива преступлений. В исторической ретроспективе пенитенциарными системами иногда называют первые прогрессивные тюремные режимы – пенсильванский, обернский, ирландский[1], которые мы будем называть *пенитенциарные модели*. Ключевое понятие *пенитенциарий,* появившееся в рассматриваемую эпоху и обозначавшее тюремное учреждение нового типа, было призвано служить для демаркации с тюрьмами – наследием Средневековья, которые обозначались в англоязычной языковой среде различными словами[2]. В американской практике XIX в. бо́льшую популярность и расхожесть получили понятия *реформаторий,* а к началу XX в. – *исправительное учреждение*[3], по смыслу почти тождественные английскому пенитенциарию. Под *пенитенциаризмом* мы понимаем целостную доктрину – авторитетную, обоснованную систему взглядов, разработанную интеллектуалами (а также готовый к практическому применению идеологический рычаг), фундированную принципами исправления наказанием. Впоследствии пенитенциаризм был положен

---

[1] См., напр.: Галкин М.Н. Указ. соч. С. 3–13.
[2] *Англ*. gaol, jail, prison.
[3] *Англ*. correction facility.

в основу масштабного международного движения, конечной целью и смыслом которого является интернационализация пенитенциарных практик и совершенствование исполнения наказания в виде лишения свободы.

Рассматривая режим принудительного труда как базовую характеристику прогрессивных пенитенциарных режимов, следует уточнить коннотационные особенности англоязычного понятия *hard labor*[1]. Самый близкий русскоязычный перевод понятия, который впервые появляется в трудах отечественных правоведов XIX в., – каторга. Однако в традициях отечественного тюрьмоведения каторга обычно понимается как подневольный *карательный* труд в пользу казны, непременно в соединении со ссылкой в отдаленные места, где этот труд особенно востребован. В условиях английской системы уголовных наказаний *hard labor* следует понимать скорее как *принудительный тяжелый труд*, географически максимально приближенный к месту вынесения приговора, в отличие от ссылки, целью которой было непременное удаление криминальных элементов за пределы страны, без претензии казны на их труд. Поэтому приговор к тяжелому труду подразумевал наличие подходящего места и условий для такого труда в географических пределах Британского острова, желательно в рамках того графства, где приговор был вынесен. В интеллектуальном контексте английской просвещенческой мысли постепенно закрепляется тенденция наделять такой труд *исправительными* функциями (в отличие от карательного назначения каторжного труда), поэтому в ряде русскоязычных переводов встречается *исправительный труд*.

Комплексная оценка идейного содержания англо-американских пенитенциарных преобразований невозможна без уяснения деривационных межъязыковых аспектов понятия *prison religion*[2]. В англоязычной научной

---

[1] *Досл*. тяжелый труд.

[2] *Досл*. тюремная религия, религия тюрьмы.

и проповеднической литературе *prison religion* обозначает комплекс религиозных воззрений и практик, базирующихся на соответствующих принципах принятия заточения как испытания, характерных для лиц, находящихся в заключении[1]. В русскоязычной научной и богословской литературе есть близкие по значению дефиниции, такие как *тюремная миссия*, *духовное окормление арестантов* или *церковное тюремное служение*, однако они характеризуют скорее внешнюю, практическую сторону деятельности тюремных священников, которая в англоязычной традиции именуется *Prison Ministry*. Рассматривая основные концепты теории пенитенциарного исправления, мы будем использовать понятие *теология тюрьмы* [2], понимая под этим внутреннюю (теоретико-теологическую) содержательную сторону проповеднической деятельности английских и американских тюремных капелланов. Таким образом, нам представляется, что корректное использование перечисленных терминов позволит наиболее объективно и информативно и адекватно представить идейный комплекс пенитенциарных преобразований конца XVIII – начала XIX вв., являющийся объектом данного исследования.

Научная новизна исследования определяется проведением комплексного анализа идейного содержания и опыта практического воплощения англо-американских пенитенциарных реформ, которые в отечественной науке ранее рассматривались исключительно в исследовательском поле историко-правовых дисциплин. Впервые в отечественной историографии рассмотрены классическая, ревизионистская (в том числе марксистская) и постревизионистская концепции в изучении пенитенциарной истории Англии и США

---

[1] O'Connor T.P., Perreyclear M. Prison Religion in Action and its Influence on Offender Rehabilitation // Journal of Offender Rehabilitation. Vol. 35. 2002. № 3 (4). P. 11.

[2] Сордж Б. Теология тюрьмы // Сордж Б. Огонь задержанных ответов. СПб., 2013. С. 46–63; Васильева С.А. «Теология тюрьмы» в проповеднической деятельности американских тюремных капелланов в начале XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 5–12.

в современной англо-американской историографии. Использование в анализе генезиса и эволюции идей пенитенциарных преобразований XVIII – начала XIX вв. разнообразного междисциплинарного инструментария и современных методологических принципов исторического исследования дало возможность значительно расширить источниковую базу, открыть новые имена в пенологии и описать их интеллектуальный и практический вклад в становление теоретико-методологических основ современной системы уголовных наказаний. Предложена и обоснована гипотеза о доминирующем влиянии протестантского мировоззрения на процесс становления системы исполнения наказаний в Англии и США, которая, в свою очередь, вносит коррективы в имеющиеся концепции унифицированного понимания секулярного характера общеевропейских правовых реформ. В ходе работы над диссертацией также была проведена тщательная обработка большого по объему и разнообразного по содержанию материала, исследован широкий спектр источников, ранее не введенных в научный оборот, и научной литературы, опубликованной на русском и иностранных языках. В диссертации на основании исследования первого опыта воплощения интеллектуальных идей в социальные модели показана утопичность некоторых принципов исправительного содержания, первые прогрессивные тюремные режимы проанализированы с учетом сложившейся дихотомической раздвоенности «возмездие – исправление».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основное противоречие эпохи «Кровавого кодекса» в Англии, которое разрешила кардинальная реформа уголовного закона в первой четверти XIX в., состояло в том, что «кровавым» был сам *кодекс* – сводный законодательный акт, систематизировавший сходные правовые нормы, но не основанное на нем *исполнительное* правосудие. В течение XVIII в. в английском уголовном законодательстве шел непрерывный процесс экспериментирования, отрабатывались отдельные практики новых видов

уголовных наказаний. Назревшая реформа уголовного закона и системы наказаний должна была решить проблему роста преступности, не только максимально сохраняя преступнику жизнь, но и в географических границах Британского острова, а также достичь триединой цели: возмездие, восстановление социальной справедливости и превенция потенциальных преступлений. Тюремное заключение как вид наказания наиболее полно отвечало заданным опциям, но для этого требовалось не только обновление нормативной базы, но и разработка принципиально новой «духовной надстройки» – философии, идеологии и теологии наказания.

2. Формирование базовых идеологем пенитенциаризма, впоследствии трансформированных в фундирующие принципы современных национальных пенитенциарных систем, является результатом синтеза идей раннего английского Просвещения с аксиологией и этикой английского протестантизма. На основании изучения обширной источниковой базы установлено, что идеи и инициативы, обеспечившие кардинальный пересмотр пенологических доктрин – от возмездия к исправлению – курсировали в идеологическом и культурном пространстве Англии уже в XVII в., что может стать основанием для пересмотра некоторых положений современной отечественной пенитенциарной науки.

3. Многообразие методов борьбы с растущей преступностью, предложенных и обоснованных английскими интеллектуалами и богословами, можно условно представить в виде противостояния сторонников ретрибутивного и гуманистического подходов. В представлениях консервативных приверженцев уголовной репрессии система наказания призвана устрашать человека, формировать у него неотвратимый ужас ожидания возмездия и таким образом сдерживать его от совершения преступления. Эту концепцию поддерживали сторонники ортодоксального пуританизма, которые интерпретировали суровое наказание (смертную казнь, каторжный труд, тюремное заключение) как

восстановление нарушенного Завета, своеобразный ритуал отмщения и возмещения за причиненное зло.

4. Сторонники гуманистического подхода выдвигали принцип исправления преступника как базовую ценность и идеальную цель уголовного наказания в виде лишения свободы, что коррелировало с позицией приверженцев нового евангелизма, убежденных в возможности спасения каждого через покаяние и обращение. В соответствии с пересмотренной пенологической доктриной тюрьма рассматривалась как управляемая окружающая среда, наилучшее место и условие морального перерождения преступника.

5. Становление государственности в Соединенных Штатах Америки представило идеальные общественно-политические и экономические условия для социального эксперимента по имплементации теоретических идей британского Просвещения в прогрессивные пенитенциарные практики. В процессе складывания первых тюремных моделей – пенсильванской и обернской – были выявлены утопизм и внутренние противоречия в идейной платформе пенитенциарной реформы, что, в свою очередь, привело к тому, что пенальные практики стали источником коррекции норм, заложенных в институт современной тюрьмы.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертации позволяют восполнить ряд пробелов в понимании истории реформирования социально-экономической и государственной системы европейских государств в Новое время и пересмотреть некоторые укоренившиеся представления об особенностях становления института тюрьмы. Предлагаемый в исследовании подход к изучению истории пенитенциарных практик Великобритании и США может быть применен в изучении отечественного опыта построения национальной системы уголовных наказаний. Материалы работы могут быть использованы в преподавании истории Нового времени, истории уголовно-исполнительной системы, уголовно-исполнительного права, пенитенциарной педагогики, при

подготовке общих и специальных курсов, а также стать основой для отдельных разделов при написании монографий, учебников по истории права и пенологии.

Апробация материалов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в двух монографиях, 26 статьях, опубликованных в ведущих российских рецензируемых журналах, из которых 14 – в журналах, входящих в международные наукометрические базы Scopus и Web of science; материалы диссертации представлены также в ведомственном журнале Федеральной службы исполнения наказаний России. Положения диссертации содержались в докладах с последующей публикацией материалов на шести конференциях и семинарах, проводимых ИВИ РАН («Исторический опыт унификации: цели, идеи, воплощение», 19 июня 2018 г.; «Западный мир и Россия. Взаимодействие и восприятие культур в исторической ретроспективе», 11 октября 2018 г.; «Конструирование болезненного опыта в премодерных культурных текстах», 19 июня 2019 г.; «Пространства власти и власть пространства: мультисенсорный опыт в культуре XV – начала XIX веков», 10 июня 2020 г.; «История понятий: эпистемологические традиции и методологические новации» 18 декабря 2021 г.; «Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур», 21 октября 2021 г.); на двадцати двух международных научных конференциях (2008–2021 гг., в том числе на пяти международных пенитенциарных форумах); тринадцати Всероссийских научных конференциях (2007–2020 гг.), а также региональных научных конференциях (2008–2019 гг.), проходивших в учебных и научно-исследовательских организациях Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Рязани, Вологды, Владимира, Арзамаса, Минска, Могилева. Общий объем свыше 100 п. л. Автор приняла участие в подготовке 11 статей по пенитенциарной тематике для энциклопедического словаря «Протестантизм» издательства «Энциклопедия» (в рамках проектов

«Протестантизм. 500 лет служения России и миру» и «Многоконфессиональная Россия. Просвещение ради единства»). С 2013 г. автор входит в состав Научно-экспертного совета Центральной постоянно действующей экспозиции по истории уголовно-исполнительной системы, курирует комплектование фондов экспозиции, организацию и учет предметов экспозиционного фонда раздела «Уголовно-исполнительная система Российской империи в XVIII в. – 1879 г.». Материалы диссертации, монографий и научных статей были востребованы при формировании фонда научной литературы экспозиции и наполнении контента ведомственного сайта ФСИН России https://fsin.gov.ru/history/ . В 2013–2014 гг. автор являлась соисполнителем по гранту РГНФ (проект № 13-11-62002), посвященному исследованию региональных особенностей пенитенциарных учреждений и структур.

Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите на совместном заседании кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний и кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина 22 февраля 2022 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на 12 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. Источниковая база исследования

Насыщенная политическая и социально-экономическая жизнь английского общества XVIII в. хорошо освещена в разноплановых исторических документах. В основу исследования были положены материалы XVI–XIX вв., часть из которых впервые вводится в научный оборот. В целом источники по теме можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это официальные документы. Сюда входят тексты нормативно-правовых актов: законопроекты и парламентские акты, отчеты специальных комиссий и комитетов по результатам инспектирования тюрем, мониторинга преступности и состояния правоохранительных органов[1]. Следует отметить, что отдельного сборника, который объединил бы полнотекстовые законы, регулирующие проблему исполнения наказаний в Англии, издано не было, поэтому в работе над диссертацией были использованы разнообразные собрания законодательных актов[2]. В числе

---

[1] A report from the committee appointed to enquire into the state of the goals of this kingdom: relating to the Fleet prison. with the Resolutions and Orders of the House of Commons thereupon. L., 1729; A report from the committee appointed to require into the state of the goals of the kingdom relating to the Marshalsea prison and farther relating to the Fleet prison with the resolution of the House of Commons. L., 1729; Report from the Committee on the state of the police of the metropolis: with the minutes of evidence ... and an appendix, containing abstracts of the several acts now in force for regulating public houses, also, the Proceedings of the Common Council of the city of London for clearing the streets of vagrants, prostitutes, idle and disorderly persons. Ordered by the House of Commons to be printed, July 1, 1816. L., 1816; Report of the Select Committee on Criminal Laws Relating to Capital Punishment in Felonies. L., 1819; Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867 etc.

[2] A Practical Treatise on the Criminal Law: Comprising the Practice, Pleadings, and Evidence which Occur in the Course of Criminal Prosecutions, Whether by Indictment or Information: with a Copious Collection of Precedents of Indictments, Informations, Presentments, and Every Description of Practical Forms, with Comprehensive Notes as to Each Particular Offence, the Process, Indictment, Plea, Defence, Evidence, Trial, Verdict, Judgment,

наиболее ценных публикаций следует также назвать справочники, которые издавались как практическое руководство для мировых судей по юридическим вопросам. Например, популярный справочник судьи из Кембриджа Майкла Далтона «Правосудие в стране» с 1618 по 1746 год выдержал 20 переизданий. Оригинальным новаторством издания стал опыт первого правового тезауруса – алфавитного порядка судебных прецедентов по разнообразным вопросам: дороги, штрафы, налоги, оружие, мятежи и разбой и пр. Каждое новое издание увеличивалось в объеме, что было обусловлено как разрастанием законодательного корпуса, так и накоплением прецедентной практики. В данном исследовании рассматривается последняя версия, так как именно она была максимально привлекаема практиками эпохи «кровавого кодекса» [1]. Несмотря на то что в содержательном плане она довольно далека от оригинальной версии 1618 г. в силу хронологического разрыва в структурном отношении представляется наиболее целостной и удобной для практического использования и потому соответствующей первоначальному замыслу Далтона. Текст автора помечен литерой *D*, таким образом, можно не только вычленить оригинал, но и отследить изменения.

В 1782 г. вышло не менее оригинальное издание «Сокращенный справочник уголовных статутов, в котором указан вид преступления; наказание или штраф, полагаемый за это преступление; способ взыскания и исполнения наказания; число свидетелей и судей, необходимых для осуждения преступника; со ссылкой на главу и раздел действующего статута», собранный Уильямом Аддингтоном[2]. Информация организована

---

and Punishment / by Ch. Joseph. Vol. 1–4. L., 1826; The Statutes at Large, England Great Britain from Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. Vol. XIV. 1775–1779. L., 1811; The clergyman's assistant, being a collection of statutes, ordinances, and forms, with notes and references, relating to the rights, duties, and liabilities of the clergy. To which are prefixed the articles of religion, and the constitutions and canons of the Church of England. Oxford,1828 etc.

[1] The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of The Justices of the Peace, as well in as out of their sessions / by M. Dalton. L., 1746.

[2] An Abridgment of Penal Statutes, which exhibits at one view, the offence; the punishment, or penalty annexed to that offence; the mode of recovering and application of the

в табличной форме, статьи уголовных законов сгруппированы по категориям преступлений и санкциям наказания, что является уникальным гайдом по тонкостям английского прецедентного права, как для тех, кто осуществлял правоприменительную практику, так и для исследователей.

По сложившейся в научно-исследовательской практике традиции в диссертации парламентские акты процитированы по *длинному заголовку*, который является более исчерпывающим по своему охвату, предоставляя иногда очень подробное описание положений Закона, а также годовщину царствования монарха и номер статута [1]. Однако полное название не использовали даже современники, поэтому в тексте мы употребляли так называемый *короткий заголовок*, сопоставление которого с официальным названием статута может натолкнуть исследователя на определенные выводы. Так, Акт 1776 г. с полным названием «Статут, разрешающий на ограниченное время использование принудительного труда для преступников, которые за определенные преступления осуждены к высылке в любую из колоний и плантаций Его Величества» [2], который кратко именовали «Закон о халках» [3]. И хотя в официальном юридическом тезаурусе эпохи понятие «халк» не применялось, однако в общественном дискурсе этот статут называли именно так. Закон позволил судьям в качестве наказания, альтернативного смертной казни и высылке в колонии, приговаривать преступников мужского пола к содержанию на плавучих тюрьмах с использованием их труда, например, для работы в Тринити-хаус[4]

---

penalty; the number of witnesses and justices necessary to convict the offender; with a reference to the chapter and section of the enacting statute / by W. Addington. 2nd ed. L., 1782.

[1] An Act to explain and amend the Laws relating to the Transportation, Imprisonment, and other punishment, of certain Offenders, 1779. 19 Geo. III, c. 74.

[2] An act to authorize, for a limited time, the punishment by hard labour of offenders who, for certain crimes, are or shall become liable to be transported to any of his Majesty's colonies and plantations. 1776. 16. Geo. III, c. 43.

[3] *Англ.* The Hulk Act. Халк – остов старого корабля, непригодного к плаванию, большое неповоротливое судно. Халки – плавучие тюрьмы, организованные на старых кораблях, пришвартованных в устье Темзы.

[4] *Англ.* Trinity House (Corporation of Trinity House of Deptford Strond) – официальная организация, отвечающая за навигацию в Англии, Уэльсе и других

– на верфи или по углублению дна Темзы. Как мы видим, в полном названии статута практически впервые в официальной юридической лексике эпохи появляется одно из концептуальных понятий будущей пенитенциарной реформы – *hard labour* – принудительный труд, хотя общество ассоциировало закон исключительно с содержанием преступников на старых кораблях ввиду отсутствия возможности их транспортировки в Америку вследствие объявленной независимости.

Интересно, что за семьдесят лет до этого статута в 1706 г. был принят другой закон с полным названием «Закон о поимке, преследовании и наказании преступников, совершивших кражи со взломом в частных владениях: домах, магазинах, складских помещениях, а также конокрадов»[1], который разрешил судьям на свое усмотрение приговаривать к принудительным работам в исправительных домах за преступления, по которым по существующим прецедентам полагалась смертная казнь, на срок от полугода до двух лет. И хотя в названии статута еще нет понятия *hard labour,* современники кратко называли его «Закон о тяжелом труде»[2]. Рассматривая хрупкую сферу восприятия обозначенного концепта, отметим, что в 1706 г. в соответствии с парадигмой карательного правосудия каторжные работы ассоциировались с репрессией, а в 1770-е годы в контексте назревшей реформы принудительный труд в качестве уголовного наказания трактуется уже как исправительная мера.

Официальные документы представлены также парламентскими материалами – «Парламентской историей», составленной английским

британских территориальных водах, за исключением Шотландии и острова Мэн и Северной Ирландии.

[1] An Act for the better apprehending, prosecuting, and punishing Felons that commit Burglaries, House-breaking, or Robberies in Shops, Warehouses, Coach houses, or Stables, or that steal Horses. 1706. 5 Anne, c. 6.

[2] *Англ*. Hard Labour Act.

историком У. Коббетом [1], и журналами палаты общин [2], доступные современному исследователю также онлайн [3]. Многотомное издание воспроизводит ход дискуссий вокруг реформы 1779 г., позволяет отследить проявление основных концептов реформы и складывание идеологем пенитенциарного исправления в общественно-политическом дискурсе с последующим возведением в нормы пенитенциарного права.

Наконец, к официальным документам отнесем весьма информативные отчеты о судебных процессах Олд-Бейли [4], первый сборник которых датируется 1674 г. С 1678 по 1834 год материалы заседаний готовились после каждой сессии и публиковались на регулярной основе восемь раз в год. В XVIII в. они имели грандиозный коммерческий успех, предоставляя жителям мегаполиса возможность быть в курсе нюансов, касающихся преступного мира и способов противостояния таковому со стороны властей. В XIX в. читательская аудитория постепенно сузится до профессиональных юристов и чиновников, а в начале XX в. публикация криминальных отчетов и вовсе прекратится. Навигация современного исследовательского онлайн проекта записей Олд-Бейли позволяет выполнять сортировку приговоров главного уголовного суда страны по заданным категориям: виды, формы, сроки наказания и пр., что расширяет возможности применения статистических методов в историческом исследовании.

Американские официальные документы, регулирующие исполнение уголовных наказаний, колониального и республиканского периодов также доступны в сборниках [5]. Собственной правовой системы американские

---

[1] The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. Vol. XVIII: 1774–1777; Vol. XIX: 1777–1778; Vol. XX: 1778–1780. L., 1813.

[2] Journals of the House of Commons. Vol. 32–45 (1732–1790). L.,1803.

[3] Hansard online. The official report of all Parliamentary debates. URL: https://hansard.parliament.uk/

[4] The Proceedings of the Old Bailey, 1674–1913. URL: https://www.oldbaileyonline.org/static/Publishinghistory.jsp

[5] Statutes at Large of Pennsylvania 1682 to 1801. Vol. XII: 1785–1787, Vol. XIII: 1787–1790 / by J.T. Mitchel & H. Flanders. Harrisburg, 1906; Charter to William Penn, and laws of the province of Pennsylvania: passed between the years 1682 and 1700, preceded by

колонии не выработали, уголовное правосудие вершилось на основе британских уголовных кодексов и англосаксонской системы прецедентного права. Исследования правовых традиций колониальной Америки отмечают упрощенное использование «кровавых кодексов» Британии на американской земле: если в Старом Свете количество видов преступлений, караемых смертной казнью, доходило до двухсот, то в колониальных уголовных кодексах их насчитывалось не более двадцати. Вероятно, это было связано с особенностями общественных отношений, не осложненных правовыми прецедентами предшествующих столетий.

Вторая группа источников – продукты религиозной, научной, общественной и государственно-правовой мысли. Ввиду обширности данного корпуса источников имеет смысл разделить их на несколько подгрупп. Первая из них – *религиозная литература и публицистика* – представлена проповедями, эссе, сочинениями-рассуждениями на темы, связанные с корреляцией правосудия земного и небесного, наказанием и воздаянием, покаянием и искуплением [1]. Авторы проповедей не

Duke of York's laws in force from the year 1676 to the year 1682, with an Appendix containing laws relating to the organization of the provincial courts and historical matter. Harrisburg, 1879; Laws of the State of New-York, Passed at the Forty-second, Forty-third and Forty-fourth Sessions of the Legislature. Vol. I–V. Albany, 1821; A Compilation of the Poor Laws of the State of Pennsylvania, from the Year 1700 to 1788 inclusive. Philadelphia, 1788 etc.

[1] Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts. L., 1687; A sermon preached in London before the right honorable the Lord Lawarre, Lord Governor and Captain General of Virginia, and others of his Majesties Counsel for that Kingdome, and the rest of the adventurers in that plantation at the said Lord General his league taking of England his native country, and departure for Virginia, February, 21. 1609 / by W. Crashaw, Bachelar of Divinities, and preacher at the Temple. L., 1610; Calamy B. A sermon preached before the right honorable the Lord Mayor, aldermen, and citizens of London, at the Church of St. Mary-le-Bou; September the Second, 1684. Being the anniversary fast for the dreadful fire in the year 1666. L., 1685; Fina F. A sermon on the occasion of the late storm. Preach'd in Spanish, Before the Worshipful Society of Merchants Trading to Spain; in the Parish-church of St. Bartholomew, near the Royal-Exchange, London; on the 7th of January, 1704. L., 1704; Dawes W. The objections against the eternity of Hell-torments, answer'd. In a Sermon Preach'd Before King William, at Kensington, January, 1701. The 2nd ed. Part VI. L., 1707; A funeral sermon upon the death of Mrs. Urith Bunchley, daughter to Sir Austin Palgrave, Bart, who departed this life May the 21st. Preached at Clavering in Essex May the 24th, 1708. L., 1708; Blackall O. The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James s, on Tuesday, March 8, 1708.

задавались конкретной целью – обосновать необходимость правопослушного поведения или устрашить «вечным наказанием», чтобы воздержать от преступления. Подобного рода публицистика задавала культурный контекст: поддерживая в сердцах и умах людей постоянное ощущение страха перед Провидением, культивируя с раннего детства систему мыслимых и немыслимых наказаний и воздаяний, религия являлась ключом к гражданскому повиновению и законопослушанию, одним из столпов правосудия. Английский теолог начала XVIII в. Д. Уитби был убежден, что только осознание и ощущение всеведения Бога удерживает человека от следования худшим проявлениям своей греховной природы [1]. В сфере правосудия государство и церковь выработали симбиотические отношения сосуществования: в целях поддержания социального порядка границы между священным и светским, временным и вечным были размыты, священнослужители и судьи работали сообща, сочетая угрозы наказания небесного и земного, чтобы повысить законопослушность подданных и прихожан. В этой подгруппе источников особо следует выделить трактаты, в которых авторы, облеченные священным саном, формулировали теологию тюрьмы – религиозные воззрения, направленные на истолкование заточения как испытания

L., 1709; Bisse T. Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711. Oxford, 1711; Cobden E. The Duty and Reward of Turning Others to Righteousness: A Sermon Preachers to the Societies for the Reformation of Manners. L., 1736; Ballard R. The Necessity of Magistracy from the Vices of Mankind. An Assize Sermon Preached at Kingston Upon Thames. L.,1745; Harvey G. The city remembrancer: being historical narratives of the great plague at London, 1665; great fire, 1666; and great storm, 1703. To which are added, observations and reflections on the plague in general; considered in religious, philosophical, and physical view. With historical accounts of the most memorable plagues, fires, and hurricanes. Collected from curious and authentic Papers, originally compiled by the late learned Dr. Harvey, his Majesty's Physician to the Tower, and enlarged with Authorities of a more recent Date. Vol. 1. L., 1769; Aitkin D. A General Reformation of Manners, the best national defense in the time of danger. A sermon preached on the 28th of February; the day appointed by His Majesty for a public fast. Berwic, 1794 etc.

[1] Whitby D. Six Discourses, Concerning I. Election and Reprobation. II. Extent of Christ's Redemption. III. The Grace of God. IV. Liberty of the Will. V. Defectibility of the Saints. VI. Answer to Three Objections. 1st American ed. Worcester, 1801. P. 179–180.

и искупления [1]. Все библейские цитаты в диссертации даются по синодальному переводу, однако в исследовании также привлекался текст Библии Короля Якова[2], Книга общей молитвы[3] и толкование английского комментатора Библии Мэтью Генри[4].

Религиозная жизнь колоний в конце XVII – первой половине XVIII вв. была более напряженная, если не сказать экзальтированная, нежели в Англии, что нашло отражение в эпохе Великого пробуждения[5]. Несмотря на то, что некоторые проповеди американцев были знамениты по обе стороны океана (к примеру, набат «пробужденца» Джонатана Эдвардса «Грешники в руках разгневанного Бога» и ряд его других работ [6], неоднократно переизданных в Лондоне), в силу объективно ограниченной возможности печати в колониях мы не находим такого объема проповеднической и религиозной литературы, как в метрополии, в указанный период. Одна из самых ранних проповедей, которую нам удалось обнаружить, – «Крик Содома» по случаю смертной казни Б. Гоуда[7],

---

[1] Brewster J. Sermons for prisons. To which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement. Stockton, 1790; Cennick J. The Lost Sheep, Piece of Silver, and Prodigal Son. Being the substance of a discourse. Dublin, 1770; Grey R. The Encouragement to Works of Charity and Mercy, from Christ's Acceptance of Them as Done to Himself. Northampton, 1744; Brewster J. Meditations for penitents: for those engaged in the important duty or self-examination, to which is added, an assize sermon, with an appendix. L., 1813 etc.

[2] The King James Version (KJV), also known as the King James Bible (KJB) or simply the Authorized Version (AV) King James Bible. URL: https://bible.by/kjv/

[3] The Book of Common Prayer, Administration of the Sacraments, and other Rites and Ceremonies of the Church, according to the use of the Church of England: together with the Psalter or Psalms of David, pointed as they are to be sung or said in churches. Cambridge, 1760.

[4] Exposition of the Old and New Testaments. Толкование Мэтью Генри. URL: https://bible.by/matthew-henry/

[5] *Амер*. Great Awakening.

[6] Edwards J. Sinners in the hands of an angry God. A Sermon preached at Enfield, July 8th, 1741. Boston, 1745; Edwards J. The Justice of God in the Damnation of Sinners. A discourse delivered at Northampton, at the Time of the late wonderful Revival of Religion there. Boston, 1773; Edwards J. The Eternity of Hell torments, revised and corrected by Re. C.E. De Coetlogon. L., 1778.

[7] Danforth S. The cry of Sodom enquired into; upon occasion of the arraignment and condemnation of Benjamin Goad, for his prodigious villany. Together with a solemn exhortation to tremble at Gods judgements, and to abandon youthful lusts. Cambridge [Mass.], 1674.

а также проповеди бостонского пуританина И. Мэзера[1]. В XVIII в. таких возможностей становится больше, а сами тексты религиозно-проповеднического характера значительно увеличиваются в объемах. Особенное развитие получили проповеди, предваряющие наказание в форме смертной казни[2]. Несмотря на тот факт, что подобные назидания были традиционным элементом ритуала исполнения высшей меры не только в Великобритании, но и в других странах, американский исследователь Д. Коухен убежден, что именно американские (новоанглийские) проповеди колониального периода являются «самостоятельным литературным жанром, по-видимому, изобретенным пуританами Новой Англии»[3]. В отличие от британских предсмертных увещеваний и назиданий, обычно не превышавших объем в несколько листов, американские могли составить в печатном варианте от 30 до 50 страниц. В публикацию проповеди издатели могли включить в виде предисловия к читателю краткое описание преступления, а также приложения – последняя беседа духовника с осужденным, покаянные письма-обращения к родственникам и членам общины[4]. В первой четверти

---

[1] Mather I. The wicked mans portion, or, A sermon (preached at the lecture in Boston in New-England the 18th day of the 1 moneth 1674, when two men were executed, who had murthered their master): wherein is shewed that excesse in wickedness doth bring untimely death. Boston, 1675; A sermon occasioned by the execution of a man found guilty of murder: preached at Boston in New-England, March 11th 1685/6. (Together with the confession, last expressions, and solemn warning of that murderer, to all persons; expecially to young men, to beware of those sins which brought him to his miserable end) / By Increase Mather, teacher of a church of Christ. Exhortation to a condemned malefactor. Boston, 1686.

[2] Christ's promise to the penitent thief. A sermon preached the Lord's-Day before the execution of Levi Ames, who suffered death for burglary, Oct. 21, 1773 / By Andrew Eliot, D.D. Pastor of a church in Boston. This discourse was preached at the desire of the prisoner, who was present when it was delivered. Boston, 1773; A sermon, preached at Salem, January 16, 1772. Being the day on which Bryan Sheehen was executed, for committing a rape, on the body of Abial Hollowell, the wife of Benjamin Hollowell, of Marblehead / By James Diman, A.M. Pastor of the Second Church in Salem. Salem [Mass.], near the exchange, 1772.

[3] Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly. Vol. 40. 1988. № 2. P. 147.

[4] Sovereign grace displayed in the conversion and salvation of a penitent sinner, set forth in a sermon preached before the execution of Solomon Goodwin, who was executed at Falmouth, November 12, 1771, for the murder of David Wilson, on the 25th of May last. Published at the desire of many who heard it / By Ephraim Clark, of Cape-Elizabeth, and Pastor of the church there. Boston, 1773.

XIX в. появляются первые религиозно-проповеднические тексты пенитенциарной направленности[1].

Вторая подгруппа источников – *эссеистика* – представлена философскими и социально-правовыми трактатами, содержащими как эпизодичные размышления на тему противодействия преступности и совершенствования пенальных практик, так и обстоятельные проекты реформирования системы уголовных наказаний. Многообразные эссе, памфлеты, сочинения и проекты условно можно разделить на консервативные и реформаторские. В ультраконсервативных эссе апологеты «Кровавого кодекса» не только приветствовали ужесточение наказаний и эскалацию высшей меры – смертной казни, но в качестве «совершенствования» законодательства и усиления устрашающего и дидактического эффекта предлагали предварять казнь мучительными пытками, ускорять исполнительное производство и свести к минимуму практику помилования[2]. Сторонники консервативного реформизма – Б. Мандевиль, Д. Дефо, братья Филдинги, У. Пейли, У. Ромейн – не считали сферой своей компетенции изменение существующего уголовного кодекса, но сходились на том, что только неукоснительное соблюдение существующих законов, какими бы суровыми они ни казались, станет эффективным средством превенции преступлений[3].

---

[1] Stanford J. A Catechism for the Improvement of Youth in the State Prison of New York. N-Y., 1814; Stanford J. The Prisoner’s Companion. N-Y., 1827 etc.

[2] См., напр.: Anon. Hanging, Not Punishment Enough, for Murtherers, High-way Men, and House-Breakers. Offered to the Consideration of the Two Houses of Parliament. L., 1701; Ollyffe G. An essay humbly offer'd, for an Act of Parliament to prevent capital crimes, and the loss of many lives; and to promote a desirable improvement and blessing in the nation. L., 1731.

[3] Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L., 1725; Moreton A. [D. Defoe] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. L., 1729; Fielding H. An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751; Fielding H. A proposal for making an effectual provision for the poor for amending their morals, and for rendering them useful members of the society: to which is added, a plan of the buildings proposed, with proper elevations, drawn by an eminent hand. L.,1753; Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thief-takers. to which is Added, Advice to Pawnbrokers, Stable-keepers, and Publicans. L., 1755; Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston,

Апогеем английской консервативной религиозной и правовой мысли XVIII в. стал трактат священника-юриста Мартина Мэдана «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях»[1], опубликованный в 1784 г. Трактат имел весомые последствия: в 1783 г., за год до его публикации, в Лондоне был предан смертной казни 51 преступник, а в 1785 г., через год после триумфальных тиражей памфлета, количество исполнения приговоров к высшей мере наказания возросло почти вдвое[2]. На трактат Мэдана болезненно и эмоционально отреагировал молодой реформатор С. Ромилли, пожелавший остаться анонимным автором[3]. Однако, в отличие от ошеломляющего воздействия на публику трактата Мэдана, эссе Ромилли не имело такого оглушительного успеха и было продано не более ста его экземпляров. Возникает вопрос: какая магия мысли, слова и убеждения были заключены в сравнительно небольшое произведение (объемом 170 страниц текста крупным шрифтом), что, по свидетельству С. Ромилли, «некоторые судьи, и даже правительство, на время вооружились им в своих рассуждениях?»[4]

В сочинениях интеллектуалов-реформаторов вызревали базовые концепты пенитенциарных преобразований, формировалась идеология и практика будущей тюремной реформы. Предложения использовать труд арестантов, базирующиеся на положениях меркантилизма, начиная с XVII в. звучали в трудах Т. Старки, Дж. Беллерса, Дж. Беркли, Дж. Мэсси,

---

1825; Romaine W. A Method for Preventing the Frequency of Robberies and Murders, proposed in a Discourse, Delivered at St. George's Hanover-Square, at St. Dunstan's in the West, and at Several Other Places in London. L., 1754.

[1] Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L., 1785.

[2] Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himselfe. Vol. 1. L., 1840. P. 89.

[3] [Romilly S.] Observations on a Late Publication, Intituled, Thoughts on Executive Justice. L., 1786.

[4] Romilly S. Memoirs of the Life… P. 89.

Дж. Фиджимондса[1]. Идею реформирующей роли христианской религии и пенитенциарного покаяния развивали Дж. Хэнвей, Дж. Говард, Дж. Брюстер[2]. Призыв к широкомасштабной реформе уголовного закона и построению эффективной системы правоохранительных органов находим в произведениях У. Идена, У. Смита, Г. Дагге, С. Ромилли[3]. Труды реформаторов-практиков – Дж. Леруа, Дж. Джебба, Дж. Пола, Т. Бакстона[4],

---

[1] Starkey T. A dialogue between Reginald Pole and Thomas Lupset. L., 1948; Bellers J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, & immorality and of the excellency and divinity of inward light, demonstrated from the attributes of God and the nature of man's soul, as well as from the testimony of the Holy Scriptures. L., 1699; Berkley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife: or, an exhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. L., 1750; Massie J. A plan for the establishment of charity-houses for exposed or deserted women and girls, and for penitent prostitutes. Observations concerning the Foundling-Hospital, shewing the ill consequences of giving public support thereto. Considerations relating to the poor and the poor's-laws of England. L.,1758; Fitzsimmonds J. Free and candid disquisitions on the Nature and Execution of the laws of England, Both in Civil and Criminal affairs. Wherein the End of Laws in general, and how far our Laws are agreeable, or opposite thereto, is impartially considered; the present Inconveniencies attending the municipal Laws of this Country, both as to Theory and Practice, are freely examined, and some Methods are proposed to make them more useful to the Public, and easier to the Subject. With a postscript relating to Spirituous Liquors, and the Execution of the present Excise Laws. L., 1751.

[2] Hanway J. The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. L., 1775; Hanway J. A New Year's Gift to the People of Great Britain, pleading for the Necessity of a more vigorous and consistent Police, the Connextion [sic] of Public Happiness with Religion; and against the Danger of Political Discord. L., 1784; Howard J. An account of the principal lazarettos in Europe: with various papers relative to the plague: together with further observations on some foreign prisons and hospitals, and additional remarks on the present state of those in Great Britain and Ireland. Warrington, 1789; Howard J. An Account of the Prisons, Houses of Correction and Hospitals in London and Westminster. L., 1789; Brewster J. On the prevention of crimes and on the advantages of solitary imprisonment. L., 1792.

[3] Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771; Smith W. Mild Punishments Sound Policy: Or Observations on the Laws Relative to Debtors and Felons, With an Account of the Frauds Practised by Swindlers, Sharpers and Others. Also, Some Clauses Necessary in Any Future Insolvent Act; and a Plan for the Relief of Poor Distressed Families and Others. L., 1777; Dagge H. Considerations on criminal law. Vol. I. L., 1772; Romilly S. Observations on the criminal law of England, as it relates to capital punishments, and on the mode in which it is administered L., 1810.

[4] Leroux J. Thoughts on the Present State of the Prisons of this Country. L.,1780; Jebb J. Thoughts on the Construction and Polity of Prisons, with Hints for Their Improvement. To which is added, an abstract of felonies created by statute, and other articles relative to the penal system. L., 1786; Paul G.O. Considerations on the defects of prisons, and their present system of regulation: submitted to the attention of the gentlemen of the county of Gloster, in the course of their proceedings on a plan of reform. To which are added, some general reflections on the subject; addressed to the members of the legislature. L., 1784; Buxton T.F. An inquiry, whether

создававшиеся в условиях начавшейся реформы, содержат первые критические суждения, попытки скорректировать идеалистические представления интеллектуалов-теоретиков с учетом реалий первых лет реформы – острого дефицита финансов, стабильного преступного рецидива, который ставил под сомнение реформирующий эффект тюремного заключения.

В диссертации рассматриваются такие сочинения, получившие широкую известность, как, например, «Состояние тюрем Англии и Уэльса» Джона Говарда или серия работ о Паноптиконе Джереми Бентама[1], которые, однако, до сих пор полностью не переведены на русский язык. Преобладающая часть материалов из данной группы источников практически не исследованы в России. Наиболее значимые – трактат Дж. Хэнвея «Одиночное тюремное заключение»[2], который М. Фуко считал основой схемы современной тюрьмы-реформатория, «Комментарий к законопроекту о принудительном труде» Дж. Бентама[3], упоминаемые ранее памфлет Б. Мандевилля «Расследование причин участившихся казней в Тайберне», сочинение У. Идена «Принципы уголовного закона»,

---

crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed. L., 1818.

[1] Howard J. The State of the Prisons in England and Wales with the preliminary observations, and .an account. of some foreign prisons and hospitals. 4th ed. L., 1792; Bentham J. Panopticon or, the Inspection-house: containing the idea of a new principle of construction applicable to any sort of establishment, in which persons of any description are to be kept under inspection; and in particular to penitentiary-houses, prisons, poor-houses, lazarettos, houses of industry, manufactories, hospitals, work-houses, mad-houses, and schools: with a plan of management adapted to the principle. In a series of letters, written in the year 1787, from Checheff in White Russia, to a friend in England // The works Jeremy Bentham. Vol. IV. Edinburgh, 1843. P. 37–172; Bentham J. Panopticon versus New South Wales; or, The Panopticon Penitentiary System and the Penal Colonization System Compared, Containing 1. Two Letters to Lord Pelham. 2. Plea for the Constitution, anno 1803, printed, now first published. L., 1812.

[2] Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L., 1776.

[3] Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. L., 1778.

«Руководство для кающихся в тюрьме» Дж. Брюстера и др. – впервые введены автором диссертации в научный оборот в серии статей[1].

Изучить различные срезы общественного мнения помогли источники, принадлежащие авторству малоизвестных или анонимных мыслителей. Расценивая историю литературы как один из способов реконструкции идей и чувств, двигавших людьми прошлых эпох, а также процессов формирования общественного мнения, А. Лавджой «подчеркивал необходимость обратить внимание исследователя на писателей второго и третьего ряда, произведения которых, хотя и не представляют ценности с точки зрения современных эстетических и интеллектуальных стандартов, но могут быть не менее важными для понимания разноуровневого интеллектуального ландшафта эпохи, а с точки зрения его специфики – даже еще более важными, чем шедевры признанных сегодня великими авторов»[2]. Предположим, что воссоздание единого интеллектуально-культурного пространства восприятий феномена преступности и сущности уголовных наказаний не может обойтись без выявления особенностей мировоззрения мыслителей, которых, с подачи А. Лавджоя, можно отнести к публицистам второго и третьего ряда[3]. Несмотря на то что их имена (или подчеркнутая

---

[1] Васильева С.А. Пенитенциарный проект английского просветителя Джонаса Хэнвея // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. Вып. 3. С. 101–112; Ее же. «Проба пера» интеллектуала во власти: неизвестный проект Джереми Бентама // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Сер. Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 115–126; Ее же. Проблемы реформирования английской системы уголовных наказаний в памфлете Б. Мандевиля «Расследование причин участившихся казней в Тайберне» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. Вып. 3 (251). С. 114–120; Ее же. Издание «Проповеди для заключенных» 1790 года как первое руководство для тюремных капелланов // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 278–289; Ее же. Уильям Иден в парламентской борьбе за изменение уголовного закона // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 73. С. 99–111.

[2] Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 253.

[3] Anon. Solon Secundus: or some defects in the English Laws; with their proper remedies. By a hearty Lover of his Country. L., 1695; Braddon L. The Miseries of the Poor are a National Sin ... But by Making them Happy, we shall Remove that Guilt ... and Pay Old Debts without New Taxes, etc. L., 1717; Anon. A Charitable Visit to the Prisons, Containing Suitable and Proper Advice or Counsel to Those who are Confined There. To which are added prayers for the use of prisoners. L., 1725; Reasons against confining persons in prison for debt humbly

анонимность) не остались в истории пенологической мысли, а предложения не блистали оригинальностью, набор представлений, которыми они оперировали, помогает восстановить единый тип «социальной чувствительности», определить взаимосвязь тех идей, которые преобладали в обществе в целом.

Американская эссеистика отличается от британской как манерой письма, так и целевым назначением сочинений и проектов. Для произведений американских интеллектуалов характерен б*о*льший рационализм и практицизм, отсутствие излишней патетики. Даже названия большинства английских трактатов звучат как постановка проблемы, в то время как названия американских – как инструкция к действию. Американские государственные и общественные деятели – У. Бредфорд, Б. Раш, Т. Эдди, Р. Вокс, Дж. Смит, Г. Пауэрс[1]– воплотили теоретические конструкты в практику и описали первый опыт организации пенитенциарной системы на принципах, сформулированных английской общественной мыслью.

Документы государственных, общественных, религиозных и благотворительных организаций, вовлеченных в процессы пенитенциарного реформирования, – третья группа исторических свидетельств. В Великобритании одним из первых филантропических

---

offer'd to the consideration of the Parliament ...: to which is added the case of insolvent debtors now in prison. Westminster, 1729; Hay W. Remarks on the Laws Relating to the Poor / By a Member of Parliament. L., 1751; Scott J. Observations on the Present State of the Parochial and Vagrant Poor. L., 1773; Anon. The Means of Effectually Preventing Theft and Robbery. L., 1783 etc.

[1] Bradford W. An Enquiry how far the Punishment of Death is Necessary in Pennsylvania. With notes and illustrations. To which is added, an account of the goal and penitentiary house of Philadelphia, and of the interior management thereof. Philadelphia, 1793; Rush B. An inquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty. Philadelphia, 1839; Eddy T. An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York. N-Y., 1801; Smith G.W. A Defense of the System of Solitary Confinement of Prisoners. Philadelphia, 1833; Vaux R. Notices of the Original and Successive Attempts to Improve the Discipline of the Prison at Philadelphia and to Reform the Criminal Code of Pennsylvania. Philadelphia, 1826; Powers G. A. Brief Account of the Construction, Management, and Discipline of the New York State Prison at Auburn: Together with a Compendium on Criminal Law. Also, a Report of the Trial of an Officer of Said Prison for Whipping a Convict. Auburn, N-Y., 1826.

обществ стала квакерская организация *Общество улучшения тюремного содержания*. Опубликованные отчеты о работе Общества[1], агитационная литература[2] и практические рекомендации по организации тюремного быта[3] позволяют выявить истоки негосударственного тюремного попечения независимых религиозных объединений. Первые американские организации – филадельфийское *Общество облегчения страданий арестантов*, стоявшее у истоков пенсильванской модели, и *Бостонское Общество тюремной дисциплины*, продвигавшее обернский режим, занимались активной публицистической деятельностью с целью популяризации своих прогрессивных систем тюремного содержания[4]. Пенсильванские и нью-йоркские тюремные реформаторы на полвека превратились в религиозных и политических оппонентов, что находило отражение в разнообразных публицистических источниках, но результатом их полемики становилось постоянное совершенствование своих моделей. Был налажен обмен информацией между Англией и США по вопросам пенитенциарного реформирования, что привело к появлению первых

---

[1] Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, An Account of the Origin and Object of the Society for the Diffusion of Knowledge Upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, L., 1812; Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline. L.,1816; Reports of the Committee of the Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders. 1st–6th. L., 1816–1824 etc.

[2] Tract no. III Of the Society for diffusing Information on the Subject of Capital Punishment and Prison Discipline «On the Effects of Capital Punishment, as applied to Forgery and Theft (including the sentiments of some eminent authors, with some account or recent occurrences and proceedings)». L., 1818; Description of the Tread Mill invented by Mr. William Cubitt of Ipswich, for the employment of prisoners, and recommended by the society for the improvement of prison discipline, Published by The Committee. L., 1822 etc.

[3] Rules for the Government of Gaols, Houses of Correction, and Penitentiaries; to which are Added, Plans of Prisons on Improved Principles; and a Description, with Plates of a Corn Mill and Water Mill, Adapted to the Employment of Prisoners. 2nd ed. L., 1821; Rules and Regulations of the General Penitentiary Millbank. L., 1825 etc.

[4] Reports of the Prison Discipline Society of Boston the Twenty-nine Annual Reports of the Board of Managers, 1826–1854, with a Memoir of Louis Dwight. Vol. 1. Boston, 1855; Act of Assembly Creating the Board of Inspectors of the Philadelphia County Prison with the Rules and Regulations Made by the Board for the Government of the Board and the Prison. Philadelphia, 1846; First annual report of the board of inspectors Philadelphia County prison, under the act of assembly. Harrisburg PA, 1847.

компиляций и сравнительных описаний англо-американских экспериментов в области исполнения наказаний[1].

Четвертая группа – источники, содержащие информацию личного происхождения: мемуары-автобиографии и мемуары современников, биографии, дневники, переписка, воспоминания. В мемуарах и эпистолярном наследии английских активистов пенитенциарных реформ – Дж. Говарда, С. Ромилли, У. Аллена, Э. Фрай[2] – содержатся ценные сведения о первых пенитенциарных экспериментах в Англии, мощной квакерской кампании по популяризации социальных идей, оказавшей влияние в том числе на пенитенциарные реформы Российской империи. Мемуары американских деятелей тюремных реформ позволяют оценить противоречивость первого опыта организации тюремных учреждений нового типа, соотнести утопичные надежды реформаторов и реакцию на сложившиеся реалии[3]. Данный вид исторических свидетельств, несмотря на склонность к тенденциозности, бесценен при реконструкции историко-культурного контекста эпохи.

В материалах этой группы источников можно обнаружить неожиданные подтверждения трансферта основных пенитенциарных концептов, а также истоки первой конструктивной критики и идейного размежевания реформаторов по обе стороны океана. Крупнейший специалист по истории тюремной системы историк Дэвид Ротман,

---

[1] Some Account of the Prison at Philadelphia: Chiefly Extracted from a Late American Publication. L., 1816; Field J. Prison Discipline: And the Advantages of the Separate System of Imprisonment, with a Detailed Account of the Discipline Now Pursued in the New County Gaol, at Reading. Vol. I–II. L., 1848.

[2] Memoirs of the public and private life of John Howard, the philanthropist. Compiled from His Own Diary in the Possession of His Family / by J. B. Brown. L.,1818; John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y., 1850; Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himselfe. Vol. I–II. L., 1840; Memoir of William Allen, F. R. S. / by J. Sherman, minister of Surrey Chapel. L., 1851; Allen W. Life of William Allen. With Selections from His Correspondence. Vol. 1. L., 1846; Fry K. Memoir of the Life of Elizabeth Fry. With extracts from her Journal and Letters. 2nd ed. Vol. I–II. L., 1848.

[3] Knapp S. The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries. N-Y., 1834; Kurtz D.M. Auburn, N.Y.: Its Facilities and Resources. N-Y., 1884.

определяя истоки американской пенитенциарной реформы, назвал ее «явно доморощенной, несмотря на подобие европейским прототипам» [1]. Исследователь убежден, что американские прогрессивные тюрьмы не были «своего рода фруктом», который, будучи культивируемым в одной стране, мог бы рефлекторно быть пересаженным в другое место. Скептически воспринимая гипотезу заимствования идейного содержания реформы, Ротман аргументирует: «Немногие американцы (и очень немногие англичане!) читали Бентама, и еще меньше тех, кто воспринимал его всерьез» [2]. Изучение личной корреспонденции реформаторов позволяет поставить под сомнение заключение историка. Так, Томас Эдди – идейный вдохновитель и первый директор Нью-Йоркского Ньюгейта – в личной переписке упоминает систему «М-ра Говарда» более двадцати раз, размышляет о взглядах Дж. Бентама в отношении бедняков и преступников, ссылается на английских реформаторов С. Ромилли и У. Смита [3]. Американский врач Б. Раш, сооснователь пенсильванской тюремной модели, в своих трудах обращался к опыту английских коллег – Дж. Говарда и Дж. Фозергила [4]. Межконтинентальная переписка сторонников и противников пенсильванского режима одиночного содержания впоследствии была оформлена в виде брошюр информационной и агитационной направленности[5].

Особое место в этой группе источников информации личного происхождения занимают свидетельства духовных лиц – тюремных

---

[1] Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. N-Y., 2002. P. xlv.

[2] Ibid.

[3] Knapp S. Op. cit. P. 38–39, 96, 61,182, 188, 194–198, 360, 368.

[4] Rush B. Op. cit. P. 15–16.

[5] Turnbull R.J. A Visit to the Philadelphia Prison: Being an Accurate and Particular Account of the Wise and Humane Administration Adopted in Every Part of that Building; ... with Observations on the Impolicy and Injustice of Capital Punishments. In a Letter to a Friend. Dublin, 1798; Roscoe W. A brief statement of the causes which nave led to the abandonment of the celebrated system of penitentiary discipline, in some of the United States of America in a letter to the hon. Stephen Allen, of New-York. Liverpool, 1826; Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania, adressed to William Roscoe, Esquire, of Toxteth Park, near Liverpool. Philadelphia, 1827.

священников-капелланов[1], странствующих миссионеров[2], которые оставили подробные описания с включением первых конкретных предложений по изменению общественного отношения к узникам и реформированию тюрьмы как института наказания. Часть зарубежных исследователей убеждены, что тюремные священники сопричастны к коллективному авторству уникального источника эпохи – Ньюгейтского календаря, или «Библии преступного мира», как называли это издание современники[3]. Формат и структура «Ньюгейтского календаря» – справочник о заключенных, содержащий биографические данные арестантов, описание способов совершения преступлений, признания и неизбежные покаяния узников, чья жизнь, как правило, заканчивалась петлей. Изначально истории-исповеди обобщались и публиковались в виде небольших брошюр назидательного характера, а затем продавались на ярмарках и во время публичных казней в Лондоне. Следующим этапом создания «Ньюгейтского календаря» стала деятельность издателя Дж. Эпплби, который в своем журнале «The Original Weekly Journal» регулярно публиковал официальные отчеты Ньюгейтской тюрьмы и сведения о заключенных в ней преступниках. Как издатель криминальных историй, Эпплби обладал негласной монополией на публикацию «правдивых признаний» заключенных, полученных, предположительно, на исповеди ньюгейтскими капелланами. Тиражирование преступных биографий оказалось востребованным на весьма обширном рынке сбыта. Вокруг криминальных

---

[1] Sommers C.G. Memoir of the Rev. John Stanford, D.D., Late Chaplain to the Humane and Criminal Institutions in the City of New-York. N-Y., 1835; Jenks W. A Memoir of the Rev. Louis Dwight, Late Secretary of the Boston Prison Discipline Society, Prepared at the Request of the Society. Boston, 1856; Buried from the world: inside the Massachusetts State Prison, 1829–1831: the memorandum books of the Rev. Jared Curtis / ed. by P. F. Gura. Boston, 2001.

[2] An account of the life, and dealings of God with Silas Told. Written by himself. L., 1805; The journal the reverend John Wesley, A.M., sometime fellow of Lincoln College, Oxford from October 14, 1735, to November 29, 1745. L., 1829; The Works of the Rev. John Wesley: The sixth, seventh, eighth, ninth, tenth, and eleventh numbers of his journal. Vol. II. 1st American ed. N-Y., 1827.

[3] См., напр.: Ward R.M. Print, culture, crime and justice in 18th century London. L., 2014; Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1996.

историй поднялся настоящий общественный ажиотаж, и предприимчивые издатели стали собирать листки в альманахи. В данном исследовании нами привлечены коллекции календаря под редакцией Э. Нэппа и А. Болдуина[1], а также «Полный Ньюгейтский календарь» под редакцией Дж.Л. Райнера и Г.Т. Крука[2]. Данный источник требует осторожного отношения, так как может содержать выдуманные эпизоды, включенные издателями ради повышения привлекательности псевдо-детективного чтива. Соотношение криминальных историй с официальными материалами Олд-Бейли помогает отделить от вымысла реальные биографические данные.

Американская публицистика колониального периода не осталась в стороне от пристрастия к данному жанру, вызывающему такую эмоциональную ажитацию у читателей метрополии. Пуританский проповедник К. Мэзер известен как автор компилированных изданий, посвященных «громким» преступлениям. Текст, построенный по принципу предсмертной проповеди, включал большое количество повествовательных элементов: условия совершения преступления, элементы следствия и дознания, заключительный разговор между преступником и его духовником, описание непосредственной казни, в которой оценка поведения осужденного вызывала очередную серию библейских аллюзий и этических сентенций[3]. Тиражирование преступных биографий в прозе и поэзии – рассказов о пиратах и разбойниках с большой дороги, убийцах

---

[1] The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp and W. Baldwin. In 5 vols. L. 1824–1828.

[2] The Complete Newgate Calendar / ed. by J.L. Rayner, G.T Crook. In 5 vols. L., 1926.

[3] Mather C. Instructions to the living, from the condition of the dead. A brief relation of remarkables in the shipwreck of above one hundred pirates, who were cast away in the ship Whido, on the coast of New-England, April 26. 1717. And in the death of six, who after a fair trial at Boston, were convicted & condemned, Octob. 22. And executed, Novemb. 15. 1717. With some account of the discourse had with them on the way to their execution. And a sermon preached on their occasion. Boston, 1717; Mather C. The vial poured out upon the sea. A remarkable relation of certain pirates brought unto a tragical and untimely end. Some conferences with them, after their condemnation. Their behaviour at their execution. And a sermon preached on that occasion. Boston, 1726.

и ворах, их жизни и, как правило, драматической смерти[1], – свидетельствует о том, что колонистам был не чужд этот концепт английской популярной культуры рассматриваемого периода.

Восстановить картину условий тюремного заключения глазами осужденных помогли публикации биографического и эпистолярного характера, созданные или приписываемые узникам[2]. Одна из уникальных находок – петиция «Пятьдесят девять наставлений для исправления положения» к Парламенту Джорджа Фокса[3], написанная во время одного из его многочисленных тюремных сроков, которую современные историки считают самой политически радикальной брошюрой лидера квакеров. Известно, что парламент так и не рассмотрел петицию, документ затерялся в архивах, где был «случайно» обнаружен историками спустя столетия. Полностью «Пятьдесят девять наставлений» были опубликованы только в XXI в. Предложения Фокса Парламенту содержат конкретные

---

[1] Anon. The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. Boston, 1732; The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. Boston, 1773; Some account of John Burns, John Logan, John Ferguson, John Bennet, And Daniel Cronan, who were executed upon the commons in the city of Philadelphia, on Monday the 12th of October, 1789, for the murder and robbery of John M'Farland. Philadelphia, 1789.

[2] Pitt M. The cry of the oppressed being a true and tragical account of the unparallel'd sufferings of multitudes of poor imprisoned debtors in most of the gaols in England ... together with the case of the publisher. L., 1691; A short history of the life of Major John Bernardi, written by himself in Newgate, where he has been for near 33 years a prisoner of state, without any allowance from the government, and could never be admitted to his tryal. L.,1729; Besse J. A Collection of the Sufferings of the People Called Quakers, for the Testimony of a Good Conscience, From the Time of Their Being First Distinguished by that Name in the Year 1650, to the Time of the Act, Commonly Called the Act of Toleration, Granted to Protestant Dissenters in the First Year of the Reign of King William the Third and Queen Mary, in the Year 1689. Vol. I. L., 1753; Inside Out or An Interior View of the New-York State Prison; Together with Biographical Sketches of the Lives of Several of the Convicts / By One Who Knows. N-Y., 1823; The Sword of Justice Wielded by Mercy: A Dialogue Between the Inspectors of the State Prison, in New-York, and a Convict on the Day of His Liberation. N-Y., 1822; Extract of a letter from a Convict on the penitentiary system // Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania… P. 15.

[3] Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty-nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. URL: http://universalistfriends.org/quf2002.html

практические меры кардинального исправления положения арестантов. Несмотря на то что узники были крайне пристрастны в оценке своего наказания, объединяющей темой практически для всех источников были вопросы организации тюремного быта и особенности поведения тюремной администрации. Впоследствии эти проблемы оформились в концептуальные направления будущей пенитенциарной реформы: обеспечение достойных условий содержания и кодекс поведения тюремных служащих, основанный на соблюдении прав человека.

Таким образом, источники личного происхождения различаются по идеологическим и теологическим взглядам, профессиональной специфике и литературному дару. Отражая авторскую точку зрения, они почти всегда субъективны, однако незаменимы для историка, задавшегося целью восстановить интеллектуальную культуру эпохи. Круг источников был расширен за счет прессы и популярной публицистики, а также шедевров литературно-художественного творчества. В их числе произведения Д. Дефо, Б. Мандевиля, Г. Филдинга, Ч. Диккенса, В. Гюго[1] и др.

Огромную роль в восприятии и понимании темы сыграли визуальные образы, которые можно обособить в отдельную группу источников. В XX в. произведения живописи, гравюры, карикатуры, относящиеся к рассматриваемому периоду, были собраны искусствоведами в путеводители и сборники[2], из которых особо необходимо выделить уникальную тематическую коллекцию «Криминальный Лондон» под

---

[1] Дефо Д. Радости и горести знаменитой Молль Флендерс / пер. А. Франковский. М., 1991; Defoe D. The true and genuine account of the life and actions of the late Jonatan Wild, not made up of fiction and fable, but taken from his own mouth, and collected from papers of his own writing. L., 1725; Mandeville B. The Fable of the Bees: Or, Private Vices, Publick Benefits. With an Essay on Charity and Charity-schools. And a Search into the Nature of Society. To which is Added a Vindication of the Book from the Aspersions. L., 1724; Фильдинг Г. История Тома Джонса найденыша. М., 1973; Гюго В.М. Последний день приговоренного к смерти // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1988; Диккенс Ч. Американские заметки // Собр. соч. Т. 9. М. 1958.

[2] См., напр.: Дукельская Л.А. Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М. ; Л., 1966; Лондон в гравюре конца XVII – первой половины XIX века. Л., 1984; English political caricature. A study of opinion and propaganda / G.M. Dorothy. Vol. 1: To 1792. L., 1959.

редакцией Марка Гербера[1]. Созданные в XXI в. массивы электронных копий[2] визуальных исторических источников, доступные для широкого использования, значительно расширяют инструментарий современного историка и позволяют реализовать новые возможности реконструкции прошлого. К таким образам можно отнести произведения живописи и гравюры XVIII–XIX вв.[3], иллюстрации к книгам и эссе, карикатуры[4]. Визуальные образы, которые отличает «мгновенная апелляция» к эмоциям смотрящего, позволяли расширить аудиторию, заинтересованную в реформе, раскрыть или дополнить нарративные образы. Настоящим трендом пореформенной эпохи стали эксперименты с тюремной архитектурой, призванной решить обозначенные интеллектуалами проблемы – контроля, рентабельности и достижения эффекта исправления осужденного – за счет эргономичной организации пенитенциарного пространства. В ходе реформы свои чертежи и планы представляли как именитые английские и американские архитекторы, такие как У. Блэкберн, Дж. Леруа, Дж. Колл, Т. Харрисон, У. Старк, Дж. Нэш, Дж. Хэвиленд и др., так и рядовые землемеры[5]. Особенность проектов состояла в том, что архитектор планировал не здание, а целый тюремный комплекс с включением всех необходимых объектов (часовня, больница, прачечная, мастерские),

---

[1] Criminal London: a pictorial history from medieval times to 1939 / ed. M.D. Herber. Chichester, West Sussex, 2002.

[2] См., напр.: https://www.lookandlearn.com/ Historical Picture Archive, History Images, Vintage Pictures & Illustrations Look and Learn; https://artchive.ru/ Артхив – Социальная сеть художников и ценителей искусств; https://gallerix.ru/ Живопись, картины и художники – онлайн-музей Gallerix; https://www.oldbaileyonline.org/static/Publishinghistory.jsp – коллекция визуальных материалов Олд-Бейли и др.

[3] См. в приложении: У. Хоггарт «Тюрьма Флит-стрит». Седьмая (из восьми) гравюра из серии Хогарта «Карьера мота». Стала основой для картины маслом; Ф. Уитли «Говард освобождает заключенного», У. Блейк «Наказание воров» и др.

[4] См., напр.: Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline. L., 1816. P. 6; Howard J. The State of the Prisons in England and Wales… P. 20, 37, 58, 62, 76, 92, 94, 111, 114.

[5] Remarks on the form and construction of prisons. With appropriate designs. Illustrated by Engravings. Published by the Committee of The Society for The Improvement of Prison Discipline, &c. L., 1826; English Prisons: An Architectural History / by A. Brodie, J. Croom and J. O'Davies. Swindon, 2002.

воплощая в возможностях архитектуры философию пенитенциарной реформы. М. Фуко уделял пристальное внимание изучению документов, касающихся планировки тюремных зданий и организации надзора и распорядка дня в них, утверждая, что пенитенциарная система «соединяет в одном образе дискурсы и архитектуры, принудительные правила и научные предложения, реальные социальные последствия и непобедимые утопии»[1], поэтому следует изучать не только выразительные возможности таких текстов, но и модальности их существования.

Свидетельства шестой группы источников можно одновременно отнести к первой историографии проблемы, так как они выходят за верхнюю хронологическую границу исследования: это описания англо-американского опыта пенитенциарного реформирования, в которых предприняты попытки критического осмысления итогов первых десятилетий реформы, а также анализ возможности воспроизведения модерновых практик уголовного наказания в европейских странах и Российской империи[2]. Частично были привлечены архивные фонды Государственного архива Российской империи (ГАРФ) – фонд 122 «Главное тюремное управление при Министерстве юстиции» и фонд 123 «Общество попечительное о тюрьмах». В материалах фонда 122 отложились дела, содержащие сведения о подготовке и результатах отечественной пенитенциарной реформы 1879 г., представлена информация по изучению англо-американского опыта, участию российской делегации в международных пенитенциарных конгрессах конца XIX начала – XX вв. В фонде 123 сосредоточены документы по организации тюремного попечительства в Российской империи, которое возникло под влиянием и

---

[1] Фуко М. Указ. соч. С. 330.

[2] Beaumont, G. de Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France. Philadelphia, 1833; Report on the International Penitentiary Congress of London, held July 3–13, 1872. Washington, 1873; Transactions on the National Congress on Penitentiary and Reformatory Discipline held at Cincinnati, Ohio. Albany, 1871; John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y., 1850.

при непосредственном участии активных деятелей английского Общества улучшения тюремного содержания.

В целом источниковая база диссертационного исследования характеризуется наличием большого числа разнопрофильных и репрезентативных документальных материалов, критический анализ которых позволил решить исследовательские задачи настоящей диссертации.

1.2. Освещение проблемы в зарубежной историографии

Интерес к реформе английского уголовного закона последней четверти XVIII – начала XIX вв. возник у современников практически сразу после ее реализации. Авторитетный английский правовед XIX в. сэр Дж. Стивен вынес суровый вердикт уголовному праву XVIII в., назвав систему «тощей и покрытой морщинами», а законодательство «Кровавого кодекса» самым нелепым, безответственным и самым жестоким позором цивилизованной страны[1]. В XIX в. англичане действительно испытывали гордость за обновленную систему права и определенные успехи в борьбе с преступностью. Так, в 1834 г. периодическом издании «Журнал Фрэйзера для города и деревни» появился очерк «По следам "Истории разбойников"», в котором неизвестный автор в рамках рецензии на книгу «Жизнь и деяния знаменитых английских разбойников, пиратов и грабителей» Чарльза Уайтхеда предпринял попытку критического разбора материалов судебных заседаний Олд Бейли и Ньюгейтского календаря. Сетуя на вопиющие социальные контрасты, которые щедро являла современная ему лондонская действительность, автор очерка с плохо скрываемой гордостью все же признавал *прогресс*, достигнутый XIX столетием в плане улучшения криминогенной обстановки

[1] Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц-Стифена / пер. В. Спасовича. СПб., 1865. С. 85.

в мегаполисе: «В каменных стенах зданий более не отдаются гулким эхом грохот выстрелов и душераздирающие стенания, по дорогам не льются реки крови, все реже тротуары украшает месиво из выбитых мозгов, а жестокие сцены насилия испарились, как ночные призраки в ослепительном свете дня»[1].

Не удивительно, что первыми научный интерес к поставленной проблеме проявили именно юристы-правоведы, которые рассматривали пенитенциарные реформы и реформу полиции, растянувшиеся на весь XIX в., как закономерный итог трансформации и модернизации законодательной системы. Первые научные изыскания проблем преступности XVIII в. появились уже в середине XIX столетия, и следовали они традиции историописания, которую позднее назовут «вигским нарративом». Придерживаясь концепции историка Т.Б. Маколея, уверенного в постоянном движении английской истории и права по пути прогресса, современники королевы Виктории представляли изменения в уголовном кодексе Англии как восхождение от жестоких практик Тайнберна и кровавых статутов к цивилизованному законодательству и усовершенствованной системе правоохранительных органов. В таком ключе выдержаны работы Л.О. Пайка и П. Фитцджеральда[2]. Авторы высоко оценили деятельность братьев Филдингов в середине XVIII в., которые, по их искреннему убеждению, бросили вызов растущей преступности в Лондоне, вступили в отважную борьбу и положили начало созданию эффективной системы полиции. Пенальные практики отдельно в исследованиях историков не рассматривались, а реформированная тюремная система представлена как приложение к обновленному законодательству.

---

[1] Hints for a History of Highwaymen // Fraser’s magazine for town and country. Vol. IX: January to June. L., 1834. P. 274.

[2] Pike L.O. A History of Crime in England. Illustrating the Changes of the Laws in the Progress of Civilisation. Vol. 2: From the Accession of Henry VII to the Present Time. L., 1876; Fitzgerald P. Chronicles of the Bow Street Police-office. In 2 vols. L., 1888.

Во второй половине XIX в. статус отдельной отрасли социального знания приобрела *пенология*, под которой принято понимать как *учение об исполнении наказаний*, так и *научную дисциплину*, цель которой – на эмпирической основе разрабатывать оптимальные санкции наказания с целью исправления и ресоциализации преступника. Международные тюремные конгрессы, стартовавшие в Лондоне в 1872 г., стали интернациональной научной площадкой для исследователей-пенологов и практиков-пенитенциаристов. После I Лондонского конгресса депутация от английского Общества социальных наук во главе с Дж.С. Пакингтоном и Г.В. Гастингсом выступила с инициативой назначить королевскую комиссию для исследования тюремного вопроса [1]. С этого момента английская пенология развивалась как подраздел криминологии, а ее объектом стало изучение теории и практики исполнения уголовных наказаний. По сложившейся в ходе первых конгрессов традиции, все институциональные изменения в системе исполнения уголовных наказаний в странах Европы и Америки получили собирательное название *пенитенциарные реформы*. В истории права такие реформы рассматривались и рассматриваются как единый общеевропейский процесс, порожденный Просвещением и секуляризацией. В выступлениях докладчиков конгресса, многочисленных посвящениях и прениях почетное первенство первых исследователей-пенологов прочно закрепилось за итальянцем Ч. Беккариа и англичанами Дж. Говардом и Дж. Бентамом, что не только установило жесткую хронологическую веху начала реформ, но и исключило из исследовательского поля богатое идейное наследие английских интеллектуалов предшествующего периода.

Тем не менее, в отличие от российской исследовательской практики, в рамках которой вплоть до конца XX в. вопросом становления тюрем занимались исключительно правоведы, криминологи и пенологи, в англо-американской *исторической науке* этот вопрос становится предметом

[1] Мишле Э.И. Второй международный конгресс. СПб., 1878. С. 63.

первых серьезных изысканий уже в начале XX в. Традицию «вигского нарратива» в изучении вопросов преступности и становления правоохранительных органов продолжили супруги Сидни Джеймс и Беатриса Уэбб. Их исследование «Английские тюрьмы и местное самоуправление»[1] считается в зарубежной историографии научным апогеем вигской методологии и первой серьезной попыткой проанализировать происхождение современной тюрьмы. По убеждениям авторов, британские пенитенциарные реформы, давшие импульс реформам уголовного законодательства на континенте, – кульминация прогрессивного движения за модернизацию и гуманизацию средневековой тюрьмы. Изменение парадигмы правосудия – уход с исторической сцены эшафота и телесных наказаний, вытеснение карательных практик просвещенными альтернативами – стало возможным благодаря теоретикам-интеллектуалам Беккариа и Бентаму, филантропам-практикам Дж. Говарду, Э. Фрай[2]. Особых панегириков удостоен, безусловно, Говард, который представлен как «вдохновленный евангельской верой» борец за облегчение страданий узников[3]. Такая увлеченность Уэббов идеей прогресса неизбежно вытекала из их политических пристрастий: будучи основателями Фабианского общества, они верили в успех постепенных институциональных усовершенствований общественных институтов и торжество моральных ценностей. Поэтому «рождение тюрьмы» в их сочинении выглядит утопично, но привлекательно: от мрачных «юдолей скорби и страданий» к комфортным пенитенциариям, от жестоких тюремщиков-спекулянтов к строгим государственным служащим. Работа Уэббов стала, по сути, первым историческим исследованием английской тюрьмы, заложив основу, от которой отталкивались последующие работы.

---

[1] Webb S. and Webb B. English Prisons under Local Government. L. and N-Y., 1922.
[2] Ibid. P. 18.
[3] Ibid. P. 32–33.

Еще одним монументальным классическим трудом в западной историографии считают пятитомник «История английского уголовно-исполнительного права с 1750 года»[1] польско-британского исследователя Леона Радзиновича. Историкам лестно видеть такого специалиста в своих рядах, однако в пенологии Радзинович не менее известен фундаментальной работой на польском языке «Основы науки о тюремном заключении»[2]. Проблеме институциональных изменений в системе исполнения наказаний посвящен первый том «Истории…» Радзиновича. Скрупулезно исследуя причины упадка высшей меры наказания – смертной казни, историк подробно описал возможные альтернативы и сделал вывод о том, что реформа вызвана не столько просвещенческим оптимизмом, сколько системным кризисом действующей системы наказания. Сочетая методологические принципы исторического и правового исследования, Радзинович определил сущность пенитенциарных преобразований в отмене устаревших правовых норм и совершенствовании института наказания. Для исследователя британские идеологи тюремной реформы У. Иден, С. Ромилли, Дж. Бентам и их континентальные единомышленники – Ш. де Монтескье, Ч. Беккариа, Вольтер – прагматики-утилитаристы, установившие в своих трудах «правила игры» для уголовного законодательства будущих поколений. Джон Говард позиционируется как «человек исключительных моральных качеств» и «первое величайшее имя в пенологии»[3]. Подобная система взглядов в целом характерна для современной классической школы уголовного права.

Первые научные труды по истории американских пенитенциарных экспериментов, созвучные направлению «вигского нарратива», принадлежат историку-криминологу Гарри Барнсу[4] и пенологу-

---

[1] Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N-Y., 1948.

[2] Rabinowicz L. Podstawy nauki o więziennictwie. Warszawa, 1933.

[3] Radzinowicz L. A history of English criminal law… P. 13.

[4] Barnes H.E. The Evolution of Penology in Pennsylvania. A Study in American Social History. Indianapolis, 1927; Barnes H.E. A History of the Penal, Reformatory and Correctional

правозащитнику Орландо Льюису[1]. Авторы рассматривают американское правосудие с колониального периода, выделяют отличия и особенности уголовных уложений различных колоний, которые, по их мнению, оказали определенное влияние на складывание первых пенитенциарных моделей. Барнс приводит свидетельства постоянных контактов филадельфийцев с английскими интеллектуалами по вопросам пенитенциарных преобразований и последовательно проводит мысль о преемственности основных концептов реформы [2]. Альтернативной точки зрения придерживается Н.К. Титерс, чье произведение «Колыбель пенитенциария: тюрьма Уолнат-стрит в Филадельфии» можно уверенно отнести к классической традиции историописания становления современной системы наказаний. Автор убежден: пенсильванская модель тюремного содержания – «абсолютно американский институт». В исследовании представлен подробный анализ законодательства колониальной Пенсильвании, с отражением ведущей роли квакеров в становлении пенсильванской правовой традиции, дана высокая оценка деятельности первого *Общества облегчения страданий арестантов*, наследник которого – Тюремное общество Пенсильвании выступило спонсором самой книги Н. Титерса[3]. Поэтому безграничная вера в гуманистические и христианские мотивы первых пенсильванских реформаторов есть не только классическое восприятие пенитенциарных реформ, но и тенденциозность, вызванная лояльностью к заказчику. Не свободна от пристрастных оценок и работа О. Льюиса, который создавал ее, занимая должность генерального секретаря Ассоциации тюрем Нью-Йорка, что объясняет особое внимание к «корпоративной» истории

Institutions of the State of New Jersey Analytical and Documentary. Trenton, 1918; Barnes H.E. Historial Origin of the Prison System in America // Journal of Criminal Law and Criminology. Vol. 12. 1921. Iss. 1. P. 35–60.

[1] Lewis O.F. The development of American prisons and prison customs, 1776–1845: with special reference to early institutions in the state of New York. Albany, 1922.

[2] Barnes H.E. Historial Origin… P. 43–46.

[3] Teeters N.K. The Cradle of the Penitentiary: The Walnut Street Jail at Philadelphia, 1773–1835. Sponsored by Pennsylvania Prison Society. Philadelphia, 1955.

институционализации органов тюремного управления и постпенитенциарного патроната в штате.

Обстоятельный историко-экономический анализ системы арестантского труда от колоний до штатов предпринял Г. Джексон[1]. Исследование отмечено верой автора в торжество прогресса и постоянное совершенствование пенитенциарных институтов, возникших в ходе реформ, система исправительного труда признана самым эффективным средством пенитенциарного исправления, намечены пути дальнейшего совершенствования тюремной политики: укрепление системы государственных заказов, увеличение заработной платы осужденным, организация трудовых и производственных ассоциаций, ставка на возможность получения профессионального образования в тюрьме.

В XX в. классическая «линейная» история англо-американской тюрьмы подверглась нескольким ревизиям в зарубежной историографии. Идеологические, правовые, экономические и социальные предпосылки «больших скандалов в традиционном правосудии», их практическая реализация, биографии знаменитых реформаторов и филантропов рассматривались историками, философами, криминологами и социологами с применением весьма разнообразных исследовательских методологий. Вигская аргументация воспринимать историю государственных и общественных институтов как непрерывный прогресс утратила убедительность. Значительная политизация истории в период между двумя мировыми войнами, возросшее внимание к социально-экономическим факторам привели к переоценке истоков и смысла большинства государственных и социальных институтов. Кроме того, считать *тюрьму* одним из достижений научной мысли и интеллектуальной культуры эпохи Просвещения в середине XX в. было не так уместно, как столетие назад,

---

[1] Jackson H.T. Prison Labor // Journal of Criminal Law and Criminology, Vol. 18. 1927. Iss. 3. P. 218–268.

когда современники гордились резким контрастным отличием своего времени от предшествующей эпохи «Кровавого кодекса».

Первое поколение ревизионистов, используя марксистскую теорию классового конфликта, описывает английскую реформу уголовного закона и последующие пенитенциарные преобразования как процесс, основанный на конфликте классов. Последователи этой теории видят причину возникновения преступности в классовом расслоении общества и насильственном присвоении бедными средств к существованию. Система становления принудительного труда в форме каторги, ссылки, галер и работ в условиях длительного тюремного заключения рассматривается как закономерный итог развития капитализма в странах Европы – один из источников трудовых ресурсов[1]. Самым, пожалуй, экономико-ориентированным исследованием природы наказания стала работа «Наказание и социальная структура» немецких криминолога и политэконома Г. Руше и юриста О. Кирчхеймера [2], которые утверждали, что становление современной тюрьмы подчинено неумолимым экономическим законам. Следует отметить, что в западной историографии марксистскому подходу к анализу экономических причин трансформации уголовного правосудия уделяется несколько меньше внимания, нежели в советской: критически воспринимая марксистские тезисы, эту теорию трактуют как одну из многообразных вариаций социологического направления в криминологии. Анализ тюремной модели Оберна с позиций экономической эффективности представлен в американском исследовании У.Д. Льюиса «От Ньюгейта до Даннемора: становление пенитенциариев Нью-Йорка» [3]. Сфокусировав внимание на рентабельности нью-йоркской модели как главной причины ее многократного воспроизведения сначала в Америке, потом в Европе, Льюис

---

[1] Melossy D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. L., 1981. P. 13–16; Langbein J.H. The historical origins of the sanction of imprisonment for serious crime // The Journal of Legal Studies. 1976. № 1–1. P. 35–60.

[2] Rusche G., Kirchheimer O. Punishment and Social Structure. N-Y., 1939.

[3] Lewis W.D. From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1796–1848. Ithaca, 1965.

подробно описал становление режима исправительного труда в пенитенциариях, обратил внимание на то, как пенитенциарий может стать градообразующим предприятием. Примечательно, что историк одним из первых подчеркнул значение социокультурного контекста, представил обернскую систему как отражение политических, экономических и культурных трендов Джексоновской Америки.

Одна из наиболее цельных и разработанных концепций становления института тюрьмы в западном обществе была предложена сторонниками *теории социального контроля*. В основу этой теории заложен опять-таки марксистский тезис о классовом конфликте, но его развитие в трудах специалистов в области гуманитарного знания проходило под влиянием постмодернистских методологических новаций второй половины XX в. В 1975 г. на французском языке, а в 1977 г. – на английском вышла знаменитая работа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [1]. По мнению мыслителя, тюремными реформаторами XVIII–XIX вв. двигал не гуманизм, а стремление к социальному контролю, в то время как тюрьма стала одним из важнейших дисциплинарных институтов, с помощью которого власть этот контроль реализовывала. Американский историк-криминолог Д. Ротман дал следующую оценку вклада Фуко в разработку проблемы: «Фуко был философом-моралистом, для которого собственная реконструкция исторического процесса стала текстом, на основе которого он построил ряд дискурсов о природе и функционировании авторитета власти в западной цивилизации. Он не был историком ни по темпераменту, ни по образованию, ни на практике – то есть он не только избегал архивных изысканий, но и уделял мало внимания нюансам времени … или нюансам места (как будто весь мир был Францией). Однако, пожалуй, самым вопиющим его недостатком было нежелание отличать риторику от реальности. Для Фуко мотив имел большее значение, чем практика». Несмотря на явный критицизм, Ротман придавал большое

[1] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2021.

значение работе Фуко, верно отметив, что хотя тот не был историком ни по образованию, ни по призванию, но задал мощный импульс ревизионистам «…и исследователи в различных дисциплинах, включая не только историю и социологию, но также литературу и архитектуру, вдохновились последовать его примеру»[1].

К фундаментальным работам ревизионистов – сторонников теории социального контроля относятся работы М. Игнатьева, Р. Эванса, Д. Ротмана, Б. Маккелви, П. Рока [2]. В этих произведениях англо-американская тюрьма из просвещенческого гуманистически-ориентированного социального конструкта трансформировалась в суровый дисциплинарный проект. Ревизионисты утверждали, что мотивы реформаторов и содержание английской тюремной реформы конца XVIII в. были более сложными, чем простое отвращение просветителей к средневековой жестокости или стремление к нравственному усовершенствованию общества. Многократное цитирование сделало метафоричным исследование канадского историка М. Игнатьева «Справедливая мера страданий: тюремная система в индустриальной революции 1750–1850» [3]. Предположив, что так называемые «гуманистические мотивы реформы» были всего лишь маскировкой глубокого социального кризиса, выразившегося в стремлении среднего класса доминировать над стремительно выходящим из-под контроля рабочим классом, он представил «поверхностный гуманитарный импульс» реформ как «доминирование разума» в попытке удержать господство

---

[1] Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. N-Y., 2002. P. xix.

[2] Ignatieff M. A Just Measure of Pain: The Penitentiary in the Industrial Revolution 1750–1850. N-Y., 1978; Evans R. The Fabrication of Virtue: English Prison Architecture, 1750–1840. Cambridge, 1982; Rothman D.J. Conscience and convenience: The asylum and its alternatives in progressive America. Boston, 1980; McKelvey B. American Prisons: A History of Good Intentions. Montclair, N.J., 1977; Rock P. Law, Order and Power in Late Seventeenth and Early Eighteenth Century England // Social Control and the State: Historical and Comparative Essay / ed. S Cohen, A Scull, L., 1983. P. 191–221 etc.

[3] Ignatieff M. Op. cit.

правящих классов[1]. Игнатьев настаивает на том, что главной задачей реформаторов XVIII в. было «вывести из наказания устрашение»[2]. Кроме того, тюремное заключение, по сравнению со зрелищным карательным правосудием предшествующих веков, обеспечивало беспрецедентный контроль государства за правонарушителем, позволяя регулировать «справедливую меру страдания», включенного в исполнение наказания, свободного от общественного наблюдения[3]. В таком контексте историк выделяет утилитарные намерения реформаторов причинить «тщательно выверенное и научно обоснованное страдание»[4]. Таким образом, в трудах сторонников дисциплинарной модели власти тюрьма – воплощение «иерархического, размеренного и благочестивого социального порядка», представлена как «функциональный ответ на конкретный институциональный кризис».

Интересно наблюдать, как в исследованиях ревизионистов панегирики в отношении просветителей-гуманистов, воспламененных евангельским духом христианского милосердия, уступили место критике, иногда весьма суровой. Р. Купер, например, охарактеризовал Дж. Говарда как «узколобого, нетерпимого, эгоцентричного, деструктивного и, возможно, умалишенного религиозного фанатика», который «провалил» движение за тюремную реформу[5]. А исследователь Р. Морган в провокационной работе «Божественная филантропия. Джон Говард: пересмотреть» убежденно доказывал, что усилия Говарда в отношении узников «породили бо́льшую жестокость, страдания и порок, нежели то, что он пытался своими действиями предотвратить»[6].

---

[1] Ibid. P. 207–215.

[2] Ibid. P. 75.

[3] Ibid. P. 90

[4] Ibid. P. 73.

[5] Cooper R.A. Ideas and their execution: English prison reform // Journal of eighteenth-century studies. 1976. № 10. P. 75.

[6] Morgan R. Divine philanthropy. John Howard: reconsidered // The Journal of the Historical Association. Vol. 62. 1977. № 206. P. 391.

Упоминаемый выше специалист по истории тюрьмы Ротман, развивая теорию социального контроля на американском материале, расширил сеть «контролирующих» учреждений, уделив особое внимание психиатрическим лечебницам, приютам для бездомных и исправительным домам (брайдуэллам), куда удаляли девиантов на принудительные работы, начиная с колониальных времен. Следует отметить, что в американской историографии данная концепция в конечном итоге оказалась более популярной и востребованной. Интересный анализ соотношения «тела» и «текста», построенный на методологии и терминологиии М. Фуко, представила К. Марвин. Анализируя систему управления, в том числе правосудия, в колониальный период, автор приходит к выводу, что те, кто владели «текстом» («представители религиозно-политического истеблишмента»), «освобождались от необходимости тратить свое тело в погоне за социальными ресурсами», т. е. имели наибольшее право на сохранение своего тела и защиту его от физических усилий и опасностей. Напротив, «тело» являлось эмблемой тех, «у кого не было текстовых полномочий», а у «текстового класса» была власть «распоряжаться телами и жизнями нетекстового класса»[1].

Появление междисциплинарного научного направления – гендерной истории – придало «теории социального контроля» новое звучание. Полемизируя с М. Фуко с феминистических позиций, С. Бартки обратила внимание на тот факт, что «тело» наказуемого представлено им без определяющих половых признаков, а это, на ее взгляд, существенно искажает анализ[2]. Американская гендерная пенитенциарная история – одна из самых научно проработанных: тюремная система, возникшая в ходе реформ, позиционируется как особый механизм контроля женщин

---

[1] Marvin C. Space, Time, and Captive Communications History // Communications in Transition: Issues and Debates in Current Research / ed. M. Mander. N-Y., 1983. P. 20–38.

[2] Bartky S.L. Foucault, Femininity, and the Modernization of Patriarchal Power // The Politics of Women’s Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior, 3rd ed. / ed. by R. Weitz. N-Y., 2010. P. 76–98.

девиантного поведения, не вписавшихся в патриархальное общество, не ставших послушными жен и недостойных матерей[1].

Таким образом, первая волна ревизионизма, увенчавшаяся целой серией междисциплинарных исследований в области пенитенциарной истории, социологии и криминологии, оказалась, по сути, не менее идеологична, чем вигизм, который ревизионисты критиковали за тенденциозный гуманизм и просвещенческий оптимизм. В последней четверти XX в. в зарубежной историографии зародилась тенденция подвергать конструктивной критике те положения теорий марксистской направленности, которые объясняли рост преступности в XVIII в. борьбой классов, а переход к новой системе уголовных наказаний – закономерным итогом развития капитализма[2]. В 1981 г. упомянутый М. Игнатьев выступил с аналитической статьей, в которой назвал подход ревизионистов упрощенным (подвергая критике в том числе свои ранние работы), а понятийный аппарат – утилитарным. «Историческая реальность, – пишет Игнатьев, – гораздо сложнее, а реформаторы – более гуманны, чем представляли ревизионисты, а классовые различия весьма условны»[3]. Игнатьев призвал к *новой социальной истории* и пересмотру устоявшихся взглядов на становление системы наказания.

Вторая волна ревизионизма весьма условна, ее представителей объединяет приверженность принципам историзма и всесторонности научного анализа. Классик британской социальной истории Дж. Тревельян, будучи убежденным, что «так как до сих пор слишком много было написано

---

[1] См., напр.: Rafter N.H. Partial Justice: Women, Prisons, and Social Control. New Brunswick, 1990; Karlsen C.F. The Devil in the Shape of a Woman. N-Y., 1987; Dobash R.P., Emerson R., Gutteridge S. The Imprisonment of Women. N-Y., 1986.

[2] Platt A.M. Rethinking and unthinking «social control» // Inequality, Crime and Social Control / ed. by G.S. Bridges, M.A. Myers. Oxford, 1994. P. 72–79; Weiss R.P. Humanitarianism, Labour Exploitation, or Social Control? A Critical Survey of Theory and Research on the Origin and Development of Prisons // Social History. Vol. 12, 1987. Iss. 3. P. 331–350.

[3] Ignatieff M. State, Civil Society, and Total Institutions: A Critique of Recent Social Histories of Punishment // Crime and Justice: An Annual Review of Research. Vol. 3. 1981. P. 153–192.

исторических книг, состоящих из политических анналов, лишь с незначительными ссылками на социальное окружение», предположил, что «обратный метод может быть полезен для того, чтобы восстановить равновесие» [1]. Значительным вкладом в изучение социальной истории Англии Нового времени является фундаментальный труд Дж. Кларка «Английское общество 1688–1832: идеология, социальная структура и политическая практика при старом режиме»[2]. Автор призвал к детальному рассмотрению исторических событий с опорой на источники и освобождение истории от устоявшихся предрассудков или «политических заказов». В частности, Д. Кларк обратил особое внимание на роль церкви и христианского мировоззрения в структуре и ментальности английского общества в рассматриваемый период.

В монографии «”Новая историческая наука” и социальная история» Л. Репина подробно анализирует ревизионистскую историографию английской революции, обратив внимание на существенное расширение представлений о реальных властных отношениях в традиционном обществе раннего Нового времени в исследованиях социальных историков второй половины XX в. [3] Рассмотрев движение постревизионистской исторической мысли по отдельным направлениям и в целом, Л.П. Репина делает вывод о глубоком теоретическом осмыслении новых знаний, с опорой на комплексные подходы и развитую междисциплинарную методологию. Такой вывод правомерен в отношении ревизионистских тенденций в зарубежной историографии пенитенциарной истории рассматриваемого периода. С опорой на принцип взаимодополнительности исследовательских перспектив, историки-

---

[1] Тревельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 3.

[2] Clark J.C.D. English Society 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge, 1985.

[3] Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. См. Гл. 2 Социальные аспекты в интерпретациях английской революции. С. 83–129.

пенитенциаристы осторожно сместили фокус анализа от исследования структурных изменений к изучению ментальных представлений.

Одной из первых попыток реконструкции социального фона пенитенциарной практики XVIII в. стала коллективная работа под редакцией Дугласа Хэя «Роковое дерево Альбиона: преступность и общество в Англии в XVIII веке»[1], которую критики назвали классическим исследованием пенитенциарной социальной истории и «истории снизу»[2]. Авторы заострили внимание на одном из главных парадоксов правосудия XVIII в. – нарастающей суровости законов и прямо пропорциональном увеличении их фактического неисполнения. Хэй подробно описал всевозможные правовые механизмы, к которым прибегали законодатели, чтобы избежать исполнения приговора в форме смертной казни: многочисленные помилования, формальные юридические ухищрения[3] и не прекращающийся в течение всего столетия поиск альтернативных видов уголовных наказаний. Другой историк, Питер Лайнбо, в эссе «Тайнберн против анатомов» провел исследование ритуалов, сопровождавших публичные казни, и выявил отвращение публики к некоторым элементам смертной казни. Все это позволило сменить угол обзора и представить XVIII столетие не таким кровавым, как его интерпретировали в XIX в. обыватели или воссоздавали историки права, опираясь на нормы, закрепленные в статутах.

Фундаментальной проработкой данной гипотезы стали труды Дж. Битти[4]. Скрупулезное исследование материалов судебных дел, в особенности приговоров, позволили историку оценить практику

---

[1] Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England / by D. Hay, P. Linebaugh, J.G. Rule, E.P. Thompson, C. Winslow. N-Y., 1975.

[2] См.: URL: http://www.librarything.com/work/29808/reviews/141324532

[3] Например, при решении дел о воровстве в 40 шиллингов, за которое по прецедентам полагалась смертная казнь, английские присяжные объявляли, что обвиняемый виновен в воровстве 39 шиллингов, чтобы таким образом избавить его от высшей меры.

[4] Beattie J.M. Crime and the Courts in England 1660–1800. Oxford, 1986; Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001; Beattie J.M. The First English Detectives: The Bow Street Runners and the Policing of London, 1750–1840. Oxford and N-Y., 2012.

правоприменения с середины XVII в. и наглядно представить попытки законодателей найти альтернативу смертной казни. Восемнадцатый век в представлении Битти не «эпоха кровавых статутов», а время экспериментирования законодателей, «шлифовки деталей» будущего уголовного кодекса. Пока в дискурсе интеллектуалов и просветителей вызревала идеология будущей парадигмы уголовных наказаний, практики отрабатывали отдельные прецеденты новых видов репрессии. В таком контексте рассматривается постоянный возврат законотворцев к концепту принудительного труда и дебаты вокруг ссылки преступников в колонии. В рамках подобного подхода к наказанию стало возможным рассматривать еще один социальный институт – дома коррекции или брайдуэллы – как идейный и эмпирический источник будущих реформаториев. И если в теории социального контроля Ротман и его единомышленники трактуют эти учреждения как элементы обширной системы управления, созданной правящим классом, то ревизионисты второй волны рассматривают исправительные дома как воплощение такой модели наказания, которая позволила сочетать в одном социальном институте карательные и исправительные цели одновременно [1]. Р. Шумейкер убежденно доказывал, что в основе идеи использования домов коррекции как средства исправления преступников, осужденных за мелкие правонарушения типа воровства, лежит евангельское стремление к «исправлению манер» бедняков, которое захлестнуло представителей имущих классов в XVIII в.[2] Сходное предположение высказывала Дж. Иннес, которая обратила внимание на совпадение целевого назначения брайдуэллов XVI–XVII вв. –

[1] Ingram M. Reformation of Manners in Early Modern England // The Experience of Authority in Early Modern England / ed. P. Griffiths. N-Y., 1996. P. 47–88; Shoemaker R.B. Reforming the City: The Reformation of Manners Campaign in London, 1690–1738 // Stilling the Grumbling Hive: The Response to Social and Economic Problems in England, 1689–1750 / ed. L. Davison. Stroud, 1992. P. 99–120.

[2] Shoemaker R.B. Op. cit. P. 103–106.

исправление нравов и концептуальную идею пенитенциарной программы Дж. Говарда в конце XVIII в.[1]

Заслуга трудов Дж. Битти в том, что в них были значительно раздвинуты хронологические рамки реформ английской системы уголовного закона, в которых традиционно работали историки права. Последователи ученого, его коллеги и ученики отказались от устоявшейся нормативистской концепции, интерпретирующей английскую тюремную реформу конца XVIII в. как революционное явление в развитии европейского права Нового времени[2]. Пенитенциарная реформа 1779 г. стала рассматриваться как синтез просвещенческих идей, филантропических инициатив и законодательных экспериментов, имевших место в английских социально-культурных практиках на протяжении всего XVIII столетия[3]. Изучение истории становления правоохранительных органов, а также отдельных видов наказания, альтернативных смертной казни, обогатило англо-американскую историографию рассматриваемого вопроса серией глубоких междисциплинарных исследований[4].

Освобождение историков права от марксизма и смежных теорий инициировало целый спектр исследований английской преступности с опорой на методологический аппарат криминологической науки[5]. Призыв

---

[1] Innes J. Prisons for the poor: English bridewells 1555–1800 // Labour, Law, and Crime: A Historical Perspective / eds F. Snyder and D. Hay. L. & N-Y., 1987.

[2] Law, Crime and English Society, 1660–1830. In honor of John M. Beattie / ed. N. Landau. Cambridge, 2004.

[3] Devereaux S. The Making of the Penitentiary Act, 1775–1779 // The Historical Journal. 1999. Vol. 42. №. 2. P. 405–433.

[4] Greenberg D. Crime and Law Enforcement in the Colony of New York, 1691–1776. Ithaca, N-Y., 1976; Markets, Market Culture and Popular Protest in Eighteenth Century Britain and Ireland /eds. A. Randall, A. Charlesworth. Liverpool, 1996; Tobias J.J. Crime and Police in England: 1700–1900. N-Y., 1979; Shaw A.G.L. Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and other parts of the British Empire. Carlton, 1981; Hearn D.A. Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963. Jefferson, N.C., 1997; Archer J.E. Social unrest and popular protest in England, 1780–1840. N-Y., 2000.

[5] Crime in England, 1550–1800 / ed. J. Cockburn. L., 1977; Sharpe J.A. Crime in Early-Modern England, 1550–1750. L., 1984; McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. L., 1989; Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. N-Y., 1992; Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English

к новой социальной истории сфокусировал внимание историков на отдельных аспектах трансформации системы уголовных наказаний и побудил исследователей к воссозданию микро-историй: истории тюремной администрации, истории тюремной архитектуры, исследования тюремной тематики в художественной литературе XVIII в.[1] и др.

В серии научных работ был брошен открытый вызов исследованиям марксистского направления, которые утверждали, что «религиозное знамя развевалось в последний раз в Англии в XVII веке», но уже в XVIII столетии произошла эмансипация права от религии, что привело к торжеству «юридического мировоззрения» в западном обществе[2]. Во второй половине XX в. философы, историки и культурологи практически отказались от понимания XVIII в. и эпохи Просвещения как «века нерелигиозного». Например, американский историк К. Беккер рассуждал следующим образом: «Несомненно, восемнадцатый век – преимущественно век Разума, несомненно, Philosophes были скептически настроенной группой, атеистами на деле, если не по убеждению, приверженными науке и научному методу. Все это верно. Однако я думаю, что philosophes были ближе к Средневековью и менее свободными от предубеждений средневековой христианской мысли, чем полагали они сами и чем обычно считаем мы»[3]. Немецкий философ и культуролог Э. Кассирер в фундаментальном труде «Философия Просвещения» также отрицал радикальный концептуальный разрыв идей XVIII столетия с христианскими доктринами и полагал, что просветители не столько генерировали новые оригинальные концепции, сколько мастерски, фактически до неузнаваемости трансформировали

People. 1770–1868. Oxford, 1996; Block B.P., Hostettler J. Hanging in the Balance: A History of the Abolition of Capital Punishment in Britain. Sherfield, 1997.

[1] McConville S. A history of English prison administration. 1750–1877. Vol. 1. L., 1981; Bender J. Imagining the penitentiary: fiction and the architecture of mind in eighteenth-century England. Chicago, 1987; English Prisons: An Architectural History / by A. Brodie, J. Croom and J. O'Davies. Swindon, 2002.

[2] Маркс К., Энгельс. Ф. Сочинения. Т. 21. С. 496.

[3] Цит. по: Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М., 2010. С. 272.

наследие прошлого. Особенно явно эта идейная преемственность прослеживается на примере религиозных представлений Просвещения, к наиболее специфичным чертам которого абсолютно ошибочно, по мнению Кассирера, относят критическое и скептическое отношение к христианству: «Сильнейшие идейные импульсы Просвещения и его подлинная духовная сила основываются не на отрицании веры, а на новом идеале верования, который Просвещение устанавливает, и на новой форме религии, которую оно в себе воплощает»[1].

Выдающийся британский историк Кристофер Хилл в серии своих поздних работ, представив обновленную концепцию буржуазной революции XVII в., стал уделять повышенное внимание идейно-религиозному фактору[2]. В предисловии к монографии «Английская Библия и революция XVII века» К. Хилл дает совет историкам-экономистам, политическим историкам, историкам литературы и всем, кто хочет разобраться в периоде – читать Библию, которая «была центром всей жизни общества», не «игнорировать на свой страх и риск» важнейшую составляющую интеллектуальной и нравственной культуры англичан Нового времени[3]. В исследованиях историков-криминологов первым такой подход применил американский историк Рэндал Макгоуэн, посвятив проблеме корреляции религии и уголовного права в социальных и культурных практиках XVIII в. ряд научных статей[4]. Публикации Р. Макгоуэна положили начало ревизии данного направления научного анализа, показав, что рассматривать важнейшую реформу уголовного

---

[1] Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 156–157.

[2] Репина Л.П. «Указ. соч. С. 86.

[3] Хилл К. Английская Библия и революция XVII века / пер. Т. Павловой. М., 1998. I. Введение. Библейская культура. С. 3.

[4] McGowen R. A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // The Journal of British Studies. Vol. 25. 1986. №. 3. P. 312–324; McGowen R. «He Beareth Not the Sword in Vain»: Religion and the Criminal Law in Eighteenth-Century England // Eighteenth-Century Studies 21, 1987–1988. №. 2. P. 192–211; McGowen R. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History. 1988. № 9. P. 63–98.

правосудия вне учета религиозного мировоззрения англичан XVIII в. – значит искажать ее социальную природу.

В отдельную историографическую группу следует выделить труды, предметом которых являются идеи и их восприятие в коммуникативных пространствах Нового времени. Интеллектуалы эпохи Просвещения – авторы проектов противодействия преступности – могли быть просто неравнодушными патриотами и высказывать предложения в небольших отдельных трактатах, специально этим вопросом не занимаясь, как, например, Б. Мандевиль, Дж. Хэнвей, Г. Филдинг, У. Ромейн, У. Пейли. Исследователи, разрабатывающие вопросы идейного наследия этих представителей интеллектуальной элиты Нового времени, рассматривали их реформистские инициативы в широком контексте активной социальной, политической и филантропической деятельности[1]. Взглядам и проектам реформаторов-практиков – Дж. Филдинга, Дж. Говарда, Дж. Бентама[2], законотворцев и парламентариев – У. Идена, С. Ромилли, У. Блэкстона[3],

---

[1] Mandeville Studies: New Explorations in the Art and Thought of Dr. Bernard Mandeville (1670–1733) / ed. by I. Primer. The Hague, 1975; Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. N-Y., 1978; Goldmith M. Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville’s social and political thought. Cambridge, 1985; Fielding: a collection of critical essays / ed. by R. Paulson. N-Y., 1962; Paulson R. The Life of Henry Fielding: A Critical Biography. Oxford, 2000; Battestin M.C. Henry Fielding: A Life. L., N-Y., 1989; Jayne R.E. Jonas Hanway: Philanthropist, Politician, and Author (1712–1786). L., 1929; Taylor J.S. Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. L., 1985.

[2] Leslie-Melville R. Life and Work of Sir John Fielding. L., 1934; Critchley T.A. A History of Police in England and Wales, 900–1966. L., 1978; Bruce A. Blind Justice (Sir John Fielding). N-Y., 1994; Southwood M. John Howard. Prison Reformer. An account of his life and travels. L., 1958; Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / ed. H.J. Klare. Oxford, 1966. P. 177–183; Porter R. Howard's Beginning. Prisons, Disease, Hygiene // The Health of Prisoners. Historical Essays / ed. R. Creese, W.F. Bynum, J. Beam. Amsterdam, 1995. P. 5–26; Rodman B.S. Bentham and the Paradox of Penal Reform // Journal of the History of Ideas. Vol. 29. 1968. № 2. P. 197–210. Semple J. Bentham’s Prison. A study of the Panopticon Penitentiary. Oxford, 1993; Mack M.P. Jeremy Bentham: An Odyssey of Ideas, 1748–1792. L., 1962; Finer S.E. The Transmission of Benthamite Ideas, 1820–1850 // Studies in the Growth of Nineteenth-Century Government / ed. by G. Sutherland. L., 1972. P. 11–32; Himmelfarb G. The Haunted house of Jeremy Bentham // Himmelfarb G. Victorian Minds: a study of intellectuals in crisis and ideologies in transition. N-Y., 1968. P. 32–81; Harrison R. Bentham. L., 1983.

[3] Brown A.S. William Eden and the American Revolution. PhD thesis. University of Michigan, 1953; Bolton G.C. William Eden and the convicts // Australian Journal of Politics &

благотворителей и миссионеров – У. Аллена, Э. Фрай [1] посвящено в зарубежной историографии достаточное количество работ, варьирующих от всеобъемлющих биографий до детального анализа отдельных произведений. Изучение эссеистики этих интеллектуалов внесло большой вклад в понимание идеологического, социального и политического фона, на котором складывались основы будущей системы уголовных наказаний. И если Великобританию и США называют «пенитенциарными лабораториями» с точки зрения теоретических и практических проработок пенитенциарных реформ, то, безусловно, мыслители, философы, филантропы, законотворцы XVIII в. – это первые пенитенциаристы-практики, со страстью экспериментаторов вступившие в борьбу с нарастающей преступностью.

Своеобразным «венцом» многочисленных подходов к истории современной тюрьмы и дискуссий XX века о ее генезисе стало исследование энциклопедического характера «Оксфордская история тюрьмы. Традиция уголовного наказания в западном обществе»[2] под редакцией знаменитого американского криминолога Норвала Морриса и уже упоминавшегося историка Д. Ротмана. Издание представляет собой собрание отдельных эссе зарубежных историков-пенитенциаристов XX в., собранных как по хронологическому (история европейской тюрьмы с античных времен до конца XX в.), так и по проблемному (история ссылки в Австралию, женские тюрьмы, реформа ювенальной юстиции и пр.) принципам. Относительно свободные от идеологического влияния, эссе представляют собой информативные статьи с библиографическим списком. Авторитетный специалист по английской истории Нового времени Р. Портер в рецензии на

History. Vol. 26. 1980. Iss. 1. P. 30–44; Collins W.J. The Life and Work of Sir Samuel Romilly. L. 1908; Lockmiller D. Sir William Blackstone. Chapel Hill, 1938.

[1] Goff D. A Brief Memoir of Elizabeth Fry. Richmond, 2008; Bartle G.F. William Allen, friend of humanity: his role in nineteenth-century popular education // History of Education Society Bulletin, 1992. № 50. P. 15–28.

[2] The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. N. Morris, D. Rothman N-Y., 1995.

издание отметил: «Проницательная ученость “Оксфордской истории тюрьмы…” старается избежать двух ментальных ловушек: слепого оптимизма и черной безысходности». Возможно, в такой аллегорической форме Портер обозначил дихотомию двух подходов к истории тюрьмы, доминировавших в теориях XX в. и практически преодоленных в перспективе будущих исследований.

В XXI в. изучение генезиса и эволюции пенитенциарных практик проходит под влиянием «культурного поворота», который пережила мировая историография во второй половине XX в. В начале 1970-х годов одним из маркеров такого поворота стала работа выдающегося историка-медиевиста, одного из основателей культурантропологического направления в современной исторической науке Жака ле Гоффа «Является ли все же политическая история становым хребтом истории?» [1] Смещение исторических исследований в интердисциплинарное пространство, сближение истории с психологией, антропологией, социологией, методологические новации школ «истории ментальностей», «интеллектуальной истории», исторической психологии привели к возникновению новых способов реконструкции исторического мира. Ле Гофф, констатировав освобождение историков от догматического марксизма и кризис традиционной политической истории, обозначил истоки «новой, антропологически ориентированной событийной истории»[2]. По мнению британского историка культуры Питера Берка, одним из лозунгов новой культурной истории стали *практики*: «история религиозных практик вместо теологии, история речи вместо лингвистики, история

---

[1] Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis, 1994. Вып. 4. С. 177–192.

[2] Ястребицкая А.Л. Предисловие к публикации / 95.01.045. Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? / пер. И.В. Дубровского. Le Goff J. L'histoire politique est-elle toujours l'epine dorsale de l'histoire? // Le Goff J. L'imaginaire medieval. Essais. P., 1981. P. 333–349 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 1995. Сер. 5: История. Реферативный журнал. С. 265.

экспериментов вместо научной теории»[1]. В серьезном научном обозрении теоретических новаций современной историографии Л. Репина поясняет: «практики развиваются в рамках институтов, в соответствии с нормами и ограничениями разного порядка, под контролем власти, но они, в свою очередь, являются источником мутаций институтов, замещения норм и производства новых властных отношений. Так формулируется концепция “культурной истории социального”, центральным вопросом которой является соотношение между нормами, представлениями (репрезентациями) и практиками» [2]. Опираясь на обозначенные историографические принципы, современный способ историописания пенитенциарных реформ явственно дистанцировался от статичного рассмотрения эволюции норм уголовно-исполнительного права в сторону изучения истории социальных и культурных практик. Такой подход к истории пенитенциарных реформ проявился уже в работах ревизионистов второго поколения, однако только в современных исследованиях историкам удалось полностью преодолеть влияние политизированных подходов к генезису современной тюрьмы.

В ряде научных статей был сформулирован вопрос: что следует считать основным импульсом пенитенциарных реформ – идеи или обстоятельства? Пенитенциарный статут 1779 г. стал точкой пересечения интеллектуальных теорий просветителей и практических усилий реформаторов, направленных на решение одной из главных проблем английской действительности XVIII столетия – противодействия преступности. Работа современного британского историка Малкольма Гаскилла «Преступление и ментальность англичан раннего Нового времени» [3] представляет собой серьезное научное исследование

---

[1] Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html.

[2] Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии. // Харківський історіографічний збірник. Т. 10. 2010. С. 21.

[3] Gaskill M. Crime and mentalities in early modern England. Cambridge, 2000.

обстоятельств, в которых вызревала реформа английской тюрьмы. Автор уже названием монографии обозначил как приверженность методологии истории ментальностей, так и те социально-культурные практики, которые подверг детальному анализу. Формулируя главную цель своего труда, Гаскилл обращает внимание на лакуну в историографии истории уголовно-исполнительной системы Англии Нового времени, связанную с утратой мира социальной истории, который был затенен тщательно выписанной политической и экономической историей. Презентуя свой оригинальный метод, автор обращает внимание на то, что история преступности и уголовного правосудия Англии Нового времени скрупулезно изучена и описана поколениями историков, криминологов, социологов и правоведов предшествующего периода. Многочисленные фундаментальные исследования монографического и коллективного характера посвящены изучению правовых механизмов становления пенитенциарной системы, описанию юридической процедуры принятия судебных решений и назначения наказания. Прикладные историко-социологические работы представили развернутую характеристику преступности и сопутствующих социальных девиаций (бродяжничество, нищета, проституция) рассматриваемой эпохи. Гаскилл подчеркивает «поразительный консенсус», достигнутый в современной историографии, который, тем не менее, обнажает серьезный пробел в имеющихся исследованиях: «мы пришли к аргументированному согласию в вопросе о том, *как* действовал уголовный закон, но вопрос: *почему он был именно таким*, все еще остается открытым»[1].

До сих пор, убежден Гаскилл, изучение реформирования английского уголовного правосудия отличалось преимущественно нормативистским подходом, сосредоточиваясь на количественной стороне: спектр доступных исторических источников (статуты, законы, приговоры по уголовным делам и пр.) позволил представить статистическое измерение исследуемого

[1] Ibid. P. 19.

вопроса. В своей работе он предпринял попытку посредством реконструкции ментальных паттернов, обусловливающих преступление и ожидаемое наказание, ответить на поставленный им же вопрос: почему уголовное правосудие в Англии Нового времени явило именно такую модель? В этом ракурсе исследование приобретает особое звучание еще и в связи с тем, что большинство европейских стран не прошли через этап теоретико-методологического генезиса тюрьмы как социального института, а воспользовались рецепцией уже готовой англо-американской модели.

В монографии Гаскилл выделяет факторы, которые, на его взгляд, оказывали детерминирующее влияние на ментальность англичан Нового времени, определяя габитус – систему прочных приобретенных предрасположенностей. К этим факторам историк относит особенности английской религиозности, специфику государственного развития, процессы секуляризации и десакрализации повседневной жизни и изменения в социальных отношениях и культурной самобытности [1]. По мнению исследователя, эти факторы формировали элементы габитусов исторических «акторов» (их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы) в рамках нескольких поколений, относящихся к Новому времени. Своим исследованием он предлагает «приоткрыть завесу», скрывающую огромный массив информации, связанный со способами поведения, мотивацией, миропониманием «рядового человека» Нового времени, и тем самым приглашает последующее поколение исследователей перейти от истории того, «что наши предки говорили и делали», к реконструкции того, «что они на самом деле думали и имели в виду»[2].

Такой «вызов» стимулировал появление работ, нацеленных на изучение как конкретных идей, так и взаимодействия между движением идей и их исторической «средой обитания» – теми социальными,

---

[1] Ibid. P. 10.
[2] Ibid. P. 11.

политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Р. Макгоуэн в научной статье «Проблема наказания в XVIII веке»[1] пытался зафиксировать то самое «миропонимание рядового человека», о котором писал М. Гаскилл, посредством анализа печатных материалов – журналов, газет, брошюр и памфлетов, чтобы спуститься с уровня размышления интеллектуалов и профессионалов на уровень общественного дискурса, где проблемы преступности муссировались не менее активно, и определить общественное отношение к действующим уголовным наказаниям. Пользуясь объяснительной терминологией Л. Репиной, можно заключить, что Макгоуэн поставил цель выяснить соотношение между нормами, репрезентациями и практиками наказаний в XVIII в.

Инициативу специальных исследований, посвященных влиянию английской религиозности на практики уголовных наказаний, продолжил немецкий ученый А. Кришер, который выдвинул предположение о теологической подоплеке британского Кровавого кодекса как результата «арьергардных действий (или реакции) религии в ответ на процессы модернизации»[2]. В условиях начавшейся секуляризации и постепенного вытеснения из судебно-правовой сферы религия попыталась закрепить позиции непосредственно в сфере *исполнения наказания*. К данной гипотезе исследователи обращались также при анализе американских пенитенциарных практик[3], представляя первые тюремные модели «ареной столкновения светских и религиозных тенденций в оспаривании прав на

---

[1] McGowen R. The Problem of Punishment in Eighteenth-Century England // Penal Practice and Culture / eds. S. Devereux and P. Griffiths. Basingstoke, 2004. P. 210–227.

[2] Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches. Washington–Baltimore, 2012. P. 85–99.

[3] Meranze M. The Penitential Ideal in Late Eighteenth-Century Philadelphia // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1984. № 108. P. 419–450; Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford, 1988; Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly. Vol. 40. 1988. №. 2. P. 147–64.

определенный сектор государственного механизма». В связи с этим американские пенитенциарные системы рассматриваются в контексте актуального поиска «американской христианской идентичности». Сторонники такого взгляда убеждены в том, что в условиях, когда никакая деноминация напрямую не пользовалась поддержкой государства, многие конфессии пытались упрочить свое положение через активное участие в общественно-политических и социальных реформах, и самым «масштабным» проектом оказались именно пенитенциарные преобразования[1]. В этих условиях «застолбить» сектор пенитенциарных реформ в общем государственно-политическом строительстве виделось для многих конфессий удачным политическим и идеологическим проектом. Исследователь американского протестантизма К. Смит назвал тюремную камеру ареной «нового политического и религиозного ритуала»[2].

Фундаментальной проработкой данного вопроса можно считать исследование канадского историка Лори Тронесса «Протестантское чистилище»[3], который предложил глубокий разбор теологической основы пенитенциарных реформ, сосредоточивая интеллектуальный анализ на влиянии протестантского мировоззрения на теоретико-методологические принципы реформаторских проектов. В одной из рецензий эта работа названа «громким» вкладом в интеллектуальную историю пенологии XVIII века[4]. Л. Тронесс углубляется в содержание религиозного сознания и мышления англичан Нового времени, исследуя религиозные идеалы и представления, страхи и ожидания, молитвы и надежды, разделяемые как духовенством, так и мирянами. По мнению историка, в этих ментальных рамках следует искать

---

[1] The Civic Life of American Religion / ed. by P. Lichterman, B. Potts. Stanford, 2009. P. 140–56.

[2] Smith C. The Prison and the American Imagination. New Haven, Conn., 2009. P. 13.

[3] Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008.

[4] Smith G. Review of A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779, (review no. 882). URL: http://www.history.ac.uk/reviews/review/882.

интерпретационные модели тюрьмы как репрезентации чистилища – места и условия нравственного исцеления и обращения преступника-грешника. В американской историографии важным вкладом в исследование темы стала работа Дженифер Грабер «Горнило страданий: тюрьма и религия в довоенной Америке»[1], где автор, скрупулезно восстановив «утраченный мир» социальной истории ранних пенитенциарных учреждений в США, приходит к убедительному выводу о прочном союзе двух важнейших социальных институтов – религии и государства, базировавшемся на моральных, духовных и политических традициях.

Отдельное направление современных исследований представляют работы в русле компаративного анализа. Авторы исследуют особенности реформ в разных странах, прослеживают трансфер и рецепцию основных идей и практик. Исторические исследования с компаративной перспективой задаются целью выяснить роль и значение социального института тюрьмы в системе уголовных наказаний разных стран, степень и соотношение участия государства и общества в пенитенциарной политике и т. п.[2] Традиционно популярным у исследователей остается изучение истории идей – эта тематика представлена, главным образом статьями и очерками, посвященными либо конкретным произведениям, либо отдельным персоналиям[3].

---

[1] Graber J. The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America. Chapel Hill, 2011.

[2] Krebs A. John Howard’s Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / ed. J.C. Freeman. L., 1978. P. 35–52; Vázquez I.R. Criminal Law Reform in the Eighteenth Century Europe. A Comparative Study: England, France, Spain // International Journal of Humanities and Social Science Vol. 2. 2012. №. 4. P. 26–37; McLennan R.M. The Crisis of Imprisonment: Protest, Politics, and the Making of the American Penal State, 1776–1941. N-Y., 2008; Draper A.J. Punishment, Proportionality, and the Economic Analysis of Crime // Journal of Bentham Studies. Vol. 11. 2009.

[3] Gombert K. An 'opportunistic interpretation' of Bentham's panopticon writings // Journal of Bentham Studies. Vol. 16. 2014. P. 1–16; Quinn M. Jeremy Bentham, choice architect: law, indirect legislation, and the context of choice // History of European Ideas, 2017. № 43(1). P. 11–33; Draper A.J. William Eden and Leniency in Punishment // History of Political Thought. 2001. № 22(1). P. 106–130; Dodsworth F. Police and the Prevention of Crime: Commerce, Temptation and the Corruption of the Body Politic, from Fielding to Colquhoun // The British Journal of criminology. Vol. 47. 2007. Iss. 3. P. 439–454; Benge J.

Подводя итоги обзору историографической литературы, подчеркнем, что и в настоящее время проблема становления социального института тюрьмы и связанных с ним властных отношений продолжает привлекать пристальное внимание исследователей, о чем свидетельствует появление разноплановых диссертационных исследований[1]. Особо отметим работу Ф. Хардман «Истоки тюремной реформы конца XVIII в. в Англии»[2], основанную на методе лингвистического анализа дискурса английских пенитенциарных реформ XVIII столетия. Диссертант прослеживает «язык реформы» в политических дебатах и публицистической деятельности интеллектуалов эпохи, обращается к реформистскому слэнгу на государственном и местном уровнях, анализирует «риторику власти» – призывы к гуманизму и обращение к утилитаризму. Признавая активную роль языка и текста, Ф. Хардман вписывает в социально-культурную историю английских пенитенциарных реформ еще одну страницу, которая демонстрирует возможность использования анализа нарративных структур в конструировании исторической реальности. Диссертационное исследование М. Уайта посвящено изучению эволюции системы публичных наказаний в Англии с 1783 по 1868 год[3]. Автор анализирует не столько сами практики экзекуций, сколько психологию толпы, реакция которой на «зрелищность» наказания представляется своеобразным маркером эпохи. Изменения в методологических ориентирах и складывание нового

Elizabeth Fry: angel of Newgate (heroes of history). Bingley, 2015; Handler Ph. Forgery and the end of the «Bloody Code» in Nineteenth-Century England // The Historical Journal. 2005. № 48:3. P. 683–702; Nicolle M. William Allen: Quaker Friend of Lindfield, 1770–1843. Lindfield, 2001 etc.

[1] Balch-Lindsay V.S. An orderly metropolis: the evolution of criminal justice in London, 1750–1830. PhD thesis. Texas University. 1998; Nelson B. Bridewell's Fall: Summary Justice in London, 1730–1800. Graduate thesis. Iowa State University, 2017; Snell E. Perceptions of violent crime in eighteenth-century England: a study of discourses of homicide, aggravated larceny and sexual assault in the eighteenth-century newspaper. PhD thesis. University of Kent, 2004; Brooks A. Prisoners or Servants? A history of the legal status of Britain's transported convicts. PhD thesis, University of Tasmania, 2016.

[2] Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007.

[3] White M.T. Ordering the Mob: London's Public Punishments, c. 1783–1868. PhD thesis. University of Hertfordshire. 2009.

биографического жанра – персональной истории, «основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования – «история одной жизни» во всей ее уникальности и полноте»[1], в очередной раз привлекли внимание историков к личности и наследию Дж. Говарда[2].

Таким образом, анализ зарубежной историографии по исследуемой проблематике свидетельствует о ее высокой актуальности. Приведенный обзор историографических подходов к проблеме позволяет говорить о глубокой проработанности и даже состязательности различных точек зрения в изучении генезиса современной тюрьмы.

Вместе с тем нельзя не отметить весьма условное, но, тем не менее, относительно устойчивое разграничение в объекте исследования – национальная пенитенциарная система – между британской и американской историографией. Если историки права рассматривают англо-американскую систему уголовного права как единую правовую семью, то представляется удивительным тот факт, что пенитенциарная история двух стран пишется обособленно. Это может быть связано как с отсутствием единого мнения относительно нижней хронологической границы пенитенциарных преобразований, и, как следствие, негласного соперничества двух стран за право считаться основоположниками современной парадигмы исправительного наказания, так и с разнящимися методологическими подходами к исследованиям. Если британские историки в большей мере тяготеют к описательным историческим исследованиям, то их американские коллеги пишут пенитенциарную историю как подраздел истории криминологии. В данном диссертационном исследовании предпринята попытка обоснования единой англо-американской пенитенциарной доктрины – системы взглядов, разработанной

---

[1] Репина Л. П. Новая биографическая история // Диалог со временем. 2001. Вып. 5. С. 7.

[2] Erb M.C. The Rhetoric of Reform: Metaphors of Disease in John Howard's The State of the Prisons. PhD thesis. University of Vanderbilt. 2009.

интеллектуалами, впоследствии трансформированной реформаторами-практиками в готовую к практическому применению идеологию исправительного наказания, в рассматриваемый исторический период.

1.3. Освещение проблемы в отечественной историографии

Отечественную историографию рассматриваемого вопроса более уместно будет назвать обзором историко-правовых исследований, так как до недавнего времени изучение истории пенитенциарных преобразований западных государств не становилось предметом отдельных исторических исследований. В дореволюционной России наука, занимающаяся изучением теории и практики исполнения уголовных наказаний (в англоязычной традиции уже утвердившаяся как *пенология*), именовалась более конкретно – *тюрьмоведение*.

Российские юристы-правоведы проявляли интерес к изучению английской практики исполнения уголовных наказаний с середины XIX в. В 1862 г. II отделение собственной Его Величества канцелярии вынесло на рассмотрение предложение «О некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных». Министрам внутренних дел и юстиции было поручено выбрать «по внимательном обсуждении *которая из разных пенитенциарных систем* может быть удобнее применена у нас в той или другой местности», и немедленно заняться «изысканием способов к увеличению числа *надлежащего устройства мест заключения*», а также «озаботиться в свое время составлением смет и приисканием к устройству новых и усовершенствованию существующих мест заключения на тех основаниях, которые будут для сего приняты [1]. Одновременно для изучения лучших европейских пенитенциарных учреждений за границу были командированы чиновники Министерства

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122. Оп. 3. Д. 294, л. 19-19об.

внутренних дел М.Н. Галкин и А.В. Пассек. Интересно отметить, что больше всего чиновников впечатлила французская пенитенциарная система, созданная на основе внедрения американского опыта. В 1868 г. М.Н. Галкин издал обобщающую работу с обозрением европейских пенитенциарных систем[1]. А.В. Пассек скончался в молодом возрасте, но в 1867 г. посмертно был опубликован его проект по преобразованию тюремной части в России, основанный на глубоком научно-теоретическом анализе зарубежного опыта[2]. В 1872 г. российская делегация во главе с чиновником Министерства внутренних дел графом В. Соллогубом приняла участие в I Международном пенитенциарном конгрессе в Лондоне. На основе общеевропейских пенитенциарных веяний, а также с учетом обязательств по реформированию тюремной системы, взятых Россией на конгрессе, в 1872 г. была учреждена специальная комиссия под председательством того же графа Соллогуба для составления «общего систематического проекта тюремного преобразования»[3]. Очевидно, что реформа тюремной части изначально стала в России строго государственным делом, весьма далеким от широкого общественного обсуждения, как это было в английской практике, что, в свою очередь, сказалось на характере первых научных изысканий.

В процессе подготовки отечественной пенитенциарной реформы (1879 г.) российские государственные деятели и юристы-правоведы проявили непосредственный интерес к изучению англо-американской практики исполнения уголовных наказаний. Устоявшееся мнение научной общественности относительно основного импульса реформ уголовного правосудия конца XVIII – начала XIX в. выразилось в признании их государственного происхождения и секулярного характера. Например, будущий руководитель пенитенциарного ведомства Российской империи

---

[1] Галкин М.Н. Указ. соч.
[2] Пассек А.В. Проект о преобразовании тюрем. СПб., 1867.
[3] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 1, л. 34.

М. Галкин в «Обозрении состояния тюремного вопроса в Западной Европе» хоть и отмечал, что «мысль об исправлении преступников возникла первоначально под влиянием христианского учения, с целью облегчения участи заключенных, обращением их на путь добра», был убежден, что филантропические стремления религиозных и общественных организаций не достигали цели[1]. Главным двигателем реформ он считал «практические указания» правительства и зарождающуюся науку уголовного права[2]. Нормативистский подход к пониманию и оценке англо-американских пенитенциарных реформ развили в своих научных трудах и публичных лекциях известные ученые-юристы этого периода И. Фойницкий, М. Филиппов, С. Гогель, Д. Тальберг, С. Богородский, А. Кистяковский, М. Чубинский, А. Принс[3].

Иван Фойницкий рассматривал становление западной тюрьмы (как единого явления с небольшими национальными вариациями) следствием четырех «последовательных влияний»: экономического, полицейского, филантропического и уголовно-политического[4]. Под экономическим он имел в виду превращение тюремного заключения из частной в государственную деятельность, «встраивание» системы принудительного труда в региональные нужды, переход вопросов материального обеспечения арестантов на баланс государственных и муниципальных органов. Полицейское влияние в изложении Фойницкого – создание системы

---

[1] Галкин М.Н. Указ соч. С. 3.

[2] Там же. С. 15.

[3] Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889; Его же. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881; Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб., 1873; Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб., 1906; Тальберг Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем. Киев, 1875; Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII-го века. Т. I. Киев, 1862; Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула, 2000; Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909; Принс А. Преступность и репрессия. Уголовно-юридический очерк. М., 1898.

[4] Фойницкий И.Я. Учение о наказаниях… С. 308.

государственного и общественного контроля за девиациями, сопутствующими преступной деятельности, – «лица, представляющие опасность для общественного спокойствия своей праздною и бродячею жизнью», «огромные массы людей, не имевших занятий и пристанища и перекочевывавших с места на место, соединявшихся в бродячие шайки, в высшей степени опасных для тогдашней гражданственности»[1]. Одним из первых в российской исследовательской мысли он предложил считать работные дома и брайдуэллы «провозвестниками тюремной реформы в Западной Европе». Филантропическое влияние Фойницкий связывал с религиозными побуждениями и гуманистическими идеями современников XVIII столетия. Говарда он называет начинателем и популяризатором тюремной реформы, который «вопли несчастных узников» довел «до всеобщего сведения, и потребовал признания за узниками естественных прав, принадлежащих каждому человеку» [2]. Но определяющее воздействие И. Фойницкий, безусловно, отводит четвертому – уголовно-политическому фактору, который, по его мнению, понял уже Говард: «одно человеколюбие не может означить содержания тюремной деятельности… С сознанием этой идеи тюрьма вступает в уголовно-политический период своего исторического развития, становясь институтом, споспешествующим гражданственности и благосостоянию народному, дополняя в этом отношении систему общественных институтов, которые, по каким-нибудь причинам, не смогли своевременно оказать своего благотворного действия»[3].

Доктор уголовного права, профессор А. Кистяковский в обширном исследовании о природе смертной казни считал англичан основоположниками «философско-позитивного» подхода к проблеме смертной казни, который оказал большое влияние на французскую

---

[1] Там же. С. 309.
[2] Там же. С. 311.
[3] Там же. С. 311–312.

и немецкую науку. Разбирая причины реформы английской системы уголовных наказаний, Кистяковский на первое место выносит экономические: «Как основание замены смертной казни ссылкою и расширения сей последней приведена необходимость рабочих рук для колонии: во многих, говорится в Статуте, принадлежащих его величеству колониях и поселениях в Америке существует большой недостаток в работниках, которые бы могли своими работами и прилежанием доставить средство сделать сказанные колонии и поселения приносящими пользу нации. Таким образом, первые опыты отмены смертной казни в Англии были сделаны не из соображений человеколюбия, не из желания установить более соответствия между преступлениями и наказаниями, а чисто из расчетов экономических»[1].

Другой отечественный юрист М. Филиппов также рассматривал тюрьму и ссылку как «наказание у народов просвещенных» и считал, что возникновение этого социального института связано с последовательным законодательным сокращением применения смертной казни и жестоких телесных наказаний. Действия английской системы наказаний он упрощенно объясняет решениями правительства: «причиною тому, как заявило о том правительство, было то, что в американских колониях чувствовался большой недостаток в работниках, которые своим трудом могли бы принести доход государству» (*о возникновении ссылки*); «Английское правительство этим было поставлено в крайнее недоразумение. Тюрем, в настоящем смысле, у него не было; возобновить смертную казнь в прежнем ее широком применении, не встречалось уже возможности. Оставались два средства: строить тюрьмы на основаниях правильной тюремной системы, или же – приискать новую местность для ссылки» (*о первом Пенитенциарном статуте*); «открытие Австралии и Вандимена неожиданно указало на новое широкое поле для депортации:

[1] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 187–188.

Английское правительство поспешило им воспользоваться» (*о возобновлении ссыльной системы в 1787 г.*)[1].

Так в историко-правовой науке были заложены основы *государственно-правового подхода* в оценке генезиса и характера европейских реформ правосудия и системы наказания. В целом отечественные историко-юридические исследования второй половины XIX – начала XX вв. в оценке британских реформ сближались с представителями «вигского нарратива», рассматривая серию законодательных актов как поступательное усовершенствование системы наказания. Сходство позиций можно проследить в отношении к деятельности Джона Говарда, за которым отечественные юристы закрепили славу «первого преобразователя тюремной системы», ибо ему «удалось убедить всю Европу в деле, для которого он посвятил все последние 17 лет своей жизни»[2]. В столетнюю годовщину смерти филантропа (1890 г.) в рамках Четвертого Международного пенитенциарного конгресса в Санкт-Петербурге русское правительство объявило конкурс «О значении наследия Дж. Говарда». Конкурсная комиссия в составе известных российских юристов под предводительством Н. Таганцева, оценив 15 работ, заключила, что ни одно эссе не заслуживает высшей награды (золотая медаль и премия), которую разделили между собой англичанин А. Гриффис и француз А. Ривьер, серебряную медаль присудили работе англичанина Э. Казалета[3]. В 1891 г. в серии «Жизнь замечательных людей» вышел первый серьезный отечественный биографический очерк, посвященный жизни и общественно-филантропической деятельности Дж. Говарда[4]. В подобном панегирическом стиле выдержана биография Дж. Бентама, принадлежащая

---

[1] Филиппов М.А. Указ. соч. С. 3–4.

[2] Мишле Э.И. Указ. соч. С. 2–3.

[3] Казалет Э.А. О значении Джона Говарда в истории тюремной реформы. М., 1892.

[4] Слиозберг Г.Б. Д. Говард. Его жизнь и общественно-филантропическая деятельность (биографический очерк). СПб., 1891.

перу российского юриста П.Я. Левенсона[1]. Так двое англичан подтвердили статус первых пенологов, но на этих именах круг практически замкнулся, оставив за пределами исследовательского интереса отечественных юристов, как их современников, так и предшественников. Российские криминологи и правоведы детально изучили парадигму утилитаризма в организации тюремного содержания и принципы исправительного заключения. По оценке известного отечественного юриста С.К. Гогеля, в учении Говарда были заложены идейные основы гуманного обращения с заключенными («рациональная система мер борьбы с преступностью»), оказавшие значительное влияние на мировую пенитенциарную практику[2]. Таким образом, отечественное тюрьмоведение приобретает устойчивое клише, связавшее авторство общеевропейских пенитенциарных реформ с конкретными персонами.

В советское время тюрьмоведение эволюционировало в *пенитенциарную науку*. Советский вариант *ревизии* дореволюционных взглядов не изменил общей линии и отраслевой принадлежности исследований западных тюремных систем: по мнению одного из основателей советской пенологии С. Познышева, эта наука представляет особый и быстрорастущий отдел уголовного права[3]. Оценивая «пенитенциарное наследство», которое досталось советской России от царского режима, Познышев отметил множество тюремных зданий, «в архитектуре которых обыкновенно нельзя уловить никаких следов каких-либо пенитенциарных идей», а лишь «отголоски западных тюремных систем». Также он выделил «отсутствие каких-либо традиций и навыков в практическом осуществлении какой-либо пенитенциарной системы», отсутствие подготовленных пенитенциарных деятелей. Таким образом, Познышев достаточно позитивно оценил западный опыт в организации

---

[1] Левенсон П.Я. Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893.

[2] Гогель С.К. Указ. соч. С. 490.

[3] Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 6.

пенитенциарного дела и подчеркнул «бессистемность» и «отсутствие определенных принципов, проникающих русскую пенитенциарную практику»[1].

Представляется интересным тот факт, что советская историография легко и без ревизии приняла «имидж» Джона Говарда, сформированный в предшествующей научно-исследовательской традиции. С. Познышев выразился следующим образом: «Его поистине и можно считать первым основателем пенитенциарной науки»; «В сочинениях Говарда и Бентама мы находим ряд идей, которые впоследствии стали твердо установленными истинами пенитенциарной науки»[2]. Советские ученые-пенитенциаристы и практики (Л. Коган, М. Берман, Я. Рапопорт, И. Авербах) с должным вниманием отнеслись к идеям Говарда о трудовом перевоспитании осужденных и дополнили марксистскую пенитенциарную теорию идеологически окрашенным тезисом о «безграничных возможностях трудового воздействия на формирование личности», чем заложили основы еще одной сугубо практической науки – *исправительно-трудового права*[3].

Если советские пенитенциаристы 1920–1930-х годов заимствовали методологические приемы классической школы уголовного права, заложенные отечественными правоведами XIX – начала XX вв., то правоведы 1940–1950-х годов обозначили концептуальный разрыв с теоретическими основами «буржуазной карательной системы»[4]. «Наказание в буржуазных государствах, – писал профессор Б.С. Утевский, – это орудие власти господствующих эксплоататорских классов в самом прямом и непосредственном смысле. При его помощи непосредственно осуществляются попытки обуздания и подавления сопротивления

---

[1] Там же. С. 28–29.

[2] Там же. С. 7, 10.

[3] Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967.

[4] Исаев М.М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М., 1947.

трудящихся режиму эксплоатации и угнетения»[1]. Трансформацию системы наказания Англии в XVIII в. Б. Утевский связывал с именами Дж. Локка и У. Блэкстона, которых он называет «апологетами нового общественного строя и выразителями программно-политических требований в области уголовного права пришедших к власти “наживал”»[2]. «Реформированное тюремное заключение», основанное на идее исправления преступника, продвигаемое Говардом и Бентамом, трактовалось как «центральное звено новой (буржуазной) карательной системы»[3]. Интересно отметить, что в качестве библиографии к главе, посвященной уголовному праву Англии, Б. Утевский указал исключительно исторические труды, как отечественные, так и зарубежные[4].

В оценке передового пенитенциарного опыта американских штатов Б. Утевский строго придерживается марксистских принципов, и причину успеха первых прогрессивных тюремных систем объясняет тем, что «старые феодальные методы уголовной расправы противоречили интересам буржуазии, заинтересованной не в уничтожении, а в сохранении излишней рабочей силы, т. е. товара, который тем дешевле купить, чем больше его на рынке. Топор, колесо и виселица уничтожали рабочую силу, которая имелась в излишке при феодализме и не представляла особой ценности для феодалов. Тюрьма же, ломавшая непокорных и сопротивляющихся новой форме эксплоатации, превращавшая их в покорную рабочую силу, гораздо лучше удовлетворяла требования предпринимателей». Кроме того, авторы прогрессивных пенитенциарных систем – «ханжеские секты» – были подвергнуты жесточайшей критике за «насильственную религиозную

---

[1] Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950. С. 3.
[2] Там же. С. 71.
[3] Исаев М.М. Указ. соч. С. 25.
[4] Утевский Б.С. Указ. соч. С. 76; Кареев Н.И. Две английские революции XVII в. Пг., 1924; Лавровский В.М. Промышленный переворот в Англии. М. ; Л., 1925; Хилл К. Английская революция. М., 1947 и др.

обработку», которая иногда заходила так далеко, что могла подпортить предпринимателям «желаемую покорную рабочую силу»[1].

Другой выдающийся советский ученый-правовед М.Д. Шаргородский менее категоричен во взглядах и в подстрочных комментариях осторожно критикует Б. Утевского за высказанную позицию относительно «реакционеров» Блэкстона и Локка. Подобную оценку он называет «результатом неправильного подхода к тому, как должны оцениваться исторические личности», усиливая свое замечание указаниями В.И. Ленина оценивать взгляды отдельных авторов «не по тому, что *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали* сравнительно со своими предшественниками». Таким образом, придерживаясь принципа историзма, М. Шаргородский признает вклад «представителей новой буржуазии – Локка, Блэкстона, Бентама, Говарда» в теорию наказания и высказывает убеждение, что «они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»[2]. В оценке американских тюремных систем ученый также выдерживает научную корректность, нейтрально отмечая, что «пенсильванская и обернская системы отражали в области пенитенциарии взгляды так называемой классической школы уголовного права»[3]. Тем не менее он все же «проходится» по утилитаризму Бентама, считая, что его взгляды были «подправлены» и превознесены отечественными юристами XIX в. (в частности, М. Чубинским). Говард, напротив, сохраняет статус «гуманиста и филантропа», который много сделал для уничтожения феодальной системы тюрем, несмотря на то что «его идеи не шли дальше буржуазной тюрьмы»[4]. Таким образом, наследие

---

[1] Утевский Б.С. Указ. соч. С. 178–179.

[2] Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. Ч. 1. С. 107.

[3] Там же. С. 184–185.

[4] Там же. С. 108–110.

Говарда в отечественной научной традиции, в отличие от зарубежной, существенно не пересматривалось. В одном из советских медицинских журналов даже появилась статья, приуроченная к 250-летию со дня рождения Дж. Говарда с говорящим названием «Рыцарь добра и справедливости»[1]. В заключение отметим, что в трудах советских ученых практически нет обращений к англоязычному оригиналу сочинения Говарда «Состояние тюрем Англии и Уэльса», а лишь повторение тезисов дореволюционных тюрьмоведов с соответствующей идеологической оценкой.

Под влиянием марксисткой методологии советская пенитенциарная наука явно увеличила крен в сторону выделения секулярного характера западных пенитенциарных реформ и игнорирования их национального своеобразия. Утверждая советскую модель секуляризации, А.Г. Твалтвадзе резюмирует: «С победой западных революций Церковь была отделена от государства и установлено правовое регулирование социальных отношений. За Церковью сохранялась только религиозно-нравственная область, но она уже не имела юридической силы. Однако и нравственные отношения в значительной степени оказались вне контроля религии. Становление западных общественных отношений сопровождалось дальнейшим процессом секуляризации механизма правового регулирования в плане эмансипации государственно-правовых норм от религии как исходного звена этого механизма»[2]. В таком ключе пенитенциарные реформы виделись как закономерный итог победы «юридического мировоззрения». Более того, как утверждает современный религиовед Д. Узланер, там, где западные коллеги были не заинтересованы или нейтральны в анализе значения религиозного фактора в социальных, политических и культурных практиках, советские историки и социологи

---

[1] Ревенок Н.Д. Рыцарь добра и справедливости. К 250-летию со дня рождения Джона Говарда // Медицинская сестра. 1976. № 12.

[2] Твалтвадзе А.Г. Секуляризация как фактор общественного прогресса (на примере государственно-правовых отношений). Публикуется по: Человек, общество, религия / под ред. А.С. Иванова [и др.]. М., 1968. С. 188–223 // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. М., 2009. С. 312.

ставили перед собой практические задачи и выводили искусственные схемы, в которых религия «по объективным причинам должна была по ходу истории слабеть, пока, наконец, совсем не исчезнет»[1]. Это, соответственно, только усилило государственно-правовой подход к анализу становления современной тюрьмы в западных странах.

Современные российские исследователи истории английского уголовного правосудия XVIII–XIX вв. продолжают развивать нормативистский подход в толковании «эпохи Кровавых кодексов». П. Тепляшин, например, задавшись целью «выяснить проработанность российской наукой теоретической парадигмы английского тюрьмоведения», разделяет взгляды дореволюционных и советских правоведов на преобразования системы наказания как «непреложной задачи государства и общества»[2]. На аналогичных позициях построены историко-правовые диссертационные исследования конца XX – начала XXI вв. [3] Воспользовавшись метафорической терминологией Ж. ле Гоффа, можно заключить, что подобная нормативистская история английской системы исполнения наказаний как определенного социального института является «становым хребтом» выработанной российской наукой «теоретической парадигмы английского тюрьмоведения». Используемый в истории права нормативистский подход превращает историю английской «эпохи карательной сдержанности» в историю норм, санкций, законов

---

[1] Узланер Д.А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 64.

[2] Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения : монография. Красноярск, 2005; Его же. Парадигма английской эпистемологии наказания: эпоха Просвещения и Нового времени // Проблемы теории права: личность, общество, государство : сб. науч. статей. Красноярск, 2009. С. 58–63.

[3] Маруков А.Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001; Остроух А.Н. Учение Бентама о праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006; Пахалов М.Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы : теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2019.

и постановлений (Ж. ле Гофф называет «узко-юридические концепции» и право – пугалом историка!!!), исключая из предметного поля исследования *исторический контекст*.

Таким образом, несмотря на смену акцентов, современное отечественное тюрьмоведение продолжает развиваться как подотрасль юридических наук, в связи с чем остается в стороне от «культурного переворота» в мировой историографии, чего нельзя сказать об отечественном англоведении XX века.

В фундаментальных трудах корифеев отечественного англоведения – Н.А. Ерофеева, М.А. Барга, Е.Б. Черняка, Т.А. Павловой[1] – интересующий нас период реконструирован детально, с опорой на первоклассные исторические источники. М. Барг и Е. Черняк, пользуясь одной из базовых в марксистском историзме категорий, называют эту эпоху переходной от феодализма к капитализму и выделяют ее специфику: хронологическое включение, с одной стороны, нисходящей стадии в развитии старой, изживающей себя формации и, с другой стороны, – часть восходящей линии, идущей ей на смену[2]. И хотя в центре внимания историков социальные революции XVII–XVIII вв., а о практиках уголовных наказаний нет практически ни одного упоминания, общая постановка проблемы – осмыслить сосуществование старого и нового в рамках этой эпохи и обусловленную этим сложность общественных отношений – звучит на удивление актуально в рамках предпринятого диссертационного исследования.

Советские историки и философы обращались к изучению идейного наследия английских интеллектуалов[3], эпизодично анализируя взгляды

---

[1] Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии : пособие для учителей. М., 1963; Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII–XVIII веков. М., 1990; Павлова Т.А. Квакерское движение в Англии (вторая половина XVII – начало XVIII в. // Религии мира. История и современность. М., 1982. С. 184–205.

[2] Барг М.А., Черняк Е.Б. Указ. соч. С. 12.

[3] Мещерякова Н.М. Английский гуманист Томас Старки – представитель ранней буржуазной идеологии // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 256–276; Каменецкий Б.А. Томас Старки и его место в истории политической мысли в Англии в XVI в. // Средние

мыслителей на проблемы криминализации мегаполиса и предложения по противодействию преступности. Детальное изучение биографий, текстов произведений, эпистолярного наследия внесло весомый вклад в понимание социально-экономического, политического и идеологического фона, на котором происходила эволюция взглядов на преступность и проблемы уголовного наказания в Новое время.

Прорыв в новом понимании исторической реальности, связанный с обогащением инструментария российских гуманитариев новыми тенденциями развития мировой науки, пришелся на 1990–2000 гг. Упоминаемая ранее статья Ж. ле Гоффа появилась в общественно-научном альманахе «*Thesis*», созданном с целью ознакомить научное сообщество России с наиболее важными, но недостаточно известными для русскоязычного читателя трудами ведущих зарубежных ученых в области общественных наук в 1994 г., и практически сразу была напечатана в одном из ведущих реферативных журналов «Социальные и гуманитарные науки». В отечественном англоведении последнего десятилетия XX в. явственно обозначился переход от традиционной политической интерпретации истории Англии XVIII в. к «новой» социальной истории. Существенным вкладом в разработку проблематики стали работы Т.Л. Лабутиной, М.П. Айзенштат, Н.С. Креленко, и других исследователей[1]. Российские историки приступили к детальному рассмотрению исторических событий

века. 1973. Вып. 36. С. 88–108; Павлова Т.А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. М., 1979; Субботин Л.Л. Бернард Мандевиль. М., 1986; Дьяконова Н.Я. К вопросу о Филдинге как сатирике и просветителе // Вестник Ленинградского университета. Серия ист. яз. и лит. 1956. № 2. С. 95–104; Елистратова А.А. Фильдинг: критико-биографический очерк. М., 1954.

[1] Лабутина Т.Л. Политическая мысль раннего английского Просвещения // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 233–240; Ее же. Просветительское движение в Англии // Там же. 1993. № 6. С. 178–180; Ее же. У истоков современной демократии: политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994; Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в. М., 1997; Креленко Н.С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв.: Исторический миф в контексте политической борьбы. Саратов, 1990; Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара, 1995; Ивонина Л.И. Дипломатия и революция. (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск, 1998.

с опорой на источники и освобождению истории от устоявшихся предрассудков или «политических заказов». От истории политических институтов и правовых норм отечественные исследователи осторожно приступили к воссозданию психологического склада отдельных исторических эпох.

В XXI в. в отечественных исследованиях наблюдается обращение к методу интеллектуально-культурной истории, предполагающему постановку нетрадиционных вопросов к историческому источнику. По мнению Р. Шартье, предметом такой истории являются коллективные представления, ментальное оснащение и интеллектуальные категории, имеющие всеобщее распространение в ту или иную эпоху[1]. Развитие данного направления связано с журналом «Диалог со временем», который выступил научной площадкой для изучения исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты, объединив исследования, посвященные проблемам интеллектуальной истории. Изучение идей через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей привело к появлению оригинальных и серьезных исследований социальных, культурных, религиозных и личностных практик в отечественном англоведении[2].

---

[1] Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html.

[2] Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М., 2014; Англоведение в современной России: кол. монография / отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. М., 2019; Креленко Н.С. Причудливая память потомков: английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем, 2001. Вып. 4. С. 74–83; Эрлихсон И.М. В поисках идеала: генезис английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII веков. Saarbrücken, 2011; Соколов А.Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале современной культурной антропологии // Диалог со временем, 2012. Вып. 39. С. 59–78; Софронова Л.В. «Клирик из Лондонской епархии»: к проблеме идентификации христианского мыслителя английского Возрождения // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 161–188; Высокова В.В. «Светская» и «духовная» история в Британии в эпоху Просвещения: рационализация религии и секуляризация исторического письма // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 76–94; Косых Т.А. Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60–70-х гг. XVIII в. // Известия Урал. федер. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. 2016. № 3 (154). С. 241–249; Айзенштат М.П. История в

В результате появился значительный комплекс работ, посвященных социальным контекстам и культурным ориентирам в деятельности интеллектуалов. Был пересмотрен идеологический фон социальных и политических реформ XVIII в., открыты неизвестные в предшествующей исследовательской практике произведения мыслителей, законотворцев и практиков, которые внесли существенный вклад в развитие и углубление философии и эпистемологии наказания, – Дж. Говарда, Дж. Бентама, Б. Мандевиля, Г. Филдинга, М. Мэдана, Дж. Хэнвея[1]. В связи с этим хочется особо отметить исследования современных ученых-англоведов И. Эрлихсон и Ю. Барловой. В фокусе научного интереса И. Эрлихсон –

воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 315–322; Ивонина Л.И. Патриотизм и политическая лояльность в британской поэзии начала века Просвещения // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории и международных отношений: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной. Рязань, 2021. С. 227–234 и др.

[1] Нахапетов Б.А. Джон Говард и его вклад в эпидемиологию чумы // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3. С. 3–15; Чекалюк В., Подолян Т. Гений добра и любви к человечеству. Очерк о Джоне Говарде // RELGA: научно-культурологический журнал. 2015. № 8 (296); Айзенштат М.П. Философ-реформатор Иеремия Бентам // Россия и Британия. Вып. 3: В мире английской истории: Памяти академика В.Г. Трухановского / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2003. С. 360–377; Барлова Ю.Е. «Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 166–186; Орлов А.А. «Пусть Иеремия Бентам приготовит... кодекс!». Трактат Дж. Бентама «План всеобщего и вечного мира» (1786–1789 гг.) и его влияние на Россию // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер. История и политология. 2015. № 2. С. 53–62; Кованов К.В. Бернард Мандевиль и общественная мысль Англии первой половины XVIII века. М., 2013; Эрлихсон И.М., Васильева С.А. К вопросу об отношении общества к преступности (по материалам английской публицистики первой трети XVIII века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52) С. 48–58; Эрлихсон И.М. Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Серия: Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 75–84; Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Мартин Мэдан как идеолог консервативной альтернативы реформы английского уголовного правосудия XVIII века (по материалам неизвестного трактата «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов…» (1784) // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 61–76; Сидорова В.П. Британский взгляд на торговлю России и Ирана (по запискам Дж. Ханвея) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 36–40; Барлова Ю.Е., Осипова М.С. «Настоятельный призыв к милосердию»: Джонас Хануэй в истории английской социальной политики // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 10–16.

проблемы репрезентации английской преступности в XVIII в., в том числе гендерный аспект[1]. Объединив исследования, направленные на изучение социокультурного контекста преступления и наказания в рассматриваемую эпоху, диссертант в соавторстве с И. Эрлихсон выпустили монографию в форме *научных очерков*, сведенных в цикл, связанный общим сюжетом[2]. Исследовательское поле Ю. Барловой – история социальной политики, бедности и социальной помощи в социокультурном пространстве Англии Нового времени[3]. Исследователь актуализирует внимание на «знаке равенства», который ставили между бедняком, попавшим в нужду, нищим бродягой и преступником многие политические и общественные деятели XVIII в., что, в свою очередь, определяло направление соответствующих реформ.

Смещение исторических исследований в интердисциплинарное пространство, появление инновационного научного направления – *имагологии*[4] привело к появлению работ, сфокусированных на изучении образов – репрезентаций и саморепрезентаций человека прошлого. Исследование динамики межличностных связей в интеллектуальных сообществах, особенностей межкультурного диалога позволяет проследить трансферт

---

[1] Эрлихсон И.М. Женское насилие в структуре английской преступности XVIII века // Британия: история, культура, образование: сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. / под ред. А.Б. Соколова. Ярославль, 2018. С. 396–402; Ее же. Лондонская толпа на страницах английской публицистики первой трети XVIII века («Исследование о причинах частых казней в Тайберне» Б. Мандевиля, 1725) // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2017. С. 281–285; Ее же. Детоубийство в структуре женской преступности в Англии XVIII века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. С. 481–487; Ее же. История Мэри Адамс, или Карьера лондонской проститутки (по материалам Ньюгейтского календаря) // Запад и Восток: история и перспективы развития : сб. статей 30-й юбил. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2019. С. 608–613.

[2] Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020.

[3] Барлова Ю.Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб., 2018.

[4] Лабутина Т.Л. Актуальные проблемы имагологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Вып. 2 (56).

и рецепцию идей английских интеллектуалов, в том числе в области пенологии[1].

В первые два десятилетия XXI в. российские англоведы проявили пристальный научный интерес к исследованию вопросов формирования английской этноконфессиональной идентичности и национальной памяти[2]. Особый интерес представляют авторитетные работы по истории Церкви Англии в Новое время М.С. Стецкевича[3]. Использование научных гипотез

---

[1] Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19; Лабутина Т.Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 151–164; Айзенштат М.П. Иеремия Бентам и Россия: утилитаризм Н.С. Мордвинова // Философский век. Альманах 19: Россия и Британия в эпоху Просвещения. Опыт философской и культурной компаративистики. Ч. I. СПб., 2002. С. 28–38; Ее же. Идеи Иеремии Бентама в России // Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып. 3 / отв. ред. А.С. Намазова. М., 2004. С. 158–171; Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) : очерки. М., 2008; Некрасов А.П. Гуманистические идеи конца XVIII – первой половины XIX в. как фактор, изменяющий уголовную политику Европы и влияющий на отношение к смертной казни в обществе // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2013. № 1 (26). С. 190–195.

[2] Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–16; Ерохин В.Н. Пуританское движение в Англии в XVI – начале XVII вв. в освещении современной англо-американской историографии. Екатеринбург, 2001; Его же. Методологические подходы к изучению истории религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск, 2008; Его же. Формирование англиканской идентичности: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 23–33; Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006; Высокова В.В. United Kingdom of Great Britain and Ireland: к вопросу об особенностях национального историописания (на примере антикваров XVI–XVII вв.) // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург, 2008 С. 45–57; Софронова Л.В. Проект церковной реформы в Англии накануне реформации: случай Джона Колета // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2014. № 12. С. 31–43; Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М., 2015; Его же. Проблема религиозной идентичности Церкви Англии в исторической перспективе: к вопросу о вероучительном статусе 39 статей // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 153–166.

[3] Стецкевич М.С. Английская религиозно-политическая модель на рубеже XVIII–XIX веков: проблема деформации // Религия и традиционная культура. Сб. научных трудов. СПб., 2000. С. 45–57; Его же. Влияние религиозного фактора на политическую жизнь Англии (кон. XVIII–пер. пол. XIX в.) // Великобритания: политика, экономика, история. СПб., 1995. С.81–89; Его же. Джереми Бентам и Церковь Англии // Диалог со временем. 2009. Вып.26. С. 127–154; Его же. Представление о роли и функциях Церкви Англии в английской общественной мысли кон. XVIII–первой трети XIX в. // Проблемы

и выводов отечественных исследователей по проблемам английской религиозной идентичности вносит существенные коррективы в наличествующие концепции унифицированного понимания секулярного характера британских пенитенциарных реформ XVIII в.

Особый вклад в понимание исторического фона, на котором происходило становление обычного права в средневековой Англии, внесли труды историка М.В. Винокуровой[1]. Серьезное исследование правовых идей и институтов Англии XVI–XVII вв. представлено в работах современных историков С.В. Кондратьева и А.А. Паламарчук[2]. Остается выразить надежду на появление в современной отечественной историографии подобных исследований, нацеленных не столько на оценку системы уголовоного права и процесса XVIII столетия, сколько на интерпретацию права в широком контексте социокультурных и нормативных практик.

В заключение следует кратко охарактеризовать подходы к проблеме становления прогрессивных пенитенциарных систем в российских исследованиях по истории США. По мнению петербургского историка И.А. Цветкова, отечественная американистика, «совершенно очевидно, родилась в результате «социального заказа», и заказа не столько на

истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994. С. 58–67; Его же. Проблема трансформации религиозных институтов: Церковь Англии в конце XVIII–первой половине XIX в. (от эрастианизма к трактарианизму) // Процессы трансформации религий. СПб., 2014. С. 106–124; Его же. Церковь Англии и английское общество в середине XVIII–первой трети XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. Вып. 1. С. 16–25.

[1] Винокурова М.В. К вопросу о наказаниях в обычном праве малых городов средневековой Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Выпуск 6 (50); Ее же. Обвинение, оправдание, наказание в обычном праве малых городов средневековой Англии // Новое прошлое The New Past. 2016. № 3. С. 110–126.

[2] Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень:, 1996; Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии. Институты и идеи : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016; Паламарчук А.А., Диденко А.В. Апелляционная юстиция в тюдоровской и раннестюартовской Англии: парламентские акты 1532–1533 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 152–154 и др.

«истину», сколько на дискредитацию идеологического оппонента»[1], то есть тесно связана с вековым конфликтом двух сверхдержав. В результате чего американистика превратилась в прикладную науку, когда полученное знание, даже исследование далекого прошлого, тут же пускалось в дело. Пример такой дискредитации мы наблюдали в упомянутых работах советского правоведа Б. Утевского. Особенный шквал критики обрушился на пенсильванскую систему одиночного заключения. Начиная с цитаты К. Маркса, охарактеризовавшего этот режим как «изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение его в глубокое душевное одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством» [2] , исследователи упорно подчеркивают репрессивную направленность одиночного тюремного режима. Советский тюрьмовед М. Гернет писал: «Если осужденному “придется” здесь умереть, то его гроб будет последним, но не первым ящиком, который дала ему усовершенствованная одиночная тюрьма»[3].

Известный отечественный историк-американист Н.Н. Болховитинов убежден, что подобное жесткое противостояние двух систем и острая идеологическая борьба продолжались, по крайней мере, до второй половины 1980-х гг. [4] Характеризуя состояние этого научного направления в последнее десятилетие XX в., ученый призвал следовать девизу историка, сформулированному профессором А.Я. Гуревичем «Не судить, но понимать». И. Цветков убежден, что «российской наукой должны накапливаться знания фундаментальные, служащие основой наших представлений о США. В чем специфика американской цивилизации? Что превратило США в сверхдержаву? Чем американский образ мышления

---

[1] Цветков И.А. Проблема методологических инноваций в отечественной американистике // Североамериканские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2006. С. 119.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 203.

[3] Гернет М. Избранные произведения. М. 1974. С. 336.

[4] Болховитинов Н.Н. Изучение американской историографии в России // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы : мат. II науч. конф. М., 1995. URL: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/bolhovitinov5.htm

отличается от европейского? Почему американские идеи часто вызывают отторжение во всем мире? Каково происхождение важнейших американских социальных институтов? Эти и другие подобные вопросы носят теоретический, даже философский характер и для разрешения требуют целенаправленных усилий многих ученых»[1]. И если немало вопросов истории США рассматриваемого периода, в первую очередь опыт американского конституционализма и построения американской государственности, уже нашли «своего» исследователя[2], то проблема генезиса социального института американской тюрьмы в их число пока не входит.

Формирование первых американских пенитенциарных моделей становилось предметом изучения в области юридических и психолого-педагогических наук в 1990–2000 гг.[3] Исследователи единогласно подчеркивали карательный характер этих систем, направленный на устрашение преступника, формирование у него страха перед наказанием. В такой формулировке эти выводы неизменно включены в современные вузовские учебники для подготовки специалистов учреждений и органов, исполняющих наказания[4]. Интересно отметить, что библиография данных исследований не включает *ни одного* исторического источника, а только труды дореволюционных правоведов и советских пенологов. Акцент в этих исследованиях сделан не на сфере идей и восприятий, а на изучении практик

---

[1] Цветков И.А. Указ. соч.

[2] См. напр.: Филимонова М.А. Политическая борьба националистов/федералистов за консолидацию США (1781–1788 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2011.

[3] Чакубаш Ю.В. Социально-педагогические основы деятельности пенитенциарной системы США : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1993; Греков М.Л. Тюремные системы: состояние, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000; Алексеев В.И. Пенсильванская и Оборнская системы содержания осужденных: аспект соотношения (1860–1917 гг.) // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 45–48; Марков В.П. Концепции наказания в англо-американской системе права // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 247–252.

[4] См., напр.: Уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Калинина. М. ; Рязань, 2006. С. 46–48; Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология : учебник для образовательных учреждений Минюста России. Ростов н/Д, 2007. Глава 3.

реализации – показателей рентабельности, преступного рецидива, влияния на физическое и психологическое состояние осужденных. Если в англо-американской историографии дискуссионным остается вопрос идейного генезиса американской тюрьмы, а историки условно делятся на тех, кто отстаивает ее самобытность, и сторонников трансферта передовой пенитенциарной мысли из Старого в Новый Свет, то в отечественных исследованиях этот вопрос даже не поставлен. Изучение практик, а точнее статистических, социологических и иных характеристик первых прогрессивных тюремных моделей начинается с конкретного юридического факта возникновения первого учреждения с документально регламентированным режимом содержания. Таким образом, для отечественной историографии история происхождения американского социального института тюрьмы – относительно новое исследовательское поле.

Подводя итоги обзору отечественной историографической литературы по теме диссертации, в целом можно констатировать, что в настоящий момент отсутствует целостное комплексное историческое исследование генезиса и эволюции базисных теоретико-методологических основ современной пенитенциарной системы в контексте социально-культурных и политических практик рассматриваемого периода. Обращая внимание на то, как далеко продвинулись зарубежные историки-пенологи в изучении процессов становления и трансформации системы исполнения наказаний, хочется выразить надежду на освобождение отечественного тюрьмоведения от «оков» политико-юридического подхода и появление аналогичных исследований, которые позволят реализовать интегративный потенциал современного социокультурного анализа.

Использование методологических новаций расширит источниковую базу социально-правовой мысли исследуемого периода, даст возможность проследить эволюцию пенитенциарных идей в политических практиках, их воплощение в прогрессивных тюремных моделях и имплементацию

в уголовно-исполнительную практику европейских стран. Следуя вызову и вдохновляющему примеру зарубежных исследователей, в данном диссертационном исследовании автор предпринял попытку реконструировать социокультурный и религиозный контекст англо-американских пенитенциарных реформ с целью выявления их специфики и идейных основ.

Глава 2. ГЕНЕЗИС АНГЛИЙСКОГО «КРОВАВОГО КОДЕКСА» XVIII ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

2.1. Уголовные наказания в конце XVII–XVIII вв.: законодательство и практики

Английское правосудие XVIII в. завоевало примечательное реноме равно как юридического, так и социально-культурного феномена. Брендом правоохранительной системы Англии Нового времени стал «Кровавый кодекс» – уголовное законодательство, по которому высшая мера (смертная казнь через повешение) применялась как панацея против всех совершенных проступков, начиная от кражи носового платка стоимостью в пять шиллингов, заканчивая жестоким убийством. Сложно сказать, кому принадлежит авторство дисфемизма *bloody code*, известно, что в парламентских дебатах 1810–1820-х годов понятие уже прочно вошло в политический дискурс. Британский политик и филантроп Уильям Уилберфорс в 1819 г. в парламенте заявлял, что Англия «обременена кровавым кодексом», а закон «дышит мстительным духом». Этот «фатально ущербный институт» не смогут изменить полумеры или осторожные постепенные изменения, а только кардинальная реформа, – резюмировал политик [1]. Такую же эмоционально насыщенную речь о репутации британской нации, которую пятнает жестокий закон, держал реформатор Томас Бакстон, который насчитал 156 новых статутов, принятых с 1715 г. и расширивших сферу применения смертной казни: «…печально осознавать, что в Королевстве живут люди, которые родились в эпоху, когда Уголовный кодекс насчитывал менее 60 преступлений, приговариваемых к высшей мере, а за короткий

[1] The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. Vol. XXXIX. P. 82.

промежуток времени, отпущенный человеческой жизни, они видели, как это число увеличилось в четыре раза»[1].

Так в течение XIX столетия законодательство предшествующего века подвергалось стигматизации, чему немало способствовало историописание «вигского нарратива». Только исследователи XX в. постепенно развенчали сложившиеся стереотипы посредством скрупулезного изучения не только и не столько законодательства, сколько практики его применения. В работах авторитетного специалиста Дж. Битти была выдвинута и подтверждена гипотеза о непрерывном процессе «экспериментирования» в английском уголовном законодательстве XVIII в. и практиках отработки отдельных прецедентов новых видов наказания. Мы будем придерживаться этой гипотезы, но сосредоточим анализ на историко-культурном контексте, в котором «вызревал» будущий уголовный кодекс, формировалась идеология и практика пенитенциарного содержания.

Говорить об уголовно-исполнительной или пенитенциарной *системе* в рассматриваемый период, на наш взгляд, преждевременно, так как в XVIII в. мы не находим определяющих звеньев – центральных и территориальных структурных подразделений (учреждений, предприятий, организаций и органов), деятельность которых направлена на исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы, а также наличия профессиональной государственной службы, осуществляющей правоприменительные функции в отношении уголовно наказуемых. Более корректно рассматривать конкретные практики уголовных наказаний, причем на нескольких уровнях – законодательного установления, фактического воплощения и отражения в мировосприятии представителей английского общества в XVIII в. Это позволит установить, каким образом конкретные практики наказаний, развиваясь в рамках

[1] Ibid. P. 787, 809.

института права, в свою очередь, послужили «источником мутаций институтов, замещения норм и производства новых властных отношений»[1].

2.1.1. Смертная казнь – основной вид уголовного наказания в рассматриваемый период, высшая карательная мера, под которой понималось отнятие государством жизни у человека в наказание за преступление. В философских концепциях *ретрибутивизма* – обоснования наказания как возмездия и воздаяния – смертной казни отводится центральное место. Осуществлять заслуженное преступником возмездие за совершенное правонарушение может и должно государство. В современных социально-философских исследованиях обозначено, что в ретрибутивном (карательном) правосудии предупреждение будущих преступлений (*превенция*) или возможность реабилитации (*ресоциализации*) правонарушителя не принимаются во внимание[2]. Однако отечественный юрист А. Кистяковский считал, что способы отправления правосудия в форме смертной казни, особенно в период Средневековья, все же имели целью не столько ретрибутивное воздаяние, сколько *превентивное* устрашение: «В средние века устрашение было действительным устрашением. По городам на площадях возвышались прочно построенные виселицы, на которых постоянно висело несколько десятков казненных. По временам воздвигались костры, после которых оставался в иных местах лес обгорелых столбов как памятник казней; здесь был выставлен колесованный, там шел ряд кольев с воткнутыми на них головами, в другом месте были прибиты различные члены казненных… Чем тяжелее было преступление, чем жесточе хотели наказать, тем торжественнее совершали казнь, с процессиями, народ собирали звоном колоколов. Если нужно было дать особенный урок народу, спрашивали мнение специалистов или спрашивали у судов, какие самые примерные, т. е. самые жестокие казни им известны и у них употребляются. Словом, теория устрашения проводилась

---

[1] Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. Т. 10. 2010. С. 21.

[2] Везломцев В.Е. Смысл и назначение наказания в современном мире: социально-философский аспект. Рязань, 2015. С. 7–9.

самым последовательным и энергическим образом; думали отвратить народ от преступления путем, так сказать, наглядного обучения»[1].

Криминолог И. Фойницкий определял Англию как «классическую страну применения смертной казни», по праву занимавшую первое место в Европе Нового времени по числу преступлений, за которые полагалась высшая мера, как в простой, так и в квалифицированных формах, включавших четвертование, колесование, кипячение в котле, заливание горла металлом и пр.[2] Смертная казнь в квалифицированной форме назначалась в основном за преступления категории *treason* – измена. Простая, но самая популярная форма отправления английского правосудия – повешение – вменялась, в основном, за преступления категории *felony* – тяжкое уголовное преступление (убийство, изнасилование, поджог, грабеж и разбой и т. п.)

Естественное историческое развитие английского прецедентного права (когда судебное решение определенного должностного лица, вынесенное в отношении конкретных частных обстоятельств, регистрировалось и затем служило прецедентом, на который опирались последующие приговоры) привело к тому, что постепенно в категорию правонарушений, караемых высшей мерой, попадало все больше имущественных преступлений. Например, в начале XVIII в. смертная казнь за преступления имущественного характера полагалась в случае вооруженного грабежа со взломом, а цепочка прецедентов, на которые опирались в дальнейшем новые приговоры, привела к тому, что в последней четверти века смертная казнь вменялась за кражу мелких предметов дороже двенадцати пенсов[3]. Кроме того, в парламентских прениях 1808 г. вокруг отмены большинства категорий имущественных преступлений,

---

[1] Цит. по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. Тула, 2001. С. 78.

[2] Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 134–135.

[3] См., напр.: Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N-Y., 1948; Кросс Р. Прецедент в английском праве / под ред. Ф.М. Решетникова; пер. Апарова Т.В. М., 1985.

за совершение которых преступника приговаривали к смертной казни, Ф. Хорнер обратил внимание на абсурд ситуации, связанный с тем, что многие вещи за столетие «необычайно выросли в цене, в то время как человеческая жизнь продолжала обесцениваться». Если в момент принятия соответствующего закона несколько пенсов мог стоить рогатый скот, то в начале XIX в. это цена женской шляпки, но по действующему законодательству подобное преступление все равно подлежит наказанию в форме смертной казни[1].

Эволюцию уголовных статутов и «обмельчание» тяжести преступлений, за которые приговаривали к высшей мере, можно проследить по специальным справочникам-руководствам для мировых судей. Так, в некоторых статутах времен Вильгельма III и Анны Стюарт смертная казнь вменялась за имущественные преступления категории *burglary* – кража и разбой, сопряженные с насилием или тяжким телесным вредом[2]. За имущественные преступления категории *larceny* – хищение имущества тайное или открытое без насилия по статуту 1706 г. полагалось «выжигание клейма, конфискация имущества и принудительные работы сроком от шести месяцев до двух лет»[3]. В 1723 г. был принят закон, прозванный современниками «Черным статутом»[4], который разом внес около 50 видов преступлений, в том числе несколько видов воровства, в категорию приговариваемых к высшей мере[5]. Менее чем через полвека в уголовных

---

[1] URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1808/jun/15/criminal-law

[2] An Act for encouraging the apprehending of Highway Men, 1693. 4 & 5 Wm & Mary, c. 8; An Abridgment of Penal Statutes, which exhibits at one view, the offence; the punishment, or penalty annexed to that offence; the mode of recovering and application of the penalty; the number of witnesses and justices necessary to convict the offender; with a reference to the chapter and section of the enacting statute / by W. Addington. 2nd ed. L., 1782. P. 1.

[3] An Act for the better apprehending, prosecuting, and punishing Felons that commit Burglaries, House-breaking, or Robberies in Shops, Warehouses, Coach houses, or Stables, or that steal Horses. 1706. 5 Anne, c. 6; An Abridgment of Penal Statutes… P. 117.

[4] *Англ.* The Black Act.

[5] An Act for the more effectual punishing wicked and evil- disposed Persons going armed in Disguise, and doing Injuries and Violences to the Persons and Properties of his Majesty’s Subjects, and for the more speedy bringing the Offenders to Justice. 1723. 9 Geo I. c. 22.

законах Георга II и Георга III за имущественные преступления категории *larceny* уже назначалась смертная казнь или приравненная к ней ссылка в колонии[1].

Итак, со второй половины XVII в. парламент методично, статут за статутом, расширял сферу применения высшей меры, имея на это веские основания. Британский писатель и журналист А. Кёстлер, размышляя о «родословной Кровавого кодекса» выделяет его главную причину: *утверждение промышленной революции*, когда «внезапное распространение крайней бедности, в сопровождении – как и должно было случиться – проституции, детского труда, пьянства и преступности, совпадало с беспрецедентным накоплением богатств, что само по себе было дополнительным стимулом к преступлениям»[2]. Беспрецедентным стало не только накопление богатств, но и рост преступности. В данной работе мы не ставим целью рассматривать в качестве свидетельств этого явления официальные документы и статистические материалы, поскольку таковые являются предметом многочисленных серьезных научных исследований в зарубежной криминологии, социологии и историографии, и в настоящее время оформлены в серьезные теории, опирающиеся на внушительную доказательную базу[3]. Принимая результаты этих исследований как адекватное отражение реальной исторической ситуации, мы сосредоточим внимание на выявлении эволюции восприятия образов криминала и его репрезентации в текстах современников, рассмотрев их в тесной связи

---

[1] An Act for the further Punishment of Person, who shall aid or assist Prisoners to attempt to escape out of Lawful Custody. 1742. 16 Geo. 2, c. 31; An Abridgment of Penal Statutes… P. 36.

[2] Кестлер А., Камю А. Размышления о смертной казни. М., 2003. С. 10.

[3] Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750: Urban Crime and the Limits of Terror. Oxford, 2001; Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England / by D. Hay. N-Y., 1975; Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. N-Y., 1992; Crime in England, 1550–1800 / ed. J. Cockburn. L., 1977; McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. L., 1989; Sharpe J.A. Crime in Early-Modern England, 1550–1750. L., 1984; Tobias J.J. Crime and Police in England: 1700–1900. N-Y., 1979; Godfrey B., Lawrence P. Crime and Justice 1750–1950. Cullompto, 2005 etc.

с социокультурным окружением и общими моральными и эстетическими ценностями эпохи.

В XVIII в. Англия переживала процессы бурного роста городского населения. Город манил обманчиво безграничными возможностями экономического и социального благоустройства, привлекая огромное количество людей различного социально-экономического положения. Нахождение в сравнительно ограниченном пространстве относительно большого количества людей неизбежно порождало социальные конфликты.

Вероятно, рост преступности пропорционально следовал за урбанизацией, однако у современников не было возможности соотнести эти показатели, они были просто потрясены тем, что трактовали как реальный кризис национальной морали и нравственности. Процесс криминализации столицы в XVIII в. озаботил, если не сказать ужаснул, современников. Английский философ-моралист Бернард Мандевиль в первой четверти XVIII в. написал: «Город кишит распущенными, ленивыми и бессчетными нищими, преступники продолжают творить свои черные дела, а количество смертных приговоров за воровство и разбой не уменьшается… Лондон страдает от преступности более, чем любой другой город»[1]. В 1749 г. Гораций Уолпол в письмах соотечественнику с сожалением сетовал на то, что из-за уличных грабежей даже в полдень выходишь на улицу, словно готовый к настоящему сражению[2].

Уникальные свидетельства прогрессирующего роста преступности представлены внушительным корпусом исторических источников по материалам уголовно-исполнительного производства (показания истцов, свидетелей и ответчиков, вердикты присяжных, содержание обвинительных

---

[1] Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L., 1725. Free ebooks by Project Gutenberg. URL: http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt.

[2] The letters of Horace Walpole fourth earl of Orford chronologically arranged and edited with notes and indices by Mrs. Paget Toynbee in sixteen volumes with portraits and facsimiles. Vol. II: 1743–1750. Oxford, 1903. P. 415–416.

заключений и судебных казусов)[1]. Многочисленные исследования подтверждают, что всплеск преступности и симметричное увеличение количества смертных приговоров происходили преимущественно за счет резкого увеличения *преступлений против собственности*.

В XVIII в. преступление настолько прочно интегрировалось в жизнь англичан, что стало неотъемлемым элементом социокультурной реальности. По справедливому замечанию Н.С. Креленко, «скученность людей на сравнительно небольшом пространстве, неопределенность положения, отсутствие законных источников доходов, подвижки в общественном укладе и общественном сознании – все это стало питательной средой для криминализации городской жизни, создания особой эмоционально-духовной атмосферы, нашедшей отражение в культуре того времени»[2]. Центром притяжения воров и мошенников всех мастей стал Лондон, который с уст современника У. Блейка живописно изобразил биограф мегаполиса Питер Акройд: «…смешение Вавилонское, явленное нам ныне, – с его мешаниной кривых и извилистых узких улиц, тесных, мрачных и длинных переулков, вонючих тупиков, темных и угрюмых дворов и затхлых задворков… это был еще старый Лондон, не ведавший хваленого “смягчения” нравов, манер и обхождения, которое наметилось только в последние годы XVIII столетия. Отрубленные головы преступников все еще украшали Темпл-Бар, биржа все еще привлекала толпы зевак и являлась публичным зрелищем, солдат все еще прилюдно избивали батогами»[3]. Английский писатель и драматург Генри Филдинг сравнивал «Лондон и Вестминстер с пустынями Африки и Аравии, так как многочисленные предместья, темные аллеи, переулки, дворики – идеальное место, чтобы совершать преступления, а затем скрываться от правосудия подобно диким

---

[1] URL: https://www.oldbaileyonline.org/static/Ordinarys-accounts.jsp

[2] Креленко Н.С. Город, где формируется новый образ жизни («портреты» Лондона в работах Уильяма Хогарта) // Городская повседневность в России и на Западе : межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2006. С. 56.

[3] Акройд П. Уильям Блейк. М., 2004. С. 35–36.

зверям»[1]. Путешественник и филантроп Джонас Хэнвей в 1776 г. писал: «Какие леденящие душу кровь описания ежедневно появляются на страницах газет! Какое впечатление сложится у иностранцев о нашем правительстве? Грабежи, расследования грабежей, опознания преступников, судебные процессы, публичные казни – подобного рода заметки появляются чаще, чем объявления о свадьбах и рождениях!». Резюмируя ситуацию, Хэнвей заключает: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопасности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города»[2].

Итак, увеличение количества «кровавых» статутов в XVIII в. в подавляющем большинстве случаев было средством борьбы с возросшими *имущественными* преступлениями, а особенности прецедентного права константно понижали размер причиненного ущерба, за который полагалась высшая мера, в результате чего к середине столетия даже мелкого карманника можно было по закону отправить на эшафот. Обращение к национальной специфике английских паремий позволяет проследить, насколько прочно связаны концепты «воровство» и «виселица» в пословицах и афоризмах[3]. Упомянутые П. Акройдом ворота Темпл-Бар, украшенные головами преступников, располагались на пути основного двухмильного маршрута приговоренных к высшей мере – от главной тюрьмы Лондона Ньюгейт до Тайнберна – местечка в графстве Миддлсекс близ Лондона, служившего со времен Средневековья официальным местом проведения публичных казней. Географическое название этой деревушки

---

[1] Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robberies, etc. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. L., 1751. P. 116.

[2] Hanway J. Solitude in imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L., 1776. P. 62–63.

[3] См.: Приложение 2.1.

стало источником специфических идиом и пословиц с устойчивой негативной коннотацией, связанных со смертной казнью в английском языке[1].

Долгое следование процессии висельников от Ньюгейта до Тайберна было задумано властями для того самого устрашающего эффекта и «особенного урока народу», о котором писал А. Кистяковский. Атмосферу предположительно должен был задавать знаменитый Тайбернский колокол[2], завещанный в 1612 г. лондонским купцом Церкви Святого Гроба Господня, которая находилась напротив Ньюгейта, с конкретной целью «напоминать обреченным о неизбежной вечности»[3]. Шествие обреченных предваряла проповедь священника, стращавшего толпу «пучиной вечных страданий», в которую вот-вот погрузится душа грешника. Поучение священника перед казнью служило важнейшей коммуникационной технологией, влиятельным инструментом воздействия на общественное сознание. Структурно такая проповедь состояла из двух частей: первая адресована обвиняемому, вторая – внимающей аудитории, собравшейся «поглазеть» на публичное отправление правосудия. Осужденный к высшей мере, закованный в цепи, обычно располагался в некотором отдалении от остальных, лицом к народу – наглядный пример социального отчуждения от общепринятых норм. Тематически проповедь выстраивалась вокруг определенного библейского текста или сюжета[4], который, с помощью авторских комментариев проповедника, направлял ход мыслей внимающих ему в определенное русло. Главные цели, которые пытался достичь оратор, толкуя библейские тексты, – наставление,

---

[1] См.: Приложение 2.2.

[2] См.: Приложение 2.3.

[3] Earle J. The World Display'd: Or, Several Essays: Consisting of the Various Characters and Passions of Its Principal Inhabitants… to Which Is Added, a Description of a Prison. L., 1740. P. 201–202.

[4] Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся. Притч 10:27; Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы. Кор. 15:33; Чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю. 2 Тим. 2:26; Наведи, Господи, страх на них; да знают народы, что человеки они. Пс. 9:21 и др.

увещевание и призыв к покаянию. В зависимости от обстоятельств или темперамента говорящего, содержание назидательной риторики варьировало в широком диапазоне: от размышлений о вечной радости небесного блаженства, которое вознаграждает искупленных, до аллегорий ужасов, ожидающих нераскаявшегося грешника в аду, которые встречаются в английских предсмертных проповедях XVII–XVIII вв. гораздо чаще. Исследователи таких проповедей как особого литературного и риторического жанра склонны отождествлять предсмертную речь духовника с *иеремиадой* – произведением, в котором автор горько оплакивает состояние общества, обличает пороки, сокрушается над попиранием норм морали и религии, и, как правило, пророчит скорый упадок[1]. После слова священника процессия осужденных к смертной казни медленно выдвигалась с востока на запад по районам Холборн и Сент-Джайлс и выходила на Тайберн-роуд (ныне Оксфорд-стрит).

Подобная превенция могла быть эффективной в Средние века и раннее Новое время, однако к середине XVIII в. устрашающий эффект виселицы и эшафота полностью утратил свои дидактические функции, став для всех лондонцев (независимо от возраста, происхождения, социального и имущественного статуса) одним из самых зрелищных мероприятий и излюбленных способов проведения досуга. «Ярмарки Тайберна» собирали рекордные толпы зрителей: так, в 1776 г. свидетелями исполнения приговора стали тридцать тысяч человек, а в 1767 г. – восемьдесят тысяч. Для желающих «поглазеть» на исполнение приговора сооружались деревянные трибуны, некоторые гильдии даже давали мастеровым и ученикам выходной в день экзекуции[2].

Эмоционально-духовная атмосфера ритуала нашла отражение во многих источниках личного происхождения, но одно из самых ярких

---

[1] Bosco R.A. Lectures at the Pillory: The Early American Execution Sermon // American Quarterly. 1978. № 30(2). P. 163.

[2] См.: Приложение 1.1–1.2.

и подробных описаний оставил Б. Мандевиль в аналитическом трактате «Расследование причин участившихся казней в Тайберне»[1]. В третьей главе «О Дне казни, о поездке в Тайберн, а также слово в защиту анатомических вскрытий» [2] публицист представил шокирующее своим содержанием описание тайнбернской ярмарки, которое эпатировало даже современников, неоднократно становившихся невольными или намеренными участниками этого зрелища. Упомянув гул тайнбернского колокола, собирающего народ в ожидании повозок с висельниками, Мандевиль дает характеристику публике: «Здесь у ворот Ньюгейта беснуется толпа: ремесленники и подмастерья, самые ленивые и думающие лишь об отдыхе, – это самые почтенные представители этой находящейся в беспрерывном движении массы… В такие дни выходят воры и карманники обоих полов, из своих нор выползают те, за чью голову назначена награда… Вся дорога в Ньюгейт – это непрекращающаяся ярмарка для негодяев и шлюх самого низкопробного сорта» [3]. В преддверии неминуемой смерти, рассуждает автор, даже самые закоренелые грешники, казалось бы, должны погрузиться в глубокую печаль и хранить молчание, от преступников ожидаемо состояние замкнутого самосозерцания с признаками совестных мук или вполне понятное тревожное беспокойство. Но дорога в Тайберн являет прямо противоположную картину: «все наоборот: чудовищная спешка тюремщиков, злобные взгляды преступников… грубые голоса и дерзкий смех... реки пива и других горячительных напитков, черные руки, богохульные шутки… и все это под грустную мелодию металлических оков»[4]. Беспрестанный гомон голосов, брань, выкрики проклятий доносятся из каждого угла тюрьмы, в толпе своим ремеслом промышляют проститутки, на кулаках могут сцепиться провокатор и спровоцированный.

---

[1] Mandeville B. Op. cit.

[2] *Англ.* Of Execution Day, the Journey to Tyburn, and a Word in behalf of Anatomical Dissections.

[3] Mandeville B. Op. cit.

[4] Ibid.

Обязательно найдется кто-то, кто будет расшвыривать гнилые овощи, трупы кошек и собак и прочую «грязно-пакостную мерзость», стараясь попасть в того зеваку, у которого платье почище и побогаче на вид – это тоже часть ритуала дороги в Тайберн.

С приближением к виселице экзальтация зрителей возрастает: бывали случаи, когда зеваки погибали под ногами толпы раньше тех, кто по приговору едет за своей смертью. «Самое ужасное, – продолжает автор, – что с окончанием работы палача зрелищное действо не заканчивается. Разворачивается новый акт – сцена перебранки за тела повешенных между гильдией врачей-хирургов, которые предъявляют право на анатомическое изучение тел казненных, и представителями родственников или «преступного клана» повешенного, требующих предать земле непоруганное тело, которое к тому же, по их мнению, обладало чудодейственной силой[1]. Исследователь П. Лайнбо подробно описал «анатомические баталии», сопровождавшие публичные казни. В ожесточенные потасовки вступали хирурги, родственники или друзья, которые испытывали на теле целую серию «воскресительных методов», и просто зеваки, суеверно полагающие, что «еще подергивающаяся рука» казненного преступника является целебным снадобьем от целого ряда заболеваний[2].

Особое внимание Мандевиль уделяет поведению преступников и висельников, чьи образы уже овеяны романтизированными легендами. Радостно возбужденная толпа нарастающим ревом встречает появление повозок, запряженных волами, из ворот тюрьмы. Если на казнь едет какой-нибудь особый «ветеран» преступного мира, пишет Мандевиль, молодежь, рискуя порвать одежду и переломать кости, лезет через толпу, сквозь колеса повозки и лошадей, пожать руку будущему «властелину поместья Тайберн». Заключенным на каждом шагу протягивают «дешевое сомнительное

---

[1] Ibid.

[2] Linebaugh P. The Tyburn Riot Against the Surgeons // Albion's Fatal Tree... P. 65–117.

пойло», а те стараются проглотить по возможности больше, чтобы заглушить свой страх, с этой целью процессия останавливается несколько раз, затягивая действо. Кульминацией тайбернского шоу, безусловно, являлась предсмертная речь осужденных, которая в XVIII в. превратилась в особый концепт массовой культуры. Приговоренные к смертной казни, стараясь не обмануть ожидания толпы, готовили последнее слово тщательно, иногда даже зачитывали с листа. Содержание предсмертной речи варьировалось от неистового покаяния в стремлении вымолить прощение перед Богом и людьми до откровенной дерзкой бравады и насмешки над властями, причем последнее случалось гораздо чаще.

Философ анализирует поведение толпы, которая побуждает преступника к откровенному эпатажу, и ставит серьезный вопрос: почему публика, с одной стороны, восхищается пьяной бравадой, с которой принимает смерть преступник, и восклицает «Хорошо умер!», с другой – унизительно освистывает и осыпает оскорблениями тех, кто в отчаянии цепляется за жизнь, приравнивая слезы к малодушию. Презентуя «многолюдный и темный мир героев Дефо», советский писатель Р. Белоусов подмечал эту противоречивую черту: «Преступный мир, подобно Янусу, имел два лица – одного боялись и ненавидели, другим восхищались. И обычно тот, кто кончал жизнь на виселице, становился объектом восхищения, если «мужественно умирал». К раскаявшимся питали отвращение, их называли трусами и подлецами» [1]. Мандевиль сравнил тайбернскую толпу, пришедшую на казнь, с состоянием опасной экзальтации, в которую впадали первобытные люди во время массовых человеческих жертвоприношений.

Подобное поведение вызывало искреннее недоумение у самих англичан уже век спустя. Анонимный автор статьи в «Журнале Фрэйзера» в 1834 г. размышлял над историей висельника Натаниела Хауи,

---

[1] Белоусов Р.С. Тайна Иппокрены. М., 1978. URL: http://www.belousenko.com/books/ litera/Belousov_Ippokrena.htm

представленной в Ньюгейтском календаре [1]. Преступник-рецидивист предстал перед судом в 1721 г. за разбой, но в предсмертном слове отказался признать свою вину на том основании, что «не желал умирать в потрепанном сюртуке, который ему выдали вместо его собственной элегантной одежды». К нему применили жестокие пытки: разорвали сухожилия на руках, а затем в течение семи минут держали под прессом массой 250 фунтов[2], чем вырвали предсмертное признание. Причину своего поведения Хауи объяснил не стремлением вернуть свое имущество, а желанием вызвать одобрительную реакцию публики. После вынесения приговора он продолжил вести себя в той же дерзкой манере и заявил своим товарищам по несчастью, что они лишены мужества, в то время как он хочет умереть героем[3]. Автор XIX в. задается вопросом, что двигало несчастным висельником: «стойкость мученика, отвага героя или тупое упрямство животного?», и сам же выдвигает предположение: «Сэр Томас Смит, философ и юрист, утверждал, что ни в одной стране кроме Англии преступники не отправляются на казнь с такой отчаянной смелостью. Некий знающий и заслуживающий доверия французский автор, к сожалению, мы не помним его имя, уведомляет читателя о том, что наши соотечественники отличаются *удивительной страстью к виселице*, объясняя это влиянием невыносимого климата. Мы не можем опровергнуть это утверждение, так как лично не присутствовали на процедуре казни, но в записях прошлого столетия представлены в высшей степени странные сцены, когда приговоренные прибывали в Тайберн в наемном экипаже, облаченные в лучшую одежду, с букетом в петлице, по пути сделав несколько остановок в тавернах, чтобы влить в себя не одну пинту крепкого алкоголя»[4]. Историк А. Маккензи

---

[1] Hints for a History of Highwaymen // Fraser’s magazine for town and country. Vol. IX: January to June. L., 1834. P. 282.

[2] 113,4 кг.

[3] The Newgate calendar: or, Malefactor's bloody register: containing genuine and circumstantial narratives of the lives and transactions, various exploits and dying speeches of the most notorious criminals of both sexes, who suffered death, and other punishments in Great Britain and Ireland from the year 1700, to the present time / by A. Knapp. L., 1770. P. 325.

[4] Hints for a History of Highwaymen ... P. 282.

убеждена, что именно толпа побуждала преступника демонстрировать худший пример неповиновения власти. Таким образом, заключает исследователь, «вместо того чтобы служить наглядной демонстрацией того, что ожидает тех, кто нарушит Уголовный кодекс, публичные повешения XVIII в. превратились в унизительный зрелищный вид спорта: тот, в котором чванливый преступник умирает "играючи", чтобы воскреснуть в общественном сознании как квази-мученик»[1].

Подобные описания тайнбернского шествия можно встретить у С. Ричардсона[2], С. Кервена[3], Г. Филдинга[4], Дж. Хэнвея[5] и других авторов, в произведениях художественной литературы эпохи, а также в материалах Олд-Бейли[6]. Современный исследователь М. Уайт полагает, что поведение толпы – «карнавал смерти», сконструированное по таким «блестящим» и именитым нарративным материалам, постепенно превратилось в «исторический троп», который нуждается в современном пересмотре и анализе. Общественные и политические деятели, предположил Уайт, могли «сгущать краски», намеренно использовать образы развратного карнавала, чтобы привлечь внимание к проблемам городской преступности в развитие критики уголовного закона. Подобные образы были усилены в историографии второй половины XIX в. как «удобный маркер ужасов прошлого», из которого были выведены «прогресс уголовного права» и «социальные улучшения». По убеждению М. Уайта, впоследствии это

---

[1] McKenzie A. Martyrs in Low Life? Dying «Game» in Augustan England // Journal of British Studies. Vol. 42. 2003. №. 2. P. 168.

[2] Richardson S. Letters Written to and For Particular Friends on the most Important Questions. L., 1741. Letter CLX. P. 239–240.

[3] Journal and letters of the late Samuel Curwen, Judge of Admiralty, etc., a loyalist-refugee in England, during the American revolution. To which are added illustrative documents. N-Y; L., 1845. P. 36.

[4] Fielding H. Op. cit. P. 92–93, 196.

[5] Hanway J. The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, particularly in and about the Metropolis... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. L., 1775. P. 29.

[6] URL: https://www.oldbaileyonline.org/static/JourneyTyburn.jsp

сформировало «наше понимание или непонимание английских публичных казней XVIII века»[1].

В диссертационном исследовании Уайт предпринял попытку опуститься с уровня размышлений интеллектуалов и политиков на уровень массовой культуры и проанализировал прессу рассматриваемого периода. Английскую журналистику XVIII в. действительно отличал, по выражению Э. Снелл, настоящий «ненасытный аппетит» [2] к вопросам преступления и наказания, отмечаемый многими исследователями [3]. М. Уайт сделал выборку заметок о тайнбернских шествиях из изданий *London Evening Post, Daily Gazetteer, Westminster Journal and London Political Miscellany, Gazetteer and New Daily Advertiser* и др., где нашел изображения казней, противоречащие созданному образу городского «карнавала смерти». Репортеры описывали и горький плач, и искреннее раскаяние, цитировали последние «поучения» висельников, обращенные к толпе, жить в честности и трудолюбии. Нашлось место и скорбному молчанию, и состоянию задумчивого оцепенения, в которое толпу вводила произнесенная проповедь[4]. Безусловно, пресса и периодика – достаточно тенденциозный исторический источник, отражающий интересы тех, на чьи средства издавались (правительство, церковь, частные лица), однако моралистическую составляющую, которой издатели наполняли тему «предсмертного покаяния» воров и мошенников, надо отметить как один возможных способов превенции преступного поведения.

Современный немецкий историк А. Кришер высказал интересную гипотезу эволюции концепта «предсмертного покаяния» и его значения

---

[1] White M.T. Ordering the Mob: London's Public Punishments, c. 1783–1868. PhD thesis, University of Hertfordshire. 2009. P. 50.

[2] Snell E. Discourses of criminality in the eighteenth-century press: The presentation of crime in The Kentish Post, 1717–1768 // Continuity and Change. 2007. № 22(01). P. 13–47.

[3] King P. Newspaper reporting and attitudes to crime and justice in late-eighteenth and early-nineteenth-century London // Continuity and Change. 2007. № 22 (1). P. 73–112; McGowen R. The Problem of Punishment in Eighteenth-Century England // Penal Practice and Culture / eds. S. Devereux and P. Griffiths. Basingstoke, 2004. P. 210–227.

[4] White M.T. Op. cit. P. 56–58.

в ритуале исполнения смертной казни. Первоначально публичная покаянная речь служила способом подтверждения легитимности вынесенного смертного приговора, ведь «на карту была поставлена не только репутация процедуры дознания, но и трансцендентная уверенность в виновности осужденного к смерти, которая могла быть подтверждена только его предсмертным словом». Поэтому, убежден Кришер, армия священнослужителей, капелланов и тюремщиков, «если это было необходимо, работали с осужденными перед казнью днем и ночью, пытаясь добиться от преступников обращения, раскаяния и христианской подготовленности» [1]. Таким образом, публичное исполнение ритуала смертной казни было «частью протестантской покаянной практики и необходимым результатом старого уголовного процесса, нуждавшегося в подтвердительном признании осужденного». В XVIII в. судебная процедура была существенно реформирована, получила юридическую автономию и более не нуждалась в «дополнительных формах легитимации, которые традиционно обеспечивались публичными признаниями», а религия, как следствие, «утратила роль единственного арбитра истины в уголовном процессе». Так, после 1700 г. власти «сверху» постепенно отказались от «официальной интерпретации» ритуала смертной казни с обязательным признательным предсмертным покаянием. Получив свободу, концепт «предсмертного покаяния» стал саморегулироваться «снизу», что постепенно придало ритуалу смертной казни черты «плебейского карнавала»[2].

В первой четверти XVIII в. массовое тиражирование предсмертных исповедей и последних слов висельников стремительно набирало популярность. По мнению Н.В. Карначук, спрос читательской аудитории на криминальную тематику зафиксирован уже в раннее Новое время: «Так,

---

[1] Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches. Washington-Baltimore, 2012. P. 92.

[2] Ibid. P. 95.

наряду с плутовскими романами, огромный читательский интерес привлекали “воровские памфлеты”, повествующие о судьбе и похождениях известных воров и грабителей, кони-кэтчинги, приоткрывающие тайну мошеннических трюков, площадные листки с новостями – прозаические и стихотворные, – информирующие о громких преступлениях и казнях и выполняющие в XVI – начале XVII вв. среди прочего функции газеты»[1]. «Правдивые признания» ньюгейтских заключенных, полученные не без участия тюремных капелланов, а также заготовленные тайбернские предсмертные речи печатались на дешевом широкоформатном листе бумаги по четыре страницы: каждая сторона располагалась так, чтобы покупатель мог сложить, разрезать ее и прошить, сформировав буклет. Дешевые издания – не более пенни за штуку – охотно раскупались на ярмарках и во время публичных казней в Лондоне.

Вокруг криминальных историй поднялся настоящий общественный ажиотаж, и предприимчивые англичане, следуя экономическому закону спроса и предложения, извлекали из этого выгоду, способствуя тем самым дальнейшей популяризации явления. Примером может служить издатель Дж. Эпплби, который в журнале *The Original Weekly Journal* систематически публиковал «исповеди висельников» и их предсмертные речи. Оформив доступ к официальным отчетам и сведениям о заключенных в Ньюгейте узниках, издатель на возмездной основе получал информацию от сотрудников тюрьмы и капелланов. Впоследствии Эпплби начал нанимать анонимных журналистов в качестве биографов, заключенные же получали за истории небольшую плату, которая могла быть выплачена пособием их семье: например, за особенно сенсационный материал можно было заработать до 25 фунтов. Идея собирать листки в альманахи привела к появлению уникальных изданий – календарей и справочников[2]. Первая

---

[1] Карначук Н.В. Темы преступления и правосудия в английской популярной литературе конца XVI – начала XVII вв. // Средние века. Т. 71. 2010. № 3–4. С. 332.

[2] The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the

коллекция подобных записей под названием «Тайбернский календарь, или Кровавый реестр злоумышленников» был издан в 1705 г. Г. Суинделом, в 1719 г. выходит «История жизней и преступных деяний самых печально известных разбойников, взломщиков и мошенников обоего пола, произведенных в Лондоне, Вестминстере и других частях Великобритании за последние сто лет» А. Смита, а спустя год – «Хроника Тайберна, или Злодейство во всех его ипостасях». Трехтомное издание под названием «*Ньюгейтский календарь, или Кровавый реестр негодяев, содержащий: подлинный и косвенный рассказ о жизни и деяниях, также предсмертные речи самых печально известных злоумышленников обоих полов, приговоренных к смертной казни в Великобритании и Ирландии государственную измену, убийство, пиратство, воровство, фальшивомонетничество… где показан переход от порока к добродетели и приведены полезные размышления о несчастных, ставших жертвами национального законодательства*» вышло в свет в 1774–1778 гг. В XVIII в. «Календарь» переиздавался еще дважды, один раз в 1780 г. с посвящением сэру Джону Филдингу, в XIX в. – шесть, в XX в. – одиннадцать раз с вариациями в названии и содержании.

Календари предположительно должны были выполнять дидактическую функцию, стать способом воспитывать массы, интегрировать в сознание идею неизбежного воздаяния за нарушение социальных и правовых норм. На одном из томов в качестве фронтисписа издатели разместили гравюру с изображением респектабельной дамы, вручающей чтиво сыну на фоне открытого окна, где явственно угадываются очертания виселицы и болтающегося на нем тела[1]. «Мы представляем наш

Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp and W. Baldwin. In 5 vols. L. 1824–1828; The Complete Newgate Calendar / ed. by J.L. Rayner, G.T Crook. In 5 vols. L., 1926; The Newgate calendar: or, Malefactor's bloody register: containing genuine and circumstantial narratives of the lives and transactions, various exploits and dying speeches of the most notorious criminals of both sexes, who suffered death, and other punishments in Great Britain and Ireland from the year 1700, to the present time / by A. Knapp. L., 1770.

[1] См.: Приложение 2.4.

скромный труд на суд общественности, – открывалось предисловие к изданию Э. Нэппа и А. Болдуина, – нимало не сомневаясь, что после внимательного прочтения его сочтут пригодным для ограждения юных умов от порочных соблазнов и поддержания общего блага». Издатели сформулировали подобие социальной концепции публикаций календаря: «Усилению идеи наказания способствует запись историй правонарушителей: в этом свете следующая криминальная хронология окажется полезной для представителей всех сословий, ибо на ее страницах запечатлены самые разные примеры, в том числе и тех, кто оказались недостойными своего происхождения, богатства и образования» [1]. О непреходящем интересе англичан к криминальному чтиву свидетельствует тот факт, что во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Ньюгейтский справочник входил в тройку самых популярных изданий (наряду с Библией и иной религиозной литературой), которые можно было обнаружить в роскошном переплете в библиотеках благородных аристократов и респектабельных буржуа, издания попроще – на полке рядового английского дома. Литературная мода на криминальные истории оказалась долговременной и устойчивой: «Календарь» переиздавался в течение всего XIX в., породив особый жанр детективной литературы под названием «Ньюгейтский роман» и заложив новые традиции светской биографии в английской литературе[2].

Предположим, что такую популярность лишь частично можно объяснить назидательным характером историй, вызывающим необходимость проанализировать опыт, пережитый другими, и выстроить свой «от противного». Выражаясь современным языком, «ярмарка Тайберна» стала брендом лондонской действительности первой половины XVIII в., а рассмотренные издания – способом монетизации этого бренда.

---

[1] Preface to Knapp and Baldwin's edition... P. 17, 20.

[2] Introduction // Defoe on Sheppard and Wild: The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild by Daniel Defoe/ ed. with an introduction by R. Holmes. N-Y., 2004. P. 13.

Издатели «Ньюгейтского календаря» уловили новые тенденции общественной психологии и положили их в основу выверенной и успешной коммерческой стратегии, исходя из вполне рациональной мотивации получения прибыли. В свою очередь, это привело к эстетизации преступного поведения и романтизации образа правонарушителя. Историк И. Эрлихсон в серии статей и монографическом исследовании провела анализ художественных образов в английской литературе первой половины XVIII в., показав, как «воплощенные талантливыми актерами лихие криминальные персонажи» оказывали на читателя и зрителя не разоблачающий, а очаровывающий эффект [1]. Тайбернские журналисты запечатлевали и увековечивали канонический образ знаменитого преступника – вора и бандита с большой дороги, рожденного в бедности, неоднократно уходившего от закона, фантастически быстро разбогатевшего, но неизбежно завершающего «блестящую» карьеру бенефисом на тайбернских «подмостках» под ликование алчущей кровавого зрелища толпы [2]. По мнению ведущего специалиста по английской литературе XVIII в. Д.Х. Рихтера, криминальная биография стала одним из самых популярных жанров в августианской Англии, а причины популярности подобных историй «можно объяснить тем, что эти персонажи воплощали тайные фантазии об абсолютной свободе, морально-нравственной, экономической, сексуальной»[3].

---

[1] Эрлихсон И.М. Джон Шеппард и анатомия преступления в поздней публицистике Д. Дефо // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 72–85; Ее же. Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: история и международные отношения. Т. 20. 2020. № 4. С. 526–534; Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020. Главы I, II, IV; Эрлихсон И.М. «Ньюгейтский календарь»: психологическая реконструкция английской криминальной биографии XVIII столетия // Вестник Томского государственного университета: культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 166–178.

[2] Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Указ. соч. С. 124.

[3] Richter D. Jonathan Wilde and the crime fiction // Richter D. Ideology and form in Eighteenth-century literature. Texas, 1999. P. 106.

В одном из политических памфлетов, написанных Даниэлем Дефо под псевдонимом Эндрю Моретона, эсквайра[1], автор вынес на обсуждение проблему романтизации криминального мира и образа жизни, следствием которого является недооценка обществом опасности, исходящей от преступного мира: «Джек Шеппард, герой драмы, в сцене триумфального бунта, производит сильное впечатление на посредственные умы; его утонченные манеры, элегантная одежда, карманы, набитые деньгами, убивают стремление зарабатывать на жизнь честным трудом… и вот вам еще один свежеиспеченный негодяй!»[2] Что, впрочем, не помешало Дефо самому обратиться к эпизодичной эстетизации лихой жизни в своих произведениях. Ориентируясь на запросы и ожидания публики, Дефо завершает приключения Молль Флендерс и полковника Джека счастливым концом, что противоречит морализму благопристойного эсквайра Моретона, но становится бестселлером Дефо – бывшего тюремного арестанта[3]. Так с помощью нарративных практик сохранялась память о тех, кто с точки зрения традиционной морали был недостойным для увековечения в архиве большой культуры: все богатство социальных типов преступников от мелких мошенников до жестоких убийц с психопатическими наклонностями.

Итак, рассмотрев ключевые моменты основного ритуала карательного правосудия, его воплощения в материальной форме реальных человеческих взаимодействий и отражение в письменных источниках, мы можем

---

[1] Moreton A. [Defoe D.] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. Oxford, 1841.

[2] Ibid. P. 10.

[3] В 1702 г. был анонимно опубликован памфлет Д. Дефо «Кратчайший путь расправиться с диссентерами», построенный на популярном в XVII–XVIII вв. журналистском приеме: автор выступал от имени политических оппонентов, максимально утрируя их советы и рекомендации. На фоне скандала вокруг антиправительственного памфлета было возобновлено дело о не выплаченных Дефо долгах, по которому суд приговорил его к позорному столбу, крупному денежному штрафу и семи годам примерного поведения. Хотя публичная казнь стала скорее политическим триумфом Дефо, но из-за невозможности выплатить штраф он находился в тюрьме, а его семья осталась без средств к существованию.

проследить, как эстетизация преступной культуры, превращение смертной казни в перфоманс изменяли норму устрашения, заложенную законодателем в приговор к высшей мере. Эту мысль в свое время лаконично выразил Г. Филдинг, отметив, что замысел тех, кто некогда задумал объединить понятие стыда и смерти, не оправдался, и «день, который должен покрыть преступника позором, превращается для него момент славы, а триумфальное шествие в Тайберн вызывает сочувствие у кротких сердцем и восторг у дерзких духом»[1]. Потому, резюмирует он, упование на дидактическую силу отвратительных спектаклей, связанных с публичными казнями, не предотвращает преступления, а, напротив, способствует им. Пока государственные умы, за неимением альтернативы, продолжали принимать статут за статутом, противопоставляя галопирующей преступности возрастающую строгость закона, восторженная публика рукоплескала древнему ритуалу. Преступность стала одним из факторов, создававших социокультурную реальность, в которой причинно-следственная связь преступления и наказания оказалась парадоксальным образом трансформирована.

Еще одним источником изменения норм, заложенных в институт смертной казни, стала практика избирательного приведения приговоров в исполнение. Историк права А. Кистяковский в исследовании о смертной казни приводит такие данные: в Лондоне с 1749 по 1772 год был приговорен к смертной казни 1 тыс. 121 человек, из них действительно казнены 678 человек[2]. Британская историография оперирует данными исследователя Вика Гэтрелла: по его подсчетам, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 000 человек, но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров[3]. Все это позволило исследователям второй половины XX в. прийти к заключению,

---

[1] Fielding H. Op. cit. P. 180.

[2] Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула, 2000. С. 167.

[3] Gatrell V.A.C. Op. cit. P. 9.

что кровавым был только *кодекс* – сводный законодательный акт, систематизировавший сходные правовые нормы, но не *исполнительное правосудие*. Уже современники осознавали эту правовую коллизию и пытались найти тому объяснения, многообразие которых можно свести к двум полюсным позициям: одни критиковали систему законов, другие – служителей Фемиды, допустивших расхождения между Законом и его исполнением.

Первую точку зрения четко формулирует Дж. Тревельян: «Следствием возрастающей строгости законов в этом постепенно становившемся более гуманным веке было то, что присяжные часто отказывались признавать людей виновными в небольших преступлениях, которые привели бы их на эшафот». Так, У. Блэкстон в «Комментариях к законам Англии» (1765) приводит пример: английские присяжные при решении дел о воровстве в 40 шиллингов, за которое закон грозил смертной казнью, объявляли, что обвиняемый виновен в воровстве 39 шиллингов, чтобы таким образом избавить его от высшей меры [1]. По замечанию Тревельяна, «для уголовных преступников было легко с помощью мудрых законодателей ускользнуть на основе чисто формальных юридических ухищрений из сетей старинной и хорошо разработанной процедуры. Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали»[2]. Этот, по оценке историка, «нелогичный хаос законов» возмущал общественность, мотивировал правоведов к поиску разрешения юридической коллизии, а интеллектуалов озадачивал моральной дилеммой.

Юрист и политик Уильям Иден в работе «Принципы уголовного закона» предположил, что причина несостоятельности правосудия и уклонения власть имущих от законности сокрыта в бессмысленно

---

[1] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 208.

[2] Тревельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 376.

жестоких статутах «кровавого кодекса»: «свидетели умалчивают показания, страшась стать причиной чьей-то смерти, судьи отступают от присяги, а присяжные часто руководствуются не законностью, а состраданием»[1]. Иден был искренне убежден, что от подобной практики страдает общественная мораль всех участников судебного процесса – жертв, свидетелей, судей и присяжных. К подобному заключению приходит и правовед А. Кистяковский: «…пострадавшие от преступлений не хотят обвинять, когда знают, что обвинение их может повлечь смертную казнь; свидетели не хотят в таком разе свидетельствовать; присяжные часто в этом случае или отвечают: не виноват, или признают существование смягчающих обстоятельств; наконец, монархи нередко спешат давать помилование, единственно из желания избавить от смертной казни»[2]. В. Гэтрелл подробно изучил сложившуюся в XVIII в. практику помилования и пришел к выводу, что свыше двух третей смертных приговоров выносились с расчетом на последующую королевскую амнистию[3]. Кистяковский также ссылается на прецедент, когда присяжные «под влиянием исполненного страсти и пиэтизма объяснения судьи» вынесли приговор о виновности. А когда приговоренную к смертной казни не захотели избавить от высшей меры помилованием, то сами присяжные подали петицию, в которой «объявили, что они никогда бы не признали обвиняемую виновною, если бы им хотя бы на мгновение могла прийти мысль, что приговор будет исполнен»[4]. Прогрессивные политики и правоведы XVIII – начала XIX вв. были уверены в том, что именно бессмысленно суровое законодательство, при котором «мы словно торопимся убрать их [правонарушителей. – *С.В.*] со сцены жизни посредством кодекса, который приговаривает к смерти за две сотни различных преступлений, как если бы все наши законы были написаны кровавым пером под диктовку Драконта-язычника. И кажется

---

[1] Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771. P. 268–270.
[2] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 50.
[3] Gatrell V.A.C. Op. cit. P. 226.
[4] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 210.

удивительным, что эта система по-прежнему действует, если учесть, что смертная казнь, насколько стало очевидным в нашей собственной стране, имеет малый или вообще никакой эффект в качестве наказания за преступления»[1].

Таким образом, «мудрые законодатели», поспособствовавшие тому, что преступник ускользал «из сетей старинной и хорошо разработанной процедуры», могли руководствоваться и милосердием, и религией, и давлением общественности, но более вероятно осознанием анахронизма системы, которую если не могли изменить, то хотя бы «обойти». Это не было решением проблемы, скорее необходимой отсрочкой. Аболиционисты смертной казни направляли острие критики именно на систему уголовного закона, которая, по их убеждениям, вынуждала представителей власти прибегать к «чисто формальным юридическим ухищрениям». Парадокс состоял в том, что, руководствуясь гуманными соображениями, представители власти способствовали дискредитации власти и закона в целом.

Преступники злоупотребляли обстоятельствами настолько, что, по свидетельству Кистяковского, англичанин Гармер, возглавивший одну из первых комиссий по ревизии уголовного законодательства, был шокирован: «Я видел много приговоров… возбуждавших общее удивление, потому что виновность обвиняемого была очевидна. Старые воры по профессии знали в совершенстве эти симпатии присяжных и охотнее желали, чтобы их обвиняли в преступлении, наказываемом смертною казнью, чем в другом. Я имел с ними многочисленные сношения и часто слышал, как они выражали такое желание, говоря, что в этом случае для них больше шансов не быть наказанными»[2]. В трактате «Размышления об исполнительном

---

[1] Tract no. III Of the Society for diffusing Information on the Subject of Capital Punishment and Prison Discipline «On the Effects of Capital Punishment, as applied to Forgery and Theft (including the sentiments of some eminent authors, with some account or recent occurrences and proceedings)». L., 1818. P. 7.

[2] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 209.

производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях» священник с юридическим образованием М. Мэдан вспоминает разговор с неким «известным барристером», который поведал ему весьма занимательный «анекдот»: на выездной сессии в Норфолке он беседовал с ветераном криминального мира, *в очередной раз* приговоренным к смертной казни. На вопрос, почему тот всякий раз возвращался к преступному ремеслу, преступник ответствовал примерно следующее: «О, сэр, ведь существует так много разных обстоятельств в нашу пользу, и так мало в пользу тех, кто против нас. Во-первых, маловероятно, что нас обнаружат, еще меньше – что схватят, еще меньше – что приговорят к смерти, и, я ставлю двадцать против одного, что приговор не приведут в исполнение»[1]. Действительно, в условиях практического отсутствия настоящей полиции в рассматриваемый период случаи арестов были крайне редки. Г. Филдинг, ратовавший за создание и укрепление полиции, в свое время возмущался: «Доколе в нашем королевстве будут править бал преступники? Они объединяются в многочисленные банды, открыто насмехаясь над законами. Дело доходит до того, что офицер, имея на руках ордер на задержание, не смеет предъявить его, так как на крик негодяя моментально сбегутся двадцать или тридцать молодчиков, вооруженных до зубов и готовых прийти на выручку своему подельнику»[2]. Если же преступника удавалось поймать, осудить в соответствии с действующим законом, то произвол помилований придавал «анекдоту» почти статистическую достоверность. Например, в течение пяти лет (с 1806 по 1811 год) в Англии из 595 виновных в преступлениях, караемых высшей мерой, только 120 подверглось осуждению, 20 было приговорено к смертной казни, и только один казнен[3].

---

[1] Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L., 1785. P. 37.

[2] Fielding H. Op. cit. P. 145.

[3] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 208.

Итак, очевидно, что «становившийся все более гуманным век» нивелировал суровость законов их неисполнением. Подобные разногласия между законом и жизнью, существование огромной разницы между количеством обвинений в преступлениях, влекущих смертную казнь, и количеством действительно казненных в конечном итоге привели к пороку нормы, заложенной законодателем, ее неспособности регулировать общественные отношения. По мнению А. Кистяковского, «вследствие этого закон, грозящий смертною казнью, потерял силу и люди, которых интерес стоит на стороне наказания, боясь ненаказанности, просят иногда, во имя наказания, отмены смертной казни. Оттого-то люди, склонные к преступлению, зная, как редко закон, грозящий смертною казнью, применяется на деле, ободряемые надеждою на ненаказанность или снисхождение, совершают еще с большею дерзостью тяжкие преступления»[1].

На полюсе мнений, противоположных рассмотренному выше, сошлись взгляды тех, кто направлял критику не на систему кровавых статутов, а на представителей закона, допускающих произвол помилований. «Бездумное злоупотребление властью, – писал М. Мэдан, – подрывает всю систему уголовного правосудия и ставит общественное благо в зависимость от волеизъявления отдельных людей»[2]. Сторонники строго соблюдения существующих законов не считали их суровыми или избыточными, а проблему разгула преступности усматривали как раз в злоупотреблении представителями закона властью.

Мэдан противопоставил действительность выездных судебных сессий ожиданиям законодателя, заложенным в судебный ритуал. Говоря о смертной казни как о норме действующего закона, священник подчеркивает, что волеизъявлением законодателя этой нормой предусмотрены функции охранительная и воспитательная: «…мудрость

[1] Там же. С. 50.
[2] Ibid. P. 60.

нашей конституции заключается в том, что полнота исполнительной власти – в руках Короля, который делегирует ее другим магистратам, действующим от его лица; относительно уголовных законов главные из этих магистратов – двенадцать судей Англии… эти апостолы мудрости избираются из самых компетентных и знающих юристов… и дают торжественную клятву отправлять правосудие». В идеале ритуал судебного процесса должен «внушать ужас виновным и гарантировать защиту и безопасность невинным в каждом уголке королевства». Далее Мэдан описывает выездные сессии суда Королевской скамьи, предположительно имевшие место пару столетий назад, когда под звуки труб разъездные судьи, облаченные в мантии, и местные присяжные направлялись в церковь, затем возвращались в помещение суда, иногда украшенное цветами и душистыми травами. В самых торжественных выражениях судья «проповедовал» о природе преступления, назначении законов, внушая осужденным на смерть мысль о необходимости достойно провести последние часы. При этом, подчеркивает автор, речь должна производить неизгладимое впечатление не только на преступников, но и на всю аудиторию: «… на протяжении оставшейся жизни они будут избавлены от соблазна вступить на скользкую дорожку, поскольку узрят воочию, к чему она приводит… ужасные слова приговора прозвучали, преступников увели и толпа расходится по домам, унося на устах скорбную новость… неотвратимость наказания очевидна, и все графство ощущает долговременный эффект уголовного правосудия, а местные судьи, вдохновленные его примером, продолжают хранить и передавать справедливость и истину от поколения к поколению»[1].

Однако, анализируя современную ему практику судебных процессов, Мэдан наглядно показал, как ожидания законодателя, заложенные в институт смертной казни, более не достигают ни устрашающего, ни дидактического эффекта. Критике проповедника подвергаются судьи – эти

[1] Ibid. P. 23–30.

«апостолы мудрости», которые вместо того, чтобы выносить вердикт, исходя из верности даваемой ими присяге, руководствуются соображениями личного характера, такими, например, как «мягкосердие», усталость, нежелание «брать на душу грех». Мэдан так строг в своих требованиях к священному ритуалу судебного процесса, что осуждает даже такие, на его взгляд, «пагубные для правосудия явления», как допрос преступников и свидетелей в послеобеденное время, когда большая часть присутствующих в суде людей «разморены тяжелой пищей и крепкими напитками: жара и алкогольные пары погружают достопочтенного судью в сонное оцепенение, из которого его выводят ударом локтя в бок… и от этой мелочи зависит судьба злосчастного осужденного!»[1] Генри Филдинг даже классифицировал «человеческий фактор» в процессе отправления правосудия, разделив некомпетентных представителей закона, от которых напрямую зависит ход судебного разбирательства, на шесть категорий: 1. Запуганные угрозами; 2. Стесняющиеся публики; 3. Праздные; 4. Жадные; 5. Слишком мягкосердечные, чтобы отправить человека на казнь; 6. Действительно нуждающиеся. «Последние две категории заслуживают серьезных размышлений, так как представители пятой исходят из ошибочных суждений, а шестые же порождены недостатками нашей Конституции»[2].

Высшим проявлением «опрометчивого добросердечия» является практика королевского помилования, по ироничному замечанию Филдинга, являющаяся излюбленной прерогативой Его Величества, бьющей по карману Его подданных: «В то время как все или почти все преступления по закону заслуживают смертной казни, судья *выбирает* лица, которые должны быть подвергнуты экзекуции, большинство же преступников отделывается посредством помилования гораздо меньшими наказаниями. В Лондоне рекордер докладывает королю в совете после каждой сессии

---

[1] Ibid. P. 144.

[2] Fielding H. Op. cit. P. 164.

о лицах, приговоренных к смертной казни, король лично принимает участие в рассмотрении доклада и решает, какой приговор должен быть приведен в исполнение, а какой нет»[1]. По мнению Филдинга, подобная практика сводит на нет смысл уголовного законодательства, призванного сеять семена ужаса в сердцах силой примера.

Созвучную критику практики помилования, от которой страдает вся система, приводит Мэдан, ратовавший за неукоснительное соблюдение буквы закона. Человеческий фактор, убежден священник-юрист, привел к тому, что за столетие система уголовных наказаний дискредитирована настолько, что «законы – не что иное, как огородное чучело, которое пугает только вначале, а когда его вид станет привычным, не вызывает и тени страха у самых робких представителей племени пернатых»[2], или «гадюка, у которой вырвали ядовитые клыки, она не причинит ни малейшего вреда тем, кто бросает ей вызов»[3]. Размышляя над обозначенной проблемой, Дж. Хэнвей подчеркивал, что в современной ему Англии «один из тринадцати заслуживающих смертную казнь по закону получает приговор в исполнение… Двенадцать остальных крепнут в убеждении, что преступления можно совершать безнаказанно»[4]. Приглашая к дискуссии, Хэнвей с патетикой вопрошает: если наши законы не работают, должны ли мы задуматься о новых?

Таким образом, прогрессирующий упадок института смертной казни отмечали и те, кто ратовал за его скорейшую отмену, и те, кто видел решение проблемы в укреплении утерянных позиций. К началу XIX в. где-то между рассмотренным правовым сентиментализмом[5] и верностью жесткому

---

[1] Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Джемса Фиц-Джемса Стифена. С. 95–96.

[2] Madan M. Op. cit. P. 19.

[3] Ibid. P. 36.

[4] Hanway J. Solitude in imprisonment... P. 12.

[5] Современный историк-криминолог Э. Дрэпер охарактеризовал взгляды У. Идена и его единомышленников как правовой сентиментализм, который, по его мнению, являлся развитием гуманистического подхода к уголовным наказаниям Ч. Беккариа и предшественником утилитаризма в праве Дж. Бентама. См.: Draper A.J.

консерватизму зарождался правовой утилитаризм в отношении высшей меры наказания. В 1764 г. итальянский просветитель Ч. Беккариа опубликовал знаменитую работу «О преступлениях и наказаниях», которая взбудоражила лучшие европейские умы и серьезно повлияла на оформление теоретико-методологических основ новой уголовно-исполнительной политики. В 1767 г. труд Беккариа, переведенный на английский язык, большим тиражом разошелся в Великобритании, и провозглашенные итальянцем принципы исполнения уголовных наказаний воодушевили английских интеллектуалов. Просветитель выступал с жесткой критикой современных ему уголовных кодексов Европы, протестовал против применения мучительных пыток и выдвигал убедительную аргументацию в пользу отмены высшей меры за целый ряд категорий преступлений. Смертная казнь, рассуждал ученый, не оправдана ни с юридической точки зрения (так как приговор может стать результатом судебной ошибки, которая уже непоправима), ни с моральной, так как способствует распространению безнравственности и жестокости в народе. Беккариа утверждал, что гораздо эффективней заниматься превенцией и профилактикой преступления, нежели дальше совершенствовать систему суровых наказаний – наследия Средних веков. Он последовательно проводил мысль о том, что осознание преступником *неотвратимости* и *незамедлительности* даже незначительного наказания производит намного больший эффект, чем страх перед более суровым наказанием, которого возможно избежать. Дж. Тревельян продолжил мысль о шести ворах, пять из которых избегали правосудия: «Но, пожалуй, всех шестерых можно было удержать от преступления, если бы все они были твердо убеждены, что им неизбежно придется отбывать за него определенный срок заключения» [1]. Практическую направленность философско-правовым

Punishment, Proportionality, and the Economic Analysis of Crime // Journal of Bentham Studies. Vol. 11. 2009.

[1] Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 376.

взглядам Ч. Беккариа придадут С. Ромилли и «отец реформы английского закона» Дж. Бентам, но уже в XIX столетии. Пока этого не случилось, смертная казнь оставалась основным видом наказания за тяжкие преступления, но законодатели постоянно экспериментировали с альтернативными мерами.

2.1.2. Ссылка уголовных преступников в заморские колонии не стала порождением эпохи «кровавого кодекса», хотя, безусловно, внушительных масштабов перевозка достигла именно в этот период. Алан Брукс в диссертационном исследовании приводит в пример 11 статутов с 1592 по 1670 год, которые регламентировали высылку подданных за океан[1]. Брукс разделяет приговоренных к высылке на два потока – по религиозным соображениям и уголовных преступников. Исторически первым стало решение приговаривать в высылке нонконформистов[2]. В годы республики статуты времен правления Елизаветы I были расширены за счет еще одной категории – роялистов[3]. Высылаемые данной категории отправлялись в изгнание «за свой счет» и имели некоторую возможность выбора места ссылки, хотя преимущественно держали курс в американскую колонию Вирджиния[4].

Первый статут, предусматривавший высылку *уголовных преступников*, бродяг и нищих, также появился в своде законов в царствование Елизаветы I[5] и был расширен в царствование Якова I[6]. Интересно, что в законодательстве Елизаветы и Якова звучит формулировка

---

[1] Brooks A. Prisoners or Servants? A history of the legal status of Britain's transported convicts. PhD thesis, University of Tasmania, 2016. P. 62–63.

[2] An Act to Retain the Queen's Subjects in Obedience 1592. 35 Eliz. I, c. 1; An Act against Popishe Recusants, 1592. 35 Eliz. I, c. 2.

[3] An Act against several Atheistical, Blasphemous and Execrable Opinions, derogatory to the honor of God, and destructive of humane Society, 1650. Act of 9 August.

[4] См.: Приложение 1.3.

[5] An Act for punishment of Rogues, Vagabonds, and Sturdy Beggars. 1597. 39 Eliz. I, c. 4.

[6] An Act for the Continuance and Explanation of the Statute made in the thirty-ninth Year of the Reign of the late Queen Elizabeth, intituled, An Act for Punishment of Rogues, Vagabonds and Sturdy Beggars. 1603. 1 Jac I, c. 7.

«изгнание за моря», а после 1662 г. появляется устойчивая формула «ссылка в одну из плантаций Его Величества»[1], которая будет использоваться весь XVIII в. Чтобы предотвратить возвращение депортированных уголовников, предлагалось перед высылкой использовать клеймение. До 1664 г. высылка мелких преступников и бродяг проходила за счет муниципальных властей, впоследствии бремя расходов было частично возложено на правонарушителя, у которого могли конфисковать имущество в целях покрытия стоимости перевозки.

Депортированные англичане по прибытии имели разный статус: высланные по религиозным соображениям были свободны в выборе места поселения и рода деятельности, бродяги – поступали в услужение на строго регламентированный срок. К началу XVIII в. идея высылки бродяг и преступников захватывает все бо́льшее количество последователей, приводивших самые разнообразные аргументы. Те, кто пытался подвести под высылку экономический базис, ссылались на довод о перенаселении метрополии и, как следствие, рост количества бедных и нищих, что, в свою очередь, стимулировало преступность. Сторонники уголовной репрессии рассматривали тяжелый труд по устройству заморских колоний, угрозу жесткого противодействия местного населения как «достойную» альтернативу высшей мере. Моралисты лелеяли утопичные надежды избавиться от «порочного сброда», улучшив тем самым национальную нравственность.

Историческим статутом стал «Закон о дальнейшем предотвращении грабежей, краж и других преступлений, а также для более эффективной транспортировки преступников и незаконных экспортеров шерсти; с некоторыми вопросами, касающимися пиратов», который современники весь XVIII в. именовали Актом о транспортировке[2]. Закон имел цель

---

[1] An Act for the better Reliefe of the Poore of this Kingdom, 1662. 14 Car. II, c. 12.

[2] An Act for the further preventing robbery, burglary, and other felonies, and for the more effectual transportation of felons, and unlawful exporters of wool; and for declaring the law upon some points relating to pirates. 1717. 4 Geo. I., c.11.

привести в систему хаотичные перевозки преступников и бродяг, регламентировать их статус, установить четкие сроки наказания. Судьи имели право приговаривать к высылке осужденных преимущественно за экономические преступления: воровство в крупных или средних размерах, любое преступное хищение денег, товаров, движимого имущества, мошенничество [1]. Кроме того, высылка могла быть результатом королевского помилования приговоренных к высшей мере – смертной казни. Сроки, установленные законом, – семь или четырнадцать лет – определяли временной отрезок, в который «помилованный» не мог возвращаться ни в Великобританию, ни в Ирландию, в противном случае приговор к высшей мере автоматически вступал в силу. Чтобы предотвратить побег и возможное возвращение ссыльных, с каждой партией осужденных в американские колонии передавались списки для «публичного оглашения»[2].

С момента начала действия Акта о транспортировке до 1776 г. судьи так активно пользовались альтернативой высшей мере, что парламент регулярно принимал статуты, расширявшие категории преступников, подлежащих высылке в колонии. Так, менее чем за полвека к трансатлантическому путешествию приговаривали практически за все правонарушения, не отягощенные преступлениями против жизни и здоровья [3]. Статутом 1744 г. в единый поток ссыльных сливались уголовные преступники и бродяги, приговариваемые к работе в колониях с елизаветинских времен [4]. Подрядчиками по перевозке осужденных выступали, в основном, трансатлантические торговцы, которые получали от

---

[1] Ibid. Section 1.

[2] An Act to prevent the Return of such Rebels and Traitors concerned in the late Rebellion, as have been or shall be pardoned on Condition of Transportation; and also the hinder their going into the Enemies Country. 1747. 20 Geo. II, c. 46, section V.

[3] An Act for the more effectual Punishment of Assaults with Intent to commit Robbery, 1733, 7 Geo. II c. 21; An Act for the further Punishment of Person, who shall aid or assist Prisoners to attempt to escape out of Lawful Custody, 1742. 16 Geo. II, c. 31 etc.

[4] An act to amend and make more effectual the laws relating to rogues, vagabonds and other idle and disorderly persons, and to houses of correction, 1744. 17 Geo. II, c. 5, section IX.

государства субсидии за каждого ссыльного – по 3 фунта, в 1727 г. – уже по 5 фунтов. По оценкам исследователя Роджера Экирха, в период с 1717 по 1776 год государственная казна выплатила подрядчикам около 86000 фунтов стерлингов за перевозку около 18000 преступников обоего пола[1]. Таким образом, в рассматриваемый период ссылка выступила, по выражению Д. Ротмана, в качестве «предохранительного клапана в королевстве наказаний», который Лондон все активнее применял[2]. Это позволяло, с одной стороны, следуя веяниям «становившегося все более гуманным века», сохранять преступникам жизнь, с другой – удалять маргиналов за пределы метрополии.

Оценивая основания принятия Статута 1717 г., А. Кистяковский выдвинул предположение, что «первые опыты отмены смертной казни в Англии были сделаны не из соображений человеколюбия, не из желания установить более соответствия между преступлениями и наказаниями, а чисто из расчетов экономических»[3]. В доказательство правовед провел параллели с отечественной практикой каторги в целях освоения и колонизации Сибири. Подобная гипотеза в целом не противоречила марксистскому пониманию причинно-следственных связей в механизме эволюции уголовного законодательства, поэтому долгое время оставалась доминирующей в отечественном историческом правоведении. Проблема ссылки преступников и бродяг в колонии его величества занимала значительное место в размышлениях и дебатах интеллектуалов того времени. Современники неоднозначно отреагировали на принятие «Акта о транспортировке». В преамбуле закона было обозначено: «принадлежащие его величеству колонии и поселения в Америке испытывают большой недостаток в рабочих руках, которые бы могли своим

---

[1] Ekirch A.R. Bound for America: The Transportation of British Convicts to the Colonies, 1718–1775. Oxford, 1987. P. 71.

[2] Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. N-Y., 2002. P. xxvii.

[3] Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 187–188.

прилежанием доставить средство сделать сказанные колонии и поселения приносящими пользу нации». Приверженцев меркантилизма и сторонников укрепления колониального могущества Великобритании привлекала возможность избавиться от массы опасных уголовников и рецидивистов, поглощающих национальный продукт и доказавших свою бесполезность в производстве материальных благ, с максимальной выгодой для государства [1]. В то же время их оппоненты, пользуясь сходными экономическими аргументами, возражали против «удаления полезных работников из британской экономики» [2], считая, что подобный труд осужденных можно выгодно использовать в качестве источника национального богатства внутри страны. Но доля интеллектуалов и политиков, способных дать профессиональную оценку экономическим последствиям Статута, выглядит весьма скромно, в связи с чем предположение А. Кистяковского, соответствующее нормативистскому пониманию истории права, не отражает историко-культурного контекста, в котором «вызревало» законодательство о ссыльных.

Современный исследователь Р. Андреященко выдвинул альтернативную точку зрения, предположив, что данное направление реформирования пенитенциарной системы стало «результатом переосмысления роли наказания», суть которого была в отходе от публичных казней к «концепции карающего, но при этом и перевоспитывающего наказания», но в то же время отметил, что «практика ссылки в колонию не имела положительного эффекта для целей перевоспитания преступников» [3]. Однако данная гипотеза также не находит прямого подтверждения в английском интеллектуальном дискурсе первой половины XVIII в. В целом проблема транспортировки преступников за

---

[1] Davenant C. An essay upon the probable methods of making people gainers in the balance of trade. L., 1699. P. 287.

[2] Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771. P. 28.

[3] Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 15–16.

океан воспринималась современниками как евгеническая возможность «выпустить дурную кровь нации» [1], «сбросить преступный хлам к иностранным берегам» [2], «очистить нацию от мусора, не забирая жизни»[3] и пр. Несмотря на то что еще в начале XVII в. Френсис Бэкон в эссе «О колониях» предупреждал соотечественников: «постыдно и нечестиво – собирать отбросы из осужденных и обозленных людей для работы в колониях». Подобная практика, убеждал философ, не только дискредитирует страну, которая их высылает, но в скором времени загубит колонию, ибо «они всегда будут жить как мошенники, и не будут работать, но будут ленивы, и будут продолжать творить зло, напрасно тратить провизию и уклоняться от работы» [4]. Тем не менее такая политика в краткосрочной перспективе (и в эгоистичном пренебрежении к проблемам колоний), была весьма привлекательна для обывателей, давала иллюзию того, что часть маргиналов, угрожающих жизни и кошельку, стремительно удаляется к иностранным берегам.

Самые жаркие дебаты развернулись вокруг вопроса об эффективности данного вида *репрессии* для правонарушителей, в конце концов, ссылка в колонии выступала альтернативой основному виду наказания – высшей мере. Сторонников ретрибутивизма беспокоил вопрос соответствия возмездия злу, причиненному обществу. В XVI и даже XVII вв. путешествие в Америку, а также тяготы быта первых колонистов, включая постоянную угрозу жизни со стороны индейцев, превращали высылку в опасное и сопряженное с тяготами и лишениями наказание. Но в момент принятия Статута 1717 г. об основном потоке ссыльных преступников и с каждым последующим десятилетием путешествие в Америку становилось более

---

[1] Hanway J. Solitude in imprisonment… P. 62.

[2] Rafter N.H. Partial Justice: Women in State Prisons 1800–1935. Boston, 1985. P. 94.

[3] Ollyffe G. An essay humbly offer'd, for an Act of Parliament to prevent capital crimes, and the loss of many lives; and to promote a desirable improvement and blessing in the nation. L., 1731. P. 8.

[4] Bacon F. Of Plantations // Essays of Counsels Civil and Moral the Wisdom of the Ancients. Boston, 1861. P. 172–173.

быстрым и менее опасным, чем в предыдущее столетие, колониальный быт был относительно обустроен, а преступники, наладившие процветающую жизнь в колониях, обрастали легендами. Противники системы высылки аргументированно доказывали, что транспортировка преступников утратила главные цели уголовного наказания – репрессии и устрашения в качестве превенции. Исследователь Дж. Битти ссылается на размышления журналистов в обоснование прямой связи между «процветанием Нового Света», открывавшим заманчивые перспективы колониальной жизни, и всплеском преступности в Старом Свете[1]. Таким образом, заключает исследователь, «высылка из сдерживающего фактора превратилась в стимул преступности»[2].

Кроме того, современников крайне беспокоила проблема возвращения преступников в Великобританию по окончании обозначенного в приговоре срока или незаконным порядком гораздо раньше. В 1731 г. Джордж Оллифф, подводя итоги первого десятилетия систематической высылки преступников, заметил, что, несмотря на цель статута «очистить нацию от мусора, не забирая жизни», повсеместно наблюдается порочная практика возвращения преступников в метрополию, и их «повторные бесчинства»[3]. Дж. Битти, проанализировав судебную практику и документацию магистратов середины XVIII в., приводит в пример многочисленные свидетельства досрочного возвращения преступников-рецидивистов в Англию[4]. Ньюгейтский календарь вобрал целую серию биографий, как мужских, так и женских, приговоренных повторно к смертной казни за возвращение к преступному ремеслу, отягощенное нарушением сроков высылки[5].

---

[1] Beattie J.M. Crime and the Courts in England 1660–1800. Oxford, 1986. P. 521, 538.
[2] Ibid. P. 541.
[3] Ollyffe G. Op. cit.
[4] Beattie J.M. Op. cit. P. 540.
[5] Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Указ. соч. С. 83–84, 122–124.

Литературные произведения XVIII в. запечатлели и триумфальные возвращения бывших уголовников[1], и преступные «схемы» досрочной репатриации тех, кто, «хлебнув “райской жизни” на плантациях, рисковали вернуться, надеясь укрыться в многолюдном Лондоне»[2]. Очевидно, что вымышленные персонажи представляли собой собирательный образ, построенный на многочисленных подлинных историях[3]. В 1723 г. Д. Дефо даже поместил в *Original weekly journal* критическую заметку, где задался вопросом: почему уголовники, презрев опасности и тяготы путешествия, возвращались в криминальную столицу Великобритании, не страшась возможности вновь оказаться в тюрьме или на виселице? В упомянутом эссе Дж. Оллифф безапелляционно предлагал клеймение лица приговоренных к высылке каленым железом, с нанесением знаков или букв, соответствующих роду преступления, что позволило бы опознать «возвращенцев» при повторном преступлении[4].

Таким образом, очевидно, что в первые годы действия «Акта о транспортировке» мы не находим ни в намерениях законодателя, ни в реакциях современников и намека на ожидаемый «эффект перевоспитания преступников», о котором говорит Р. Андреященко. Но, переходя к рассмотрению очередного вида наказания, мы попытаемся обнаружить искомую идею.

2.1.3. Принудительный труд в качестве уголовного наказания также может рассматриваться как один из экспериментов законодателя XVIII в. найти альтернативу смертной казни. В 1706 г. был принят акт с полным названием «Закон о поимке, преследовании и наказании преступников, совершивших кражи со взломом в частных владениях: домах,

---

[1] Наиболее известный литературный персонаж – Молль Флендерс возвращается из ссылки в Англию вместе с мужем, в положенный срок, разбогатевшие, «провести остаток наших дней в искреннем раскаянии, сокрушаясь о дурной нашей жизни».

[2] Белоусов Р.С. Указ. соч.

[3] Подлинные истории эпатажных возвращений ссыльных преступников см: The Discoveries of John Poulter, alias Baxter. Written wholly by himself. L., 1754; Madan M. Op. cit. P. 94–96 и др.

[4] Ollyffe G. Op. cit. P. 8.

магазинах, складских помещениях, а также конокрадов»[1], который разрешил судьям на свое усмотрение приговаривать к принудительным работам в исправительных домах за преступления, по которым по существующим прецедентам полагалась смертная казнь, на срок от полугода до двух лет. Современники кратко называли статут «Закон о тяжелом труде»[2], фактически выделяя его сущность – принудительный труд в качестве уголовной репрессии. Для исполнения данного вида наказаний законодатель воспользовался учреждением, возникшим еще в XVI столетии, – брайдуэллом[3], или Домом коррекции[4]. В зарубежной историографии исправительные дома рассматриваются как *особый социальный институт*, созданный с целью борьбы с важнейшими социальными девиациями в Англии раннего Нового времени – бродяжничеством, мелким воровством и так называемыми «преступлениями против нравственности»[5].

Первоначально королевский дворец Брайдуэлл палас был построен возле родника с одноименным названием для Генриха VIII, который провел там в редких визитах не больше семи лет (1523–1530) и отказался от резиденции. Дворец оказался невостребованным и пустовал в течение нескольких десятилетий, пока в 1552 г. депутация к королю Эдварду VI во главе с епископом Ридли не попросила дворец для общественной инициативы. Королевской хартией от 26 июня 1553 г. права на дворец и прилегающие земли были переданы городу под приют-больницу-исправительное отделение для нищенок, бродяжек и «заблудших» женщин. Так возник первый лондонский исправительный дом[6]. Аналогами

---

[1] An Act for the better apprehending, prosecuting, and punishing Felons that commit Burglaries, House-breaking, or Robberies in Shops, Warehouses, Coach houses, or Stables, or that steal Horses. 1706. 5 Anne, c. 6.

[2] *Англ*. Hard Labour Act.

[3] *Англ*. Bridewell (перев. невеста).

[4] *Англ*. House of correction.

[5] Nelson B. Bridewell’s Fall: Summary Justice in London, 1730–1800. Graduate thesis. Iowa State University, 2017.

[6] См.: Приложение 1.4.

английского брайдуэлла можно считать голландский «Цухтхауз», созданный в 1596 г., монастырскую тюрьму Сен-Мишель, возникшую в Риме в 1703 г. по приказу папы Климента IX[1], российские смирительные и работные дома, учрежденные по Положению о губерниях в царствование Екатерины II. Эти заведения, созданные для «борьбы с безнравственностью и пороком», отличались многоцелевым назначением. Например, в заведении Сен-Мишель, расположенном в огромном помещении палаццо, по возможности оказывали все виды социальной помощи нищим и бродягам, итальянские лаццарони приходили туда в поисках заработка, в стенах заведения работал первый хоспис. По замыслу Климента IX в одном из флигелей палаццо был организован приют для малолетних преступников, целью которого мыслилось не наказание, а перевоспитание. Позже в Сен-Мишель было заведено женское исправительное отделение для проституток и преступниц.

В хартии, заключенной между Эдвардом VI и городом, значились категории лондонцев, чье общественное поведение нуждалось в коррекции: «праздные и ленивые бродяги» и «негодяи, уличенные в непосещении воскресных служб, пьянстве», а также проститутки[2]. Поскольку изначально Брайдуэлл предназначался для содержания женщин, в его состав входили крупная венерическая больница и приют для бездомных детей. В 1609 г. был принят закон, предписывающий каждому графству предоставить один или несколько подходящих исправительных домов для борьбы с жуликами, бродягами, нищими и прочими непристойными лицами[3]. К середине XVII в. во всех английских графствах возникли брайдуэллы, по всей стране в общей сложности появилось более восьмидесяти таких учреждений. Так, к началу XVIII в. исправительный лом стал «неотъемлемой частью физического

---

[1] Webb S. and Webb B. English Prisons under Local Government. L., 1922. P. 116.

[2] Hinkle W.G. A History of Bridewell Prison: 1553–1700. N-Y., 2006. P. 34–36.

[3] An Act for the due execution of divers law and statues heretofore made against rogues, vagabonds sturdy beggars, and other lewd and idle persons, 1609. 7 Jac. I, c. 4.

и ментального ландшафта английского города»[1]. Современный исследователь Ф. Хардман, анализируя количество подобных учреждений в Англии, Голландии, Германии, делает вывод: «В сравнении с остальной Европой, *страсть* [выделено нами. – *С.В.*] Англии к этому реформирующему институту становится все более очевидной»[2]. Хардман убеждена, что такая популярность была достигнута благодаря тому, что исправительное заведение стало воплощением широкого спектра идей и надежд.

Положение бедняков и нищенствующих стало предметом жарких политических и социальных споров: одни настаивали на филантропических инициативах, другие, напротив, обвиняя маргиналов в паразитирующем и безнравственном образе жизни, склонялись к репрессивным методам. Сторонники институционализации системы благотворительности высказывали убежденность в том, что преступления против нравственности (проституция, мелкое мошенничество, пьянство, попрошайничество и пр.) есть проявление порочного поведения, вызванного недостаточным соблюдением норм религии. Политики, духовенство, общественные деятели инициировали проекты избавления бедноты от пороков пьянства, блуда, сквернословия, азартных игр и непосещения воскресных служб, которые складывались в целые кампании по «исправлению манер»[3]. В их основе лежала вера в возможность реформирования антиобщественного поведения.

---

[1] Griffiths P. Lost Londons: Change, Crime, and Control in the Capital City, 1550–1660 Cambridge, 2008. P. 465.

[2] К 1780 г. в Англии насчитывалось 172 исправительных дома, в Голландии – 19, в Германии – 44. В Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. P. 80.

[3] Термин «исправление манер» используется зарубежными историками для обозначения целого ряда общественных инициатив, содержанием которых становились идеи «улучшения» нравственности путем искоренения того, что расценивалось как безбожие, аморальность и порок. См., напр.: Ingram M. Reformation of Manners in Early Modern England // The Experience of Authority in Early Modern England / ed. P. Griffiths. N-Y., 1996. P. 47–88; Shoemaker R.B. Reforming the City: The Reformation of Manners Campaign in London, 1690–1738 // Stilling the Grumbling Hive: The Response to Social and Economic Problems in England, 1689–1750 / ed. L. Davison. Stroud, 1992. P. 99–120.

Современные исследователи обращают внимание на тот факт, что фундаментальной идеей создания исправительных заведений стала «христианская вера в силу и способность религии преодолеть падение нравственности»[1]. Аморальное поведение рассматривалось как следствие пренебрежения к основам христианской веры, что, в свою очередь, вело к поиску источника реформирования, сокрытого в религиозном прилежании и приучении к честному труду как важнейших элементах христианской жизни. Р. Шумахер придерживается мнения о том, что, несмотря на некоторую степень политизации мотивов кампаний по исправлению манер, базисом, несомненно, выступали именно религиозные чувства[2]. Ли Байер также убежден, что в основу идеи брайдуэлла заложено сочетание философий гуманизма и протестантизма: гуманисты, подчеркивая индивидуальную способность человека к духовному прогрессу, верили в «полезность наказания». В подтверждение можно привести воодушевленное оптимизмом ожидание английского политика XVI в. Эдварда Кока, высказанное по поводу создания и распространения брайдуэллов: «…скоро в Англии не останется ни одного праздношатающегося бедняка»[3]. Философия протестантизма воплотилась в надежде на «испытание неведомым опытом», который станет для заточенного в стенах брайдуэлла духовной работой по спасению души[4]. Ф. Хардман также связывает укоренение убеждений в способности «корректировать» порочное поведение с распространением идей Реформации и протестантизма: «Появление домов коррекции в некоторой степени можно объяснить деятельностью Англиканской церкви, которая только оформляла свой статус. Реформация значительно повысила внимание к основам христианской веры и, в особенности, требования

---

[1] Hardman Ph.J. Op. cit. P. 77.

[2] Shoemaker R.B. Op. cit. P. 103–106.

[3] Fielding H. Op. cit. P. 94.

[4] Beier A.L. Foucault Redux?: The roles of humanism, Protestantism, and an urban elite in creating the London Bridewell, 1500–1560 // Criminal Justice History. 2002. № 17. P. 38,41.

к христианскому поведению. Если главной заботой христианина шестнадцатого века было спасение души, то естественно, грех был основной преградой на пути к этому спасению. Возможно, для церкви Англии в период становления в качестве средства самоутверждения было необходимо поставить на повестку идею превращении англичан в добрых христиан, не только ради привлечения людей в лоно церкви, но и для объявления тотальной войны безнравственности» [1]. Такое отношение позволяет рассматривать брайдуэллы как благотворительные заведения социальной помощи и реабилитации, и дает нам основание реконструировать ожидания законодателя, заложенные в социальный институт исправительных домов.

Однако действительность вносила свои коррективы в благие намерения устроителей английской системы благотворительности и взаимопомощи, что привело к постепенной «мутации» института брайдуэллов и сделало их неотъемлемой частью английской пенитенциарной культуры. Сторонники противоположного взгляда на природу социальных девиаций обрушивали жесткую критику на «корпоративную культуру» профессиональных нищих и бродяг. Леность и праздность, преступное поведение и мошенничество необходимо подвергнуть наказанию тяжелым трудом на пользу обществу и государству – так считали многие политики и общественные деятели. Такая установка не противоречила догматическим основаниям трудовой этики протестантизма. Кристофер Хилл, анализируя религиозные тексты XVII в., отмечает устойчивую линию «проповедей против праздности», выражавшую коллективное убеждение в том, что *наказание* «здоровых мошенников» и бродяг упорным трудом необходимо для блага государства[2].

---

[1] Hardman Ph.J. Op. cit. P. 77.

[2] Хилл К. Английская Библия и революция XVII века… II. Революционная библия. 6. Нищета, ростовщичество и долги. С. 7.

В качестве принудительного труда для заключенных мужского пола предполагалась работа на городских улицах и сооружениях Темзы, для женщин – рукоделие и не отягощенные тяжелым физическим трудом ремесла внутри брайдуэлла. Такая установка не противоречила складывающемуся меркантильному мышлению и стремлениям английских властей и общественности наладить эффективную борьбу с пауперизмом и безработицей. Историк Дж. Битти высказал предположение, что власти магистратов еще до Статута 1706 г. пользовались «серой зоной неопределённости» между мелкими кражами и бродяжничеством и приговаривали мелких преступников (в «довесок» обвиненных в бродяжничестве) хотя бы к краткосрочному труду в брайдуэллах вместо того, чтобы отправлять дела в вышестоящие инстанции уголовного судопроизводства[1].

Так, к началу XVIII в. границы между исправительными домами как учреждениями социальной помощи и системой наказаний были практически стерты. Законом 1706 г. исправительные дома де-юре были включены в перечень видов уголовной репрессии. Представители правосудия с энтузиазмом приступили к практике правоприменения в соответствии с «Законом о тяжком труде». По подсчетам британского историка Дж. Иннес, в период с 1710 по 1718 год в некоторых судах Лондона, Мидлсекса и Девона 20–25 % осужденных за имущественные преступления были приговорены к заключению и принудительному труду в исправительном доме[2]. Постепенно брайдуэлл становится синонимом понятия *prison* – тюрьма, а вместо *correct* и *reform* все чаще употребляется *punish* – наказывать. К середине столетия брайдуэллы фактически утрачивают репутацию и целевое назначение заведения социальной помощи. По сведениям Б. Нелсона, в период с 1737 по 1755 год свыше 60 % (1312 / 2270) приговоренных к брайдуэллу были именно преступники,

[1] Beattie J.M. Op. cit. P. 269.
[2] Innes J. Op. cit. P. 88–89.

осужденные за мелкое воровство[1]. Таким образом, к середине XVIII в., по выражению П. Гриффитса, исправительный дом стал «новым вариантом уголовного наказания, адаптированным для борьбы с мелкой преступностью». Брайдуэлл «прошел проверку временем и стал утешением для основной массы лондонцев» в качестве доступного и действенного инструмента борьбы с неблагоприятными последствиями роста населения[2].

Однако к такому увеличению потока арестантов оказались не готовы ни здания брайдуэллов, ни охрана, ни персонал существующих домов коррекции. Последовавшая за приговорами переполненность брайдуэллов свела на нет идею исправления преступников, заложенную в самом названии «домов коррекции». Криминальная статистика показала высокий рецидив среди лиц, приговоренных к исправительным работам, которые возвращались на скамью подсудимых, чтобы уже получить приговор к высылке или высшей мере. Ньюгейтский календарь сохранил историю Джона Холла – классический образец закоренелого рецидивиста, последовательно испытавшего на себе рассматриваемые выше практики уголовного правосудия. Холл был рожден в бедной семье трубочиста, с юности промышлял карманными кражами, за что попал в местный брайдуэлл. После пребывания в стенах исправительного дома Холл продолжил восхождение по «карьерной лестнице», уже специализируясь на магазинных кражах. В 1682 г. он предстал перед судом Олд-Бейли за кражу пары башмаков, был приговорен к порке, после чего окончательно переквалифицировался в вора-домушника. В 1700 г. за взлом дома Дж. Бретэйла суд вынес ему приговор к высшей мере, заменив ее в последний момент на ссылку в североамериканские колонии. Как отмечается в «Календаре», едва ступив на борт корабля, Холл исхитрился сбежать и вернулся в компанию своих старых подельников. Очередной «подвиг» принес ему клеймо на щеке и два года в брайдуэлле.

---

[1] Nelson B. Op. cit. P. 54.
[2] Griffiths P. Op. cit. P. 213.

Освободившись, Джон собрал компанию рецидивистов, которые совершили целую серию жестоких ограблений. Банда Холла бесчинствовала вплоть до декабря 1707 г., когда ее членов приговорили к повешению в Тайберне[1].

Так исправительные дома превратились в заведения, прямо противоположные своему названию и назначению. Уже в 1717 г. Л. Брэддон заметил, что «наши исправительные дома скорее закаляют, чем реформируют» узников[2]. Именно такой брайдуэлл наблюдал «лондонский шпион» Эдвард Уорд, когда его повергло в ужас зрелище женщин, занятых щипанием конопли в условиях смрадных камер, детей, цепляющихся за юбки матерей[3], болезненного вида мужчин, изнуренных долгой «диетой» на хлебе и воде. «Какое преступление, – задумался автор, – могло бы заслужить столь удручающего наказания». Покидая брайдуэлл, «шпион» и его собеседник осмысливают увиденное, и приходят к выводу, что подобное место «порождает непристойных женщин, но никоим образом не способствует их возвращению к добродетели»[4]. В просторечье слово «брайдуэлл» в сочетании с жаргонизмами использовалось в качестве бранной речи[5]. Критиковали дома коррекции и братья Филдинги, называя их «школами порока», «семинариями лени», «рассадниками мерзостей и заразы»[6]. Смотритель брайдуэлла Мидлсекса в частной беседе признался Генри Филдингу, что у него недостаточно работы для «постояльцев гостеприимного заведения», и он опасается давать им острые металлические предметы, которые могут быть использованы в качестве оружия. «Что хорошего может выйти из сборища ленивых негодяев, которых нельзя ни занять работой, ни исправить? – вопрошал автор. – Правда, которую я извлек из общения с подобными субъектами, состоит

---

[1] The Newgate Calendar Comprising interesting memoirs… Vol. 1. P. 47.

[2] Braddon L. The Miseries of the Poor are a National Sin ... But by Making Them Happy, We Shall Remove that Guilt... and Pay Old Debts Without New Taxes, Etc. L., 1717. P. xxxiv.

[3] См.: Приложение 1.11.

[4] The London-Spy Compleat, In Eighteen Parts. Being the First Volume of the Writings of Mr. Edward Ward. 5th ed. L., 1718. P. 126–127.

[5] См.: Приложение 2.5–2.6.

[6] Fielding H. Op. cit. P. 96.

в том, что самые дерзкие и отпетые из них как раз те, которые познакомились с дисциплиной брайдуэлла. Сначала это место вызывает ужас и трепет, которые потом превращаются в насмешливое равнодушие… Исправить ситуацию сложнее, чем вычистить Авгиевы конюшни, но это необходимо сделать, так как это не только убережет многих от виселицы, но и увеличит национальный доход на сотни тысяч фунтов»[1].

Тем не менее до реформенных 1770-х годов приговоры к принудительному труду в исправительном доме оставались действенной альтернативой как высшей мере, так и ссылке в колонии. С принятием «Акта о транспортировке» у судей появилась возможность разгрузить переполненные исправительные дома и устранить преступников из метрополии. Однако это не всегда могло рассматриваться в качестве равноценной замены. Дж. Битти приводит аргументацию местных властей, выражавших несогласие с приговором к высылке в качестве средства наказания мелких карманников и мошенников, поскольку это означало, что семья высылаемого будет оставлена на попечение прихода[2].

Итак, если обобщить последствия приговоров к принудительному труду в качестве альтернативы смертной казни, может сложиться впечатление, что практика не только не имела эффекта, но и приводила к противоположному результату, что находило выражение в прогрессе рецидивной преступности. В таком русле выдержаны аргументы ряда мыслителей середины XVIII в., которые пытались объяснить причины криминальной пассионарности. Однако феномен брайдуэлла, позволивший сочетать в одном социальном институте карательные и исправительные цели одновременно, притягивал внимание тех реформаторов и просветителей, которые искали не виды наказания, альтернативные существующим карательным практикам, а способы кардинальной трансформации уголовного правосудия в целом. Концептуальная схема,

---

[1] Ibid. P. 98.

[2] Beattie J.M. Op. cit. P. 470–483.

заложенная в принцип действия исправительного дома, удивительным образом отвечала исканиям различных общественных и политических фракций. Гуманисты и реформаторы рассматривали этот институт как площадку для социальных преобразований; евангелисты с энтузиазмом полагались на коррекционные возможности религиозного перевоспитания и духовного перерождения в условиях исправительных домов. В то же время меркантильных прагматиков привлекала возможность использовать труд «реформируемых» для расчистки улиц, а сторонников ретрибутивизма вполне удовлетворял долгосрочный принудительный труд в качестве наказания, по жестокости превосходящего смертную казнь длительностью лишений. Используя выражение Гриффитса, можно сказать, что принудительный тяжелый труд «прошел проверку временем» как вид уголовного наказания, на реформаторов конца XVIII – начала XIX вв. была возложена задача наполнить его новым идейным содержанием.

2.1.4. Тюремное заключение не рассматривалось в качестве вида наказания, альтернативного высшей мере, до середины XVIII в. Карательный характер средневековой юстиции, нацеленной на скорейшее устранение преступника, не предполагал использование длительного заточения виновного.

В английских графствах крупные окружные тюрьмы размещались в старых средневековых замках (всего таких тюрем насчитывалось около 30, самыми одиозными были замки окружных тюрем Глостера и Йорка), в стенах городских ворот и других старинных укрепленных зданиях. Тюрьмы старались «вписать» в городской ландшафт так, что иногда функциональное назначение внешне внушительного и красивого здания можно было определить по оковам и цепям над дверью – такими были, например, тюрьма в Кингс-Линн графства Норфлок или тюрьма Бэкингема графства Бэкингемшир. После того, как закон 1609 г. предписал каждому графству иметь собственный брайдуэлл, в архитектурные планы XVII–XVIII вв. старались включить эти здания в непосредственной

близости друг к другу, как, например, в Эйлсбери, Вустере и Уэйкфилде, или объединить их, как тюрьма-брайдуэлл Тотхилл-филдз[1]. По закону 1531 г. здания тюрем передавались в ведение мирового судьи, который совместно с шерифом отвечал за строительство, содержание и управление, а также ежегодные инспекции заведения[2].

Самой масштабной и знаменитой тюрьмой был Ньюгейт, который являлся одновременно местом заключения Лондонского сити и главной общенациональной тюрьмой. Расположенный в непосредственной близости от уголовного суда Олд-Бейли, Ньюгейт выполнял функции содержания обвиняемых в уголовных преступлениях до суда и осужденных до отправки на казнь. В 1430–1431 гг. были предприняты первые шаги по благоустройству Ньюгейта – выделен отсек для временного содержания женщин, обвиненных в проституции, начато строительство фонтана для обеспечения тюрьмы проточной водой и часовни. В начале XVI в. придворный проповедник английского короля Эдварда VI епископ Вустерский Латимер обратил внимание монарха на «расползающуюся скверну» в тюрьмах Лондона и дал совет: «Занявшись тюрьмами, Вы бы совершили с точки зрения Христианина благое дело... Можно было бы направить в Ньюгейт священника по примеру капеллана во флоте, который бы раз в неделю совершал обряды и читал проповеди»[3]. По свидетельству С. Макконвила, первый капеллан был назначен в Ньюгейт в 1544 г.[4]

Старый Ньюгейт был поврежден Великим Лондонским пожаром, после чего восстановлен Р. Гуком в 1672 г. Питер Акройд называет Ньюгейт «истинной эмблемой Лондона» и, обыгрывая его название[5], разъясняет:

---

[1] English Prisons: An Architectural History / by A. Brodie, J. Croom and J. O'Davies. Swindon, 2002. P. 17–18.

[2] An Act concerning where and under what Manner the Gaols within this Realm shall be edified and made. 1531. 23 Hen. VIII, c. 2.

[3] Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867. P. 185.

[4] McConville S. A history of English prison administration, Vol. 1: 1750–1877. L., 1981. P. 14.

[5] *Англ.* Newgate – новые ворота.

«Тюрьма оставалась на одном и том же месте с XII века и с самого начала своего существования была символом смерти и страданий… она служила своего рода «вратами» или «порогом», переступая который заключенные покидали земной город и отправлялись в Тайберн, Смитфилд или на виселицу прямо под стенами самого Ньюгейта, и это также придавало ей мифический колорит. Тюрьма ассоциировалась с преисподней, и ее присутствие ощущалось на всех окрестных улицах»[1].

В XIV–XVI вв. в составе контингента узников преобладали, в основном, политические деятели и интеллектуалы, осужденные за антиправительственные выступления. Насыщенная религиозная и политическая борьба, характерная для общественной жизни Англии XVI–XVII столетий, стала еще одним источником пополнения тюремного населения. Активная деятельность англиканской церкви, направленная сначала на противостояние римско-католической церкви с целью ниспровержения и перестройки изнутри церковного порядка, а впоследствии – на утверждение доминирующего положения в религиозной жизни, привели к тому, что за решеткой оказывались сотни диссентеров. С 1542 г., когда в Англии был принят первый Закон о банкротстве, позволивший сажать банкрота в тюрьму[2], в тюремное население бурным потоком вливаются должники, составив в XVIII в. более половины заключенных. Джон Говард, проинспектировав английские тюрьмы в начале 1770-х гг., выявил среди 4084 заключенных 2437 – осужденных за долги[3]. Самые известные долговые тюрьмы Лондона – Маршалси и Флитская тюрьма – снискали не менее одиозную репутацию, чем печально знаменитый Ньюгейт[4].

---

[1] Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2019. С. 287.

[2] An Acte against suche persones as doo make Bankrupte, 1542. 34 & 35 Hen. VIII, c. 4.

[3] The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. N. Morris, D. Rothman. N-Y., 1995. P. 73.

[4] См.: Приложение 1.5–1.6.

Таким образом, в эпоху Просвещения Англия вступила с динамично возрастающим тюремным населением и такими условиями заключения, что современники признавали тюрьмы «национальным позором». Дерзкую попытку обратить внимание властей на положение узников в английских тюрьмах предпринял в середине XVII в. основатель «Религиозного общества» друзей Джордж Фокс. Духовный лидер квакеров за свою религиозную деятельность неоднократно подвергался тюремному заключению: с момента своего первого заключения в тюрьме Ноттингема в 1649 г. успел стать узником тюрем: Дерби (1650), Карлайла (1653), Лондона (1654), Лонсестона (1656), Ланкастера (1660, 1664), Лестера (1662), Скарборо (1666) и Вустера (1673–1675). В 1659 г. Фокс обратился к Парламенту с петицией «Пятьдесят девять наставлений для исправления положения». Предложения Дж. Фокса написаны в радикальной ультимативной форме, большая часть касается требований не заключать в тюрьму узников совести из-за религиозных убеждений. Часть «наставлений» касается непосредственно состояния тюрем и положения узников: «И пусть никто из тюремщиков не являет пример пьянства, сквернословия, угнетения человека, поскольку, являясь таковыми в большинстве своем, они есть пример подражания для узников. И пусть никого не содержат в тюрьме длительно, ибо это первый путь, чтобы испортить человека, и породить б*о*льшее количество воров, ибо там они учатся бесчестию сообща (26)… И пусть тюрьмы будут в достойных местах, чтобы заключенные не располагались на соломе, смешанной с собственной мочой и испражнениями, пусть в тюрьмах будет исправлена хотя бы такая мелочь, как организация отхожего места (53)»[1].

Антисанитарные условия в тюрьмах становились причинами многих заболеваний, среди которых основным был эпидемический сыпной тиф,

[1] Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty-nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. URL: http://universalistfriends.org/quf2002.html.

получивший претенциозное название – *тюремная лихорадка*[1]. В XVI–XVIII вв. этиология этого заболевания была не ясна, но эмпирические наблюдения связали несколько масштабных эпидемий – так называемых «черных сессий» или «черных ассиз»[2] с условиями тюремного содержания, что и было закреплено в названии недуга. «Черная ассиза», настигнувшая Оксфорд в 1577 г., стала ужасным примером смертельных последствий тюремной лихорадки. Судьи, присяжные, свидетели, каждый человек, находящийся в суде, кроме самих заключенных, в том числе женщин и детей, предположительно был отравлен грязным воздухом, который, как изначально считалось, «возник из недр земли». Лорд Бэкон счел возможным заявить, что миазмы исходили от заключенных, вывезенных из переполненной тюрьмы на судебные слушания, ведь только они, вдыхая отравленный воздух, не погибли, поскольку оказались привычны к этому воздуху[3]. Волнообразные вспышки эпидемических заболеваний, которые уносили жизни преимущественно должностных лиц, связанных с исполнением правовых процедур, случались и в XVIII в.: в 1730 г. «черная сессия» настигла мирных жителей Блендфорда, предположительно распространившись от заключенных Ильчестерской тюрьмы, в 1754–1755 гг. пятая часть узников Ньюгейта и тюремный персонал погибли от тюремной лихорадки.

В 1691 г. М. Питт опубликовал памфлет «Крик угнетенных», в которой описал условия содержания в долговых тюрьмах, страдания узников от использования тяжелых кандалов и голода, вопиющие антисанитарные условия, произвол тюремщиков[4]. В издание также были включены выдержки с описаниями условий в тюрьмах разных графств,

---

[1] *Англ.* Jail fever, gaol distemper.

[2] *Англ.* Black assizes.

[3] Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. 4th ed. L., 1792. P. 9.

[4] Pitt M. The cry of the oppressed being a true and tragical account of the unparallel'd sufferings of multitudes of poor imprisoned debtors in most of the gaols in England... together with the case of the publisher. L., 1691. URL: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/B28136.0001.001/

письма арестантов, коллективные петиции к Палате общин. Памфлет Питта по структуре можно считать прообразом будущего сочинения Говарда «Состояние тюрем Англии и Уэльса», так как автором предпринята скромная попытка статистического описания провинциальных тюрем, публикация документов и материалов.

В середине XIX в. в издание «Джон Говард и мир европейских тюрем. На оригинальных и подлинных источниках» автор-составитель включил документ, найденный в архиве Общества содействия христианским знаниям[1]. Согласно записям Общества, беспорядки в Ньюгейте на рубеже XVII–XVIII вв. побудили к назначению 12 января 1701 г. специальной комиссии по инспектированию Ньюгейта, Маршалси и других тюрем. В состав комиссии входил некий доктор Томас Брей, который в 1702 г. опубликовал «Размышление о реформировании Ньюгейта и других тюрем Лондона»[2]. Брей охарактеризовал тюрьмы Лондона как «вертепы беззакония», где заключенные «денно и нощно сквернословили, играли в азартные игры, богохульствовали и имели неограниченный доступ к крепким напиткам». Автор также отметил пренебрежение к религии и потворство тюремного персонала «худшим проявлениям» арестантов, а также их причастность к развращению женщин-заключенных.

Через два десятка лет похожую комиссию по инспектированию долговых тюрем Флит и Маршалси возглавил генерал Джейм Оглторп. В отчетном докладе по итогам ревизии[3] были вскрыты все пороки режима содержания в долговых тюрьмах, «где тюремщики мучили должников до смерти, пытаясь извлечь деньги у людей, которые потому и попали сюда, что у них не было денег»[4]. В 1726 г. в парламент была направлена

---

[1] *Англ*. Society for the Promotion of Christian Knowledge (SPCK).

[2] An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y., 1850. P. 33–41.

[3] A report from the committee appointed to require into the state of the goals of the kingdom relating to the Marshalsea prison and farther relating to the Fleet prison with the resolution of the House of Commons. L., 1729.

[4] Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 374.

анонимная петиция, где обращалось внимание на практику «Голландии и некоторых других мест, где должникам дозволено отрабатывать свой долг, а по истечении наказания получить свободу и даже средства к существованию» [1]. Результатом кампании Оглторпа стало смещение тюремщика Томаса Бэмбриджа, однако общую ситуацию это не изменило. Автор-составитель издания «Джон Говард и мир европейских тюрем» назвал эти две инспекции «бесплодными крестовыми походами против гноящейся моральной чумы, после которых даже само милосердие, казалось, отступило от опасности быть оскверненным»[2].

Негативный потенциал мест заключения – их способность порождать б*о*льшее количество будущих «властелинов Тайберна» – стал предметом внимания и репрезентации в художественной литературе (Д. Дефо [3], Дж. Гей, Г. Филдинг), живописи (У. Хогард, Ф. Уитли), паремическом дискурсе[4]. По словам П. Акройда, тюрьма Ньюгейт «стала легендарным местом, где самые камни считались «гибельными», и вдохновила литераторов на создание б*о*льшего количества драм, поэм и романов, чем любое другое лондонское здание»[5].

Страницы социальных памфлетов и трактатов неравнодушных патриотов украшали дисфемизмы, обозначающие английские места заключения: «рассадник моральной чумы», «академия преступлений», «пятно на религии», «обитель скорби и позора» и пр. По словам анонимного автора памфлета «Благотворительный визит в тюрьмы», места заключения

---

[1] Reasons against confining persons in prison for debt humbly offer'd to the consideration of the Parliament ...: to which is added The case of insolvent debtors now in prison. Westminster, 1729. 24 p.

[2] John Howard and The Prison-World of Europe… P. 32.

[3] Страшное место! Кровь стынет в жилах при одном этом слове… [Ньюгейт. – *С.В.*] И описать невозможно, как жутко мне стало, когда меня впервые ввели сюда, когда моему взору предстали все ужасы этой мрачной обители… Шум, рев, вопли, проклятья, вонь и грязь – все мерзости, какие есть на земле, казалось, соединились тут, чтобы сделать тюрьму воплощением ада, как бы преддверием его // Дефо Д. Радости и горести знаменитой Молль Флендерс / пер. А. Франковский. М., 1991. С. 242.

[4] См.: Приложения 1.5, 1.6, 1.9, 2.5.

[5] Акройд П. Лондон: Биография... С. 287.

«клубятся грехами разума и мыслей, такими как зависть, злоба и т. д., грехами сквернословия, такими как богохульство и проклятия», а также «пороками пьянства, нечистоплотности и вообще такими, о которых настоящий христианин не станет не только говорить, но даже с ужасом думать»[1]. В рассматриваемом эссе Б. Мандевиля автор задается вопросом: чего, кроме предельного разврата, можно ожидать от содержания на малой площади сорока-пятидесяти арестантов, каждый из которых и попал в тюрьму, только «потому, что был худшим из худших?» Порочность умножается еще и от того, подчеркивает он, что в замкнутом пространстве содержатся преступники обоих полов, «с последствиями, которые можно предположить». Все свободное время арестанты оттачивают грани своего ремесла – делятся криминальными секретами, заводят связи и сколачивают новые союзы, гордятся былой славой, окружая себя жуткими легендами. Одной из причин этой гибельной трансформации являются условия содержания в тюрьме, которая становится «школой криминала», в которой молодежь перенимает навыки преступного ремесла у своих старших коллег: «они… проводят часы, обсуждая, как вести себя на перекрестных допросах, читают лекции о том, как усыпить бдительность жертвы и ограбить ее»[2].

Очевидно, что тюремное заключение не стало действенным средством наказания должников и, по крайней мере, до середины XVIII в. не рассматривалось в качестве альтернативы высшей мере наказания уголовных преступников. Однако поворотным моментом стало фактическое слияние тюрем и брайдуэллов к середине XVIII в., которое внесло в контент будущей реформы, с одной стороны, ключевую идею – исправления в заключении, с другой стороны – понимание необходимости сконструировать особое пространство, в котором ожидаемое исправление станет возможным.

---

[1] Anon. A Charitable Visit to the Prisons, Containing Suitable and Proper Advice or Counsel to Those who are Confined There. To which are added prayers for the use of prisoners. L., 1725. P. 6.

[2] Mandeville B. Op. cit.

Чтобы сложилась полная картина всех видов уголовной репрессии в рассматриваемый период, следует упомянуть разнообразные телесные и позорящие наказания и штрафы. В данном исследовании мы не будем подробно разбирать эти виды наказаний, поскольку они не стали, с одной стороны, источником продуктивных идей в трансформируемой пенитенциарной системе, с другой – вектором приложения сил реформаторов. В последующих параграфах мы рассмотрим аргументацию апологетов ретрибутивного правосудия, которые предлагали усилить эффект возмездия и воздаяния активным обращением к данным практикам.

Таким образом, вызревающий кризис действующего порядка уголовных наказаний осознавали как представители власти, так и общественные деятели. И пока первые, за неимением действенной альтернативы существующей системе, придерживались экстенсивного пути и наращивали число «кровавых статутов», на уровне размышлений светской и духовной интеллектуальной элиты развернулись дебаты по вопросу необходимости кардинального изменения уголовного закона.

2.2. Отражение смысла и целей уголовного наказания в конце XVII–XVIII вв. в религиозном дискурсе эпохи

Английский судья Мэтью Хэйл в 1661 г. в приговоре к повешению двух ведьм в графстве Суффолк констатировал: «Правительство – это воплощение Законов Божьих, как в видимом, так и в незримом мире»[1]. Со времен Средневековья сфера правосудия являлась областью перекрестных интересов церкви и государства. С точки зрения

[1] Hale M. A Discourse Concerning the great Mercy of God, in preserving us from the Power and Malice of Evil Angels. Written by Sir Matt. Hale at Cambridge 26 Mar. 1661. Upon occasion of a Tryal of certain Witches before him the Week before at St. Edmund's-Bury // Hale M. A collection of modern relations of matter of fact, concerning witches & witchcraft upon the persons of people. To which is prefixed a meditation concerning the mercy of God, in preserving us from the malice and power of evil angels. Written by the late Lord chief Justice Hale, upon occasion of a trial of several witches before him. L., 1693. P. 6.

средневековой теологии, союз двух важнейших социальных институтов был необходим для исполнения Божьей воли и справедливости. Выдающийся американский социолог русского происхождения П. Сорокин, рассуждая о теологической природе средневекового государства и права, выявил ее фундаментальные основы: «Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии»[1].

Укоренившееся сотрудничество государства и церкви, основывавшееся на моральных, духовных и политических традициях, с течением времени не разрушалось, а видоизменялось, приспосабливаясь к новым реалиям. Построение системы правосудия, сложившейся в Средневековье и «шагнувшей» в Англию Нового времени без радикальных изменений, в целом не противоречило принципу духовной иерархии, восходя к Творцу как к высшей ступени. В мировоззрении англичан Творец не являлся отвлеченным наблюдателем, а был тесно вовлечен в дела своего творения, особенно в те сферы, которые затрагивали закон, мораль и нравственность. Материальный мир воспринимался как продолжение незримого духовного мира. В стихотворении английского поэта первой половины XVIII в. А. Поупа прочность всех звеньев этой незримой связи – залог существования «системы», отделенной тонкой гранью от хаоса:

О, цепь существ! Бог – первое звено,
Над нами духи, ниже нас полно
Птиц, рыб, скотов и тех, кто мельче блох,
Тех, кто незрим; начало цепи – Бог,
Конец – ничто; нас к высшему влечет,
А низших к нам, вот правильный расчет.
Одну ступень творения разрушь –
И все падет, вплоть до бессмертных душ;
Хоть пятое, хоть сотое звено

[1] Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 430.

Изъяв, ты цепь разрушишь все равно.
Ясна простая истина как день:
Необходима каждая ступень;
Когда повреждена одна из них,
Не устоять системе остальных.
Когда бы начала земля блуждать,
Себя бы не заставил хаос ждать[1].

Правосудие как социальная система воспринималось соответственно в качестве механизма поддержания прочности цепи, основанной на двусторонней связи (Завете) между Творцом и его творениями. «Цепь бытия», венчаемая Богом как первое звено, нисходила от Всевышнего посредством процедуры коронации, сопровождавшейся обрядом помазания, к королевской власти. Церемония подразумевала: власть вытекает от Христа через посредничество духовенства к королю и дарует ему ту «власть от Бога», о которой говорил апостол Павел в послании римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»[2]. Послания апостола Павла занимают центральное место в богословских концепциях о взаимоотношениях церкви и государства, повиновение закону неразрывно связано с волей Бога: «потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут»[3]. Таким образом, государство рукоположено Богом с целью исполнения Его воли, учила церковь, поэтому игнорировать гражданскую власть – значит также игнорировать Бога.

Восприятие короля как власти, исходящей от Бога – бессменного соверена, изначально было частью государственного порядка в Англии. Статутное оформление англиканства практически завершилось в эпоху королевы Елизаветы I, убежденной в том, что церковь и государство должны

---

[1] Поуп А. Опыт о человеке // Поэмы / пер. В. Микушевича М., 1988. URL: http://lib.ru/POEZIQ/POUP/pope_opyt.txt_with-big-pictures.html

[2] Рим. 13:1.

[3] Рим. 2:13.

действовать «гармонично», сообща, чтобы исполнять волю Бога [1]. Проповедь времен королевы Елизаветы напоминала пастве и подданным послание апостола Петра: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» [2]. Далее автор выстраивает экспозиционную проповедь на текстах посланий Павла и Петра и заключает, что «все короли, королевы и другие власти специально назначаются по установлению Бога. И, поскольку сам Бог, обладая безграничным величием, силой и мудростью, правит и управляет всем на небе и на земле, как вселенский Монарх, как Король и Император над всеми, как Единственный способный нести ответственность за всех, так Он учредил и поставил земных правителей над отдельными государствами и владениями на земле. Это было необходимо как во избежание неразберихи, которая могла бы быть в мире, если бы он был без правителей, так и для великого покоя и блага земных людей, Его подданных, а также чтобы сами государи, обладая властью, силой, мудростью, провидением и праведностью в управлении людьми и странами, вверенными им в ведение, были подобием Его небесного правления»[3].

Акт о супрематии 1558 г. даровал монарху титул Верховного правителя во всех духовных и церковных делах. Клирики, стремящиеся занять церковную должность, приносили особую присягу королю как главе

---

[1] Biggs W.W. An Introduction to the History of the Christian Church. N-Y., 1965. P. 140.

[2] 1 Пет. 2:13-17.

[3] An Homily against Disobedience and Willful Rebellion // Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts. L., 1687. URL: https://archive.org/stream/homilyagainstdis 00 chur/ homilyagainstdis00chur_djvu.txt

церкви, первым пунктом которой однозначно утверждалось: «Королевское Величество, после Бога, есть единственный верховный правитель этого королевства и прочих его Величества владений и стран как во всех духовных или церковных делах, так и светских: и ни один иностранный государь, лицо, прелат или потентат не имеет и не должен иметь какую-либо юрисдикцию, власть, превосходство, преимущество или полномочия церковные или светские в пределах Его Величества обозначенного королевства, владений и стран»[1]. Подтверждая полную юрисдикцию короля над церковью и превращение последней в «духовный отдел государства», исследователи выделяют сущностные характеристики англиканства в XVI–XVIII вв.: «единообразие, целостность и национальность». По оценке У. Биггса, англиканская церковь и английское государство «были двумя частями одного целого… не просто полезным союзом, но серьезным подтверждением единства земного и небесного царств»[2].

Анализируя основные функции уголовно-исполнительной политики государства, мы обозначили приоритетные цели правосудия в рассматриваемый период: ретрибутивное возмездие за причиненное преступником зло и превентивное устрашение. Установившееся тесное сотрудничество церкви и государства в области уголовной юстиции обеспечивало единство поставленных целей, порождало стойкие убеждения в том, что государство имеет право на возмездие, и это право освящено самим Творцом. Известный религиовед XX в. Оскар Кульман, рассматривая механизм конвергенции государственной власти и церкви, именует государство «орудием (проводником) Божественного возмездия»[3]. Исследователь рассматривает содержание посланий апостола Павла «К Римлянам» в качестве фундаментальных основ средневековых

---

[1] Цит. по: Фадеев И.А. Проблема религиозной идентичности Церкви Англии в исторической перспективе: к вопросу о вероучительном статусе 39 статей // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 157.

[2] Biggs W.W. Op. cit. P. 161–62.

[3] Cullmann O. The State in the New Testament. N-Y., 1956. P. 15–19.

богословских концепций о взаимоотношениях церкви и государства. Писание недвусмысленно гласило, что существующие власти установлены от Бога, напрямую связывая соблюдение гражданских законов с повиновением своему Создателю. Государь, принимая эту власть от Бога, получал также «карающий меч» как священное право отомстить «в наказание делающему злое»[1].

Устойчивый ментальный паттерн, характерный для средневекового мировоззрения и сохранившийся в миропонимании раннего Нового времени, был связан с ощущением Божественного присутствия в процедуре уголовного наказания. Дж. Тревельян отмечает, что даже в конце XVII в. в сознание людей еще не вошло четкое разграничение нарушений, наказуемых государством, и «грехов», не подлежащих компетенции суда[2], а понимание уголовного наказания не имело четких границ от «воздаяния по грехам». Исследователь Дж. Маккензи, анализируя такое восприятие государства человеком, заключает: «Человек страдает от государства, потому что он постоянно находится под Судом, а государство для него – часть проклятия, которое лежит на нем за его грехи»[3]. Таким образом, толкование посланий апостолов Павла и Петра в богословских интерпретациях сводилось к убеждению: государство является орудием (агентом, проводником) Бога, «посылаемым для наказания преступников», т. е. тех, кто грешит против установленного порядка.

Определяющей особенностью культурного контекста восприятия правосудия для англичан раннего Нового времени была твердая убежденность в сопричастности Творца к земному правосудию и наказанию. Отечественный правовед М. Пахалов провел исследование внешних атрибутов судебного разбирательства, уделив внимание тем элементам,

---

[1] Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. Рим. 13:4.

[2] Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 250.

[3] McKenzie J. The Christian and the State // Church and State in the Middle Ages / by B.D. Hill. N-Y., 1970. P. 13.

которые «превращали судебное учреждение в храм юстиции, а судей – в священников права»[1]. Судебные разбирательства, заседания обеих палат Парламента начинались с молитвы, проповедь священника обязательно предшествовала исполнению наказания в форме смертной казни. Исследователь Г. Мишлер, подробно описав английские судебные ритуалы Нового времени, сравнивал лестницу правосудия с «великой цепью власти» в святом деле поддержания общественного порядка: судебная власть, таким образом, вытекала не из воли монарха либо парламента, а была обусловлена иерархией судебных чинов, восходивших к монарху, чья власть, в свою очередь, восходила к Творцу[2]. Неотъемлемой частью как юридической, так и проповеднической риторики рассматриваемого периода было аллегоричное уподобление системы правосудия духовной иерархии: например, двенадцать главных судей по числу и «функциям» сопоставляли с двенадцатью апостолами[3]. Выступая в суде присяжных в Оксфорде, красноречивый проповедник Томас Биссе сравнил иерархию судов «со ступенями, восходящими к Соломонову трону [к власти земного государя. – *С.В.*], а через нее к Богу: “…ибо нет служителя правосудия, который не был бы служителем Господа Бога”»[4]. Другой проповедник, Эдвард Янг, сравнивал с апостолами двенадцать присяжных, убеждал свою паству, что земной суд выступает «прологом» и подготовкой к Страшному суду, а принятие земного наказания может предотвратить (искупить) наказание в вечности. Модель земного суда, с судьей во главе и присяжными вокруг, он уподоблял небесной модели, когда Христос, окруженный ангелами, будет вершить свой суд. Сравнение присяжных с апостолами подкрепляло веру в их непорочность и неподкупность,

---

[1] Пахалов М.Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 21.

[2] Mischler G. English political sermons 1714–1742: a case study in the theory of the «divine right of governors» and the ideology of order // British Journal for Eighteenth-Century Studies. Vol. 24. 2001. Iss. 1. P. 38–39.

[3] Madan M. Op. cit. P. 22–23.

[4] Bisse T. Jehoshaphat’s charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711 / by the Right Honourable Mr. Justice Powell and Mr. Baron Dormer. Oxford, 1711. P. 9.

а необходимую жестокость правосудия Янг призывал рассматривать как «помощь Человеку сделаться справедливее и лучше» [1]. Британский исследователь Р. Макгоуэн приходит к выводу о том, что в рассматриваемый период «божественная справедливость служила нормативной моделью человеческого правосудия»[2].

В правовой риторике и проповеднической практике понятия «уголовное наказание» и «божественное возмездие» были практически неотделимы. Богословы нашли гениальное оправдание правомерности вынесения смертного приговора. Поскольку в соответствии с Писанием ни один человек «не имел власти ни над своей жизнью, ни над жизнью и смертью другого человека, вынесение смертного приговора могло бы рассматриваться как грех убийства» [3]. В проповеди, посвященной очередной годовщине восхождения королевы Анны на престол, епископ Экстерский Осфприн Блэколл подчеркивал: только Всевышний имеет власть над жизнью и смертью, но, подробно разбирая суть «послания к Римлянам», проповедник выводит аллегорию «луча Божественной власти», который через монарха сообщается магистратам[4]. «Магистрат – это образ самого Бога», – проповедовал Генри Гловер в очередном толковании посланий апостола Павла [5]. Прямая связь системы правосудия с Божественной справедливостью как бы «освящала» право на вынесение приговора о наказании, в том числе смертного приговора, который в данном контексте рассматривается не как грех убийства, а как воплощение справедливости Творца. Английские судьи XVII в. во многом подражали

---

[1] Young E. Two assize sermons preached at Winchester the first Feb. 26, 1694, James Hunt of Popham, Esq. being sheriff of the county of Southampton: the second July 14, 1686, Charles Wither of Hall, Esq. being sheriff, &c. L., 1695. P. 63–64.

[2] McGowen R. «He Beareth Not the Sword in Vain»: Religion and the Criminal Law in Eighteenth-Century England // Eighteenth-Century Studies, 21 1987–1988. № 2. P. 193.

[3] Young E. Op. cit. P. 45–46.

[4] Blackall O. The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James s, on Tuesday, March 8, 1708. Being the anniversary of her Majesty's happy accession to the throne. L. 1709. P. 9–11.

[5] Glover H. Ekdikesis or a Discourse of Vengeance. Delivered in a sermon preached at Dorchester, at the assizes holden there for the county of Dorset, March. 4. 1663. L., 1664. P. 10.

священнослужителям, завершая приговор формулой «да помилует Господь вашу душу»[1].

Всеведение Творца о действиях человека было необходимо для того, чтобы иметь возможность судить праведно в Судный день. Проповедник Томас Уиллис заявлял, что Бог всегда «присутствует на процессе правосудия», принимает непосредственное участие «не только в наблюдении за всем, что там вершится, но и в утверждении каждого приговора, вынесенного судьей»[2]. Слово Божие служило оправданием для уголовных репрессий как ретрибутивного ритуала и символического возврата «обиды», нанесенной Творцу, а виселица рассматривалась в качестве пролога небесной кары для грешников, отправной точки адовых мук, сулимых Священным Писанием. Суровое по отношению к преступникам правосудие объяснялась тем, что в рамках религиозного мировоззрения они являлись отступниками, посягающими на установленный раз и навсегда социальный порядок и преобразующими реальность методами, недопустимыми с точки зрения Божественного законодательства, воплощенного в земном правосудии. Самый показательный пример восстаний против Божественного мироустройства, который приводит Библия, – падение Сатаны и низвержение его в земной мир, где он начинает борьбу за души людей. По аналогии с библейской моделью преступник, одержимый грехами, чувствует себя неуязвимым победителем и совершает насилие, убийства и грабежи, тем самым бросая вызов своему Создателю и государству. Поведение преступника регулируется аффектами надежды и страха, а сам он является рабом собственных желаний и страстей, которые овладевают им все сильнее по мере ослабления религиозного чувства. Догма об изначальной избранности одних и вечном проклятии, предопределенном для «злобных и плотских людей, лишённых Духа

---

[1] Mischler G. Op. cit.

[2] Willis T. God's Court Wherein the Dignity and Duty of Judges and Magistrates Is Shew'd in a sermon preached at the assises held at Kingston upon Thames, July 26, 1683. L., 1683. P. 15, 25.

Христова»[1], позволяла рассматривать жестокость наказания как очищение от преступления, искупление вины и примирение с Богом. Р. Макгоуэн, проанализировав содержание судебных приговоров и протоколов заседаний суда присяжных с 1600 по 1700 год [2], обнаружил систематическое обращение к суровому авторитету ветхозаветного правосудия при назначении высшей меры в подтверждение легитимности приговора [3]. По замечанию немецкого историка А. Кришера, «традиционно эшафот являлся форумом истины», который, «в соответствии с протестантским актом покаяния, должен был быть публичным, как критерий правомерности и законности смертного приговора»[4].

Таким образом, смешение двух видов правосудия – земного и небесного, трактовка уголовного закона как репликации небесной справедливости, воплощенной в этом законе ради вечной борьбы со злом, закладывали доминирующую ментальную установку преемственности государственной власти от власти Всевышнего. Легитимность права государства на справедливое возмездие, освященное Творцом, была неоспорима. Выступая перед палатой лордов в 1740 г., епископ Чичестерский Моусон Маттиас резюмировал: «Поскольку мы живем в полной гармонии наших религиозных и гражданских порядков, в течение многих лет в нашем государстве мир и спокойствие»[5].

---

[1] Article XVII. Of Predestination and Election // The Book of Common Prayer, Administration of the Sacraments, and other Rites and Ceremonies of the Church, according to the use of the Church of England: together with the Psalter or Psalms of David, pointed as they are to be sung or said in churches. Cambridge, 1760.

[2] McGowen R. Op. cit.

[3] Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти. Исх. 21:12; А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб. Исх. 21:23–25; Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Откр. Апок. 21:8 и пр.

[4] Krischer A. Op. cit. P. 92.

[5] Mattias M. A sermon preached before the House of Lords in the Abby-Church of Westminster on Wednesday the February 4th, 1740. Being the Day appointed by His Majesty for a General Fast and Humiliation to be observed in a most Solemn and Devout Manner, for obtaining the Pardon of our Sins, and imploring the Divine Blessing and Affiance on the Arms

Критический дискурс-анализ проповеднических текстов рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о том, что миссия превентивного устрашения существенно превалирует над задачей легитимации государственного насилия. В условиях, когда юстиция еще не выработала методов профилактики и превенции преступного поведения, средневековая Фемида опиралась на основания, обозначенные апостолом Павлом в рассматриваемом послании: «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести»[1]. Стойкая убежденность в неотвратимости и вечной протяженности во времени небесного наказания закладывала средневековую общественную привычку к послушанию. Английский богослов середины XIX в. Метью Хорбери, размышляя над особенностями христианского сознания своих соотечественников времен Реформации, выдвинул предположение о том, что в задаче поддержания общественного порядка на земле в рассматриваемый период угроза «вечного наказания» и воздаяния по грехам была более эффективна, чем страх перед земным правосудием: «И если страдания, возможные в этой жизни, которая людям известна, и конец которой они способны предвидеть, могут таким образом сдерживать их, какой же весомый эффект дает угроза наказания в другой, неизвестной по своей природе, сложной для понимания и бесконечной по продолжительности жизни?»[2] Р. Макгоуэн посвятил несколько исследований изучению ментальных и эмоциональных паттернов восприятия англичанами уголовного наказания и пришел к выводу, аналогичному предположению Хорбери: христианский догмат бессмертия души и угроза «вечного» наказания (избежать которого невозможно!)

---

of His Majesty, and for restoring and perpetuating Peace, Safety, and Prosperity to Himself and to His Kingdoms. L., P, 1740. P. 6.

[1] Рим. 13:5.

[2] Horbery M. The works of Matthew Horbery, D.D. Vo1. 1. Oxford, 1828. P. 243.

в загробном мире в рассматриваемый период служили залогом социальной стабильности и повиновения[1].

Англиканская вера выступала против компромисса чистилища[2]: после смерти нравственное состояние души фиксировано и неизменно, гласили основополагающие доктрины, а верующие должны придерживаться такого образа жизни, который позволит достичь покаяния и исправления для достижения достаточного уровня чистоты «до распада тела». Жизнь, таким образом, сама по себе становится своего рода чистилищем, испытательным сроком, подготовкой к вечности: «если мы действительно верим в то, что Христос будет судить и живых, и мертвых, давайте вести себя сообразно этой вере. Давайте жить с такой святостью и кротостью, которая украсит наш путь Христианина», – проповедовал пресвитерианский пастор начала XVIII в. на одной из похоронных церемоний[3]. В соответствии с назиданием пастора именно жизненный путь предваряет врата рая или падение в геенну огненную. Если грехи не искуплены в этой жизни, то после смерти тела душу ждут страдания как возмездие за прегрешения, которые могут продолжаться вплоть до Судного дня.

Вера в то, что душа бессмертна и предстанет перед Судом Всевышнего, играла значительную роль в восприятии наказания. В протестантском понимании развращенной (греховной) природы потомков Адама люди грешны[4] и человек мертв по преступлениям и грехам[5], а значит, нечестивцы, которые не заслужат Божьего спасения, будут осуждены

---

[1] McGowen R. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History. 1988. № 9. P. 92.

[2] См.: Чугунова Т.Г., Софронова Л.В., Хазина А.В. Английский реформатор Джон Фрит о католическом богословии чистилища // Научный диалог. 2020. № 3. С. 439–452.

[3] A funeral sermon upon the death of Mrs. Urith Bunchley, daughter to Sir Austin Palgrave, Bart. Who departed this life May the 21st. Preached at Clavering in Essex May the 24th, 1708. Published at the request of several of her relations / By a Presbyter of the Church of England. L., 1708. P. 4–5.

[4] Потому что все согрешили и лишены славы Божией. Рим. 3:23.

[5] Еф. 2:1.

к вечному наказанию[1]. Для проповеднической риторики и литературного творчества раннего Нового времени эти догматы были питательным источником нравоучительных убеждений и устрашений. В рассмотренной ранее проповеди времен королевы Елизаветы «Против гражданского неповиновения и преднамеренного мятежа» бунт против установленного в государстве порядка и королевской власти [преступления категории *treason. – С.В.*] автор называет «величайшим злом», «наихудшим из всех пороков» и экспрессивно заключает: «Восставшие против своего государя и страны сражаются против Бога, и поэтому справедливо низвергаются с головой прямо в ад… Их смерть постыдна: трупы болтаются на шестах и цепях, их гложут коршуны и вороны, тела недостойны погребения, а следовательно, их нераскаявшиеся души, ввергнуты к дьяволу в ад за свои злодеяния. О такой ужасной казни предупреждал Святой Павел, призывая повиноваться не только из страха смерти, но и из-за страха перед Богом и страха перед вечным проклятием. Посему, добрые люди, послушайтесь, как дети, бойтесь ужасной казни Божьей и живите в тихом послушании, чтобы стать детьми вечного спасения. Ибо как Небеса – это место хороших послушных подданных, так ад – тюрьма и темница мятежников, восставших против Бога и своего Государя»[2].

Устрашение муками ада в стремлении подчеркнуть необходимость земного послушания, характерное для средневекового духовенства, осталось в духовной и правовой традиции раннего Нового времени. По выражению К. Хилла, даже в конце XVII в. «ад все еще мог приносить социальную пользу»[3]. Евангелие метафорически представляло муки ада как тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов[4]; и вечный неугасимый огонь,

---

[1] И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. Дан. 12:2.

[2] An Homily against Disobedience and Willful Rebellion… URL: https://archive.org/stream/ homilyagainstdis00chur/homilyagainstdis00chur_djvu.txt

[3] Хилл К. Указ. соч. V. Конец революционной Библии. 19. Библия свергнута с престола. С. 14.

[4] Мф. 22:13, 25:30.

уготованный диаволу и ангелам его – жгущий, но не сжигающий[1]; и неусыпающий червь[2], непрестанно ядущий, но не съедающий, и самое, пожалуй, экспрессивное – озеро огненное и серное, где суждено мучиться день и ночь во веки веков[3]. Творческий гений Джона Мильтона экзальтированно интерпретировал библейские намеки и недосказанности в реконструкции картин обители «для мятежников, томящихся во тьме», осужденных к вечному наказанию. Фактически, посредством поэзии он выразил общую линию, поддерживаемую христианскими проповедниками на протяжении продолжительного времени. И невыносимая адская боль, и терзание мук совести, помноженные на бесконечность, создавали внушительное впечатление:

Но худшие мученья предстояли
Виновному: сознание блаженства
Погибшего и скорби бесконечной.
С отчаяньем блуждает взор зловещий,
Но гордостью исполнен непреклонной
И злобою непримиримой он.
Так далеко, как может взор бессмертных
Обозревать – он видит лишь пространства
Ужасные и дикие, тюрьму,
Которая обведена вокруг
Пылающим горнилом. Это пламя
Не разгоняет сумрака; при нем
Лишь явственней являются картины
Отчаянья и скорби, та обитель
Уныния, где отдыха и мира
Не ведают, куда самой надежде,
Которая присуща всем на свете,
Нет доступа, – юдоль ужасных мук
И пламени, питаемого серой,
Которая горит и не сгорает.
Вот каково зловещее жилище,

---

[1] Мф. 25:41, Мк. 9:43.

[2] Мк. 9:44–48.

[3] Тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем, и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его. Откр. Апок. 14:10–11.

Назначенное правосудьем Неба
Мятежникам, томящимся во тьме.
От Господа они на век пространством
Отделены, превосходящим трижды
Пространство то, которым отделен
От полюса планеты нашей центр.
Как разнится жилище это с тем,
Откуда их изгнало правосудье![1]

Картина адовой тюрьмы была знакома прихожанам с юных лет, нагнетание ожидания вечных мучений, в которые вот-вот погрузится душа грешника, входили в обязательную часть публичной проповеди священника, предварявшей отправление правосудия. Известный проповедник XVII в. Дж. Аллейн взывал к необращенным грешникам в жанре иеремиады: «Вина наших грехов лежит на нас словно гора. Бедная душа! Пусть ты этого не чувствуешь; но на тебе печать всех твоих несчастий. Пока вы не обращены, ни один из ваших грехов не прощен, но все они пятнают вас… Необращенных грешников невозможно ни оправдать, ни простить. Взгляните на обращенного грешника, который чувствует бремя своей вины: о, как ужасает его вид, как страшны его жалобы! Его утешение превращается в горечь, влага в засуху, и его сон покинул его глаза. Он ужасен для себя и всех, кто его окружает, он завидует камням, что лежат на дороге, потому что они бессмысленны и не чувствуют страдания, и если бы он был собакой, а не человеком, то смерть закончила бы его страдания, но для него смерть – только начало того, чему не будет конца. Каким незначительным ни казался бы грех сейчас, однажды вина от непрощенного греха ляжет тяжелейшим бременем. Это будет подобно краеугольному камню, что “всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит”… О! подумай о своем случае вовремя. Можешь ли ты думать об этой угрозе, не дрогнув от мысли, что умрешь во грехе. Лучше умереть в темнице, чем умереть во грехе. Если ли бы смерть,

[1] Мильтон Дж. Потерянный и возвращенный Рай / пер. О. Чюминой. СПб., 2013. С. 10–11.

освобождая от всего земного, освобождала бы от грехов, в этом было бы хоть какое-то облегчение; но твои грехи последуют за тобой, когда твои друзья покинут тебя, и все мирские наслаждения останутся позади. Твои грехи не умрут вместе с тобой, как другие долги узника; судить тебя будут по ним, они станут твоим обличением; и пойдут в ад с тобою к твоим мучителям. О, что они сделают с тобой! О, посмотри на свои долги вовремя, – словно каждая из нарушенных тобой Божьих заповедей взывает к твоему наказанию, сковывает узами нарушенного Завета! Что ты будешь делать тогда, когда они вместе воззовут к воздаянию?»[1] Визуальные образы эпохи усиливали вербальные, напрямую обращаясь к эмоциональному мышлению[2].

Епископ Нориджа Джон Мур в проповеди «О религиозной печали» высказывал мысль о том, что «Ад был создан с целью ужаснуть дерзких грешников, сдержать и погасить их страсти» [3]. Священнослужители ревностно отстаивали бессмертие души, чтобы удержать людей от тех грехов, «которые были бы смертельными для человеческого общества здесь и вредными для нашей души в мире грядущем». Преподобный Мур проповедовал о бесконечной мудрости Создателя, который насадил в человеческих душах «Великий страх наряду с Великой любовью» с единственной целью – чтобы человек «трепетал перед Его величием, боялся нарушить Его законы и противоречить Его праведной воле». По мнению теолога, «обещав бесконечную благодать, Бог побудил человека к Любви, а посулив человеку Вечное наказание, возбудил в нем Страх, который есть основание к послушанию и покорности в противодействии тем страстям, которые бушуют в наших душах»[4].

---

[1] Alleine J. An Alarm to Unconverted Sinners. 2nd ed. Glasgow, 1824. P. 190–192.

[2] См.: Приложение 1.7–1.8.

[3] Moore J. Of religious melancholy. A sermon preach'd before the Queen at White-Hall, March VI, 1691/2. By the Right Reverend Father in God, John Lord Bishop of Norwich. L., 1692. P. 6.

[4] Ibid. P. 7–8.

Рассуждая о восприятии Бога человеком, Томас Гоббс описывал беспомощность и страх перед Создателем, из которых очевидно признание Его силы[1]. Этот постоянный страх, считал философ, всегда сопровождает человеческий род, шествующий как бы во тьме из-за незнания истинных причин вещей[2], поэтому, не в силах постичь эту невидимую власть, виновника своего счастья или несчастья, человек ожидает всяких благ, когда Бог благожелателен, и всяких зол, когда Он разгневан. Великий страх, который, по выражению Мура, Создатель «насадил в сердце человека», нуждался в постоянной актуализации. В связи с этим священнослужители в проповеднической риторике обращались и к масштабным стихийным бедствиям, и к массовым эпидемическим заболеваниям, дабы акцентировать ощущение Божественного присутствия в символических «воздаяниях по грехам».

Масштабные массовые бедствия преподносились, с одной стороны, как небесная кара, с другой – как предупредительное испытание, сходное с теми, которое, что Бог ниспосылал народу Израиля в назидание. Суровый кальвинистский теолог Джон Престон воспринимал чуму 1625 г. как свидетельство Божьего гнева за грехи, которые лежат на нации, на церкви и на личности[3]. Пожар в Лондоне в 1666 г. был показательным событием: упоминание о «числе зверя» в книге Откровения возбуждало предвкушения конца света в данном году. В один из дней Лондон наблюдал затяжной шторм, сопровождаемый раскатами грома и вспышками молний. Толпа замерла в ожидании конца света и приближения Судного дня. Вся хронология пожара рассматривалась как мистерия Конца Света: внезапность, несокрушимая мощь огня, тщетность усилий потушить пламя... Викарий Бенджамин Кэлэми в проповеди, посвященной годовщине

---

[1] Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 283.

[2] Там же. С. 82.

[3] Хилл К. Указ. соч. II. Революционная библия. 2. Перед 1640. с. 90; III. Международный католицизм и национальная политика. 9. Десять заповедей и идолопоклонство. С. 8.

смертоносного пожара, поучал: «Бог может проявиться Великим штормом, Громом и Молнией, как он являлся израильтянам в древности, чтобы убедить их в глупости и заблуждении». Эффект от такого рода «громовых знаков» он сравнивает с процедурой публичной казни, считая, что иногда они необходимы, «чтобы люди застыли в страхе перед Законом», чтобы «разбудить людей от глупости и тупой апатии», вызванных постоянным закоснением в грехе[1]. Лондонцы верили, что «с позволения небес ад вышел на свободу»[2] за грехи и преступления горожан.

Даже век спустя, оценивая события 1666 г., англичане были убеждены, что огонь, чума и шторм были посланы, чтобы «привести нас к рассмотрению своих путей и утвердиться в покаянии». В событиях пожара, чумы и шторма 1703 г. проповедник Гидеон Харви усмотрел явные признаки Божьей кары, ниспосланной богатому городу за «гордость и корысть, и угнетение, пресыщение хлебом, и распутство, и пренебрежение, и забвение Бога»[3]. Похожим содержанием наполнено выступление преподобного Фердинанда Фина перед «Достопочтимым обществом купцов, торгующих с Испанией» в год Великого шторма: «великий Гром, усиленный присутствием Божественного духа, должен вызвать раскаяние, покаяние, обращение, печаль и скорбь за то, что оскорбили Бога»[4]. Так проповедники пользовались свирепствами природы, внушая

---

[1] Calamy B. A sermon preached before the right honorable the Lord Mayor, aldermen, and citizens of London, at the Church of St. Mary-le-Bou; September the Second, 1684. Being the anniversary fast for the dreadful fire in the year 1666. L., 1685. P. 15.

[2] Фрагмент первоначальной надписи на монументе в память о Великом Лондонском пожаре.

[3] Harvey G. The city remembrancer: being historical narratives of the great plague at London, 1665; great fire, 1666; and great storm, 1703. To which are added, observations and reflections on the plague in general; considered in religious, philosophical, and physical view. With historical accounts of the most memorable plagues, fires, and hurricanes. Collected from curious and authentic Papers, originally compiled by the late learned Dr. Harvey, his Majesty's Physician to the Tower, and enlarged with Authorities of a more recent Date. Vol. 1. L., 1769. P. 20, 23.

[4] Fina F. A sermon on the occasion of the late storm. Preach'd in Spanish, Before the Worshipful Society of Merchants Trading to Spain; in the Parish-church of St. Bartholomew, near the Royal-Exchange, London; on the 7th of January, 1704. Rendred into English from the

своей пастве: угрозы Господа посредством небесных сил имеют целью вызвать покаяние через устрашение массовым наказанием. Рассматривая себя в качестве истолкователей божественных знаков, священнослужители веками культивировали эмоциональное состояние, сопровождаемое напряженным ожиданием воздаяния грешникам за любые формы социально неодобряемого поведения.

Историк медицины Р. Потер уверен, что средневековый анахронизм считать массовые эпидемические болезни Божьей карой рядовые англичане разделяли вплоть до XIX в. Ветхозаветная история, повествующая о наказании египтян, когда «сделалось воспаление с нарывами на людях»[1], порождала стойкое убеждение в том, что массовые болезни – исход Божественного гнева и кары, предупреждение нечестивым[2]. Проповедники убеждали народ, что первопричина болезни – грех, червоточина души, которая распространяет миазмы на тело. Догмат об абсолютном предопределении и избрании, зафиксированный в семнадцатой статье вероучительного документа Церкви Англии, предполагал пассивное полагание велению судьбы как Божьей Воли во всех областях. Все, что Бог предопределил, христианин должен принять без стенаний и жалоб. Концепция пассивного повиновения Божьей воле была так развита, что некоторые проповедники выступали против прививания оспы, утверждая, что все болезни ниспосылаются Богом не случайно, а привитый человек, возможно, будет «более здоровым», но, безусловно, менее праведным, а попытка «уклонения» от ниспосылаемого наказания противоречит воле Творца[3].

Original Spanish and Dedicated to Her Sacred Majesty Queen Anne, Queen of Great Britain, &c. L., 1704. P. 13.

[1] Исх. 9:10.

[2] Porter R. Disease, Medicine and Society in England: 1550–1860. Cambridge, 1993. P. 27–28.

[3] См., напр.: Massey E. A sermon against the dangerous and sinful practice ofinoculation. Preach'd at St. Andrew's Holborn, on Sunday, July the 8th, 1722. L., 1730. 32 p.

Божественные знаки, посылаемые в качестве одновременно кары и предупреждения, усматривались не только в массовых явлениях, но и в отдельных судьбах конкретных «провинившихся». Например, среди квакеров курсировала назидательная история о епископе из Берфорда, который в 1663 г. приговорил слепого квакера Томаса Минчина к заключению в тюрьме Оксфорда. Через полгода епископ ослеп во время службы прямо за кафедрой и вскоре умер, а его секретарь, который принимал активное участие в судебном процессе над Минчином, серьезно заболел так, что «плоть сгнивала на костях даже при жизни»[1]. В таком наказании явно усматривался перст Божий, но даже такой знак не спас Томаса от тюрьмы, в которой он провел восемь с половиной лет.

Итак, действенная вера в воздаяние в посмертном бытии играла значительную роль в ментальном восприятии правосудия и превенции социально неодобряемого поведения. Теолог Хорбери признает, что хотя в его время буквальное понимание двух сущностей Евангелия – «прагматизма террора» и «посевов любви и добра» – не может не вызывать скептической улыбки, «мы помним времена, когда вознаграждения и устрашения Евангелия напрямую регулировали поведение человечества и доказали свою эффективность»[2]. Знаменитый английский теолог XVII в. Томас Бернет в трактате «De Statu Mortuorum» настаивал на том, чтобы священники использовали принятые доктрины «при чтении проповедей населению, которое склонно к порокам и может быть отвращено от зла только страхом наказания»[3]. Так, поддерживая в сердцах людей постоянное ощущение страха перед Провидением, культивируя с раннего детства систему мыслимых и немыслимых наказаний и воздаяний, религия являлась

---

[1] Besse J. A Collection of the Sufferings of the People Called Quakers, for the Testimony of a Good Conscience, From the Time of Their Being First Distinguished by that Name in the Year 1650, to the Time of the Act, Commonly Called the Act of Toleration, Granted to Protestant Dissenters in the First Year of the Reign of King William the Third and Queen Mary, in the Year 1689. Vol. I. L., 1753. P. 569–570.

[2] Horbery M. Op. cit. P. 244.

[3] Цит. по: Хилл К. Указ. соч. V. Конец революционной Библии. 19. Библия свергнута с престола. С. 14.

ключом к гражданскому повиновению, одним из гарантов законопослушного поведения.

Поворотным моментом, с точки зрения религиозного восприятия наказания, стало изменение ментальности английского общества в области бессознательного эмоционально-чувственного восприятия «вечного наказания». Во второй половине XVII столетия была начата вековая богословская дискуссия относительно вечности адских мучений. Т. Гоббс в «Левиафане», рассуждая о метафорическом смысле адовых мук, когда «огонь будет неугасим и мучения вечны», высказал предположение, что хотя огонь вечен, но муки могут быть конечны: «Однако отсюда нельзя вывести заключения, что брошенный в этот огонь и мучимый этими мучениями будет выносить их и противостоять им так, чтобы вечно гореть и мучиться и, однако, никогда не погибнуть и не умереть. И хотя многие места говорят о вечном огне и вечных мучениях (в которые могут ввергаться люди один за другим все время до скончания мира), однако я не нахожу ни одного места, где бы говорилось, что в этом состоянии какое-нибудь индивидуальное лицо будет жить вечно, наоборот, многие места говорят о вечной смерти, которая есть вторая смерть»[1]. Историк Дэвид Джонстон отмечает, что Гоббс, намереваясь «перекроить мышление» современников и «подточить веру в награду и наказание в будущей жизни», стратегически верно обратился к авторитету самой же Библии[2].

Рассуждения Гоббса в очередной раз актуализировали христианскую дискуссию о свободе воли и божественном предопределении. Авторитетный специалист в изучении религиозной истории Англии Л.В. Софронова утверждает, что «вопрос о свободе воли … стал активно обсуждаемым, выйдя далеко за границы академического богословия» уже в предреформационный период. В частности, к нему обращался видный

---

[1] Гоббс Т. Указ. соч. С. 352.

[2] Johnston D. The Rhetoric of «Leviathan»: Thomas Hobbes and the Politics of Cultural Transformation. Princeton, N. J., 1986. P. 136.

английский церковный деятель Дж. Колет, который склонялся к тому, что избрание или осуждение «являются следствием не одной изначальной абсолютной божественной воли, но и выбора человека – «слышит» он Слово или закрыт для Него»[1]. В первой половине XVII столетия эта дискуссия во многом определялась кальвинистско-арминианским противостоянием. В соответствии с учением Я. Арминия, человек обладает свободой воли, что ставит его спасение в зависимость от поведения. Пуритане, которые постепенно превращаются в одну из важнейших религиозных групп к середине века, в целом разделяли кальвинистское понимание предопределения и «безусловного» избрания к спасению, зафиксированных в ортодоксальных пунктах Дортского синода[2].

В ходе Английской революции середины XVII в. пуританизм значительно упрочил свои позиции, что, в свою очередь, проявилось в стремлении навязать всему обществу свои взгляды и строжайший моральный кодекс. В сфере уголовных наказаний это привело к попытке наказывать «за грехи» в судебном порядке. Американский исследователь Д. Коухен, анализируя пуританские проповеди, предваряющие ритуал сметной казни, заметил, что богослова-пуританина никогда не заботила гипотетическая возможность судебной ошибки, следствием которой мог стать приговор невиновного к смерти, так как «у любого даже юридически невиновного человека найдется достаточно прегрешений, чтоб вывести его на эшафот, а оттуда к вечной смерти и адовым мукам»[3]. Суровое наказание в форме смертной казни, с одной стороны, представлялось знаком того, что пуритане верны Завету, заключенному с Богом, с другой – интерпретировалось как восстановление нарушенного общественного

---

[1] Софронова Л.В., Хазина А.В. Проблема свободы воли в английской предреформационной теологии: казус Джона Колета // Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 12–13.

[2] См. подробнее: Ерохин В.Н. Современная британская историография об идейных течениях в церкви Англии в первые десятилетия XVII века // Запад – Восток. 2010. № 3. С. 81–90.

[3] Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly. Vol. 40. 1988. № 2. P. 153.

порядка, своеобразный ритуал отмщения и возмещения за причиненное зло. В таком ракурсе любая форма помилования, отсрочка или отмена исполнения судебного решения рассматривалась как извращение Божьего повеления, как вызов теологии небесного воздаяния, которое оскорблено промедлением. В суровых ветхозаветных текстах не составляло труда подыскать соответствующие аргументы в оправдание такой позиции. К. Хилл обращается к проповеди пуританского проповедника Томаса Брукса, который, цитируя пророка Иеремию, Псалмы и Книгу Чисел, предостерегал власти в разгар революции: «Нет более сильного средства отвратить суд Божий от нации, как исполнение правосудия и суда… Небрежение к правосудию и суду облечет вас виною за грехи других людей», а также приводил в пример ветхозаветных царей, которые были убиты и смещены из-за своей неспособности с достаточной суровостью поступать с врагами Бога. «Жестокость к добрым – щадить плохих», – резюмирует Т. Брукс[1].

Тем не менее, историк Дж. Тревельян посчитал попытки английских пуритан возложить искоренение греха и порока не на церковные, а на обычные светские суды, даже в период их наиболее сильного политического влияния, – провальными и возбудившими резкое негодование[2]. По мнению современного специалиста В.Н. Ерохина, «даже когда пуритане после окончания военных действий в гражданской войне явно получили власть в стране, они не нашли эффективного средства, чтобы навязать свою волю и манеры поведения всему населению страны, поскольку исчезли общая церковная дисциплина и церковные суды»[3]. В то же время, зарубежный исследователь английского протестантизма Б. Донаган убеждена, что до конца XVII столетия пуританские (кальвинистские) основы религиозного

---

[1] Цит. по: Хилл К. Указ. соч. II. Революционная библия. 3. Проповеди по случаю поста и политика, 1640–1660. С. 119–120.

[2] Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 251.

[3] Ерохин В.Н. Пуританизм как фактор в развитии английской культуры раннего Нового времен // «Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений» : мат. Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2013. С. 20.

сознания англичан были непоколебимы[1]. Постановление Оксфордского суда «Над некоторыми пагубными книгами и доктринами»[2] от 21 июля 1683 г., когда труды Гоббса вместе с декларациями квакеров, произведениями Дж. Мильтона и других авторов были публично сожжены, показательно продемонстрировало, что подобные попытки расшатать строгие моральные устои, которые помогали обеспечивать «послушание» британцев в «этой жизни», регулируя его устрашением вечных мучений, были несколько преждевременны.

«Теология» Левиафана нашла своих интерпретаторов к началу XVIII в., на фоне очередного подъема арминианства и ослабления влияния радикального кальвинизма, одержимого предопределением. По мнению Д. Джонстона, «Гоббсу пришлось вытолкнуть своих читателей из их прежнего образа мышления, спровоцировать их на перестройку собственных интерпретаций мира и своего места в нем. Радикализм его переосмысления Священного Писания был просто одним из элементов масштабного замысла: превратить своих читателей в более рациональных и предсказуемых существ и тем самым сделать их более подходящими для членства в новом типе политического общества»[3]. Так в сотериологичнеской дискуссии на предмет расширения возможностей человеческого участия в деле спасения и контроля над обстоятельствами зазвучали аргументы, «напитанные» рационализмом и оптимизмом Просвещения, в том числе идеями, выраженными в знаменитом трактате Дж. Локка «Разумность христианства».

Пользовавшийся глубоким уважением у современников архиепископ Кентерберийский Джон Тиллотсон в нашумевшей проповеди «О вечности

---

[1] Donagan B. Godly choice: Puritan decision-making in seventeenth-century England // Harvard theological review. Vol. 76. 1983. Iss. 3. P. 317.

[2] The Judgment and Decree of the University of Oxford Past in Their Convocation July 21, 1683, Against Certain Pernicious Books and Damnable Doctrines Destructive to the Sacred Persons of Princes, their State and Government, and of all Human Society. Rendred Into English [from the Latin Original] and Published by Command. Oxford, 1683.

[3] Johnston D. Op. cit. P. 137.

адских мучений» в 1690 г. высказывал достаточно радикальные мысли о соразмерности греха и наказания[1]. Во-первых, Тиллотсон предложил разумно воспринимать ту часть Писания, в которой Бог посулил вечное наказание для грешников, и трактовать Евангелие с учетом полного понимания совершенства Божественной природы. Террор вечного наказания, обещанный Писанием, не противоречит Божественной доброте и справедливости: Бог угрожает страшными мучениями, убежден архиепископ, лишь для того, чтобы удержать нечестивых от попадания в ад: «Если бы люди были свободны от страха, самое действенное воздержание от грехов было бы немедленно устранено»[2]. Замысел Создателя, посулившего адские муки, считает Тиллотсон, не столько в потребности непременно применить их к неправедным в другой жизни, сколько в стремлении воздержать человека от греха в жизни земной. Во-вторых, Тиллотсон, практически повторяя Гоббса, обращает внимание на тот факт, что в Писании буквально «во веки веков» не всегда означает «бесконечную продолжительность», и если «грех (преступление) является конечным, то и наказание может быть конечно»[3]. Тиллотсон предположил, что целью вечного наказания является не столько кара за грех, сколько превенция возможных преступлений подобного рода.

Красной нитью через проповедь проходит мысль о бесконечном милосердии, которое и есть сущность Бога, а в день Страшного суда «Бог не сделает ничего, что отвратительно для Его неизменной доброты и справедливости»[4]. В завершение нравоучения Тиллотсон высказывает шокирующее соображение: «Итак, если у нас достаточно разума для того, чтобы примирить нашу веру с нашими действиями, мы должны либо

---

[1] Tillotson J. Of the eternity of Hell Torments // The works of Dr. John Tillotson, Archbishop of Canterbury. With the life of the author / by Thos. Birch, M.A. Vol. III. L., 1820. P. 76–97.

[2] Ibid. P. 78.

[3] Ibid. P. 79.

[4] Ibid. P. 86.

переписать Библию и все вероучение, либо изменить нашу жизнь»[1]. Понятно, что первое предложение из уст архиепископа звучит как гротеск, но во втором практически обозначен отход от предопределения к свободной воле: «Вместо того, чтобы ссориться с принципами религии и ставить их под сомнение, – рассуждает Тиллотсон, – да будем жить с чувством постоянного благоговения перед ними. Благословен Бог, и для нас есть еще надежда избежать грядущего гнёта и вечного наказания… Наш самый милостивый и милосердный Бог ясно показал нам и благости жизни вечной, и свое желание привести нас к ней, чтобы мы, будучи предупреждены его угрозами, не смогли навлечь их на себя»[2]. Проповедь заканчивается обращением к Ветхому Завету, Книге премудростей Соломона: «Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни и не привлекайте к себе погибели делами рук ваших. Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: нечестивые привлекли ее и руками, и словами, сочли ее другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием»[3].

Таким образом, выражая мысль Дж. Тиллотсона в терминологии М. Хорбери, на первое место можно выдвинуть ту сущность Евангелия, которая предполагала «посевы любви и добра», вытесняя постепенно «прагматизм террора». Такая смена религиозного дискурса детально исследована Р. Макгоуэном в работе «Изменение лица Божьего возмездия», где автор приходит к следующему выводу: «В век науки и разума вечное наказание кажется несовместимым с “разумностью” Бога… В опасении, что суровость и безысходность этого постулата породит большое количество сомневающихся, государство и церковь предпочли сместиться с позиции

[1] Ibid. P. 95.
[2] Ibid. P. 96.
[3] Прем. 1:12–16.

воплощения божественного возмездия в сторону олицетворения божественной благосклонности»[1].

Итак, уже к началу XVIII в. содержательная часть теологической и правовой аргументации, призванная доказать, что за «мимолетный» земной грех ожидалось вечное наказание, не выдерживала столкновения с растущим рационализмом грядущего Просвещения. И если на уровне дебатов интеллектуальной элиты это свидетельствовало о формировании нового образа мышления, то на уровне простых людей, особенно бедноты, восприятие существенно отличалось. Еще в 1656 г. политик и публицист Фрэнсис Осборн в знаменитом «Поучении сыну» отмечал, что «опровержение... веры [в рай и ад] приведет к уменьшению как почтения к гражданским властям, так и выгоды для священников»[2]. Странствующие проповедники и приходские священнослужители констатировали ослабление веры в вечность адовых мук и соответственно ментального ужаса от их вероятности. Это не могло их не беспокоить: например, ирландский епископ Томас Миллз предостерегал, что утрата англичанами веры в вечность наказания приведет к крушению всех социальных границ и устоев, уничтожению друг друга и т. п.[3] Дж. Тиллотсон также был уверен, что несвобода человека от страха есть самый действенный мотив к воздержанию от грехов. Сторонник арминианства Дэниел Уитби, констатировав ослабление страха перед вечностью и ведущую роль нравственного поведения в деле своего спасения, тем не менее был убежден, что, если удалить всеведение Бога, это унесет с собой все обязанности

---

[1] McGowen R. The Changing Face of God's Justice… P. 93.

[2] Цит. по: Хилл К. Указ. соч. V. Конец революционной Библии. 19. Библия свергнута с престола. С. 13–14.

[3] Milles T. The natural immortality of the soul asserted and proved from the Scriptures, and first fathers: in answer to Mr. Dodwell's epistolary discourse, in which he endeavours to prove the soul to be a principle naturally mortal. Oxford, 1707. P. 19–20.

служения Ему и даст человеку полную свободу следовать худшим проявлениям своей греховной природы[1].

Истолкование причин возросшей преступности и последовавшего за этим «разбухания» «кровавого кодекса» в религиозных нарративах выразилось в констатации утраты Страха Божьего как страха закона (*terror legis*) и устрашения совести (*terrores conscientiae*). Известный евангелист Уильям Ромейн в тематической проповеди «Метод предотвращения частых грабежей и убийств» сокрушался: «Никогда еще божественные постановления не попирались так дерзко, как в наше время, что проявляется в небывалом росте преступности и нарушении законов на фоне абсолютной беспомощности властей» [2]. Похожими словами описал проблему преподобный Томас Смит, сравнивая утрату страха перед Богом с симптомами пандемического заболевания, распространяемого на всей территории страны: «Англичане словно бросили вызов Создателю, когда все законы, как священные, так и гражданские, открыто игнорируются, имя Бога ежедневно оскверняется уличными богохульниками, а в наших судах изобилуют уклонения и лжесвидетельства»[3].

Просветитель Дж. Хэнвей в попытке диагностировать глубинные причины роста преступности выдвигал предположение: «Не является ли ослабление или отрицание религии главной причиной того, на что мы жалуемся?» [4] Развивая эту мысль, гуманист приводит доводы в доказательство взаимосвязи между страхом неизбежного наказания и силой превенции. «Когда человеком более не движет страх перед Вечным

---

[1] Whitby D. Six Discourses, Concerning I. Election and Reprobation. II. Extent of Christ's Redemption. III. The Grace of God. IV. Liberty of the Will. V. Defectibility of the Saints. VI. Answer to Three Objections. Worcester, 1801. P. 179–180.

[2] Romaine W. A Method for Preventing the Frequency of Robberies and Murders, Proposed in a Discourse, Delivered at St. George's Hanover-Square, at St. Dunstan's in the West, and at Several Other Places in London. L., 1754. P. 2.

[3] Smith T. Righteousness the Way to Avert Impending Judgments, and the Certain Method to Secure the Divine Protection: A Sermon Preached in the Parish-Church of St. Matthew, upon February 11, 1757, Being the Day Appointed the 3rd ed. L., 1764. P. 16.

[4] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 4.

наказанием, – убежден Хэнвей, – он теряет веру в то, что этот мир мудро управляем Творцом». Страх перед виселицей, связанный с ожиданием вечных мучений после смерти, предположительно может оказывать сдерживающий эффект на ту часть злодеев, которые еще признают авторитет религии. Те же, кто утратил «чувство Священного трепета» [использует понятие в качестве синонима к понятию «Страх Божий» – опасение оскорбить Господа нарушением Его святой воли. – *С.В.*], постепенно теряют стремление готовить душу к вечной жизни, что в конечном итоге приводит к презрению земных законов. Хэнвей проводит интересную параллель между воспитанием общества и воспитанием ребенка: невозможно управлять ребенком без использования родительского влияния, как невозможно управлять нацией, не опираясь на сходные авторитеты. В данном случае этот авторитет базируется на принципах религии: «Страх перед Богом – источник мудрости, а отсутствие этого страха – начало глупости и извращенности, которое в конечном итоге приведет к уничтожению всего человечества»[1]. Утрата авторитета религии особенно опасна для молодого поколения, считает Хэнвей: «Мы каждый день видим, как из-за недостатка образования, дурного примера, порочного круга общения многие юнцы вступают на путь, ведущий к гибели. Если нет понятия о вечной жизни и Страшном суде, нет веры во Славу Господа и ожидания воздаяния после смерти, то человек словно блуждает во тьме»[2].

Чезаре Беккариа убедительно доказывал, что один из наиболее эффективных способов превенции преступления – неизбежность наказания, но как только появляется надежда на безнаказанность, подкрепленная корыстолюбием и другими «порочными слабостями», эффективность наказания стремится к нулю. Избирательность и несовершенство правосудия, о которых мы говорили ранее, подпитывали такую надежду на рациональном уровне, а изменения в эмоционально-чувственном восприятии

---

[1] Ibid. P. 26.
[2] Ibid. P. 88.

«вечного наказания» – на иррациональном. В любом случае, проблему беспрецедентного роста преступности на фоне «абсолютной беспомощности властей» не оспаривал, наверное, ни один религиозный мыслитель. Принципиальное размежевание авторов проповеднического жанра произошло по вопросу необходимой ответной реакции на данный вызов социокультурной реальности. Участники дискуссий, не обременяя себя необходимостью правовой грамотности, искали решение в привычной компетенции.

Представителей первого направления религиозной мысли можно условно отнести к приверженцам *радикального пуританизма*. Несмотря на то, что к началу XVIII в., по выражению Дж. Тревельяна, англичане успешно сбросили «ярмо пуританина», который решительно и фанатично настаивал на том, что любой грех непременно должен быть наказан[1], сторонники подобных взглядов (которые могли конфессионально не относится к пуританам) остались верны средневековому предубеждению – если толпу не может обуздать проповедь, то пусть ужас террора проникнет в сердца. Когда публичная казнь перестала служить способом устрашения и превенции, суровые проповедники, не считаясь с грядущим Просвещением, ратовали за ужесточение земного правосудия: «Если в день Страшного суда грешники будут пребывать в муках, соразмерных их грехам, то почему бы нам не сымитировать Божественное правосудие на Земле и не воздать преступникам за их деяния без промедления?»[2] Викарий графства Суррей Рив Бэллард, констатировав утрату прихожанами веры в силу вечного наказания, недвусмысленно выразился в пользу светского возмездия: «светские наказания имеют б*о*льшее влияние, хотя небесные столь же неотвратимы и ужасны. Исходя из того, что угроза второго пришествия Христа в Судный день не имеет более должного влияния на умы

[1] Тревельян Дж. Указ. соч. С. 251.

[2] Anon. Hanging, Not Punishment Enough, for Murtherers, High-way Men, and House-Breakers. Offered to the Consideration of the Two Houses of Parliament. L., 1701. P. 10.

закоренелых грешников, необходимо прибегать к человеческим Судилищам, где наказание будет очевидным и наглядным для других. Непосредственные впечатления глубже воздействуют на плотского человека, следовательно, никакие страхи не будут столь действенны, как те, которые касаются *Ощущений*. В самом деле, очень хотелось бы, чтобы практика такого рода не была столь необходимой, чтобы люди больше боялись Божьего гнева, чем насилия этого мира. Но беда в том, что отдаленные перспективы не страшат нас, мы не увидим нашей гибели, пока не ощутим ее непосредственно, а там, где наш Разум должен быть сильнее, он выказывает необъяснимую слабость»[1].

С развитием практик наказания, альтернативных смертной казни, приверженцы строгого ретрибутивизма обратили внимание на потенциальную возможность государства «растянуть» процедуру наказания «хотя бы на целую земную жизнь». Архиепископ Йоркский Уильям Доуз проповедовал: если Божия справедливость обрекает грешника на муки протяженностью в вечность *там*, значит, в компетенции государства наказания преступника на весь период жизни *здесь*: «если того требуют обстоятельства... за отдельные особо тяжкие преступления надлежит приговаривать и к вечному изгнанию, и пожизненному тюремному заключению, в отдельных случаях даже к телесным наказаниям или работе в шахтах и на галерах»[2]. По этой «канве» пуританские богословы начинают «вышивать» новый рисунок: если Бог имеет возможность вечного наказания, то земное правосудие может также, не лишая преступника жизни, растянуть наказание на всю ее протяженность. Пожизненное тюремное заключение, каторжные работы предполагают наказание, соизмеримое с длительностью земного пути преступника/грешника, посягнувшего на земные и небесные законы. При этом представители правосудия не отнимают у преступника жизнь, не посягают этим на нарушение заповедей

---

[1] Ballard R. The Necessity of Magistracy from the Vices of Mankind. An Assize Sermon Preached at Kingston Upon Thames. L., 1745. P. 7.

[2] Dawes W. The objections against the eternity of Hell-torments, answer'd. In a Sermon Preach'd Before King William, at Kensington, January, 1701. 2nd ed. Part VI. L., 1707. P. 8.

Божьих, а поучительный пример для окружающих имеет долгосрочный эффект.

Постепенно перспектива испытать страдания, соразмерные «бесконечным мукам адовым» на протяжении оставшейся жизни, истолковывается как наказание более страшное, чем мимолетная смерть. Например, Джон Бернарди, проведя 33 года в заключении, утверждал, что тюремное заключение в тысячу раз хуже естественной или даже насильственной смерти. В «Краткой истории майора Джона Бернарди, написанной им самим в государственной тюрьме Ньюгейт, где он провел почти 33 года без поддержки государства и даже не был допущен на судебное разбирательство по своему делу» Бернарди, обращаясь к своим читателям, предается шокирующим откровениям: «Самое главное несчастье, постигшее автора (которое большинство читателей ошибочно могут принять за Благословение, но не Проклятье)… это то, что он дожил до великой старости»[1]. Условия заточения привели его к мысли, что если адова тюрьма на земле, где «будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу, и после многих дней будут наказаны»[2] возможна, то, вне сомнений, это Ньюгейт.

А. Кришер провел интересный анализ религиозного дискурса уголовного законодательства Англии с 1600 по 1800 год и выявил «парадоксальный сдвиг парадигмы в сторону террора» после 1700 г.[3] Исследователь убежден, что это стало результатом «децентрализации религиозных дискурсов в праве» и «утраты религией прежнего положения нормативного регулятора общества в целом»[4]. Развитие права как автономной социальной системы со своей логикой и кодексами привело к тому, что судебный процесс более не нуждался в поддержке религии

---

[1] A short history of the life of Major John Bernardi, written by himself in Newgate, where he has been for near 33 years a prisoner of state, without any allowance from the government, and could never be admitted to his tryal. L., 1729. P. 133.

[2] Ис. 24:22.

[3] Krischer A. Op. cit. P. 86.

[4] Ibid. P. 87.

в сфере легитимации власти и стимулирования правопослушного поведения. Будучи вытесненной из судебно-правовой сферы, религия все больше сосредоточивается непосредственно на *исполнении наказания,* пытаясь монополизировать ментальное восприятие высшей меры. Кришер называет это трансформацией теологии судебного процесса в теологию наказания. Из-за этой новой идеологии и «арьергардных действий проповедников в ответ на процессы модернизации» религия способствовала стагнации «кровавого кодекса» и оказалась серьезным препятствием для отмены смертной казни на рубеже XIX в.[1]

Такая гипотеза генезиса «кровавого кодекса» не лишена определенного интереса, однако ее недостатком является избирательный и ограниченный подход к кругу источников. Сосредоточившись на проповедях и религиозных текстах, продвигавших «парадигму террора» в XVIII в., исследователь оставил без внимания не меньший по объему массив источников, в которых восторжествовал противоположный подход. Аргументативную стратегию сторонников данного направления религиозной мысли, которое можно обозначить как *новый евангелизм,* мы подробно рассмотрим в следующей главе. В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников сторонники нового евангелизма предложили возможность спасения через покаяние и обращение, чем во многом определили идейную платформу будущей пенитенциарной реформы.

Французский историк Жак ле Гофф в поддержку концепции «долгого Средневековья» ссылается на исследования различных «явлений, обладающих большой временной протяженностью», чтобы противопоставить традиционной периодизации, выдвинутой итальянскими гуманистами и немецкими и французскими эрудитами, множество альтернативных временных интервалов, уводящих верхнюю границу

[1] Ibid. P. 99.

Средневековья в XVIII и даже XIX столетие [1]. Определяя «долгое Средневековье», историк приводит пример, когда во главу угла можно поставить *здравоохранение* и определить Средневековье от разрушения античной системы общественной гигиены до создания современной больницы; *эпидемии чумы*, замыкающие Средневековье последней ее вспышкой в Марселе в 1720 г., или «*королевское чудо*» – веру в чудодейственную способность королей исцелять золотушных больных, зафиксированное в последний раз в 1825 г.[2] В нашем исследовательском поле такой верхней границей можно считать утрату доминантных концептов представлений о вечном наказании и «прагматизма террора».

2.3. Идеология и практика исполнения уголовных наказаний в XVIII в.: консервативный нарратив

Историк Э. Баркер, задумавшись об особенностях национального характера англичан, выделил несколько константных черт национального менталитета, практически не подвластных влиянию времени и других факторов. Среди них исследователь называет *привычку к добровольному действию*, когда «англичанин все делает сам или в содружестве с другими такими же людьми, как он. Он не ждет ничего от «государства» и не передает свои дела на усмотрение правительству»[3]. Бурная общественная полемика по вопросу назревшего кризиса системы исполнения наказаний в XVIII в. стала наглядным примером проявления такой привычки интеллектуалов, не дожидаясь реформы от правительства, предлагать собственное решение. Современный историк-англовед Т. Косых упоминает «памфлетные войны» на предмет мнимого и подлинного патриотизма,

---

[1] Ле Гофф Ж. В поддержку долгого средневековья // Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 31–38.

[2] Там же.

[3] Цит. по: Соколов А.Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале современной культурной антропологии // Диалог со временем, 2012. Вып. 39. С. 65.

ознаменовавшие первое десятилетие правления Георга III[1]. Исследователь цитирует парламентское выступление лорда Норта, который посетовал, что англичане начинают день с пасквиля, и им же заканчивают. Многообразие и массовость памфлетов, эссе, размышлений и предложений по борьбе с преступностью дает основание констатировать «памфлетный бум» и в интересующей нас социально-правовой сфере, а наличие острополемичных предложений – определить пропонентов и оппонентов «памфлетной войны»[2].

Публицистические произведения по вопросам противодействия криминалу условно можно разделить на *консервативные* – ратовавшие за ужесточение существующей системы мер по борьбе с преступностью и непримиримое отношение к отступлениям от норм закона и морали, и *реформаторские* – предлагавшие кардинальные изменения уголовного законодательства и практик наказания. Подчас авторы втягивались в настоящую памфлетную войну, поражая твердостью занимаемых позиций, однако и тех и других, казалось, объединял тот самый загадочный английский патриотизм, которому чужда «пылкость и помпезная выспренность», а свойственна врожденная любовь к своему отечеству[3], гордость за величие своей нации и мучительная сопричастность к ее несовершенствам. Сторонник реформизма Дж. Хэнвей предварял свой проект рассуждением: «Мы не уступаем ни одной нации в отношении своих законов и правительства, но, по странной фатальности, стране, достигшей такого величия, угрожает опасность изнутри: не из дремучих лесов и далеких гор, а из самого сердца мегаполиса»[4]. Представитель

---

[1] Косых Т.А. Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60–70-х гг. XVIII в. // Известия Урал. федер. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. 2016. № 3 (154). С. 243.

[2] Ярким примером может служить дискуссия С. Ромилли и М. Мэдана. См.: Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Самуэль Ромилли против «Размышлений об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов» Мартина Мэдана // Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: … Глава VIII.

[3] Соколов А.Б. Указ. соч. С. 77.

[4] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 10.

консервативной линии М. Мэдан с горечью признает, что имидж англичан на континенте так безнадежно скомпрометирован, что их называют «нацией разбойников», и практически вторит идеологическому оппоненту: «Ни одна цивилизованная нация так не страдает, как мы, от ежедневно совершаемых преступлений: мы не можем спокойно путешествовать, спать в своих домах, держать скот в полях без нависшей над нами угрозы разбоя и хищения имущества… Случаи оного так возросли в количественном отношении, что и день не более безопасен, чем ночь, и суровая действительность изобилует примерами варварской жестокости в отношении тех несчастных, которые попали в руки злостных нарушителей общественного порядка[1].

Именно эта черта национального характера, когда «англичанин всюду, куда бы он ни попал, несет с собой чувство долга»[2], в сочетании с привычкой к добровольному действию не позволяли интеллектуалам оставить без внимания злободневную социальную проблему. Остро осознавая современную им практику уголовных наказаний как «недостойную великой и состоятельной империи, развращающую национальную мораль и порочащую национальный характер» [3], парламентарии, общественные деятели, публицисты, филантропы, представители религиозных движений презентовали социальные проекты и выдвигали законодательные инициативы.

Прежде чем обратиться к вариативным реформаторским проектам, рассмотрим круг произведений, которые можно условно отнести к *консервативному нарративу*. Не задаваясь целью кардинально изменить существующую систему уголовных наказаний, однако констатируя назревший кризис, английские мыслители данного направления в своих рассуждениях призывали к неукоснительному соблюдению религиозных заповедей и исполнению существующих статутов. Проблемы и противоречия

---

[1] Madan M. Op. cit. P. 4–5, 127–128.

[2] Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 385.

[3] Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed., L., 1818. P. 139.

системы «кровавого кодекса» они усматривали не в последовательном ужесточении законов, а в количестве отступлений от таковых. Соответственно предложения по борьбе с преступностью сводились к укреплению морали и нравственности, ужесточению исполнительного производства, верховенству авторитета закона и религии.

Сравнительно небольшой по объему пласт сочинений можно отнести к ультраконсервативным предложениям. Сторонники ретрибутивного воздаяния видели единственный выход в усилении уголовной репрессии, причем смертная казнь, как это ни парадоксально, более не соответствовала представлениям о действительно жестоких уголовных наказаниях. В феврале 1701 г. в обе палаты парламента был представлен анонимный трактат «Виселица – недостаточное наказание для убийц, грабителей с большой дороги и взломщиков»[1]. Памфлет открывался традиционными жалобами на рост преступности и несовершенство уголовного законодательства, что, собственно, и стало причиной обращения к «столь низкому предмету»: «Именно это побудило меня взяться за перо, – писал анонимный автор, – дабы показать зло в его истинном свете, а также предложить лекарство… Милосердие и умеренность англичан отражаются в законах и конституции, но если преступники становятся все более дерзкими и закоренелыми, то почему бы добропорядочным гражданам не стать менее милосердными по отношению к ним, особенно в свете того, что мягкие методы стали неэффективными?» [2] Интересно отметить, что «мягкими методами» автор именует не что иное, как смертную казнь! «Смертный приговор, – считает памфлетист, – может, и последнее средство, но и оно не работает, и если мы не найдем альтернативы, то вскоре путешествовать по Англии можно будет как в аравийских пустынях, в компании вооруженных до зубов телохранителей». Какую же альтернативу предлагает он на рассмотрение парламента? «Те, кто

[1] Anon. Hanging Not Punishment Enough …
[2] Ibid. P. 1.

отказывают в милосердии другим, не заслуживают его. Если виселица не страшит их, то надо вешать их в цепях, морить их голодом, колесовать, подвергать порке до смерти, как это делали римляне»[1]. Частое повторение преступлений, убежден автор, достаточное основание для применения к преступникам мер, более жестоких, чем высшая мера. И если «нет аргумента действенней, чем сильная боль», то даже нескольких примеров публичных пыток будет достаточно, чтобы, с одной стороны, избавить добропорядочных граждан от страха перед преступниками, а с другой – назидательным эффектом спасти тысячи жизней тех, кого ежегодно отправляют на виселицу[2]. Демонстрация физической боли, которую они испытывают перед смертью, должна затмить заманчивые перспективы противоправной деятельности. Если преступники более не боятся смерти, то надо сделать так, чтобы они боялись того, что будет перед смертью: «если один заслуживает смерти за кражу предмета, чья стоимость превышает пять шиллингов, то другой, держащий меня в страхе, угрожающий моей жизни и собственности, заслуживает больше, чем смерти. Если первый должен умереть, то второй должен *ощутить себя умирающим*»[3].

Этот памфлет можно назвать своеобразным манифестом апологетов ретрибутивной традиции английского уголовного правосудия. Лейтмотивом консервативного нарратива выступит незамысловатое предложение придерживаться неукоснительного соблюдения всех существующих законов, какими бы суровыми они ни казались: «Закон должен исполняться регулярно и систематично, иначе от него нет толка. Какой прок от острых зубов, если пускать их в ход от случая к случаю?»[4]

В продолжение этой линии Джордж Оллифф в 1731 г. опубликовал эссе, в котором подчеркивал, что единственный способ предотвратить вред, наносимый преступниками, – увеличить террор смертной казни и отказаться

---

[1] Ibid. P. 2.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 3–4.
[4] Ibid. P. 9.

от злободневной практики отмены или отсрочки приговора[1]. С характерной для публицистов эпохи Просвещения патетикой Оллифф констатирует «прискорбие наблюдать в славной английской нации рост численности развращенного и ленивого племени, отступившего от религиозных и гражданских принципов, презревшего обязанности по отношению к Богу и людям, забывшего уважение к принципу частной собственности, при первой же возможности жаждущих удовлетворить страсть наживы и ускользнуть от правосудия»[2]. Устрашающий эффект наказания, убежден автор, стремится к нулю, о чем свидетельствует стабильно высокое количество «негодяев», закончивших свою бесславную жизнь на виселице. «Мудрость и умеренность наших законов растаптываются этими презренными созданиями, – продолжает автор, – а все попытки правительства смягчить их ожесточенные сердца и воздействовать на закосневшие умы бесплодны, и с каждым годом их полчища становятся все многочисленней и отчаянней, потому желательно отыскать метод для укрощения этой неуправляемой расы» [3] . Оллифф причисляет себя к «разумной и вдумчивой части человечества, которая предается размышлениям о том, как уберечь себя от противозаконного насилия и посягательств на жизнь и собственность», и обращается к Парламенту с предложениями по противодействию сложившейся ситуации, когда, «путешествуя по стране, прогуливаясь по улице, посещая магазины и просто мирно спя в кровати, добрые люди не чувствуют себя в безопасности от этих чудовищ в человеческом обличье»[4].

По мнению автора эссе, действенный способ совладать с этим злом – прибегнуть к ужесточению уголовных наказаний. Оллифф обращает внимание на практику «умеренных пыток», («каждая нация за столетия

---

[1] Ollyffe G. An essay humbly offer'd, for an Act of Parliament to prevent capital crimes, and the loss of many lives; and to promote a desirable improvement and blessing in the nation. L., 1731.

[2] Ibid. P. 4–5.

[3] Ibid. P. 5.

[4] Ibid.

накопила их внушительный арсенал»!), которые могут оказаться суровее и мучительнее смерти, и потому удовлетворительнее равно в глазах правосудия и пострадавшей стороны. Современные автору способы лишения жизни, такие как повешение или расстрел, в силу того что момент мучения жертвы слишком короток – «как яркая вспышка, ослепляющая на мгновение и так же быстро гаснущая» – уже неэффективны, так как лишены назидательного смысла. В то время как «долго длящаяся пытка порождает больший ужас у преступников, способный уменьшить, или даже положить конец бессовестным преступлениям»[1], – убеждает читательскую аудиторию автор.

Оллифф уделил большое внимание психологическому воздействию на толпу суровой казни путем сожжения, членовредительства и т. п. и выступил с резкой критикой сложившейся практики отмены приговора, когда эту заслуженную кару получает одна двадцатая часть тех, кто такого наказания действительно заслуживает[2]. Старинный метод постепенного удушения на виселице, пока жертва не умирала от асфиксии и истощения, популярный в других странах, неизменно наводит ужас на аудиторию, как и колесование, заставляющее преступника страдать в бесконечно долгой агонии от боли в переломанных конечностях. Очень эффективно перекручивать руки и ноги веревками, повреждая нервы и сухожилия, что доставляет немыслимую боль, ведь «когда они корчатся в предсмертных муках, их пронзительные крики вселяют ужас и отвращают других от совершения преступлений»[3].

Следует отметить, что подобный набат к показательной жестокости постепенно утрачивал аргументативную привлекательность, а примеры физического насилия – убедительность. В «Ньюгейтском календаре» Э. Нэппа сохранилась криминальная биография «полуповешенного» Джона

---

[1] Ibid. P. 7.
[2] Ibid. P. 10.
[3] Ibid. P. 8.

Смита[1]. Во время суда Смит сохранял удивительное хладнокровие, не изменившее ему в момент исполнения приговора. Он провисел пятнадцать минут под крики толпы, требовавшей помилования, после чего его вынули из петли, сделали кровопускание и предложили поделиться впечатлениями, пережитыми «на пороге смерти». Получив помилование, он остался верен ремеслу взломщика, был повторно судим, оправдан коллегией из двенадцати судей, после чего третий раз был привлечен к суду и вновь помилован. Завершая повествование, Э. Нэпп замечает, что «если разум был единожды осквернен совершением греха, едва ли он поддастся исправлению. Даже физические страдания в момент смерти не удержали этого человека от преступных деяний»[2]. Подводя итог кризису публичного исполнения наказаний, юрист XVIII в. Генри Дагге заключил: «Сила примера, на которую так часто уповают, не обладает той силой, которую ей приписывают. Преступники часто совершают те же чудовищные деяния, за которые на их глазах в мучительной агонии умирают их собратья. Люди, которых их извращенный ум привел к совершению тяжелых преступлений, нечувствительны к страданиям других. Необузданность их порочных желаний перевешивает мысли об опасности, а воображение заманивает либо выгодами от злодеяний, либо иллюзорной надеждой ускользнуть от наказания»[3]. В парламенских прениях вокруг реформы, прозвучит окончательный вердикт: «Когда злодей становится энтузиастом, он выше закона. Наказание – это его награда и его слава»[4].

Тем не менее приверженцы ретрибутивизма в наказании постарались найти новый эталон устрашения и назидания для таких «энтузиастов». В религиозном дискурсе зародилась мысль о возможности приговорить преступника/грешника к страданиям, соразмерным «бесконечным мукам

---

[1] См.: Приложение 1.10.

[2] The Newgate calendar … / by A. Knapp. L., 1770. P. 60–62.

[3] Dagge H. Considerations on criminal law. Vol 1. L., 1772. P. 172–173.

[4] The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. Vol. XIX. L., 1813. P. 242.

адовым». Сторонники правового консерватизма обратили внимание на потенциал устрашающей силы примера, которое несет пролонгированное наказание в сравнении с мимолетной смертью. В анонимной публикации 1695 г. под авторством «искреннего патриота» «Солон Секундус, или Некоторые недостатки английского права с надлежащими советами правовых преобразований» отмечалось: «...английский человек так любит свободу, что это [лишение свободы. – *С.В.*] для него ужаснее, чем бесславная смерть, которая просто неприятна» [1]. Даже в сравнении с телесными наказаниями лишение свободы, по мнению автора, воспринимается значительно тяжелее: «Телесные наказания, я имею в виду розги, редко имеют эффективное воздействие в качестве наказания, так как забываются сразу, как только уходит боль. Но потеря свободы произведет куда более сильное впечатление, сделает дыру в сердце и наполнит его глубокой скорбью» [2]. Если же «в довесок» к лишению свободы присовокупить каторжный труд – результат превзойдет ожидания, а поучительный пример для окружающих будет иметь долгосрочный эффект: «…если бы эти негодяи, после справедливого и законного осуждения, были обречены на двадцать один год заключения и каторжных работ, один пример такого рода ужасает больше, чем одновременная казнь ста человек, о которой забывают, как только рассказ окончен»[3]. В 1737 г. епископ Клойнский Дж. Беркли в «Вопрошателе» в риторической форме обобщил богословский и правовой аспекты рассматриваемого дискурса: «Не станет ли подневольное состояние, цепи и многолетний тяжелый труд более серьезным, а также более адекватным наказанием для преступников, чем даже сама смерть?»; «Разве взгляд на преступников, скованных парами и удерживаемых на каторжных работах, не будет назидательным для толпы? Неужели в Англии, где грабители так ожесточены, что не боятся страха

---

[1] Anon. Solon Secundus: or some defects in the English Laws; with their proper remedies. By a hearty Lover of his Country. L., 1695. P. 14.

[2] Ibid. P. 15.

[3] Ibid. P. 22–23.

смерти, где неуклонно растет число грабежей и взломов, не ощущается ежедневная необходимость в организации такой системы?»[1]

Полвека спустя эти доводы научно обосновал Ч. Беккариа, проанализировав правовые и социальные последствия назидательного эффекта долгосрочного наказания, альтернативного смертной казни: «Наш дух более способен противиться насилию и самым страшным, но непродолжительным болям, чем времени и постоянной тоске, ибо он может сконцентрироваться, так сказать, на мгновение, чтобы выдержать сиюминутную боль, но не обладает достаточной силой натяжения, чтобы сопротивляться продолжительному и повторяющемуся воздействию страданий второго рода. Смертная казнь как назидательный пример для народа каждый раз требует нового преступления. При замене ее пожизненной каторгой одно и то же преступление дает многочисленные и длящиеся продолжительное время примеры… Тому, кто скажет мне, что пожизненная каторга столь же ужасна, как и смертная казнь, а потому и столь же жестока, я отвечу, что если суммировать все самые несчастные моменты рабской жизни на каторге, то это, может быть, превзойдет по своей жестокости смертную казнь, ибо эти моменты сопровождают человека всю его оставшуюся жизнь, в то время как смертная казнь реализует свою силу в один миг. И в этом преимущество наказания пожизненной каторгой. Оно устрашает больше того, кто наблюдает, чем того, кто от нее страдает…»[2]

В XX в. последователи М. Фуко увидели в подобном смещении акцентов переход от зрелищности наказания к «политическому захвату тела». Известный специалист в области юридической антропологии Н. Рулан пишет: «…большой спектакль физического наказания исчезает, –

---

[1] Berkeley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife or, an exhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. L., 1750. P. 7, 40–41.

[2] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М., 2000. С. 171–172.

люди избегают смотреть на терзаемое тело. Стали искать иные решения, по-прежнему направленные на исправление виновного»[1]. Как объяснял М. Фуко, функционирование наказания в качестве примера изменяет свои механизмы: «правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением», «тело становится своего рода орудием или посредником… окружается целой системой принуждений и лишений, обязанностей и запретов»[2]. На наш взгляд, подобный социально-философский анализ могла актуализировать лишь научно-исследовательская мысль XX в., но для общественной мысли XVIII столетия подобное постмодернистское теоретизирование было недосягаемо. Анализируемые памфлеты наполнены, скорее, глубокой тревогой, иногда даже паническим страхом. Причины возникновения подобных предложений по эскалации жестокости наказаний могли возникать как от недостатка широты мышления авторов или отсутствия специальных правовых знаний, так и под влиянием патетики религиозного дискурса.

В отличие от рассмотренных ультраконсервативных предложений, большинство произведений английских мыслителей, которые мы будем рассматривать на данном дискуссионном полюсе, лишены призыва к усилению жестокости наказаний несмотря на то, что фактически не выходят за рамки парадигмы ретрибутивного правосудия. Их объединяет, с одной стороны, *отсутствие реформаторской линии*, направленной на *изменение* существующего законодательства, с другой – верность лейтмотиву, обозначенному в первом рассмотренном памфлете: *строгое соблюдение действующих законов*. Соответственно предложения авторов направлены или на противодействие преступности в целом, или на усовершенствование существующих практик наказания.

---

[1] Рулан Н. Историческое введение в право : учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 34.

[2] Фуко М. Указ. соч. С. 14, 16.

В 1725 г. Бернард Мандевиль по частям представил публике серию писем, позднее оформившихся в социально-философское эссе «Расследование причин участившихся казней в Тайберне»[1]. Каждое письмо – детальный разбор одной из причин необузданного разгула преступности и, соответственно, рекомендации автора по ее устранению. Мы ранее рассматривали описание поведения толпы на «ярмарке Тайберна», данное Мандевилем. Вердикт философа-моралиста: «соучастие во Зле»[2] – открытое зрелище исполнения смертной казни и вызываемый ею ажиотаж как раз и способствуют учащению публичных казней. В то время как путь на казнь должен «символизировать приготовление к другой жизни, а зрители должны пораженно молчать перед торжественным ужасом вечности», шествие в Тайберн вызывает прямо противоположный эффект: пьяная разнузданная толпа предвкушает смачное зрелище. Вся эта буффонада, на взгляд публициста, только развращает публику. Вполне естественно, рассуждает философ, что в описанных условиях смысл наказания как кары за совершенное преступление пропадает, так как виселица превращается в театральные подмостки, на которых разыгрывается бенефис главного героя. И задача его – продемонстрировать не раскаяние, которое воспринимается толпой как проявление слабости и малодушия, а отсутствие страха перед смертью и вечностью. Преступники, шествующие к смерти в Тайберне, стараются побороть этот страх не только с помощью алкоголя, но охваченные страстями гнева и гордыни: «Не человек может победить страх смерти, но то, что стоит выше человека. Что же поддерживает его, в чем он черпает силу? Это не осознание невиновности, так как вина доказана, а преступления совершены. Не религиозное рвение, не любовь к родине. Да он не претендует ни на то, ни на другое. Вы скажете, что он не верит ни в Господа, ни с загробную жизнь? Посмотрите на него, и вы поменяете свое мнение. У атеизма другие симптомы. Жалкий мошенник,

---

[1] Mandeville B. Op. cit.
[2] *Англ.* an accessory Evil.

даже не умеющий читать и не утруждавший свою голову сколь-либо серьезными мыслями, заблудится в лабиринтах философии и метафизики и едва ли станет убежденным атеистом… Потому и храбрость его фальшива от начала и до конца. Страх смерти терзает его, но страх показаться трусом и стать посмешищем в глазах себе подобных, перевешивает…» [1] Все это заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни.

Вывод первого письма: если причина участившихся казней в Тайберне сокрыта в том числе и в поведении толпы, которая побуждает преступника к проявлению смелости и аплодирует «хорошей смерти», следует скорректировать процедуры подготовки осужденного к исполнению смертного приговора. Срок ожидания помилования должен быть четко определен, по истечении этого срока осужденному предоставляется один день для прощания с друзьями и родственниками, после он должен ожидать исполнения приговора в полном одиночестве. Доступ к нему может быть только у надзирателя (строго проинструктированного о недопустимости проноса спиртного) и священника. Это поможет преступнику «приготовить душу к вечности». Мандевиль приводит пример «других протестантских стран за морем», где практика общения с духовником в день перед казнью вменена в обязанность священнослужителям либо по линии церкви, либо по указанию городского магистрата. Мандевиль предлагает также ограничить рацион приговоренного к смертной казни хлебом и водой как символ поста и приготовления тела к получению покаяния. Автор уверен, что воздержание от тяжелой пищи освободит разум от мирского, пробудит голос совести и муки раскаяния. В таких условиях у человека будет возможность провести внутреннюю работу, проанализировать причины, приведшие его к такому жизненному итогу, в полной мере ощутить чувство смертности, смириться и приготовиться к встрече с Господом. Почувствовав раскаяние и освободив душу на исповеди, воодушевленный

[1] Mandeville B. Op. cit.

верой преступник может укреплять дух постоянной молитвой и уповать на прощение Всевышнего. Вот тогда, когда его повезут на место проведения экзекуции, его «пронзительные вопли, жалобы, рыдания будут разрывать сердца зрителей, а потоки слез, льющиеся по впалым щекам из обезумевших глаз, будут свидетельствовать о страдании, ужасе и невыразимой агонии его души»[1]. Это будет уроком «для легкомысленной и распущенной толпы негодяев обоего пола, пробудив души из летаргии, в которую они загоняли их так усердно».

Эссе Мандевиля носит светский характер, но мысли удивительным образом перекликаются с религиозным дискурсом начала XVIII в., когда священнослужители единогласно констатировали утрату «торжественного ужаса перед вечностью». Своим трактатом Мандевиль выступил против героизации образа преступника, тем самым выдвинув высокие моральные требования к обществу.

В письме «Возвращение вором покражи во избежание наказания, или Преступление, порождающее новое преступление»[2] Мандевиль, анализируя причины роста преступлений против собственности (которые как раз и приводили большинство воров и грабителей на виселицу!), изобличает порочную схему расследования имущественных преступлений. Владелец, утративший драгоценную вещь, давал объявление о пропаже в газету с просьбой вернуть за вознаграждение или обращался в «канцелярию вороловителя»[3], которая возвращала ценность за отступные[4]. Безусловно, в обстоятельствах, порожденных разветвленным преступным миром столицы

---

[1] Ibid.

[2] *Англ.* Of Theftbote; or, the Crime of Compounding of Felony. Theftbote – английское устоявшееся понятие, обозначавшее воровскую практику эпохи Дж. Уайлда, когда украденное возвращали законному владельцу за крупное вознаграждение.

[3] Знаменитый английский преступник и одновременно «воролов» Джонатан Уайлд в истории криминального мира остался ярким примером «синтеза несочетаемого» – преступник и борец с преступностью. Руководил преступными бандами, промышлявшими кражами, а после – возвращал краденное за крупное вознаграждение законным владельцам. Сотрудничал с полицией, попросту «сдавая» соперников и не подчинившихся его власти воров.

[4] Mandeville B. Op. cit.

и практическим отсутствием полиции, последняя предпочитала сотрудничать с агентами такого рода, так как это гарантировало хоть какие-то шансы вернуть украденное. К подобной практике прибегали интеллектуалы и аристократы, не озадачивая себя моральной дилеммой. Так, Г. Уолпол просит своего эпистолярного собеседника не волноваться по поводу заметки следующего содержания, которую он может встретить в *Gentleman's Magazine:* «Достопочтенный Гораций Уолпол, брат графа Орфорда, который был ограблен двумя мужчинами 7 ноября в Гайд-парке, когда выстрел из пистолета пробил карету и обжег ему лицо, получил письмо от грабителей, в котором говорилось об их беспокойстве по поводу несчастного случая и его последствиях. Если он пошлет в указанное место 40 гиней, его будет ждать человек, который вернет его часы, шпагу и часы кучера, если он этого не сделает – вещи будут уничтожены. Но он не подчинился, а согласился на 20, предложенных во втором письме»[1].

Однако Б. Мандевиль справедливо усмотрел в такой практике порочный круг: кража – посредничество мошенников – успешное возвращение через обогащение безнаказанных мошенников – соблазн последующей кражи. Философ-моралист обрушивается с критикой на распространенную практику размещения в газетах объявлений о пропаже вещей, в которых обещалось вознаграждение тому, кто найдет украденное, с обязательным указанием того, что возврат имущества *не будет сопровождаться лишними вопросами*. По его мнению, это практика не так безобидна, как кажется на первый взгляд, так как затягивает в преступный круговорот все большее количество людей, включая самих жертв, которые в стремлении вернуть дорогие им вещи потворствуют преступлению и бросают тень на свое честное имя. Эту цепочку он назвал «компоновкой нового преступления»[2]: побуждение нищих и карманников обчищать чужие карманы и своеобразная гарантия безнаказанности за содеянное.

---

[1] The letters of Horace Walpole fourth earl of Orford... P. 415–416.

[2] *Англ.* Compounding of Felony.

Мандевиль не скупится на критику властей и правоохранительных органов за сотрудничество с «вороловами». Он придерживается твердого убеждения, что таковых нужно жестоко наказывать, если будет доказано, что они «были вовлечены в преступный промысел, имея свою долю выручки, а потом свидетельствовали против своих бывших сообщников»[1]. Позицию полиции Мандевиль, безусловно, осуждает за «позорные переговоры с ворами», но позицию высшего общества критикует более сурово за «ложный гуманизм», граничащий с безнравственностью, и двойные стандарты. Он подвергает разбору возможные мотивы тех, кто, по его мнению, косвенно способствовал росту мелкой преступности: «Я буду дураком, скажет некто, если не попытаюсь вернуть свою ценную вещь, пусть даже за вознаграждение… Лучше потерять часть, чем все… Я ничего не могу поделать с фактом существования воровства, подумает другой, так если мне хотя бы удастся вернуть свое, – это все что мне нужно. Что мне с того, что бедолагу повесят?.. Третий сердобольно скажет, что готов был бы и в десяток раз больше потерять, лишь бы не быть причиной чьей-то смерти» [2] . Такое отношение можно счесть за преступное бездействие, когда хозяин имущества, получив вещь обратно, на радостях стыдливо закрывает глаза на то, каким путем к нему вернулось это имущество. Таким образом, основной груз ответственности за сложившуюся ситуацию памфлетист возлагал не на правоохранительные органы, а на лицемерие своих соотечественников. Бернарда Мандевиля не без оснований считают строгим моралистом, подчеркивая главный лейтмотив его произведений – скандальное и сатирическое осуждение общественных нравов, обличение всеобщей порочности и плутовства. А. Субботин предложил следующую оценку взглядов просветителя: Мандевиль был, наверное, первым из английских философов и моралистов, кто подверг это двуликое сознание своих соотечественников едкой

[1] Mandeville B. Op. cit.
[2] Ibid.

и беспощадной критике и показал, с каким моральным отчуждением связаны их свобода, собственность и благополучие[1].

Письма Мандевиля, собранные в сочинение «Рассуждение о причинах…», открыли серию памфлетов интеллектуалов XVIII в. на заданную тему. Сквозь страницы эссе с похожими названиями[2] «красной нитью» пройдет общая мысль – причины преступности имеют социальные корни и произрастают из пороков общества. Вскрывая главные, на их взгляд, причины криминала, такие авторы, как Д. Дефо, братья Филдинги, У. Ромейн, понимание борьбы с преступностью будут упрощенно сводить к предложениям по устранению *оснований ее возникновения*. Если, по мнению Б. Мандевиля, главная причина – позиция общества, то выход из ситуации – строгие моральные стандарты и четкий принцип справедливого и неотвратимого наказания за преступление (даже в ущерб своей выгоде). Мысль о том, что великой стране нужен правопорядок – беспристрастное правосудие, мудрые законы и механизмы, гарантирующие их исполнение, философ последовательно проводил практически во всех своих произведениях: «Поэтому там, где законы просты и суровы, всякие послабления при их выполнении, мягкость присяжных и частые помилования в основном представляют собой гораздо большую жестокость по отношению к густонаселенному государству или королевству, чем применение дыбы и самых изощренных пыток»[3]. Если бы люди не имели оснований сомневаться в том, что преступление всегда повлечет за собой должное наказание, то и самих преступлений, и казней было бы намного

---

[1] Субботин А.Л. Бернард Мандевиль М., 2013. С. 23.

[2] Moreton A. [D. Defoe] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. L., 1729; Fielding H. An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751; Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thief-takers. to which is Added, Advice to Pawnbrokers, Stable-keepers, and Publicans. L., 1755; Romaine W. A Method for Preventing the Frequency of Robberies and Murders, proposed in a Discourse, Delivered at St. George's Hanover-Square, at St. Dunstan's in the West, and at Several Other Places in London. L., 1754.

[3] Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 274.

меньше, чем теперь: «Величайшее благодеяние, которое может быть оказано этим заблудшим созданиям, заключается в исключительной суровости и неусыпном государственном контроле за малейшими нарушениями закона»[1].

Очевидно, что Мандевиль не ставил конкретной задачи анализировать все практики уголовных наказаний, а рекомендации, которые встречаются на страницах писем, носят сопутствующий характер. Так, критикуя шествие до Тайберна, Мандевиль предлагает изменить процедуру подготовки осужденного к казни или вообще исключить зрелищность экзекуции и исполнять приговор *in camera* – в закрытом пространстве. Присоединившись к числу критиков практики высылки в колонии, в последнем письме памфлетист как бы между прочим предложил обменивать уголовников на тех европейцев, которые томятся в рабстве в Марокко, Тунисе, Алжире и других берберских странах. Конечно, предусмотрительно оговаривался он, мне возразят, что эти люди обратились в ислам, и кто гарантирует, что мы произвели обмен с выгодой для себя? Но, по мнению автора, выгода очевидна, так как, «избавляясь от трусливых воров, бесчестных мошенников и неисправимых негодяев, мы получаем храбрых, трудолюбивых и полезных людей»[2]. Философ-моралист назвал ожидания, заложенные законодателем в «намерение высылать тех, кто совершил незначительные преступления вместо того, чтобы их вешать», справедливыми и достойными похвалы, и было разумно надеяться, продолжал он, «что это станет лекарством от величайшего зла». Однако, сетует Мандевиль, «наши хитроумные преступники свели эффективность закона к нулю»: один бежит во время путешествия, второй сбегает до того, как производится посадка на борт, а третий возвращается по истечении срока наказания. Более того, «прожженные негодяи, с которыми обращаются куда более мягко, чем с несчастными чернокожими рабами,

---

[1] Mandeville B. A modest defense of publick stews. L., 1724. P. 91.
[2] Mandeville B. An Enquiry into the Causes...

портят последних, обучая их премудростям преступного ремесла, им неведомого в силу их природного простодушия»[1].

Итак, предложения философа-моралиста достаточно суровы и полностью выдержаны в духе философии ретрибутивизма: «...Абсолютная глупость – утверждать, что власть не должна вершить зла, особенно если из этого можно извлечь пользу»[2], – так Мандевиль в целом охарактеризовал государственную миссию исполнения уголовных наказаний, которую считал одним из наиболее действенных инструментов государственного управления.

Если Б. Мандевиль обличал общественные нравы в целом, то Д. Дефо в памфлете «Вторичные мысли – самые лучшие, или Совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев», написанном под псевдонимом Э. Моретона, выделяет социальные слои и сферы профессиональной деятельности, которые, на его взгляд, являются питательным субстратом для преступного ремесла. Социальные слои – бедные и нищие. Размышления Дефо о бедных и нищих подробно анализирует Ю. Барлова, обращая внимание на два источника бедности, выделяемых просветителем: «несчастливые обстоятельства» и «преступления». Под преступлениями здесь Дефо называет качества человеческого характера – расточительство, лень и гордость, которые постепенно ведут бедного англичанина к нищете[3]. А в рассматриваемом памфлете «Вторичные мысли…» автор уже выводит логическую последовательность от профессионального нищенства к мелкой преступности[4]. Наряду с нищенством, которое Дефо причисляет к профессиональной деятельности, ответственность за пополнение рядов преступников вменяется таким категориям, как чистильщики обуви,

---

[1] Ibid.

[2] Mandeville B. A modest defense ... P. 68.

[3] Барлова Ю.Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб., 2018. С. 98.

[4] Moreton A. Op. cit. P. 12.

осветители улиц, извозчики, моряки и солдаты. Автор подробно анализирует объективные риски перехода к общественно опасным деяниям для каждой социальной страты[1].

Анализируя работы Д. Дефо, посвященные проблемам бедности, Ю. Барлова обращает внимание на то, что «в его сочинениях красной нитью проходит мысль о личной обусловленности бедности и предпочтительности дисциплинарных методов борьбы с ней»[2]. Также исследователь ссылается на оптимистичные уверения Дефо в том, что «при реализации его проектов нищенство и бедность будут навсегда искоренены»[3]. Таких громких заявлений в отношении преступности Э. Моретон себе позволить не мог, но общий взгляд на личностно и морально обусловленные причины преступности, равно как предпочтение строгим методам государственного контроля указанных слоев населения, выдают в эсквайре именитого автора.

В отличие от явно выраженного консерватизма Мандевиля и Дефо, братьев Филдингов большинство исследователей, безусловно, отнесут к реформаторам. Биограф Генри Филдинга М. Годден так отозвался о деятельности знаменитого романиста: «Его гений и патриотизм позволили ему из убогой комнаты суда на Боу-стрит начать реформы в тех областях, которых еще пока не коснулась рука филантропов. Мы почитаем имена тех реформаторов, мужчин и женщин, искоренявших страшные ужасы тюрем XVIII столетия, государственных деятелей, отменявших законы, по которым за кражу платка приговаривали к публичной казни на Тайбернской ярмарке, творцов нашего умеренного законодательства и системы содержания бедняков. Имя же Генри Филдинга, чей великий творческий гений накладывал отпечаток на напряженные усилия по совершенствованию социальных условий и исцелению социальных болезней, незаслуженно

---

[1] Ibid. P. 12, 18.
[2] Барлова Ю.Е. Указ. соч. 103.
[3] Там же. С. 101.

забыто»[1]. Такая оценка будет уместной, если рассматривать инициативы братьев Филдингов по противодействию преступности и созданию системы превентивной полиции. По замечанию А. Кестлера, «если бы это было сделано веком ранее, наша страна была бы избавлена от великого стыда и не менее великих ужасов»[2]. Факт отсутствия в Англии эффективной полиции до середины XIX в. подтверждали как современники, так и последующие серьезные научные изыскания [3], а Дж. Тревельян позволил себе саркастический комментарий: «действительно является чудом, что наши предки вообще могли охранять общественный порядок и частную собственность» [4]. Тем не менее в фокусе настоящего диссертационного исследования предложения Г. Филдинга, высказанные в его трактате «Исследование причин участившихся преступлений» не содержали реформистских инициатив по *трансформации системы уголовного закона и наказаний*, а только рациональные замечания по усовершенствованию существующих практик, что позволяет рассматривать его идеи как умеренно консервативные.

В 1751 г. была создана специальная правительственная комиссия для поиска путей борьбы с возрастающей криминализацией столицы. По итогам ее работы Г. Филдинг опубликовал свое влиятельное расследование оснований преступности. Трактат Филдинга наполнен заметным практицизмом, что, вероятно, является закономерным итогом его деятельности в качестве судьи Мидлсекса в 1749–1754 гг. Одним из первых Филдинг высказал предположение о циклическом характере преступности, зависящей от целого ряда политических и экономических факторов, к которым он отнес войну, урбанизацию, скачки экономического

---

[1] Godden M.G. Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. L., 1910. P. 199.

[2] Кестлер А., Камю А. Указ. соч. С. 10.

[3] Л. Радзинович заверяет, что в 1720-е годы большинство англичан даже не слышали слово «полиция», а о превентивной и сдерживающей функциях органов правопорядка не стоит поднимать вопрос до середины XIX в. См.: Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 3. N-Y., 1957. P. 1.

[4] Тревельян Дж.М. Указ. соч. С. 376–377.

роста. Еще в XVI в. Т. Мор в «Утопии» заметил, что ремесла расторопного солдата и отъявленного разбойника «прекрасно подходят друг к другу». Он обосновал прямую зависимость между окончанием войны, когда к мирной жизни возвращаются сотни солдат, которым «после потери членов тела ради государства и ради короля убожество не позволяет вернуться к прежним занятиям, а возраст – изучить новые», и пополнением рядов воров и грабителей[1]. Циклические колебания английской преступности в XVIII в. неоднократно становились объектом серьезных историко-криминологических исследований, которые научно подтвердили связь пиковых скачков с периодами демобилизаций, когда столицу, крупные города и порты буквально наводняла критическая масса криминальных пассионариев[2].

Дж. Хэнвей в 1776 г. отметил, что некоторые англичане ожидают какой-нибудь войны как «единственный способ выпустить дурную кровь нации», на что он им ответил: «То, что порождается невежеством, не устранить войной. Никакая война не исправит порушенной национальной морали»[3]. К такому же мнению приходит и Филдинг, выделяя в качестве основных факторов преступности внутренние – «огромный поток роскоши, обрушившийся на английскую нацию», чрезмерное потребление алкоголя и увлеченность игроманией, а также популярность и доступность аморальных развлечений. В научных изысканиях И. Эрлихсон подробно описаны не только социально-правовые взгляды Г. Филдинга, но и его причастность к законотворчеству в отношении ограничения потребления джина и борьбы с игорным бизнесом[4].

---

[1] Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бекон Ф. Новая Атлантида / пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского ; пер. с англ. З. Александровой. СПб., 2017. С. 23.

[2] Hay D.C. War, Dearth and Theft in the Eighteenth Century: The Record of the English Courts // Past and Present. Vol. 95. 1982. P. 124; Rogers N. The Press Gang: Naval Impressment and Its Opponents in Georgian Britain. N-Y., 2008; Colley L. Britons: Forging the Nation. 1707–1837. New Haven, 2005.

[3] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 62.

[4] Эрлихсон И.М. «Ради общего блага»: идейно-концептуальные основы британской превентивной полиции. Трактат Генри Филдинга «Исследование причин

Предметом небольшого сочинения Джона Филдинга стала общая схема «проблема – решение» по поиску и поимке преступников[1]. Очевидно, что оба брата руководствовались в своих эссе социальной реальностью и пытались влиять на причины возникновения преступности или усовершенствовать методы противодействия, но не систему уголовных наказаний в целом. Упоминая брайдуэллы, Г. Филдинг настоятельно рекомендует «вычистить Авгиевы конюшни», но далее не поясняет, что он имел в виду, и как собирался это сделать[2]. Английскую практику смертной казни Филдинг характеризует как «позор на глазах всего христианского мира». Исполнение приговора к высшей мере, по мнению автора, должно следовать трем принципам: оперативность, конфиденциальность, торжественность, и поддерживать в сознании неразрывную связь между преступлением и наказанием: «исполнение приговора должно осуществляться как можно скорее, чтобы жалость к преступнику утонула в отвращении к его омерзительным деяниям, в противном случае в человеческих сердцах невольно пробуждается жалость к тому, кто принимает смерть с дерзостью и бравадой»[3]. Вслед за Мандевилем, предлагавшим казнь в Ньюгейте, Г. Филдинг советует соорудить во дворе Олд-Бейли виселицу и исполнять приговоры немедленно в присутствии судей: «Я оставляю вам решать, что произведет большее впечатление: «судный день» в Олд-Бейли или разнузданная тайбернская вакханалия?»[4] На замечания интеллектуалов власть откликнулась только в 1783 г., когда состоялась последняя казнь в Тайберне, и эшафот был перенесен к стенам Ньюгейта, в непосредственной близости к Олд-Бейли, а в середине XIX в. казни стали полностью закрытыми для публики. Трактат Г. Филдинга стал отправной точкой для последующих реформаторов, которые подкрепляли

участившихся преступлений…» (1751) // Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века ... Глава IV.

[1] Fielding J. Op. cit.

[2] Fielding H. Op. cit. P. 98.

[3] Ibid. P. 192.

[4] Ibid. P. 196.

свои проекты или цитированием мастерски владеющего словом автора, или ссылкой на прецеденты из его обширной практики.

Одновременно с Филдингами свой «метод» предотвращения грабежей и убийств представил известный евангелист У. Ромейн в небольшом эссе-проповеди с одноименным названием. В отличие от социально-философского анализа причин преступности Б. Мандевиля и практического подхода Филдингов, Ромейн представил глубокую теологическую проработку причин возросшей преступности. В сочинении утверждалось, что в естественном состоянии человеческая душа – грязна, и, следовательно, эта скверна является питательной средой для всякого рода преступлений. Априори испорченная природа человека подвластна соблазнам, поддаваясь которым он совершает внушительный список гнусных деяний: «Первородный грех – вот причина нравственного разложения человечества, начиная с грехопадения Адама, отошедшего от изначальной праведности; плоть и дух находятся в постоянной борьбе». Развивая эту идею первородного греха, Ромейн был убежден, что человеческая природа так запятнана грехопадением Адама, что все мысли и душевные устремления человека есть чистое зло, а сердце – сосуд, заполненный смертельным ядом[1]. По логике автора, причины преступности укоренены в человеческой природе так глубоко, что законодательство не способно ее обуздать: «Если убийство, прелюбодеяние живут в сердце, то стремление совершить противоправное деяние будет реализовано при первой возможности ускользнуть от правосудия» [2]. По мнению автора, человеческий ум чрезвычайно изобретателен в генерировании идей и схем по удовлетворению своих желаний, даже если они входят в противоречие с уголовным законодательством, а потому количественное наращивание кровавых статутов представляется неэффективным. Грабежи и убийства превратились в повседневную рутину и продолжат ею быть, *пока не*

[1] Ibid. P. 2.
[2] Romaine W. Op. cit. P. 20–21.

уничтожен источник разложения: «Акты парламента и самые мудрые эдикты не могут вырвать корень зла из человеческого сердца, эта задача лежит вне сферы действия человеческого законодательства»[1].

Для Ромейна первый шаг на пути к искоренению грабежей и убийств, исправлению – признание порочности человеческой природы, «ведь всемогущий Господь никогда не оставит человека без исцеления», а «великий замысел христианства заключается в том, чтобы вернуть человека из состояния падения»[2]. Человек, находясь в естественном состоянии до падения, презрел возможность правильно распорядиться свободой воли и потерял «два главных сокровища духовной жизни» – образ Бога и Дух Бога[3]. По глубокому убеждению автора, единственный способ освободить душу от отравляющих ее мирских и плотских страстей, описан в Священном писании: «Здесь нужно использовать Евангелие, а не закон. Здесь должно быть задействовано духовенство, а не магистраты»[4]. Когда преступник ~ грешник превращается в истинного христианина, в нем происходит глубинная трансформация, коренная ломка мировоззрения: «Он уже не видит вещи в прежнем свете. То, что раньше радовало его, теперь огорчает. Фокус жизненных устремлений смещается… и эти изменения происходят по мере того, как божественный свет входит в его сердце… Все обновляется. Убийца становится милосердным, прелюбодей добродетельным, вор честным, лжесвидетель говорит правду, богохульник замыкает свои уста»[5]. Обратиться к религии и «свету Евангелия», собственно, единственное предложение Ромейна, рефреном звучащее сквозь весь трактат. Как реализовать данный «метод предотвращения» в национальном масштабе, как выстроить систему противодействия и профилактики, остается непонятным, что выдает в авторе скорее проповедника, нежели

[1] Ibid. P. 3.
[2] Ibid. P. 13.
[3] Ibid. P. 12.
[4] Ibid. P. 21.
[5] Ibid. P. 19.

реформатора, и не выводит «его метод» за рамки ретрибутивной философии наказания. Однако введенная в общественную дискуссию идея о трансформирующем потенциале религиозного обращения в ожидаемом реформировании системы уголовного правосудия, обретет многочисленных последователей.

Интересно, что в сочинении другого священника – неоднократно упоминавшегося ранее Мартина Мэдана – нет ни единого намека на возможность и необходимость обращения к религии в деле борьбы с преступностью. Его трактат «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях» можно назвать квинтэссенцией консервативного нарратива. В то время как светские мыслители искали причину роста преступности и кризиса системы наказаний в упадке религии и нравственности, священник склонен усматривать корень проблемы не столько в утрате страха перед Всевышним, сколько в утрате авторитета *закона*. «Достоинство и процветание королевства в целом, как безопасность и счастье ее жителей, в частности, зависят от надлежащего исполнения законов»[1], – уже первый тезис, выдвигаемый Мэданом, обнаруживает основную мысль трактата. Закон является гарантом неприкосновенности собственности, и неисполнение или частичное исполнение буквы закона ведет к хаосу и дестабилизации. Мэдан не претендует на оригинальность и не углубляется в дебри юриспруденции, предлагаемый им рецепт прост и незатейлив, сводясь к следующей максиме: *неукоснительно соблюдать существующие и действующие на данный момент законы*. Обратим внимание на время появления трактата – вторая половина XVIII в., из чего следует вывод: священник настаивает на строжайшем исполнении «Кровавого кодекса» в его кульминационном варианте.

Публикация сочинения Мэдана имела весомые последствия: в 1783 г., за год до его появления, в Лондоне был предан смертной казни

[1] Madan M. Op. cit. P. 1.

51 преступник, а через год, в 1785 г. – 97 человек[1]. Отреагировав на публикацию произведения, а главное, на его показательные последствия, идейный оппонент Мэдана Самуэль Ромилли – лидер реформистского движения за изменение уголовного законодательства – с горечью отмечал: «Небольшой трактат, где, ошибочно применяя принцип, согласно которому “для предупреждения преступлений неотвратимость наказания более действенна, чем его суровость”, он нелепо настаивает на целесообразности неукоснительного исполнения во всех случаях нашего Уголовного кодекса, каким бы кровавым и варварским он ни был. Неотвратимость наказания он рекомендовал очень настойчиво, но даже не обмолвился о насущной необходимости смягчить его суровость»[2].

В ответном эссе «Замечания по поводу недавней публикации «Размышления об исполнительном производстве»[3] Ромилли, пожелав остаться анонимным, сравнивал трактат с «литературным спектаклем», рассчитанным только на то, чтобы прославить автора своей оригинальностью. Но, с горечью констатирует он, этот труд не предан забвению, на что практически всегда обречены подобные сочинения, и прискорбно, что «некоторые из уважаемых судей, которым адресована эта работа, выказали склонность попробовать этот ужасный эксперимент, к которому он призывает»[4]. Между тем, убежден Ромилли, «уголовное преследование всегда должно вестись во имя общественности и никогда не удовлетворять страсти отдельных людей»[5], в связи с чем осудил Мэдана (хотя С. Ромилли нигде не называет автора, а ссылается только на название работы) за «неблагородную попытку восстановить закон во всей его кровавой строгости, закон, основанный на принципах, которые сейчас так

---

[1] Romilly S. The Life of Sir Samuel Romilly written by himself with a selection from his correspondence. Vol. 1. L., 1842. P. 89.

[2] Ibid. P. 88–89.

[3] [Romilly S.] Observations on a Late Publication, Intituled, Thoughts on Executive Justice. L., 1786.

[4] Ibid. P. 6–7.

[5] Ibid. P. 2.

мало распространены и дышат духом, противоречащим гению современности»[1].

В отличие от ошеломительного успеха эссе Мэдана, протест С. Ромилли остался практически незамеченным. Подобные жалобы современников на суровость уголовного законодательства вызывали у Мэдана недоумение, ведь, по его убеждению, «добродетельным и благоразумным гражданам более приличествует не сетовать о суровости законов, а уповать на нее»[2] как на защиту от посягательств на жизнь и собственность от тех, кто стоит по другую сторону баррикад. Полемизируя по вопросу еще одной распространенной претензии к содержанию «кровавых кодексов» – их крайней избыточности, Мэдан вновь переходит на менторский тон: «Разбойники прячутся на городских улицах и сельских дорогах и, словно ядовитые гадюки, выжидают, чтобы выпустить смертоносное жало; взломщики, подобно злым духам, не оставляют в покое дома мирных жителей; овец похищают из полей, быков и лошадей – прямо из стойла, даже не дожидаясь темноты… И это только малая часть преступлений, которыми переполнены судебные протоколы, что несомненно является национальным позором и притчей во языцех для иностранцев»[3]. Прежде чем жаловаться на избыточность законов, в ответ на аргументацию Ромилли и его единомышленников парирует памфлетист, логично было бы поразмышлять о количестве поводов, которые вызывают к жизни эти драконовские меры.

Мы уже рассматривали ранее взгляды Мэдана на негативную роль человеческого фактора в процессе отправления правосудия. Судьи ставят себя выше закона, позволяя эмоциям возобладать над должностными обязанностями магистрата, между тем, язвительно замечает автор, «сочувствие судьи должны вызывать не преступники, а общество, которому

---

[1] Ibid. P. 5.
[2] Madan M. Op. cit. P. 8.
[3] Ibid. P. 8.

причинен вред»[1]. Кстати, у Б. Мандевиля мы встречаем сходные мысли на полстолетия раньше: «Эта проблема, – рассуждает философ, – также заслуживает пристального внимания мудрецов, и мне хотелось бы, чтобы те, кто наделен излишним состраданием к мелким преступникам, задумались, не обернется ли их несвоевременная жалость еще большей жестокостью впоследствии»[2]. По мнению Мэдана, проблема современного ему разгула преступности сокрыта в уклонении судей от неукоснительного следования законам, как земным, так и небесным. Оценивая ситуацию, автор резюмировал: и одновременная казнь пятидесяти человек не устрашит такое число преступников, какое закалят в приверженности к противоправной деятельности примеры бездейственного правосудия.

Еще одно сочинение, которое целесообразно рассмотреть в русле выбранного направления, – IX глава «О преступлениях и наказаниях» трактата «Принципы нравственной и политической философии» [3] знаменитого представителя эпохи Просвещения Уильяма Пейли. Как и полемика Мэдана – Ромилли, работа Пейли появилась в середине 1780-х годов, то есть в пореформенный период. Несмотря на то, что Пейли не отрицал гуманистические намерения реформаторов, общая линия, которой он следует в «Принципах…», позволяет расценивать его взгляды как правовой ригоризм. «Истинной целью» уголовных наказаний, налагаемых государством, по мнению Пейли, является превенция – предотвращение подобных преступлений[4]. По отношению к этой цели даже «удовлетворение справедливости» вторично, так как, по мнению автора, человеческое правосудие относительно и не может уподобляться Божественному, «которое отличает совершенная мудрость». Такое правосудие зиждется на исключительной природе Творца «Того, в чьих руках наказание безусловно», Того, кто «осуществляет моральное управление своим

---

[1] Ibid. P. 46.
[2] Mandeville B. An Enquiry into the Causes....
[3] Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston, 1825.
[4] Ibid. P. 370.

творением наилучшим и наимудрым образом, и если Он произносит закон о том, что каждое преступление в конечном итоге настигнет наказание, соразмерное вине, которую оно содержит, то делает это, абстрагируясь от любых внешних причин; и может подтвердить свою правоту, приведя этот закон в строгое исполнение»[1]. Людям недоступно такое правосудие, убежден апологет христианства Пейли, потому что их «власть над своими ближними ограничена недостатками силы и знаний», их бдительность и проницательность имеют пределы, и даже самые мудрые законы можно обойти хитростью. Это означает, что земное правосудие должно следовать утилитарной цели – предотвращать преступления, а не претендовать на удовлетворение справедливости – «это устроение, которого мы ожидаем от руки Бога, которое мы привыкли рассматривать как естественный порядок вещей, который диктует и требует совершенная справедливость»[2].

Интересен вопрос о методах и средствах, которые для Пейли кажутся приемлемыми для достижения главного принципа земного наказания – превенции. «Преступление должно быть предотвращено тем или иным способом, и, следовательно, *любые средства*, которые кажутся необходимыми для достижения этой цели, *независимо от того, соразмерны они вине преступника или нет* [выделено нами. – *С.В.*], считаются правильными, потому что они принимаются на основе принципа, который один только оправдывает применение наказания вообще»[3]. В дальнейших рассуждениях автор понимает, что может показаться парадоксальным, а потому подробно поясняет свою точку зрения. Из обозначенного выше соображения он выводит первое умозаключение: «наказание не должно применяться, а тем более быть суровым, когда преступление может быть предотвращено любыми другими средствами». Такая мысль вполне в беккарианском стиле могла звучать в дискурсе реформаторов, если бы не

[1] Ibid. P. 373.
[2] Ibid. P. 370.
[3] Ibid. P. 371.

второе заключение: «право на наказание вытекает из необходимости предотвращения преступления, а значит, суровость наказания должна быть увеличена пропорционально целесообразности и трудности достижения этой цели, то есть в пропорции, усугубляемой вредностью преступления и легкостью, с которой оно выполняется»[1]. Этим аргументом он разом оправдывает «кровавые статуты», вменяемые за преступления против собственности, против чего первостепенно выступали либеральные реформаторы. Следуя суровому консерватизму, Пейли убеждает свою аудиторию в том, что по существующим законам смертная казнь, положенная за кражу овец и лошадей, ткани и даже носового платка – наказание, соразмерное преступлению, не потому «что эти преступления по своей природе более отвратительны, чем даже уголовные преступления, которые наказываются тюремным заключением или ссылкой, а потому, что собственность, будучи более уязвимой, требует для ее защиты террора смертной казни»[2]. В данном случае жестокость наказания усугубляется массовостью имущественных преступлений, легкостью, с которой они выполняются, и трудностью обнаружения преступника.

В дальнейших рассуждениях Пейли ради «показательного примера» в качестве превенции согласен, кажется, на любые наказания, «достаточно ужасные, чтобы держать преступников в страхе». Из всех существующих таковыми ему не кажутся ни тюрьма, ни ссылка, ни телесные, ни позорящие наказания, так как, испытав таковые, «преступники возвращаются более закаленными в своих преступлениях и более обученными»[3]. Следовательно, остается единственное наказание, удовлетворяющее его параметрам, – высшая мера: «если и есть что-то, что потрясает душу закоренелого злодея, так это ожидание приближающейся смерти. Ужас этой ситуации может вызвать такое потрясение психики, что заставит его остановиться.

---

[1] Ibid. P. 372.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 383.

И я думаю, что вполне вероятно, что многие из казненных, если бы они были освобождены в момент смерти, сохранили бы такое воспоминание о своих ощущениях, которое могло бы уберечь их, если бы их не побуждала крайняя нужда, от повтора прежних преступлений. Но этот эксперимент по своей природе не может повторяться часто»[1].

Пейли разделял мнение тех, кто считал «варварское зрелище человеческой агонии» актом, постепенно утратившим «силу примера» и действом, развращающим общественную мораль. Но тогда он встает перед дилеммой: как обеспечить необходимый пример и поддержать принцип устрашения наказанием в качестве превенции. «Если бы можно было изобрести способ казни, который усилил бы ужас наказания, не оскорбляя и не ослабляя при этом чувствительность общества жестокими или непристойными проявлениями смерти, это могло бы что-то добавить к эффективности примера». Положительную оценку автора вызвал способ «бросить убийц в логово диких зверей, где они погибли бы ужасным для воображения способом, но скрытым от посторонних глаз»[2].

Еще раз обратим внимание на тот факт, что сочинение философа вышло в разгар реформаторских инициатив по организации тюремного заключения на качественно новых принципах (об этом подробно в следующей главе). Пейли не обходит вниманием главную цель, декларируемую реформаторами, – *исправление наказанием,* но высказывает глубокий скепсис: «в исправлении преступников мало что когда-либо было достигнуто, и, боюсь, мало что осуществимо». Однако основные средства наказания, продвигаемые сторонниками реформ с целью исправления преступника, – одиночная камера и принудительный труд – привлекают внимание мыслителя как имеющие потенциал того самого «эффективного примера» превенции. Одиночное заключение «усилило бы ужас наказания» для осужденного, убежден Пейли, а тяжелый физический труд –

---

[1] Ibid.
[2] Ibid. P. 386.

назидательный пример для остальных[1]. По нашему мнению, подобные взгляды коррелируют как с религиозным, так и с правовым дискурсом строгого ретрибутивизма, а У. Пейли с большой натяжкой можно отнести к сторонникам либеральных общественных взглядов в области исполнения наказаний, как в этом убеждены некоторые зарубежные и отечественные правоведы[2].

Таким образом, по мнению представителей консервативного крыла, английское уголовное законодательство эпохи «Кровавого кодекса» не является ни избыточным, ни излишне жестоким, а напротив, соответствующим социокультурной реальности. Но государство должно реагировать на рост преступности не наращиванием корпуса законодательных актов, а неусыпным контролем над системой судопроизводства и исполнения наказаний как одним из действенных инструментов управления и социального контроля.

Реформистские инициативы и проекты второй половины XVIII в. продолжали резко контрастировать с практикой правосудия в Англии в течение этого периода. Приверженность влиятельных социальных групп к восприятию философии ретрибутивного наказания подтвердили небывалый тираж и популярность переиздания анонимного трактата 1701 г. «Виселица – недостаточное наказание для убийц, грабителей с большой дороги и взломщиков» в 1812 г. В предисловии было указано, что выступлением в поддержку данной меры, равно как и сто лет назад, стало стремление «выработать лекарство от злодеяний» – жестоких убийств, захлестнувших город и страну[3]. Это свидетельствовало о том, что даже в самый разгар пенитенциарного реформизма, в расцвет движения аболиционистов смертной

---

[1] Ibid. P. 383–384.

[2] Manchester A.H. A Modern Legal History of England and Wales 1750–1950. L., 1980. P. 242; Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения : монография. Красноярск, 2005; Марков В.П. Концепции наказания в англо-американской системе права // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. С. 247–248.

[3] Hanging not punishment enough. Printed in 1701 reprinted in 1812 / by Basil Montagu, Esq. L., 1812. P. iv–v.

казни, в год, когда было принято решение о строительстве главного национального пенитенциария – тюрьмы нового типа Миллбанк[1], идеологи консервативной альтернативы реформам продолжали занимать твердую позицию по вопросам неотвратимого возмездия и воздаяния. Анализируя подобные тенденции в развитии английского уголовного правосудия в 1750–1830 гг., В. Балч-Линдси резюмирует: «Кажется, нигде переход от карательной юстиции к альтернативным видам наказания не был таким спорным, как в Англии эпохи «Кровавого кодекса», которым страна пыталась защитить себя от роста преступности в течение целого столетия»[2].

Подводя итог второй главе, можно отметить следующее. В XVIII в. английское уголовное правосудие и практики исполнения наказаний поступательно развивались под влиянием двух факторов – деградация института смертной казни и экспериментирование законодателей с альтернативными методами. Становится очевидным тот факт, что смертная казнь как воплощение понятия о земном и небесном наказании утрачивает главные функции – устрашения и превенции повторных преступлений. Кризис уголовного права обнаружился в расхождениях между законодательными нормами и исполнительным производством, внешним фактором влияния стала утрата возможности высылки преступников в американские колонии. По оценке отечественного правоведа М. Филиппова, «Английское правительство этим было поставлено в крайнее недоразумение. Тюрем, в настоящем смысле, у него не было; возобновить смертную казнь в прежнем ее широком применении не встречалось уже возможности. Оставались два средства: строить тюрьмы на основаниях правильной тюремной системы или же – приискать новую

---

[1] An Act for the Erection of a Penitentiary House for the Confinement of Offenders convicted within the City of London and County of Middlesex, and for making Compensation to Jeremy Bentham Esquire, for the Non-performance of an Agreement between the said Jeremy Bentham and the Lords Commissioners of His Majesty's Treasury, respecting the Custody and Maintenance of Convicts. 1812. 52 Geo. III, c. 44.

[2] Balch-Lindsay V.S. An orderly metropolis: the evolution of criminal justice in London, 1750–1830. PhD thesis. Texas University. 1998. P. 192.

местность для ссылки»[1]. Подобные противоречия не могли развиваться бесконечно, поэтому кульминационной точкой стала реформа уголовного правосудия, пришедшаяся на конец XVIII – начало XIX вв., которая и привела к зарождению пенитенциарных учреждений современного типа. Назревшая реформа исполнения наказаний должна была достичь триединой цели: возмездие, восстановление социальной справедливости и превенция потенциальных преступлений. Кроме того, решить проблему преступности необходимо было, не только максимально сохраняя жизнь преступникам, но и в географических границах британского острова.

В ожидании реформы часть интеллектуалов, предложения которых условно отнесены нами к консервативному нарративу, призывали к четкому и неукоснительному исполнению всех действующих законов и восстановлению в процедуре уголовной репрессии утраченных эталонов устрашения и назидания. Условно-консервативное лобби в интеллектуальном союзе с наиболее ортодоксальными представителями английского пуританизма заняли непримиримо жесткую позицию в отношении изменения практики наказаний в сторону гуманизации, рассматривая это, в том числе, как нарушение догмы о предопределении к вечному наказанию. Светских и религиозных авторов сближали взгляды на ключевые функции религии, государства и права – укрощение низменных инстинктов и регулирование человеческого поведения. Как обычный человек подчиняется в мирских и духовных делах авторитету веры, так и судьи в момент вынесения приговора должны быть подвластны духу и букве закона, служителями которого они являются. Система уголовных наказаний, таким образом, рассматривается ими как один из наиболее действенных инструментов государственного управления.

---

[1] Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб., 1873. С. 4.

Глава 3. ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ СТАТУТ 1779 г.: ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

3.1. Идейный и нарративный повороты в интерпретации уголовного наказания в XVIII в.

Обращаясь к методологическим основам истории идей, американский философ А. Лавджой выделял понятие «юнит-идеи», или «идеи-единицы», которые, оставаясь относительно неизменными, вступают в вариативные сочетания друг с другом, меняют формы выражения, создают комбинации, которые он уподобляет химическим сплавам. В своем классическом труде «Великая цепь бытия. История идеи» автор рассуждал следующим образом: «кажущаяся новизна многих систем достигается исключительно за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» [1]. В истории человеческой мысли любая концепция метафизического или практического характера проходит долгий путь, прежде чем ее элементы сложатся именно в ту устойчивую комбинацию, которая впоследствии станет предметом исследовательского интереса. До этого момента отдельные идеи свободно циркулируют, а «одни и те же выводы, в разные эпохи или в разных головах, возникают вследствие совершенно различных логических и не только логических посылок» [2]. Таким образом, презентуя свой метод, Лавджой предлагал историку идей взять на вооружение принципы аналитической химии, изучая любую произвольно взятую концепцию прошлого, проникнуть в ее структуру, вычленить и проанализировать элементы (*юнит-идеи*) и реконструировать среду обитания (*общий контекст, связанный с интеллектуальной жизнью, общераспространенной моралью и эстетическими ценностями эпохи*).

---

[1] Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001. С. 10.
[2] Там же.

Ориентируясь на обозначенные методологические приемы, попробуем выделить несколько элементарных идей, которые сложились в конце XVIII столетия в устойчивую комбинацию английской пенитенциарной реформы. Восстанавливая социокультурный контекст развития английского общества в XVI – начале XVIII вв. посредством обращения к интеллектуальным источникам – светской публицистике и памфлетам, богословским текстам и проповедям, мы сможем проследить появление идей-единиц будущей реформы гораздо раньше установленных в историко-правовой литературе хронологических границ.

3.1.1. Евангельская этика. В фундаментальном академическом труде по истории западной тюрьмы пенитенциарную реформу 1779 г. называют результатом «поднявшегося евангелического прилива, который захватил многих сторонников преобразований в конце восемнадцатого столетия»[1]. Авторитетный специалист по социальной истории Дж. Тревельян считает ошибочным воспринимать XVIII в. в Англии как «век нерелигиозный». Историк, напротив, склонен рассматривать данный период как время смещения религиозных акцентов, выразившееся в том, что «с начала и до конца столетия приверженцы нового пуританизма… старались применять милосердие Нового Завета, вместо грубых наставлений Ветхого, с которыми шли в битву войска Кромвеля»[2]. На изменение доминантных общественных стереотипов в отношении к преступникам потребовалось не одно столетие. «Грубые наставления» Ветхого Завета требовали немедленно избавить общество от неблагонадежных элементов, воздать грешнику по грехам, ускорив правосудие Всевышнего и восстановив тем самым социальную справедливость. В общественном восприятии преступник, таким образом, был изначально предопределен к вечному проклятию и наказанию, тюремная решетка или помост эшафота

---

[1] The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. N. Morris, D. Rothman. N-Y., 1995. P. 77.

[2] Тревельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 375.

становились не пересекаемой чертой, подсознательно проведенной теми, у кого еще была надежда на изначальную избранность и вечное спасение. Для того чтобы увидеть в отверженном обществом преступнике/грешнике душу, достойную Божией милости и спасения, необходимо было сделать эту границу менее выраженной. Конъюнктура религиозного и политического развития Англии XVII столетия предоставила интеллектуалам такую возможность.

В период активной деятельности англиканской церкви, направленной на утверждение доминирующего положения в религиозной жизни, периодически наиболее энергичные группы протестантов, как например браунисты или квакеры, признавались сектантами и подвергались преследованиям, в том числе тюремному заключению. Акт о единообразии 1662 г., ставший для многих протестантских течений «Черным Варфоломеем», привел к появлению *нонконформистов* – священнослужителей, не подчинившихся акту, которые были изгнаны со своих кафедр. Многие диссентеры попадали в тюрьмы за неофициальные богослужения, где вдохновенно проповедовали арестантам. В этом отношении особой ревностностью и успехом отличился нонконформистский пастор, автор многих прокламационных произведений Джозеф Аллейн, который неоднократно подвергался тюремному заключению за нарушение Акта 1662 г. В результате по ту сторону черты оказывались религиозные деятели, которые не выбирали свою паству, но, пользуясь случаем, разворачивали миссионерство непосредственно внутри тюремных стен, привлекая неофитов. Если же выпадал шанс на освобождение, «узники за веру» использовали пережитый опыт как основу для благотворительной деятельности в пользу арестантов.

Самый, пожалуй, обширный тюремный опыт приобрели последователи «Религиозного общества друзей» – квакеры. По мнению Дж. Тревельяна, если бы квакеры появились на полстолетия раньше, их

сжигали бы целыми партиями[1]. Но в ту эпоху, когда им суждено было начать миссионерство, за их «необычное поведение и манеры» в виде наказания за сектантскую деятельность они подвергались, в основном, избиениям и заключению. Только за пять лет протектората около двух тысяч друзей были заточены в тюрьмы[2]. Ранние квакеры вели активную проповедническую и публицистическую деятельность: в период до 1715 г. друзья написали около 2750 трактатов и книг и собрали более 1000 писем, только за 1652–1665 гг. они выпустили 25 тыс. печатных страниц и 3 тыс. сохранившихся рукописей[3]. Мы уже упоминали радикальную петицию Дж. Фокса «Пятьдесят девять наставлений для исправления положения»[4], в которой лидер друзей одним из первых обратил внимание на условия содержания арестантов в тюрьмах. В этом же произведении Фокс выразил открытый общественный протест против смертной казни за преступления против собственности. Ссылаясь на Евангелие и веру Святых апостолов, Фокс открывает вековую богословскую дискуссию о праве *человека* (пусть даже действующего от лица *государства*) приговаривать к *смерти* с точки зрения религии.

Основу духовного учения квакеров составляет «доктрина внутреннего света» – вера в то, что «частица Бога» существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности, а также (что имело определяющее значение!) от нравственного облика. Основным стержнем веры и религиозных практик друзей стало убеждение в том, что истину следует искать не в Священном Писании, а прежде всего в душе, через которую Бог общается с человеком напрямую. Эта убежденность в том, что «внутренние

---

[1] Там же. С. 289.

[2] Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Ч. 1. М., 2005. С. 153.

[3] Асланов Л.А. Культура и власть. Философские заметки. Кн. 1. М., 2001. С. 372.

[4] Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. URL: http://universalistfriends.org/quf2002.html.

качества христианина имеют большее значение, чем христианская догма»[1], предопределила отношение квакеров к преступникам и грешникам. Именно внутренний свет, по стойкому убеждению адептов «Религиозного общества друзей», дает возможность даже самому закоренелому преступнику, как бы глубоко он ни погряз в грехах и преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. Смертная казнь лишает человека такой возможности. Сообразно религиозной доктрине друзей, смертная казнь есть «санкционированный государством акт убийства», что, по их мнению, являлось духовно, морально и юридически недопустимым: «человек, таким образом, обязуется определять момент, в котором его ближний должен прекратить существование в этом мире; тем самым вся возможность для раскаяния утрачивается… В результате стечения обстоятельств: законов и рокового решения человека, склонного к ошибке, перед Божьим Судом может раньше положенного времени оказаться человек, не достигший земного покаяния. Эта проблема требует серьезнейшего внимания, и братьям рекомендуется, руководствуясь мудростью, способствовать изучению данного вопроса на уровне государственных умов, чтобы ускорить тот день, когда наказание смертной казнью полностью отменят»[2].

Итак, квакеры не только отрицали смертную казнь как меру уголовного наказания, но и с богословских позиций интуитивно наметили альтернативу: искупление и обращение к внутреннему свету требуют длительного времени, значит, необходимо не только дать преступнику это время, но и создать особые условия *пенитенциарного (наполненного покаянием)* тюремного заключения. Так вера в святость жизни и необходимость покаяния и нравственного очищения как основа религиозной и социальной доктрины квакеров впоследствии станут краеугольным камнем их аболиционизма в отношении смертной казни

---

[1] Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 290.

[2] Religious Society of Friends, Rules of discipline of the Religious Society of Friends, with Advices: being Extracts from the Minutes and Epistles of their Yearly Meeting, held in London, from its First Institution. 3rd ed., L., 1834. P. 345.

и базовым обоснованием необходимости исправительного тюремного заключения.

В петиции Дж. Фокса узники представлены как *страждущие,* нуждающиеся в *милосердии*. Подобное отношение к преступникам в свете христианских идеалов, отраженных, в частности, в Нагорной проповеди Христа, резко контрастировало с господствующей в XVII в. социальной позицией. Такие моральные стандарты в век ортодоксального пуританизма шли вразрез с философией и теологией уголовных наказаний, а призыв квакеров был слишком кроток, чтобы противопоставить его пуританам, которые настаивали на том, что грех должен быть непременно наказан.

Грядущий XVIII век – век Просвещения и рационализма постепенно вносил коррективы в понимание и ментальное восприятие вечного наказания. Формирующаяся рационалистическая теология подвергла сомнению учение о «вечном наказании» для грешников, а арминианское понимание предопределения, склонявшееся к признанию свободной воли, которая даруется освящающей благодатью, практически возобладало над ортодоксальным кальвинизмом, по крайней мере в Англии. По замечанию К. Хилла, «арминианство и упадок идеи ада, должно быть, шли рука об руку»[1]. Джон Локк объяснил англичанам, что христианство – «самое разумное нравственное учение», и призвал отказаться от слепого следования «системам», но придерживаться принципов искреннего чтения и понимания Священного Писания, необходимым для личного спасения. Проповедники и богословы позиционировали участие в благих делах как лучший путь быть угодным Господу, следовать Его природе и Его воле, подражать Ему в делах, тем самым заслужив «вечное спасение от греха и погибели»: «Пусть все ваши мысли, слова и дела стремятся к Христовой славе», – учил паству

[1] Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М., 1998. V. Конец революционной Библии. 19. Библия свергнута с престола. С. 15.

основатель методизма Джон Уэсли, призывая «ходить так, как ходил Христос… и внешне, и внутренне во всем подражать Учителю»[1].

В английском обществе XVIII столетия сложился своеобразный этический кодекс, основанный «на христианской доктрине и непомерном чувстве долга», которым руководствовались в жизни большинство рядовых членов английского общества. В стремлении к утверждению принципов бытия, дарованных Новым Заветом, – долготерпения, прощения и человеколюбия – сторонники нового евангелизма уделяли большое внимание благотворительности и активной филантропии. Известный английский теолог и публицист XVIII в., магистр Тринити-колледжа Кембриджского университета Исаак Бэрроу в трактате «Возлюби ближнего» поучал: «благотворительность во многом напоминает благочестие, на самом деле это подлинная дочь благочестия, так как… они движимы одинаковыми порывами души, произрастают от одних и тех же корней и принципов – доброты, отзывчивости, справедливости и благодарности» [2]. Любое бедствие и несчастье «соседа» добрый христианин воспринимает как собственное, сопереживая чужой беде, оказывая возможную духовную или физическую помощь. Основные заповеди Нового Завета «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих, заповеди нет» [3], евангельская позиция «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» [4] служили прямым руководством к действиям.

---

[1] Wesley J. A plain account of Christian perfection. L., 1783. P. 4.

[2] Barrow I. Sermon XXV: Of the Love of our Neighbor // The Works of Isaac Barrow, D.D. Vol. 1. N-Y., 1845. P. 258.

[3] Мк. 12:30–31.

[4] Флп. 2:4–5.

На этих принципах изначально утверждалась традиционная английская благотворительность, когда даже рядовой англичанин «непреодолимо тянулся к служению человеку, который из-за нищеты, невежества или распутства лишал Бога той славы, которой он был достоин». По мнению Тревельяна, именно объединение «нового евангелизма» и «активной филантропии» породило в интеллектуалах, социальных иполитических деятелях своеобразный императив поведения: «не отвлекаясь от жизненных дел, посвятить их Богу»[1].

Подражание Христу заключалось, в первую очередь, в распространении веры и совершении добрых дел. Особую миссию евангелисты видели в просвещении и обращении тех, кто являлся явным нарушителем законов земных и небесных – преступников и морально падших, как сосредоточение всех пороков, которые им хотелось искоренить. Английский комментатор Библии пресвитерианский священник Мэтью Генри (1662–1714) в толковании послания апостола Павла к Фессалоникийцам замечает, как Христос обращается с заблудшими: «как с братьями, хотя мог бы повелевать им, как отец своим детям; он проявляет большое милосердие и снисходительность к ним, стараясь снискать их расположение, доверие. С людьми, которых мы хотим уберечь или спасти от заблуждения, – резюмирует М. Генри, – надо обращаться с кротостью илюбовью»[2].

Проповедническая риторика, зафиксировавшая новую модель общественного отношения к отверженным, опиралась на евангельский текст двадцать пятой главы от Матфея, в которой Сын Человеческий предстает голодным, нищим, странствующим, болящим и *узником*: «ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня;

---

[1] Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 383, 389.

[2] 2 Фес. 2 глава // Библия. Комментарии Мэтью Генри. URL: https://bible.by/parallel/syn/ matthew- henry/60/2/

в темнице был, и вы пришли ко Мне». И праведникам было сказано: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»[1]. Теолог и проповедник из Нортхэмптона Ричард Грей убеждал свою паству, что если Христос не стыдится назвать их [нагих, больных, узников. – *С.В.*] *братьями*, то «они как никто заслуживают нашего сострадания и милосердия, ведь они братья и нам, так как все мы дети одного Отца-Создателя» [2]. Данный отрывок Писания наглядно представляет все категории, нуждающиеся в христианском милосердии, узники же английских тюрем XVIII столетия попадали сразу под несколько рангов страждущих, так как в подавляющем большинстве были и нищими, и голодными, и нагими, и больными телесно и духовно. Так постепенно формируется альтернативная модель общественного отношения кпреступившим закон, основанная на подражании любви Господа к грешникам и Его готовности простить их и принять[3].

В стремлении преодолеть стойкое негативное общественное отношение к преступникам и грешникам проповедники обращались к трем притчам о благодати, включенным в Евангелие от Луки. В печатной проповеди «Заблудшая овца, утерянная драхма и блудный сын: содержание беседы» известный автор религиозных гимнов Джон Сенник пространно объяснял: если сказано, «что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии», то и вор, и блудница, и пьяница нуждаются в «особом отношении» и «б*о*льшем милосердии»[4]. И если христианское отношение будет способствовать тому, что с пути греха преступник, ставший узником, вернется к пути праведности, это будет «могучим триумфом религии»: ведь вместо пастырства девяносто девяти праведников удастся спасти одного

---

[1] Мф. 25:35–36,40.

[2] Grey R. The Encouragement to Works of Charity and Mercy, from Christ's Acceptance of Them as Done to Himself. Northampton, 1744. P. 3–4.

[3] См.: Приложение 1.12.

[4] Cennick J. The Lost Sheep, Piece of Silver, and Prodigal Son. Being the substance of a discourse. Dublin, 1770. P. 4–5.

кающегося. Если первые две притчи фокусируются на образе кающегося грешника и ценности его спасения, то последняя притча в этой триаде «О блудном сыне» использовалась как поучение обществу, каким образом необходимо принимать в свои ряды раскаявшихся и обращенных. Английский социальный реформатор, квакер по вероисповеданию, Дж. Беллерс в социально-философском эссе «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни» сравнивает положение преступника в обществе с положением «блудного сына» в семье: «Как если бы родной человек оступился, впавши в преступление, семья сделала бы все возможное, чтобы сохранить ему жизнь и направить ее таким образом, чтобы он смог измениться к лучшему, так и тюремное заключение может стать той возможностью изменения к лучшему и предупреждения совершения дальнейших преступлений. Любой преступник по отношению к обществу – тот же блудный сын для семьи»[1]. Позиция отца, который поучает другого сына: «о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся»[2], проецировалась в качестве модели восприятия заблудших, но способных к покаянию. Если шанс вернуться к Господу, а значит, и праведной жизни есть у каждого, то общество просто обязано принять их обратно, как отец из притчи о блудном сыне.

Сторонники нового евангелизма призывали всех христиан (а не только священнослужителей) посвятить себя заботам «посетить больных и заключенных, одеть обнаженных и накормить голодных». Следуя христианскому долгу, утверждали они, верующий «думает о тех, кто томится в уединенной темнице, лишенный света небес и возможности общения с друзьями, облегчая их участь. Даже те, кто, возможно, лишился своей свободы вследствие нарушения законов своей страны, имеют право

---

[1] Bellers J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, & immorality and of the excellency and divinity of inward light, demonstrated from the attributes of God and the nature of mans soul, as well as from the testimony of the Holy Scriptures. L., 1699. P. 18.

[2] Лк. 15:32.

на наше сочувствие как люди и как братья»[1]. В 1736 г. личный капеллан Георга II Эдвард Кобден, проповедуя перед «Обществом исправления нравов», разъяснил, как христиане должны выполнять эти обязательства: «быть усердными и неутомимыми в великом деле сопровождения заблудших душ к благочестию и набожности»[2]. В дополнение к усердию в распространении веры, добрые христиане были обязаны подавать пример своим поведением и поступками. По словам Кобдена, именно этот «свет и сила доброго примера» и «сияние богоугодных дел» могли бы обратить нечестивых в праведников, привести их к искуплению грехов покаянием. Заменив сквернословие, пьянство и блуд покаянием и смирением, добрые христиане могли бы подать пример, который бы «отвратил грешника от пути заблуждения» и «спас душу от вечной гибели»[3].

Примером практического воплощения христианских идеалов в ежедневной деятельности и следования новой модели общественного отношения к узникам стало миссионерство адептов «Святого клуба», который основали в Оксфорде братья Уэсли в 1720-е годы. Члены клуба, впоследствии известные как методисты, занимались религиозной и благотворительной деятельностью, посещали больных и заключенных. Исследователи связывают успех первых методистов с введением в практику нового способа общественной проповеди, перенесенной из полупустых церквей под открытое небо: в порт, на фабрику, в тюрьму, то есть туда, где они находили своих слушающих – фабричных рабочих, грузчиков, заключенных, жителей лондонских трущоб и пр.[4] Эти низшие слои, оторванные от участия в духовной жизни общества, тянулись к новым

---

[1] Aitkin D. A General Reformation of Manners, the best national defense in the time of danger. A sermon preached on the 28th of February; the day appointed by His Majesty for a public fast. Berwic, 1794. P. 27.

[2] Cobden E. The Duty and Reward of Turning Others to Righteousness: A Sermon Preachers to the Societies for the Reformation of Manners. L., 1736. P. 10.

[3] Ibid. P. 6.

[4] Артеменко С.А. Причины возникновения и развитие движения методистов в Англии XVIII века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. Вып. 1. С. 53.

проповедникам, которые с жаром доказывали возможность спасения для всех через веру в Христа. Методисты всерьез увлекались социальными проектами – призывали к отмене рабства, диспансеризации населения и тюремной реформе. Братья Уэсли, а также идеолог методизма Дж. Уайтфилд заложили традицию посещения заключенных в тюрьмах и при полицейских участках.

Первые посещения тюрем стали практиковать в Лондоне сами Джон и Чарльз Уэсли. Их последователи по «Святому клубу», облачившись в странствующих миссионеров, пытались проникнуть в провинциальные тюрьмы, организовывали коллективные богослужения при полицейских участках, проповедовали арестантам, раздавали милостыню. Уникальный исторический источник – дневник Дж. Уэсли – хранит свидетельства ежедневных проповедей в населенных пунктах Англии и Шотландии. В 1739 г., посетив заключенных тюрьмы Оксфорда, он оставил следующую запись: «Несчастные заключенные, как в замке, так и в городской тюрьме совсем не заботятся о своих душах; никто не учил, не советовал, не утешал и не воспитывал в знании и любви к Господу Иисусу. Никто не посещает исправительные дома, где заключенные буквально взывают к состраданию»[1]. После проповеди в долговой тюрьме Маршалси на южном берегу Темзы в 1753 г. Дж. Уэсли оставил следующее резюме: «В субботу, 3 февраля я посетил заключенных в тюрьме Маршалси, рассаднике вселенского зла. Человеку должно быть стыдно за то, что он допустил существование ада на земле! Позор тем, кто чтит имя Христа, но допускает существование такой тюрьмы для христиан!»[2] Уже в апреле того же года Дж. Уэсли отметил в дневнике состоявшуюся проповедь в крупной тюрьме Глазго и то, что все заключенные и должники «внимали ему с таким благоговением», какого до этого он не встречал ни в одной английской

---

[1] The journal the reverend John Wesley, A.M., sometime fellow of Lincoln College, Oxford. from October 14, 1735, to November 29, 1745. L., 1829. P. 228.

[2] The Works of the Rev. John Wesley: The sixth, seventh, eighth, ninth, tenth, and eleventh numbers of his journal. Vol. II. N-Y., 1827. P. 276.

тюрьме[1]. Впоследствии Чарльз Уэсли специально сочинил несколько гимнов, предназначенных непосредственно для узников Ньюгейта[2].

Несмотря на то что протестантов-методистов можно назвать пионерами в организации тюремного миссионерства, по оценке журнала «Квоутерли ревью», посещение арестантов «не являлось значимой частью их религиозной платформы»[3]. Кроме того, имели место постоянные конфликты бродячих миссионеров неопределенного статуса с тюремной администрацией и капелланами англиканского вероисповедания. Методистский проповедник Сайлас Толд в течение тридцати лет с 1745 по 1775 годы регулярно добивался визитов в Ньюгейт, где пытался создать группу из новообращенных в методизм арестантов. В своих мемуарах он отмечал, что гораздо чаще ему приходилось выдерживать столкновения с враждебными тюремщиками, которые противились его служению в Ньюгейте, чем с внутренними демонами, обуревающими души несчастных узников[4]. В итоге сам Дж. Уэсли вынужден был признать: «Мы перестали посещать Ньюгейт из-за страха сделаться злодеями, а Бедлам – из-за страха сойти с ума»[5]. Во второй половине XVIII в. специальным законом к тюремному служению официально будут допущены только священнослужители англиканского вероисповедания, однако посещение узников с благотворительными целями войдет в практику других конфессиональных групп и нерелигиозных общественных организаций.

Таким образом, в течение трех четвертей века общественное отношение к преступнику и узнику постепенно эволюционировало от неприятия, пренебрежения и презрения к сочувствию и состраданию.

---

[1] Ibid. P. 282.

[2] Harvey T.E. The Christian Church and the Prisoner in English Experience. L., 1941. P. 17.

[3] Rickman J., Southey R. On the Means of Improving People // The Quarterly Review. Vol. XIX. Apr.-Dec., 1819. P. 114.

[4] An account of the life, and dealings of God with Silas Told, Late Preacher of the Gospel. Written by himself. L., 1805. P. 94.

[5] Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867. P. 185.

Реформаторы второй половины XVIII в., охваченные упомянутым «евангелическим приливом», старались рассматривать проблему преступности с общечеловеческих, гуманистических позиций. По мнению Дж. Тревельяна, «большая чуткость к нуждам и страданиям других людей, особенно бедноты… смягчала суровое благоразумие государственных людей». Историк назвал эту особенность английской религиозности рассматриваемого периода «неуклонным обмирщением религии», когда активное участие, принимаемое мирянами индивидуально и коллективно, в религиозной организации и филантропической деятельности, связанных между собой, имело б*о*льшую значимость, нежели религиозные споры и войны предшествующих столетий[1]. Британский историк В. Гэтрелл также отмечал «возрастающий гуманизм» правящих классов, расценивая его как «знак сострадания и желания облегчить участь несчастного преступника» [2]. Аналогичной позиции придерживается Р. Макгоуэн, назвавший базисными установками предстоящих тюремных реформ *христианское сострадание* и «*неведомую раньше чувствительность*», которые вытеснили необходимость запугивания народных масс виселицами и эшафотами[3].

Итак, общественное мнение, культивируя религиозный альтруизм, придавало мощный импульс социальным реформам. Уже в памфлете У. Ромейна намечен «морально-нравственный» уклон в аргументации, хотя его предложения относительно противодействия преступности довольно абстрактны и сводятся к «обращению к свету Евангелия». Устоявшегося мнения о том, что преступные привычки рождаются из невежества в христианской вере, придерживался и Дж. Хэнвей, который в трактате «Дефекты полиции» писал: «Нет другого способа очистить свой путь для человека, будь он молод или стар, кроме работы над собой по заповедям

---

[1] Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 375, 389–390.

[2] Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People. 1770–1868. Oxford, 1996. P. 226.

[3] McGowen R. A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // The Journal of British Studies. Vol. 25. 1986. №. 3. P. 316.

Господа»[1]. Как ревностный христианин, Хэнвей был убежден в бессмертии души, «которая обречена к вечному счастью или страданию исходя из своего земного пути». Принимая сторону аболиционистов смертной казни, он аргументировал свою позицию тем, что «прерывание земного пути души, погрязшей в грехе, лишает эту душу шанса на покаяние и искупление»[2].

Таким образом, по выражению Дж. Битти, в реформаторском дискурсе зазвучал «мощный религиозный аргумент» [3], а именно – возможность возвращения к христианской вере тех, кто был безнадежно невежественен в этом отношении. Усилиями Джона Говарда этот аргумент был услышан и смог смягчить «суровое благоразумие государственных людей». В предисловии к своему труду «Состояние тюрем» Говард указывает на причины, побудившие его к деятельности, – «муки *страждущих*» и «любовь к своей стране». Автор пишет: «Я не могу наслаждаться едой и бездельем, если Провидение предоставило мне возможность смягчить страдания *страждущих*» [4]. Так евангелисты, современные Говарду, старались вселить в верующих надежду, что Божье прощение настигнет тех, кто посвящает добрые дела Богу, подавая пример бескорыстной благотворительности, исходящей от искренней любви к Богу и человеку.

3.1.2. Социальная и моральная гигиена. В современной зарубежной историографии исследователи склонны говорить о *медицинском* языке пенитенциарных реформ. Так, М. Эрб рассматривает риторику Говарда как сочетание христианского и медицинского дискурсов [5], а Ф. Хардман выделяет «медицинский язык» и «язык утилитаризма», которые, по ее

---

[1] Hanway J. The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. L., 1775. P. iii.

[2] Hanway J. Solitude in Imprisonment. L., 1776. P. 140.

[3] Beattie J.M. Crime and the Courts in England 1660–1800. Oxford, 1986. P. 569.

[4] Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. 4th ed. L., 1792. P. 2.

[5] Erb M.C. The Rhetoric of Reform: Metaphors of Disease in John Howard's The State of the Prisons. PhD thesis. University of Vanderbilt. 2009. P. 70, 73.

мнению, переплетались в продвижении реформ уголовных наказаний[1]. Л. Тронесс связывает такой «сленг» реформы с наличием в ряду реформаторов, начиная с самого Говарда, большого количества врачей, таких как Т. Брей, Дж. Фозергилл, У. Смит и др.[2] Однако исследование широкого круга источников показывает, что концепты «*преступление как болезнь*», «*наказание как врачевание*» можно обнаружить в более ранних интеллектуальном, религиозном и правовом контекстах.

О возможности «уврачевать бедствия», лежащие в основе преступного поведения, говорил еще Томас Мор в «Утопии». Поднимая вопрос о социальной и нравственной природе проблем преступности, просветитель осуждал карательную юстицию, а право государства на лишение жизни сравнивал с действиями врача-неуча, который «умеет лечить болезнь только болезнью же»[3]. Поднимая вопрос о социальных, экономических и нравственных причинах преступного поведения, Мор словно предупреждает: «Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться своим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым и полезным»[4]. Между тем опытный врач, уверен автор «Утопии», испробует все средства до полного излечения. Мор конструировал систему правосудия, основанную на «врачевании бедствий» – *порочных нравов* и *негодного воспитания*, а «исцелять» преступников предлагал введением общественных работ, когда «люди остаются в целости и встречают такое обхождение, что им необходимо стать хорошими и в остальную часть жизни искупить все то количество вреда, которое они причинили ранее»[5]. Подобный подход станет впоследствии основой аргументации в дискурсе пенитенциарных

---

[1] Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. P. 127.

[2] Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. P. 131, 142.

[3] Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бекон Ф. Новая Атлантида / пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского ; пер. с англ. З. Александровой. СПб., 2017. С. 47.

[4] Там же. С. 30.

[5] Там же. С. 35.

реформаторов конца XVIII – середины XIX вв., но в начале XVI столетия встретить подобное предложение более чем удивительно. Но, возможно, осознав несвоевременность подобных мыслей, Мор ввел в диалог англичанина, который на предложение ввести нечто подобное в Англии «скривил презрительно губы» и заявил: «Никогда ничего подобного нельзя установить в Англии, не подвергая государство величайшей опасности», и все присутствующие охотно согласились с его словами[1].

Просвещенческий оптимизм впечатляюще изменил образ мышления эпохи: человек стал восприниматься не только как венец творения, но и как некий механизм, который мог совершенствоваться. Если в механизме что-то «нарушалось», прогрессировала болезнь тела или души. Историк Р. Портер посвятил свое исследование профессии врача и состоянию медицины в XVIII в. и пришел к выводу о том, что в рассматриваемый период врачи почитались настолько, что прямая связь между праведной жизнью и крепким здоровьем казалась безусловной, а медицинские работники рассматривались как носители культурной мудрости, чья наблюдательность и эмпирические навыки давали им возможность диагностики и лечения, в том числе социально обусловленных заболеваний[2]. Это частично объясняет заимствование медицинского сленга и экспрессивных образов в риторике политиков, общественных деятелей, проповедников и филантропов.

Генри Филдинг начинает свой знаменитый трактат с посвящения лорду-канцлеру Великобритании, графу Филиппу Хардвику, обращаясь к популярной аналогии между политическим и человеческим телом: «как бы неблагородны были те части тела, в которых болезнь зародилась, она неизбежно со временем завладеет всем здоровым телом»[3]. Филдинг

---

[1] Там же. С. 36–37.

[2] Porter R. The Greatest Benefit to Mankind, A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. L., 1999. P. 247, 254.

[3] Fielding H. An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers. etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751. P. 3–4.

использует метафору «здоровье государства» для отражения процессов общественной жизни: «Небывалый рост преступности в последние годы заслуживает некоторого внимания, хотя он не дошел до возможного пика. Болезни естественного и политического тела редко достигают кризисной точки, особенно если они питаются недостатками конституции» [1]. На протяжении всего произведения автор периодически использует образы болезни и терапии, рассуждая о социальных процессах: например, осуждая роскошь как одновременно моральное и политическое зло и вызванное ею глубокое нравственное разложение нации, Филдинг считает накопление – болезнью более смертоносной, чем чума, и сожалеет, что такие «дурные привычки, свившие гнездо в политическом теле, редко искореняются полностью» [2]. Уничтожить «беременную гидру» роскоши можно, по мнению Филдинга, только полностью удалив источник заражения. Вторил мыслям знаменитого судьи член парламента Уильям Хэй, считая преступные привычки бедноты «болезнью в жизненном теле нации» [3], которая нуждается в скорейшем излечении. Развитие подобного нарратива находим у Дж. Хэнвея, который систематически в нескольких произведениях именует преступность «социальной язвой времени», вызванной предположительно «разложением морали»[4].

Так со времен общественных кампаний по исправлению манер, о которых мы упоминали в главе II, в общественно-политическом дискурсе постепенно закрепились концепты «социально обусловленных заболеваний». Бедность, аморальное и преступное поведение, алкоголизм, игромания, пренебрежение к религии стали уподобляться социальным недугам, а болезни, как известно, можно и нужно было диагностировать, понять этиологию и пробовать «врачевать».

---

[1] Ibid. P. 1.

[2] Ibid. P. 8.

[3] Hay W. Remarks on the Laws Relating to the Poor / by a Member of Parliament. L., 1751. P. 30.

[4] Hanway J. Solitude in Imprisonment...

К внимательному изучению девиантного поведения, выявлению его глубинных причин призывал Д. Дефо в облике Э. Моретона: «Хороший врач ищет причину болезни и тщательно анализирует симптомы, прежде чем поставить диагноз и прописать лекарство; если мы посмотрим в корень зла, то узрим его в разложении нравов и морального облика низших классов»[1]. Полвека спустя его умозаключение воспроизведет Хэнвей: «Пока мы не углубимся в причину этой болезни, мы не сможем найти опытным путем средство излечения»[2].

Рассматриваемые концепты прочно вошли в проповедническую риторику. Еще в предшествующем столетии преподобный Уильям Крошоу проповедовал: «Христос – наш истинный духовный целитель, посредством его добродетелей мы можем лечить и тела, и грешные души. Душа, как и тело, нуждается в лечении»[3]. По мнению проповедника, излечить душу может ее очищение от разрушающих нравов, освобождение от страстей и бремени греха. Уподобление Христа – целителю, а религии – лекарству встречались не только в богословском, но даже в профессиональном медицинском дискурсе. Историк М. Линдман, исследуя развитие медицины раннего Нового времени, указывает на «складывание в христианской мысли и целительской практике стойкого убеждения о тесной связи между спасением души и исцелением тела»[4]. Священное Писание содержит многочисленные свидетельства того, что Бог способен чудодейственным образом исцелить физически больного человека, поэтому в медицине сложился особый сленг, в котором воззваниям к Божьей помощи

---

[1] Moreton A. [Defoe D.] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. Oxford, 1841. P.11.

[2] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 28.

[3] A sermon preached in London before the right honorable the Lord Lawarre, Lord Governor and Captain General of Virginia, and others of his Majesties Counsel for that Kingdome, and the rest of the adventurers in that plantation. At the said Lord General his league taking of England his native country, and departure for Virginia, February, 21. 1609 / by W. Crashaw. L., 1610. P. 2.

[4] Lindemann M. Medicine and Society in Early Modern Europe. New Approaches to European History. Cambridge, 1999. P. 207.

и прощению, «исцелению немощи грешника» было отведено центральное место. Даже в век торжества рационализма, несмотря на успех науки, медицинская практика еще не освободилась от религиозного влияния: назначение лекарств для тела и молитвы для «предохранения души» без внутренних противоречий соседствовали в рецептах и предписаниях лечащего врача. Посетив больных в тюрьмах своего округа, доктор У. Смит резюмировал: «Забота об их телесном здоровье не должна заслонять заботу об их несчастных душах. В этом мире нет жизни без религии, и я не знаю, как можно без нее умирать»[1].

Голландский историк Л. Хааконсен отмечает взаимовлияние евангельской этики, рассмотренной нами ранее, и медицинской практики. Образ Христа-врачевателя, убеждена исследователь, помог европейским врачам сформировать особый кодекс этики: как перед Богом все равны, как Христос врачевал и бедных, и нечестивых, так и врач должен нести моральную ответственность перед всеми слоями населения, будь то богатые или бедные, уважаемые граждане или отверженные в глазах общества преступники, наполнявшие тюрьмы[2]. С таким кредо приступил к своей миссии врач Джон Говард.

Таким образом, следуя медицинским принципам, признав в преступности болезнь общего «политического тела», необходимо было углубиться в этиологию – изучить причины и условия ее возникновения, а также обнаружить ту «часть механизма» человека, функционирование которой оказалось пораженным. Будучи врачом, Дж. Говард большую часть жизни посвятил изучению эпидемических заболеваний – сыпного тифа, лихорадки, чахотки и пр., механизмов их распространения, купирования, лечения. В своем исследовании «Состояние тюрем» он активно использовал медицинские понятия: социальные девиации именовал болезнями (язвами,

---

[1] Smith W. State of the Gaols in London, Westminster, and Borough of Southwark, L., 1776. P. 79.

[2] Haakonssen L. Medicine and Morals in the Enlightenment: John Gregory, Thomas Percival and Benjamin Rush. Amsterdam, 1997. P. 158.

недугами), а также наделял их свойствами, присущими эпидемическим заболеваниям – способностью быстрого распространения при наличии неблагоприятных условий. Места заключения, по убеждению Говарда, представляли собой концентрацию таких условий, когда «проявления порока» у одного заключенного могут заразить остальную часть тюремного населения. Взгляды медиков на механизмы распространения «морального заражения» не только тесно связаны с достижениями эпидемиологии XVIII в., но и в целом отражают социальную философию Просвещения. Поскольку человек – существо социальное, которому свойственно «подражать примеру большинства, общности тех, среди кого он живет и с кем близко общается, он склоняется к подражанию другим в Грехе и Глупости, Пороке и Злобе» [1], очевидно, что арестанты перенимают криминальные и аморальные привычки своих сокамерников. Оставленные на произвол судьбы, заключенные в замкнутом пространстве, арестанты «заражают друг друга тленом, который порожден нищетой и завистью, бесстыдством и гнусностью, наглостью, позором, яростью нужды и отчаянной злобы»[2].

Еще одним «моральным недугом», склонным к пандемии, который выделял и Говард, и его сподвижники, являлась праздность: вместо того, чтобы эффективно использовать заключение как способ заработать свою свободу (в случае должников), арестанты проводили свое время «в лености, сквернословии и разврате». Чтобы развлечься в часы безделья, осужденные предавались картам, игре в кости, шары и др., что порождало новую цепочку грехов и пороков[3]. Генри Филдинг был убежден, что подобные праздность и тяга к «легкой наживе», равно как и «дерзкий дух ненормативной лексики и злословия» [4], будут неизбежно распространяться среди низших слоев

---

[1] Anon. A Charitable Visit to the Prisons, Containing Suitable and Proper Advice or Counsel to Those who are Confined There. To which are added prayers for the use of prisoners. L., 1725. P. 89.

[2] Ibid. P. 96.

[3] Howard J. Op. cit. P. 13.

[4] Fielding H. Op. cit.P. 31.

населения Лондона, порождая потенциальных преступников. Грех лености, который «в скором времени погубит всю страну», критиковал Дж. Беркли: «Если Вам не безразлично (а это несомненно) моральное и физическое состояние Нашего народа, или ваше собственное положение, Вы не можете не обратиться против этого вопиющего греха, поразившего нашу страну… Мы должны неутомимо проповедовать о том, что праздность – родитель множественных несчастий и грехов; леность – мать голода и сестра воровства; праздность порождает многие злодеяния»[1].

Итак, признав в преступности болезнь и определив условия ее развития, осталось обнаружить пораженную часть организма, которая нуждалась в излечении. В печатной проповеди начала XVIII в. «Представления о современном состоянии религии, в особенности в связи с ростом безбожия» автор сетовал на «потоки бесчестия и распущенности, которые обрушились на наш народ и запятнали облик как церкви, так и королевства в целом»[2] и отмечал стремительное «расползание болезни души» среди беднейших слоев населения. Как уже рассматривалось в главе II, проблема «врачевания порочных нравов» выходит за рамки XVIII в. и движения за реформу системы уголовных наказаний. Стремление предпринять действенные меры по устранению социальных девиаций привело к институционализации системы благотворительности и породило первые заведения социальной помощи, к которым до определенного момента относились и брайдуэллы. Слияние последних с системой исполнения уголовных наказаний в начале XVIII в. привнесло в идеологию и методологию будущей тюремной реформы утопичные надежды на возможную коррекцию антиобщественного поведения и его прямых

---

[1] Berkley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife or, anexhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. L., 1750. P. 79.

[2] A representation of the present state of religion, with regard to the late excessive growth of infidelity, heresy, & profaneness: Drawn up by the Upper House of Convocation of the Province of Canterbury, and transmitted to the Lower House for their approbation / Church of England. Province of Canterbury. Convocation. Upper House. Dublin, 1711. P. 13.

результатов – преступности, проституции, пьянства и прочих пороков – в условиях специализированных учреждений.

Таким образом, если преступное поведение – «болезнь души», отягощенной страстями и пороками, этиология ясна, и обнаружена та «часть механизма», работа которой оказалась нарушенной и ждала излечения. Радикальный политический деятель Джошуа Дорнфорд, призывая к пенитенциарным преобразованиям, писал: «Ничего кроме настоящей реформы не сможет спасти нас от разложения как нации…Я с горечью признаю, что мы совсем не заботимся о телесном здоровье узников, но еще менее того о *душевном*» [1] [выделено нами. – *С.В.*]. Первый биограф Дж. Говарда, его друг Дж. Эйкин подчеркивал фанатичную убежденность знаменитого филантропа в том, что «величайшая жестокость предать душу погибели, не приложив всех усилий для ее спасения, в то время как надлежащие средства лечения, должным образом примененные, восстановят большую долю наихудших случаев душевного повреждения»[2]. Такая позиция удивительным образом перекликалась с теологией квакеров, призывавших еще с прошлого столетия сохранять преступнику жизнь, чтобы дать ему шанс открыть в себе «внутренний свет» и восставить душевное повреждение.

Так искусно сочетая медицинский тезаурус и проповедническую риторику, филантропы, врачи, реформаторы и политики постепенно подошли к вопросу о средствах и методах лечения социальных недугов. Признавая порочное или преступное поведение моральным изъяном, склонным к распространению, реформаторы поставили вопрос о необходимости изолировать «больного», чтобы предотвратить развитие недуга и приступить к излечению.

---

[1] The Oxford History of the Prison... P. 77.

[2] Aikin J. A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard. N-Y., 1814. P. 52.

3.1.3. Реформаторий как пространство покаяния. Мишель Фуко в знаменитой работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», рассматривая тюрьму как вынужденную изоляцию индивида, закрепляет идейное первенство за просветителем Джонасом Хэнвеем: «Схему задал в 1775 г. Хенуэй, обосновавший ее прежде всего отрицательными доводами: скученность в тюрьме способствует распространению дурных примеров и создает возможность побега в настоящем и шантажа или сообщничества – в будущем» [1]. Однако «след» Дж. Хэнвея в идеологии и практике пенитенциарной реформы был утрачен уже к началу 1790-х годов, возможно, в связи с его смертью в 1786 г., но, скорее всего, с тем, что этот вопрос никогда не был главным предметом его разноплановых интересов. Богатейшее публицистическое и эпистолярное наследие, оставленное просветителем (известны 74 его печатных работы), посвящено самым разнообразным социальным проблемам: благотворительность и попечение о подкидышах, проблема транзитной торговли с Ираном через Россию, критика традиционного английского чаепития, вопросы снабжения военно-морского флота, исправление заблудших женщин, сопротивление натурализации евреев, усовершенствование системы церковно-приходского учета рожденных младенцев – это лишь часть объектов его многочисленных исследований. Любопытно, однако, отметить, что, несмотря на такой внушительный «багаж» типично просветительских идей, известность Хэнвею принесло банальное изобретение – привычка использовать зонтик как средство защиты от дождя, которым он в свое время эпатировал лондонское общество и буквально выводил из себя лондонских кэбменов, нарушив их монополию на «мобильное укрытие» от знаменитых сюрпризов английской погоды.

Трактат с полным названием «*Одиночное тюремное заключение. С предложениями выгодного использования труда, скромного рациона питания, наиболее гуманных и эффективных способов воспитания злодеев,*

[1] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2021. С. 151.

приговоренных к смертной казни или высылке, к правильному пониманию их состояния; с предложениями по исцеляющей профилактике. А также как обучить правонарушителей и преступников достижению гармонии в обоих мирах и сохранить для нации достигнутые плоды свободы и безопасности от насилия»[1] – одна из поздних работ Дж. Хэнвея – бесценный вклад в идейные основы и базовые принципы пенологии. Удивительно, что взгляды, высказанные им раньше многих реформаторов, до сих пор известны только в узких профессиональных кругах. К началу международных пенитенциарных конгрессов XIX в. применение изоляции преступников для коррекции их поведения приобрело устойчивое реноме «принцип системы Говарда», а изобретение практики одиночного заключения закрепили за экспериментальной тюрьмой квакеров в штате Пенсильвания. Подобные клишированные суждения были воспроизведены российскими правоведами – участниками конгрессов и до сих пор курсируют в отечественной пенитенциаристике и истории уголовно-исполнительного права[2].

Между тем даже Хэнвею сложно приписать авторство системы одиночного содержания, поскольку исследуемая идея-единица определенно проявлялась в более широком контексте десятилетиями раньше. Во второй главе мы уже упоминали об экстренной комиссии по инспектированию лондонских тюрем в 1701 г., результатом которой стала записка Томаса Брея «Размышление о реформировании Ньюгейта и других тюрем Лондона»[3]. Доктор Брей, практически первый в истории пенитенциарной мысли,

---

[1] Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention…

[2] См., напр.: Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868. С. 3; Уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Т. 1. С. 43–45.

[3] An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y., 1850. P. 33–41.

высказался за строгое разделение арестантов на категории: первостепенное отделение осужденных мужчин от женщин под угрозой «сурового наказания для любого офицера, который позволит мужчине разговаривать с женщиной, за исключением его собственной жены». Также Брей, будучи убежденным, что «старые и неисправимые заключенные развращают новоприбывших», предлагал по возможности отделить подследственных от осужденных, рецидивистов от молодых преступников, а в идеале содержать каждого заключенного отдельно, как это практиковалось в палатах больницы Бедлам. Кроме того, автор эссе предложил установить жесткий контроль за тюремным персоналом: назначаемые лорд-мэром или шерифом тюремные офицеры должны быть «нравственны и добродетельны», «чтобы не брали никаких денег, кроме их жалованья, в оплату привилегий для заключенных, кроме как на предоставление более удобного размещения или сытного питания, но категорически запрещено брать деньги за сокрытие преступления, совершенного в тюрьме»[1]. Брей предложил смещать тех офицеров, кто способствует нарушению режима, потворствует употреблению спиртных напитков, допускает за деньги к женщинам развратного поведения, «кормится» за счет должников. Также инспектор посоветовал назначать в каждую тюрьму священника, одобренного епископом Лондонским и готового к добросовестному исполнению своих обязанностей[2].

Сторонником изоляции и разобщения выступал Б. Мандевиль, предлагая соорудить в Ньюгейте «сто маленьких, но отдельных камер» по 12 кв. футов![3], отделить подозреваемых от осужденных, мужчин от женщин[4]. Изменив условия содержания, можно будет предотвратить порочное общение рецидивистов с малолетними, подследственными или

---

[1] Ibid. P. 36.

[2] An Essay towards the Reformation of Newgate… P. 39.

[3] ≤ 1,5 м^2.

[4] Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L., 1725. Free ebooks by Project Gutenberg. URL: http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt

невинно осужденными, считал Мандевиль. Настоятельные рекомендации изучить влияние социальной среды в лондонских тюрьмах и брайдуэллах на моральное здоровье осужденных, а также разработать эффективные мероприятия по устранению вредного воздействия встречались в комментариях к действующим законам о бедных Уильяма Хэя[1] и отчетах о бедственном положении должников в тюрьмах Джеймса Оглторпа[2].

В 1750-е годы тандем судьи при исполнении Г. Филдинга и архитектора Томаса Гибсона, в стремлении усовершенствовать систему наказаний, выступил с грандиозным планом заведения, объединившего тюрьму, исправительный и работный дома. Проект сооружения, где могли бы разместиться 1000 осужденных, 3000 нищих мужчин и 2000 женщин, базировался на принципе социальной изоляции и представлял собой сложную конструкцию обособленных блоков и дворов, окруженных высокими заборами[3]. Сторонником одиночного содержания выступал в 1740 г. епископ Джозеф Батлер, чьи идеи, по мнению С. Макконвила, оказали большое влияние на предпочтение Дж. Говардом келейной системы[4].

Таким образом, к 1775 г. Джонасу Хэнвею, чтобы «задать схему», оставалось только обобщить высказанные ранее соображения и замыслы. К этому времени у него уже был небольшой практический опыт организации заведения социальной реабилитации: в 1750 г. архитектор и филантроп Роберт Дингли предложил Хэнвею присоединиться к нему в создании дома Магдалины для исправления женщин-проституток. В 1758 г. джентльмены арендовали дом на Прескот-стрит, Гудменз-Филдс и приняли первых восемь женщин. К 1761 г. в приюте Магдалины содержалось

---

[1] Hay W. Op. cit.

[2] A report from the committee appointed to require into the state of the goals of the kingdom relating to the Marshalsea prison and farther relating to the Fleet prison with the resolution of the House of Commons. L., 1729.

[3] English Prisons: An Architectural History / by A. Brodie, J. Croom and J. O'Davies. Swindon, 2002. P. 30.

[4] McConville S. A history of English prison administration, Vol. 1: 1750–1877. L., 1981. P. 96–97.

около ста подопечных, а к 1786 г. в общей сложности через приют прошли 2415 женщин[1]. Дж. Хатчинс свидетельствует о том, что «лишь небольшая часть этих женщин вернулась обратно на улицы». В основу режима содержания были положены принципы приучения к труду и религии.

Трактат «Одиночное тюремное заключение» относится к работам просветителя, которые он создавал, завершив путешествия и активную филантропическую деятельность. Уже заголовок произведения декларирует широту взглядов автора и охват тех вопросов, которые он пытается вынести на обсуждение государственных деятелей и широкой общественности. Хэнвей подходит к проблеме социального реформизма с позиции глубоко религиозного гражданина, и все методы борьбы с преступностью, так или иначе, связывает с укреплением морали и религии. Главная цель его схемы – «предохранить» преступников от зла, сбить их с пути греха, тем самым поддержав основы христианского благочестия и гражданских законов: «Я льщу себе мыслью, – пишет публицист, – что презентация моих соображений есть исполнение христианского долга перед Творцом и гражданского долга перед моей страной, вознося сердечные молитвы о том, что *глупый поумнеет*, а нечестивый оставит этот губительный путь и будет *жить*[2]» [курсивом выделил автор памфлета]. Свою публикацию автор рассматривал как социальный проект искоренения преступности и реформирования системы наказаний, любезно предложенный правительству. Такая гражданская позиция, по его мнению, «способна поддержать достоинство наших законов и глубину и святость нашей веры»[3].

Выступая против смертной казни как меры уголовной репрессии, Хэнвей в то же время был убежден, что иные существующие виды наказания – каторжные работы, высылка из страны, телесные наказания также неэффективны, так как не меняют главного – не возвращают преступника к честной жизни. По мнению публициста, решение

---

[1] Hutchins J. Jonas Hanway 1712–1786. L., 1940. P. 109–112.
[2] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 144.
[3] Ibid. P. 98.

обозначенных проблем в альтернативе существующим методам уголовной репрессии – организация *исправительного (или реформирующего) тюремного заключения*. Краеугольный камень схемы Хэнвея – организация длительной изоляции, в условиях которой необходимо дать преступнику шанс на «исцеление» и возвращение к честной жизни. Просветитель вводит новое понятие – *реформаторий*[1], который в XIX в. станет основной моделью пенитенциарных учреждений нового типа. Для Хэнвея тюремное заключение, непременно в одиночной камере, выступает аналогом земного чистилища, «свидетельством милосердия Создателя и мудрости гражданских законов страны». Если преступность – болезнь души, то реформаторий – место и условие ее излечения. «И какой бы тошнотворной ни казалась вынужденная изоляция, – рассуждает Хэнвей, – она должна восприниматься как лекарство, ведь на самом деле цель заключения состоит в том, чтобы предохранить от распада и тело, и душу»[2]. Таким образом, красной нитью через памфлет Хэнвея проходит парадоксальная и революционная для его эпохи мысль – возможность существования такой системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного[3] гражданина.

Свои предложения по организации реформирующей индивида изоляции автор изложил в инструктивной форме: в качестве рекомендаций женским исправительным учреждениям и авторского проекта типовой тюрьмы, рассчитанной на одиночный режим содержания. Предложения Хэнвея по обустройству режима в женском брайдуэлле содержат 34 пункта и охватывают практически все аспекты содержания женщин в условиях одиночного режима. Учтены требования к материально-бытовым условиям: женщины должны быть чистыми, накормленными, прилично одетыми – «арестанткам надобно внушать, что чистота – признак добродетели».

---

[1] *Англ.* reformatory.
[2] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 34–35.
[3] В оригинале *англ.* reformed – реформированного.

В камерах необходимо предусмотреть «достаточно света, чтобы читать и работать», наладить свободную циркуляцию воздуха и водоснабжение для здоровья арестанток, обеспечивать их горячей пищей. Поскольку весь его проект основан на идее одиночного содержания, реформатор подробно останавливается на характеристиках камер. Учитывая размеры существующих женских палат брайдуэлла и количество женщин, ежемесячно приговариваемых к исправлению, одиночные кельи, реконструированные из общих камер, получаются небольшими – по 12–14 квадратных футов [1] (в идеале предполагалось по 16–18 кв. футов), с откидной кроватью для увеличения в дневное время свободного пространства, в том числе для занятия рукоделием[2]. Неплохо бы, замечает автор, оборудовать церковь или молельную комнату, а городским властям желательно выделить деньги на эти благие цели. Обеспечивать выполнение режима должна тюремная матрона – «активная, бдительная, глубоко религиозная», которая подчиняется непосредственно управляющему брайдуэллом.

Предлагая перевод контингента исправительного дома на одиночное содержание, Хэнвей признает, что подобная мера «может быть слишком тяжела для женщин и восприниматься ими как суровое наказание». Он, с одной стороны, допускает возможность общения женщин с друзьями для «удовлетворения потребностей», с другой – предостерегает, что тем самым *некоторые* могут вернуться на «порочный путь». За хорошее поведение срок заключения может быть сокращен, и арестантка должна об этом знать. Реформатор предлагал варьирование срока в зависимости от поведения: сокращение – награда для послушных, увеличение – наказание для строптивых.

Обобщив предложения для узниц исправительного дома, Хэнвей резюмирует, что эти простые правила подойдут и для мужчин «порочного

---

[1] 1,1–1,4 м^2.

[2] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 29–36.

нрава». Его главный проект реформатория – модели одиночной тюрьмы – фактически построен на тех же принципах: изоляция, условия для труда и обращение к религии. Документ структурирован по разделам, внутри которых по пунктам расписаны конкретные меры внутреннего и внешнего распорядка. Раздел «Внешний вид тюрьмы» состоит из требований к архитектуре и расположению здания: удаленное от населенных пунктов на милю или две, неприступное сооружение размером по 260 футов с каждой стороны. Предполагаемая высота тюрьмы – 4 этажа по 52 одиночные камеры на каждом этаже, таким образом, вместимость составит 208 арестантов. Далее идут рекомендации по размерам камер (ни одна камера не должна быть ниже уровня земли) и высоте потолков, которые должны обеспечить «свободную циркуляцию воздуха ради здоровья арестантов». Любопытно, что для потолка предусматривалась арочная конструкция, на манер церковных сводов, с очевидным намеком на присутствие Господа в жизни осужденного. Технические требования к зданию подразумевали отопление, надежную защиту окон и крыши от осадков. Внутреннее оснащение камер предполагало кран с питьевой водой, необходимую мебель и утварь. Архитектура здания включала помещения для больницы, молельные комнаты или церковь (разделенную на отдельные будки-отсеки, чтобы узники не могли общаться во время службы), комнату охраны и сектор администрации. Также упоминаются хозяйственные помещения – столовая, прачечная, мастерские, тюремный огород и сад[1].

В разделе «Организация режима» удивительно детализированы правила внутреннего распорядка: круглосуточная охрана, строжайший запрет на алкоголь (за исключением лекарств из рук врача), требования к тюремному штату. Хранитель тюрьмы избирался (или назначался) «из числа честных и глубоко религиозных людей». По проекту Хэнвея, охране и рядовому персоналу не сообщалось имя арестанта, только номер.

[1] Ibid. P. 111–115.

Для смутьянов и нарушителей режима предусматривались подземелья с питанием на хлебе и воде сроком заключения до месяца.

Отдельная глава правил посвящена фигуре тюремного капеллана. По замыслу Хэнвея, он должен назначаться на эту должность архиепископом, иметь хорошие рекомендации и быть подготовленным к службе в тюрьме. Капелланы должны не только проводить богослужения, но и нравственные беседы наедине, а также совершать обряды и таинства. Хэнвей предусмотрел даже макет учетной документации – журнал, который должен вести тюремный клерк, фиксируя основные биографические данные, род занятий, семейное положение, вероисповедание, срок приговора и т. п. В комментариях к графе «религия» предполагались заметки: способности к чтению, «выучил ли он молитвы, которые ему предписали?», последнее причастие и т. д. В разделе «Инспекция» Хэнвей предполагал создание комиссии из шести честных горожан, уполномоченных совершать визиты к узникам, опрашивать офицеров об их поведении и труде, беседовать с капелланом, чтобы по истечении срока не менее чем в шесть месяцев принимать решение о том, что арестант «встал на путь восстановления утраченной полезной жизни»[1].

В завершение проекта просветитель осторожно подходит к проблеме финансов, отдавая себе отчет в том, что строительство капитальных публичных зданий в каждом графстве – весьма затратное мероприятие, очередное бремя для налогоплательщиков, ведущее к увеличению национального долга. К этому «щекотливому моменту» он переходит после раздела «Прибыль от труда арестантов». Предложенный Хэнвеем учет результатов арестантского труда и налаживание сбыта тюремной продукции поражают меркантильной дальновидностью. С одной стороны, реформатор подчеркивает исправительный характер труда арестантов, с другой – обращает внимание на возможность реализации продукции. Он гуманно признает право арестанта на часть прибыли и даже предусматривает

[1] Ibid. P. 116–123.

возмещение причиненного преступником «ущерба обществу и государству» за счет результатов его труда. Таким образом, Хэнвей подходит к экономическому обоснованию своего проекта в долгосрочной перспективе. Складывается впечатление, что автор прекрасно понимает: издержки на строительство новых тюрем – слабое место его реформаторской инициативы, а потому прибегает как к патетике: «Неужели мы не будем вкладываться в исправление морали наших граждан, которая лежит в основе как государственного, так и Божественного порядка» [1] и к экономическим подсчетам. Обращая внимание властей на тот факт, что строительство публичных зданий создаст дополнительные рабочие места тем, кто без этой возможности занялся бы преступным ремеслом, он рассматривает пример своего родного графства Мидлсекс. Рассчитав ежегодную прибыль от труда взрослого мужчины от 15 до 38 лет, автор акцентирует внимание на том, что, казнив преступников, графство потеряет потенциальную прибыль от их возможного труда. В качестве дополнительных налоговых сборов Хэнвей смело предлагает увеличить налоги на развлечения: общественные театры, рестораны, бильярдные, чайные и пр. «Пороки приобретают такие масштабы, – пишет просветитель, – что угрожают нашей безопасности: чем переживать за утрату части средств в виде налогов, лучше думать о том, что мы вкладываемся в укрепление религии, законов человеческих и небесных»[2].

Таким образом, еще раз обозначив долгосрочные перспективы своего проекта и обратив внимание на угрозу дальнейшей эскалации преступности при отсутствии действенных мер, Джонас Хэнвей завершает трактат очередным потоком риторики и воззваниями к христианскому долгу. «Неподчинение законам страны, – поучает просветитель, – ведет к восстанию против Божественного порядка в целом. Это оскорбляет ценности свободы и религии… Мы слишком далеко продвинулись

[1] Ibid. P. 128–129.
[2] Ibid. P. 133–134, 141.

в практике сочетания показного милосердия и настоящей жестокости, тем самым сильно отклонившись от цели, которую желаем достичь. Мы оказались настолько недалёкими, что сами отказываемся от средства сделать мир справедливым. Репутация, честь и достоинство той части общества, которая заинтересована в вопросе сдерживания грабежей и насилия, лежит в основе управления нацией… Пренебрежение к законам и правительству, которые обеспечивают наше существование как нации, граничит с презрением таковых, а отсутствие принципиальности в назначении наказания граничит с потворством преступлению»[1]. Автор завершает эссе в духе Просвещения выражением надежды на то, что только знание и чистота принципов помогают сделать выбор в пользу добра и света.

Десятилетие спустя Хэнвей вновь вернется к теме организации уголовного наказания. В памфлете «Новогодний подарок народу Великобритании, мольба о необходимости сильной и устойчивой полиции, о связи общественного счастья с религией; и против опасных политических разногласий» просветитель еще раз призовет к «реформе, ожидаемой во всех кругах», в соответствии с которой «тюремная камера и одиночество» являются первостепенными условиями[2].

Рассматриваемый трактат Дж. Хэнвея, вобрав в себя черты мировоззрения классического английского Просвещения, иллюстрирует важный этап в истории европейских пенитенциарных реформ – воплощение идей в идеальные теоретические социальные конструкты. Сам автор это понимал, рассуждая на предмет того, что нельзя представить себе план, свободный хотя бы от доли несовершенства при исполнении, ибо только практика покажет его эффективность. В то же время он признавал, что «ради этого эксперимента готов рискнуть своей репутацией». Поиск идеального

---

[1] Ibid. P. 127–128.

[2] Hanway J. A New Year's Gift to the People of Great Britain, pleading for the Necessity of a more vigorous and consistent Police, the Connextion [sic] of Public Happiness with Religion; and against the Danger of Political Discord. L., 1784. P. 48.

архитектурного решения, нормативное закрепление безупречного тюремного режима, апробация теоретических конструктов станут неотъемлемой частью пенитенциарных реформ и экспериментов XIX столетия. Проект Хэнвея никогда не был реализован в полной мере, хотя авторы справочника «Английские тюрьмы» убеждены в том, что режим был воспроизведен в одной из самых знаменитых английских тюрем Пентонвилль[1], «…и, хотя Хэнвэй не узнал бы ее архитектуру, он увидел бы отражение своих идей в строгом одиночестве и тишине тюрьмы»[2].

Несомненная заслуга Дж. Хэнвея в том, что он одним из первых выдвинул и обосновал существенное в будущей реформе положение: вынужденная изоляция – тюремное заключение – это не столько пространство, сколько *условие* перерождения преступника в честного гражданина. О тюрьме как о форме вынужденной изоляции говорили многие и до, и после Хэнвея. Говард, например, рассматривал одиночное заключение с медицинского ракурса, так как в большинстве своих поездок не только посещал тюрьмы, но и инспектировал больницы, корабли и другие места скопления большого количества людей на ограниченной территории, изучая механизмы распространения эпидемических заболеваний. С опорой на профессиональное мнение, Говард неустанно убеждал общественность в том, что скученность арестантов в тюрьмах вызывает болезни тела и души. Концептуальное отличие замысла Хэнвея состояло в том, что модель одиночного тюремного содержания для него стала *средством* исцеления порочной души, которое так жаждали обнаружить реформаторы и филантропы. Тем самым в идеологию пенитенциарных реформ был введен важнейший идейный конструкт: заключение как условие для покаяния и искупления грехов.

3.1.4. Покаяние и искупление. Бросив даже самый поверхностный взгляд на внутреннее устройство монастыря и тюрьмы, невозможно

---

[1] См.: Приложение 1.12.

[2] English Prisons: An Architectural History… P. 30.

не заметить явного сходства между этими двумя социальными институтами. Причем, кроме подобия внешних деталей (келейно-камерная система, строгий режим изоляции, постоянный труд, ограничения в еде и прочих «плотских» запросах), поражает глубинное подобие основополагающих целей – достичь *покаяния* потенциального преступника/грешника и встать на путь искупления/исправления. На это сходство обращали внимание первые исследователи тюремных моделей еще в XIX в.: М. Фуко упоминает ранний источник «Размышления о тюрьмах религиозных орденов» 1845 г., в котором автор доказывает, что первый проект пенитенциарной системы был «совершенно монастырский»[1]. Один из «пионеров» научной криминологии начала XX в. Йохан Зеллинг высказывал подобные соображения: «...источник всей нашей пенитенциарной системы... надо искать в церкви, в особенности те ее черты, которые касаются тишины, изоляции, душевных и физических испытаний как верной дороги к спасению»[2].

Кристофер Хилл подробно проанализировал значение библейских символов, этических норм и пророчеств в жизни англичан XVII в., влияние Библии на политику, повседневную жизнь, культуру и литературу. Несмотря на то что историк констатировал падение авторитета Писания к концу века, Священная книга по-прежнему оставалась «огромным сундуком, из которого можно было вынуть все, что угодно» – источником идей, образов, метафор, поучений и цитат в поддержку практически любой концепции[3]. Учитывая тот факт, что религия, во всем многообразии ее форм, свойственных островной империи, на протяжении всего XVIII в. продолжала оставаться «мощной силой в английской жизни»[4], а в рядах сторонников широких социальных и узкопрофессиональных

---

[1] Фуко М. Указ. соч. С. 149.

[2] Цит. по: James J.T.L. A Living Tradition: Penitentiary Chaplaincy. Ottawa, 1990. P. 31.

[3] Хилл К. Указ. соч. I. Введение. Библейская культура. С. 4.

[4] Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 380.

пенитенциарных реформ находилось значительное количество священнослужителей, в поисках идеальной модели заточения с целью покаяния было достаточно обратиться к авторитету Священного текста. Одной из наиболее устойчивых аллюзий к Писанию, используемых как реформаторами, так и тюремными проповедниками, стал образ ветхозаветного пророка Ионы, который жил в VIII в. до Рождества Христова. Библейская история Ионы начинается с момента ослушания Бога и противоречия Его воле, а затем бегства в попытке уйти от гнева Всевышнего. Корабль, на котором плыл Иона, застигла великая буря, и Иона, глубоко осознав свою вину перед Богом, попросил моряков бросить его в море, где был поглощен огромной рыбой, в чреве которой провел три дня. Из чрева кита пророк вознес Богу горячую покаянную молитву, каялся о своем непослушании, и через три дня по Божественному повелению кит изверг Иону на берег. В молитве Иона говорил о беде и опасности, в которой оказался из-за непослушания, об охватившем его отчаянии, которому он почти покорился, о покаянии и Божьей милости: «В скорби я к Богу взывал, и Он услышал меня. Из могильных глубин, Господи, молил я Тебя, и Ты услышал мой плач… Душа моя надежду потеряла, но вспомнил Господа я. Господь, Тебе молился я, и Ты молитву услышал мою в Храме Твоём святом»[1]. Итак, оказавшись в заточении, Иона осознал свое преступление, испытал очищающее страдание. Мэтью Генри толкует историю Ионы, прибегая к образу тюрьмы: «Его тюрьмой стало чрево кита – уединенная, мрачная темница; но и в этом месте он имел доступ к Богу и мог свободно общаться с Ним. Люди могут лишиться возможности общаться друг с другом, но не лишиться общения с Богом. В то время Иона оказался на дне моря, но и из бездны он взывает к Богу; так Павел и Сила молились Богу в тюрьме, заключенные в колоды»[2].

---

[1] Иона 2:2, 2:7.

[2] Иона 2 глава // Библия. Комментарии Мэтью Генри. URL: https://bible.by/matthew-henry/32/2/

Итак, кит «стал темницей, пребывать в которой был осужден Иона за свое непослушание… и оттуда он воззвал к Богу, и сделал это не напрасно. Бог услышал его, услышал глас его страдания, голос его прошения». Подробно разбирая молитву Ионы, М. Генри последовательно выделяет смену эмоциональных состояний грешника: Иона понимает, как низко он пал, в каком ужасном положении оказался; собственная совесть говорила ему, что он поступил нечестиво. Тем не менее пророк не дает себе погрузиться в отчаяние и поддерживает себя утешительными перспективами избавления: «он останется жив; он вновь будет смотреть на небеса, видеть свет солнца, хотя сейчас похоже, ввергнут в кромешную тьму». Одно возможных толкований чудесного избавления Ионы, по М. Генри, – пример Божьей милости к бедным раскаявшимся грешникам: Иона согрешил и поступил безрассудно, его собственное отступничество не исправило его… Тем не менее благодаря его молитве и смирению перед Богом совершается чудо в природе для его спасения»[1].

В библейской истории встречаются все элементы будущего механизма пенитенциарной системы:

– *грех/преступление*, выразившееся в ослушании, в отступлении от установленных норм и правил;

– *вынужденное заточение* как наказание за нарушение установленных границ;

– *страдание*, вызванное заточением, которое рассматривается как путь *к искуплению/как наказание и путь к свободе*;

– *покаяние/раскаяние* как сознательный акт и условие *Божьего прощения/возмещения вреда, нанесенного обществу преступлением*;

– *искупление/исправление* и возвращение к *жизни/в общество*.

Так идея одиночного реформирующего заключения по образу «чрева кита Ионы» быстро набирала сторонников в обществе, где еще была сильна традиция чтить авторитет Писания в интеллектуальной и особенно

[1] Там же.

нравственной жизни. Логика такого содержания казалась простой и понятной: под воздействием молчания и «шокового» одиночества человек сможет постичь глубину своего морального падения. Этот опыт заключения он никогда не забудет в последующем и вряд ли впадет в те же соблазны, рискуя оказаться в подобном заключении вновь. Дж. Хэнвей называл одиночное заключение «пространством между мирами», которое, сохраняя преступника от могилы, предоставит преступнику шанс (которого лишает виселица) пересмотреть мотивы и обратиться к поиску смысла жизни[1]. Будучи твердо убежденным в том, что покаяние возможно только в условиях одиночного содержания, Хэнвей резюмирует: «Если бы я был приговорен к повешению, а потом приговор изменили бы на тюремное заключение, если бы у меня были книги, перо, чернила и бумага, я бы и не пожелал компании; и, хотя “человек был создан не для того, чтобы пребывать в одиночестве”, я предпочел бы одиночество плохой компании. Дьявол во мне будет менее силен, чем когда он в окружении других демонов»[2].

Мы уже упоминали о вековой богословской дискуссии о вечности адских мучений, начавшейся во второй половине XVII в. Исследователь Дж. Бендер высказал предположение о существовании прямой зависимости между крепнущим убеждением в свободе воли и изменениями в уголовно-исполнительной политике государства, выразившимися в переходе от смертной казни к «более мягкой», реформирующей тюремной системе[3]. Арминианские призывы к свободе воли в деле спасения и контроля над обстоятельствами побуждали считать призывы к немедленному суровому правосудию «ошибочными доктринами, которые должны быть признаны совершенно нерелигиозными, мерзкими и дьявольскими»[4]. В толковании

---

[1] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 102.

[2] Ibid. P. 104–105.

[3] Bender J. Imagining the penitentiary: fiction and the architecture of mind in eighteenth-century England. Chicago, 1987. P. 150.

[4] The habit of vertue and obedience, required by the Gospel, to qualify men for salvation. L., 1705. P. 81.

предопределения к вечному наказанию усматривался «замысел Дьявола в стремлении удерживать людей от любви к Богу, а их души от того, чтобы стремиться к добродетели и святости, от того, чтобы они были достойны Небес». Проповедник-евангелист убеждал свою паству, что Бог не может «управлять такими произвольными и необоснованными принципами и устанавливать такие жесткие, суровые и глупые законы, в которых нет необходимости, более того, которые невозможно соблюдать. Тогда мы можем быть уверены, что любой принцип или комментарий, который противоречит и отнимает свободу нашей воли, не только ложен, но имеет намерение удерживать нас в наших грехах и ввергать нас в ад»[1].

В таком религиозном контексте постепенно была актуализирована христианская установка «через покаяние обретается справедливость и прощение»[2]. Это, в свою очередь, привело к постепенному изменению ментальных представлений англичан о целях и смысле уголовной репрессии. В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников сторонники нового евангелизма предложили возможность спасения через покаяние и искупление. В предметном поле библейского покаяния пенитенциарные реформаторы увидели *духовный потенциал исправления преступника*. Поэтому логичным и соответствующим духу Просвещения и христианского милосердия казалось выстраивание такой парадигмы уголовного наказания, фокусом которой станет реформирование преступника и возвращение в общество честного гражданина.

Под влиянием рационалистического мышления, характерного для эпохи Просвещения, идея христианского покаяния претерпевает определенную трансформацию. В Новом Завете понятие *покаяния* встречается свыше семидесяти раз преимущественно в императивной форме: «Если не покаетесь, все так же погибнете»[3]; «Бог ныне повелевает

---

[1] Ibid. P. 81–82.
[2] Деян. 2:38, 17:30; Лк. 17:14; 1 Ин. 5:16.
[3] Лк. 13:3.

людям всем повсюду покаяться»[1]; «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»[2]. Библейское покаяние подразумевает сознательный акт, охватывающий разум, чувства и волю: *разумом* человек осознает свои грехи, под *чувствами* принято понимать печаль и скорбь[3], вызванные уязвлением совести и «живым ощущением разлучения с Богом». *Воля* как часть покаяния подразумевает твердое желание преображения и очищения, радикальный пересмотр взглядов и ценностей, решимость жить по заповедям Божьим. Анализируя сущность христианского акта покаяния, Р. Атертон обращает внимание на его осознанность и добровольность. Осознание христианином своей грешной природы и непоколебимая уверенность в том, что каждый грех подлежит наказанию, вынуждали его на постоянный поиск очищения от всех форм греха в глазах Бога. А поскольку такие грехи, как, например, гордыня или леность, не предусматривали наказание со стороны государства, санкционированное церковью, «ретивые» христиане изобрели «строго личное наказание» – монастырь, куда добровольно заключали себя те, кто осознавал свою греховную природу и стремился избавиться от нее. Самодисциплина монахов (целибат, рутинная изнуряющая повседневная работа, пост, ограничения сна) оформилась в определенный режим. Цель этой *добровольной* ежедневной жертвы заключалась в том, чтобы преодолеть слабость плоти и очистить дух, приготовляя душу к вечной жизни. Таким образом, в механизме монастыря христианское покаяние (как единство стремлений разума, чувств и воли) – *акт свободной воли*, наказание следовало за покаянием как епитимья – нравственно-исправительная мера, за которой шло искупление грехов. Заточение, таким образом, было добровольным, а наказание в какой-то мере желанным, так как

[1] Деян. 17:30.
[2] Мф. 4:17.
[3] Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению. 2 Кор. 7:10.

рассматривалось не как способ достижения покаяния, а как его следствие, как признак очищения и подтверждение решимости больше не грешить[1].

Механизм принудительного тюремного заключения, убежден Дж. Джеймс, насильственным образом меняет местами последовательность процессов: жизнь заключенного (ограничение свободы, вынужденное безбрачие, повседневная рутинная работа) – это составляющие наказания, наложенного на него государством для очищения от своего «преступления» в отношении общества и от греха перед лицом Господа. И в процессе этого очищения его *должно посетить покаяние*, дабы он смог вернуться в общество, которому нанес вред, раскаявшимся и искупившим свой грех. Концептуальное отличие тюрьмы от монастыря заключается в последовательности действий и степени свободы воли. В механизме монастыря покаяние предшествует наказанию, а не является его следствием, как предполагает пенитенциарный институт[2].

Таким образом, перед английскими интеллектуалами и протестантскими реформаторами второй половины XVIII в. была поставлена интересная дилемма: наделить уголовное наказание, как насильственное действие со стороны государства, потенциалом источника духовного перерождения и *добровольного* исправления преступника. Философия Просвещения очистила человеческую жизнь «от одежд предопределения», вследствие чего та предстала сложной игрой интересов и желаний эгоистичной по своей природе личности, обладающей к тому же врожденной свободой. Заслугой британских интеллектуалов стало обоснование тезиса о том, что свобода не противоречит необходимости, а дополняет ее. Как писал Т. Гоббс, «вода реки, например, несет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу»[3]. От раскаяния преступника необходимо было добиться понимания им сущности своего

---

[1] Atherton R. Summons to serve: the Christian call to prison ministry. L., 1987. P. 94–95.

[2] James J.T.L. Op. cit. P. 34.

[3] Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М., 1991. С. 164.

преступления и вреда, нанесенного обществу, и формирования устойчивого намерения вернуться в общество честным гражданином. Обозначенная задача вполне коррелировала с духом Просвещения, в рамках которого, по мнению Э. Кассирера, «религия теперь и впредь больше не сводится только к переживаниям и страстям; центр, из которого она должна проистекать и обретать свое сущностное определение и назначение, – это *поступок.* Человек должен быть не только захвачен и подавлен религией как какой-то чуждой силой, но сам, изнутри своей свободы должен выражать и воплощать смысл религии»[1]. Искреннее раскаяние и жажда исправления, проистекающее из свободы выбора и потребности честно трудиться, должны были стать для преступника таким *поступком,* необходимостью вернуться в русло, проторенное общественно одобряемыми нормами.

Вера в возможность обращения преступника/грешника посредством достижения покаяния становится источником реформаторской риторики, чтобы впоследствии превратиться в базовый теоретико-методологический принцип реформированных пенитенциарных систем XIX в. К решению поставленной задачи были активно привлечены священнослужители, причем в таком количестве и с таким кругом полномочий, что в зарубежных исследованиях курсирует устойчивая метафора, сравнивающая движение за тюремную реформу с «одним из выдающихся крестовых походов»[2]. Как уже отмечалось выше, привлекать к работе с арестантами порядочных и ревностных священников предлагал Т. Брей. Большое значение уделял религии и капелланам Дж. Хэнвей. В инструкции режима женских брайдуэллов рекомендованы ежедневные наставления в религии, доступ к благочестивым книгам, возможность обучения грамоте для невежественных, обязательное предписание выучить ряд молитв (независимо от того, умеет ли женщина читать). Успех проекта, уверен

---

[1] Кассирер Э. Философия Просвещения. С.185–186.

[2] Balch-Lindsay V.S. An orderly metropolis: the evolution of criminal justice in London, 1750–1830. PhD thesis. Texas University. 1998. P. 202.

Хэнвей, напрямую зависит от «количества и качества» задействованных в нем священнослужителей. Умелый священник сможет «донести мысль о приготовлении к вечной жизни и страхе вечных мучений», тогда заключение «вызовет глубокие перемены в сердце… слезы искреннего покаяния»[1].

Развивая мысль о внутренних особенностях пенитенциарной «схемы» Хэнвея, М. Фуко прибегает к чисто религиозным понятиям: «изоляция вызывает “страшный шок”, который, защищая заключенного от дурных влияний, помогает ему углубиться в себя и вновь услышать в недрах своего сознания голос добра; работа в одиночестве должна быть не только ученичеством, но и обращением; она должна перестраивать не только игру интересов, присущих homo oeconomicus, но и императивы морального субъекта. Одиночная камера, техника христианского монашества, сохранившаяся лишь в католических странах, становится в этом протестантском обществе инструментом, с помощью которого можно перестроить одновременно и homo oeconomicus, и религиозное сознание. Тюрьма должна образовывать “пространство между двумя мирами”, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина. Аппарат для преобразования индивидов, который Хенуэй называет “реформаторием”»[2].

Итак, «пространство между мирами» и «аппарат для преобразования индивидов» – *тюремная камера* стала воплощением надежд христианских реформаторов, связанных с процессом ожидаемого позитивного изменения личности осужденного преступника. Именно в тюремной камере заключенный предположительно должен был испытать смену эмоциональных состояний, пережитых Ионой в чреве кита, – осознать суть преступления; очиститься страданием и скорбью, вызванными муками

---

[1] Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 44.
[2] Фуко М. Указ. соч. С. 151–152.

совести, и через искреннее покаяние обрести путь к свободе. Автор издания «Проповеди для заключенных. С включением молитв, рекомендованных для узников одиночного содержания» викарий графства Дарем Дж. Брюстер в одной из проповедей обращался к осужденным: «Я рекомендую вам пересмотреть моменты прошлой жизни и спутников ваших вожделений. Я хотел бы, чтобы вас постоянно кружило в смятении ума и упреках совести. Я хотел бы попросить вас проследить каждый момент вашего пути: с какими усилиями и трудностями сопряжено было обладание награбленным, подозрения и зависть со стороны подельников, постоянный трепещущий страх попасть в руки правосудия. Стоило ли приносить в жертву сиюминутному удовольствию греха вашу Свободу? Стоило ли ради этого поступиться Честностью, Истиной, Религией? Ради этого вы отреклись от ощущения внутреннего покоя и домашнего счастья, отреклись от жены, которая могла бы успокоить ваши печали, от детей – утешения в старости, от любви к Богу и других благодатей, похоронив себя в одиночестве тюрьмы?» [1]

Непременным итогом самосозерцания в одиночестве, по замыслу апологетов одиночного заключения, должно стать «сокрушительное покаяние», сродни тому, которое испытал Иона. «Страдание – истинный друг покаяния; одиночество создает страдание, которое проистекает от осознания вины; а без него о каком исправлении может идти речь?» – рассуждал Дж. Хэнвей [2]. В этот ключевой момент совесть преступника/грешника выступает в виде самостоятельного инструмента наказания. Брюстер сравнивал совесть с бесконечной чередой образов, которые проносятся перед глазами, вызывая мучительные страдания, и как велико бы ни было желание не видеть их снова, они «выплывают из самых отдаленных уголков мира, из недр земли, как свидетельства нашей вины».

---

[1] Brewster J. Sermons for prisons. To which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement. Stockton, 1790. P. 27–28.

[2] Hanway J. Solitude in imprisonment... P. 42.

В условиях вынужденного одиночества, убежден проповедник, «неожиданный прорыв сознания, который он испытает, окошко, которое пропустит слабые лучи света, полуночная тишина, которая его окружит, все будет возбуждать в нем трепетный ужас, которого он никогда не испытывал раньше»[1]. Испытанные страдания, по мнению проповедника, покажутся ему жесточайшим из наказаний.

Тюремные проповедники прибегали в тематических проповедях к суровой ветхозаветной риторике: «Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания»[2]. Если заключение приносит преступнику/грешнику физические и моральные испытания, то какими бы унизительными и ужасными ни были эти мучения, они необходимы как часть очищения: «Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия, то Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому что умножились, и открывает их ухо для вразумления и говорит им, чтоб они отстали от нечестия. Если послушают и будут служить Ему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои в радости; если же не послушают, то погибнут от стрелы и умрут в неразумии»[3]. Божественное присутствие, таким образом, не исключается из сущности страданий уголовного наказания, наложенного авторитетом государства, скорее, Бог использует государственную власть как способ добраться до нарушителя Завета.

Формирующаяся теология тюремного содержания свидетельствует о продолжившемся сотрудничестве церкви и государства в области правосудия. Важным вкладом в комплекс идей пенитенциарных реформ является дальнейшая актуализация образа тюремного пастора. По мыслям преподобного Брюстера, тюремный капеллан должен выступить посредником между государственной властью, приговорившей к заключению в наказание, и обществом, готовым принять обратно

---

[1] Brewster J. On the prevention of crimes and on the advantages of solitary imprisonment. L., 1792. P. 27–28.

[2] Ис. 48:10.

[3] Иов. 36:6-13.

«реформированного» индивида. Тюремный священник должен разъяснить своей пастве, что «законы нашей страны являются инструментами не отмщения, но коррекции»[1], а наказание, назначенное магистратом, не следует рассматривать «как обиду», ведь, с одной стороны, его цель – огородить общество от зла, с другой – «остановить ваши успехи во зле» и предотвратить повторное преступление, дать шанс на «исцеление от греха»[2]. Пастырская помощь также незаменима на этапе «сокрушительного покаяния»: священник, которому единственному открыт доступ в одиночную камеру, должен направлять мысли и чувства узника, побуждать к серьезным размышлениям, вселять надежду, «что его сердце будет исправлено, и он во всех отношениях предстанет совершенно новым человеком»[3].

Используя современный сленг, можно заключить, что идея христианского покаяния и искупления была изрядно «прокачана» в контексте пенитенциарного реформирования. Идеологемы «исправления» и «ресоциализации» придали тюрьме новый смысл *реформатория* – места преобразования индивида, подготовленного к возвращению в общество в качестве «честного гражданина». Религия, таким образом, стала основным инструментом, посредством которого виделось достижение духовного исправления homo oeconomicus (воспользуемся дискурсом М. Фуко). В идейном комплексе реформы не хватало еще одной составляющей – гарантии того, что homo oeconomicus с перестроенными моральными императивами, вернувшись из реформатория, будет приносить государству пользу. Решением этой проблемы стала оригинальная аранжировка далеко не новой идеи – использования труда осужденных в качестве меры уголовного наказания.

---

[1] Brewster J. Sermons for prisons… P. 25.
[2] Ibid. P. 26.
[3] Ibid. P. xii.

3.1.5. Исправительный труд. Идея использования труда осужденных, пожалуй, одна из самых спорных и противоречивых по своему содержанию. Постоянно оставаясь в фокусе внимания интеллектуалов и государственных деятелей, принцип принудительного труда фундировал разноплановые замыслы его применения, как то меркантильный интерес или карательный механизм. Мы уже рассматривали предложения использования каторжного труда в качестве уголовного наказания в практике ретрибутивного правосудия в контексте консервативной правовой мысли. Оригинальной аранжировкой, обусловленной как новой евангельской этикой, так и моралью и ценностями эпохи Просвещения, стало признание коррекционных и воспитательных возможностей принудительного труда, что позволило вписать этот устоявшийся концепт в контент реформ.

Предложения использовать труд осужденных преступников в качестве действенной альтернативы высшей мере встречались в трудах английских интеллектуалов еще в XVI в. Ранние просветители смогли предугадать в тенденции назначать высшую меру за *имущественные* преступления «ловушку», в которую постепенно увлекало английскую систему уголовных наказаний поступательное развитие действующего уголовного кодекса. Уже Томас Мор высказал суждение о нецелесообразности «рубить голову» тем, у кого «нет никакого другого способа снискать пропитание», то есть о недопустимости высшей меры в отношении имущественных преступлений. Власть в таком случае Т. Мор уподобляет «плохим педагогам, которые охотнее бьют учеников, чем их учат»[1]. Утопист ставит важнейший вопрос о социальной обусловленности экономических преступлений, выстраивая любопытные причинно-следственные связи:

– бедность и отсутствие средств к существованию – отсутствие возможности честного заработка (не предоставленной властью) – воровство;

[1] Мор Т. Указ. соч. С. 23.

– война, забирающая на время молодых и трудоспособных – демобилизация в промежутках между войнами, часто увечных солдат – неспособность (часто физическая) трудом зарабатывать хлеб – воровство;

– любовь к чрезмерной роскоши и пышности (даже у слуг, ремесленников и крестьян) – страсть к притонам, харчевням, публичным домам (как способ «быстрого опустошения кошельков») – воровство;

– леность и праздность (имеет в виду тех, кто сознательно отказывается от ремесел и земледелия, предпочитая праздное бродяжничество) – неспособность трудом зарабатывать хлеб – воровство;

– негодное воспитание, порча нравственности с малых лет – позорные деяния – воровство.

Адресуя вопрос власти, Т. Мор резюмирует: «Разве, поступая так, вы делаете что-нибудь другое, кроме того, что создаете воров и одновременно их караете?» [1] Таким образом, просветитель частично вменяет обществу и государству ответственность за совершение гражданами имущественных преступлений, критикует суровость правосудия, которое, с одной стороны, демонстрирует «иногда по двадцати на одной виселице», с другой – не может предоставить такие условия, «чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать»[2].

Если карательное правосудие есть «плохой педагог», то что может предложить хороший учитель? Автор приводит в пример выдуманный народ «не маленький и вполне разумно организованный» – полилеритов, которые практикуют общественные работы за кражи, не осложненные преступлением. Работающие для государства питаются и содержатся за казенный счет, одеты в один определенный цвет, а по ночам, «после поименного счета их запирают по камерам». За попытку бросить работу полагается казнь, равно как за соучастие другого раба (так именуют приговоренных к общественным работам) в предполагаемом бегстве. Таким

[1] Там же. С. 24–30.
[2] Там же. С. 23.

образом, осужденные за кражу полилериты не только отрабатывают совершенную кражу, свое содержание во время принудительных работ, но и вносят часть заработка в государственную казну[1]. Если преступник, осужденный за кражу, «будет послушен, скромен и подаст доказательства своего стремления исправиться в будущем, то он может под этими условиями рассчитывать на обратное получение свободы»[2]. Подводя итог описанию обычаев выдуманного народа, Т. Мор оценивает порядки как «человечные и удобные», при которых граждане сами испытывают необходимость «стать хорошими».

В «Утопии» можно найти истоки, по крайней мере, трех аргументативных стратегий против смертной казни и в защиту принудительного труда как меры уголовного наказания. Базисом первой стало Писание, авторитет которого для англичан был неоспорим. Т. Мор высказывался против казни воров, апеллируя к закону Моисея: «Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы так легко убиваем за отнятие ничтожной суммы денег… Бог отнял право лишать жизни не только другого, но и себя самого; так неужели соглашение людей об убийстве друг друга, принятое при определенных судебных условиях, должно иметь такую силу, чтобы освобождать от применения этой заповеди сто исполнителей, которые без всякого указания Божия уничтожают тех, кого велел им убить людской приговор? Не будет ли в силу этого данная заповедь Божия правомочной только постольку, поскольку допустит ее право человеческое?.. Наконец, и закон Моисеев, несмотря на все его немилосердие и суровость, все же карал за кражу денежным штрафом, а не смертью. Не будем же думать, что в новом законе милосердия, где Бог повелевает как отец детям, Он предоставил нам больший произвол свирепствовать друг против друга»[3].

---

[1] Там же. С. 33–34.
[2] Там же. С. 35–36.
[3] Там же. С. 31–32.

В XVII в. в рамках открытой общественной полемики по вопросу отмены смертной казни за имущественные преступления доводы Мора воспроизвел Дж. Фокс. В декларативной форме духовный лидер квакеров заявлял: «Ни один человек не должен предаваться смерти за покушение на движимое имущество, деньги или любую форму собственности»[1]. Даже суровая вера Моисея, обращает внимание Фокс, обязывала сохранить преступнику жизнь, для того чтобы он мог исправить причиненный им вред: «И пусть никто не будет предан смерти за кражу крупного рогатого скота, или денег, или любых других вещей, ибо по закону Божию необходимо было восстановить их стоимость в четыре раза, и если не сможет, то пусть продадут его для уплаты за украденное им»[2]. Новый Завет и вера Святых апостолов, продолжает Фокс, вовсе не допускает повешения, ведь в Писании сказано: «Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»[3]. Даже если буквально руководствоваться Писанием, убеждал лидер друзей, наказание должно быть соразмерно преступлению, ведь главной его целью является восстановление справедливости. Сохраняя преступнику, осужденному за воровство, жизнь, правосудию долженствует предоставить ему и возможность искупить причиненный ущерб, а как еще это можно сделать, если не трудом в пользу того, кому нанесена обида, или в пользу государства, которое вершит правосудие[4].

Кроме Дж. Фокса, библейское правосудие в отношении преступлений против собственности предлагали и другие религиозные и политические лидеры Английской революции. Один из вождей «Людей Пятой монархии» Томас Веннер возражал против смертной казни и утверждал, что воров

---

[1] Fox G. Op. cit.

[2] Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу. Исх. 22:1.

[3] Еф. 4:28.

[4] Gospel truth demonstrated, in a collection of doctrinal books, given forth by that faithful minister of Jesus Christ, George Fox: containing principles essential to Christianity and salvation, held among the people called Quakers. Vol. I. Philadelphia, Printed in 1706. Reprinted 1831. P. 264.

следует не казнить, а заставлять работать до тех пор, пока они не компенсируют ущерб своим жертвам [1]. В петиции лидера левеллеров Самюэля Чидли «Протест против вопиющего греха» [2] подробнейше разобрана заповедь о воровстве, которая предписывает отработать свой долг. Чидли критикует смертную казнь как недопустимую меру с точки зрения религии и невыгодный для государства механизм наказания: «Люди могут быть полезны, пока живы, – рассуждает Чидли, – но, когда они мертвы, они бесполезны: живая собака лучше мертвого льва. Мы же готовы скорее похоронить, чем нанять на работу, хотя так несправедливо предавать их смерти, когда Апостол говорит: пусть трудится, но нет, говорит судья, он должен быть повешен…»[3] Далее следует целый комплекс предложений по использованию принудительного труда как альтернативы высшей мере: он [вор, мошенник. – *С.В.*] может быть отдан в наем той стороне, которая понесла ущерб, пока не отработает украденное в двойном размере. А если никто не пожелает его нанять, государство должно использовать его труд: на земле, на воде, в угольных шахтах, на галерах, в работных домах. Убегут от назначенной работы – сумма долга, которую надлежит отработать, удваивается, выразят отказ трудиться – не получат пищи [4]. По мнению Чидли, идеальное наказание предполагает физические страдания, но эти страдания, в свою очередь, несут духовное перерождение: «И тогда, если кто-либо (а я надеюсь, многие) будет обращен в этом своем пленном состоянии, о, как они благословят время, когда они подверглись заключению с принуждением к труду, когда они познали себя и вспомнили о Всевышнем!» [5] Подобное отношение к принудительному труду

---

[1] Хилл К. Указ. соч. III. Международный католицизм и национальная политика. 13. Правление святых. С. 13.

[2] Chidley S. A Cry against a Crying Sin. A just complaint to the Magistrates // The Harleian Miscellany or, A collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts, as well in manuscript as in print, found in the late earl of Oxford's library, interspersed with historical, political, and critical notes. Vol. VI. L., 1810.

[3] Ibid. P. 282.

[4] Ibid. P. 283.

[5] Ibid. P. 284.

коррелирует с концептом «искупительных страданий», заложенных в наказание в качестве побуждения к покаянию и исправлению. Автор уверен: тяжелый труд облегчит духовное перерождение злодея, перенесенные физические тяготы станут прологом очищения от грехов и обретения прощения.

Петиция Самюэля Чидли выдержана в стиле послания к исполнителям высшей меры, допустившим «вопиющий грех», с призывом пересмотреть основы системы правосудия в свете Христовых истин. На протяжении всей петиции автор апеллирует к Создателю, требует привести в гармонию законы Бога и земное правосудие, а судьям руководствоваться мужеством и страхом перед Богом и не брать грех за нарушение заповедей Его[1]. Проще всего, рассуждает Чидли, приговорить вора к смерти, нарушая при этом заповедь «Не убий», нежели научить его жить в соответствии с заветами Господа.

Таким образом, общественная дискуссия против смертной казни за имущественные преступления была открыта именно с теологических аргументов, с актуализации положения о неприкосновенности человеческой жизни, потому что она «дар Божий». А.Ф. Кистяковский в работе «Исследование о смертной казни» приходит к мысли о том, что «первое важное событие, имеющее значение в истории смертной казни, есть появление христианства… Учение Иисуса Христа проникнуто духом любви и снисхождения к человеку; Бог христианский есть Бог любви и милости, желающий не мести и кары, а исправления падшего человека, в противоположность ветхозаветному Богу, который есть Бог гнева и мести»[2]. Ранние христиане-мученики, отмечает Кистяковский, никогда не присутствовали при казнях преступников, потому что считали для себя осквернением смотреть на это зрелище, а должности, которые были связаны

[1] Ibid.

[2] Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула, 2000. С. 183.

с обязанностью судить преступников, произносить и исполнять смертные приговоры, считали несовместимыми с учением, которое они исповедовали.

Так обращение к библейским религиозным принципам косвенно способствовало постановке важнейшего вопроса уголовного права – соразмерности преступления и наказания. Обращение к Писанию не потеряло актуальности и в последующем столетии: аргументируя в пользу дифференциации наказаний за имущественные преступления, Дж. Скотт настаивал: «Кровь, безусловно, заслуживает крови, но посягательство на права собственности, не оскверненное жестокостью, нарушением законов Творца и природы, требует иного наказания»[1]. Ожидаемым вкладом века Просвещения и рационализма в содержание доводов против высшей меры стало дополнение теологического дискурса аргументацией утилитарно-правового и гуманистического характера. В 1764 г. Ч. Беккариа подведет своеобразный итог дискуссии, но уже языком права, а не религии: «Мне кажется абсурдом, когда законы, представляющие собой выражение воли всего общества, законы, которые порицают убийства и карают за него, сами совершают то же самое. И для того, чтобы удержать граждан от убийства, предписывают властям убивать. Какие законы истинны и наиболее полезны?»[2] Соответственно в рассмотренном дискуссионном пространстве концепт «труд», компенсирующий нанесенный имущественным преступлением вред, выступил в качестве аргумента против смертной казни, подкрепленный авторитетом Писания.

Второй вектор развития идеи принудительного труда коррелирует с экономическими доктринами раннего меркантилизма. Рассуждая о влиянии социальной среды на противоправное поведение в «Очерках о бедных, промышленниках, торговцах и морали», Дж. Беллерс частично возлагает на общество ответственность за неуклонный рост преступности:

---

[1] Scott J. Observations on the Present State of the Parochial and Vagrant Poor. L., 1773. P. 134.

[2] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М., 2000. С. 71.

«окружение закладывает негативные привычки – такие как леность и невежество, которые неискоренимы и влекут злодеяние». Как экономист и реформатор, Беллерс был убежден в том, что «общество несет экономические убытки, убивая преступников, вместо использования их труда». Как член общины квакеров, он, безусловно, считал смертную казнь духовно, морально и юридически недопустимым актом. Представитель закона, выносящий смертный приговор, – писал Беллерс, – ставит «несмываемое пятно на религии и приносит невосполнимый урон стране»[1], карая за убийство, все же совершает такое же непоправимое зло. Между тем, завершает мысль автор, «заключение [в тюрьму. – *С.В.*] с подходящим трудоустройством, возможность создать семью или же препровождение в колонии способствовали бы переходу от порока к добродетели, что спасло бы не только их тела и души от вечной гибели, но и сохранило их потомков для процветания государства»[2].

В XVIII в. тенденция рассматривать потенциальную выгоду для государства от использования принудительного труда осужденных явно усилилась. В «Вопрошателе» Дж. Беркли критика неэффективности карательной системы уголовных наказаний контрастирует с рациональными предложениями по организации принудительного труда: «Есть какой-то способ сделать преступников полезными на общественных работах вместо того, чтобы отправлять их в Америку или любое другое место?; Можем ли мы создавать для них рабочие места, по опыту других наций?; Разве принудительное заключение, при котором он накормлен, одет и должен работать не будет предпочтительнее для него?; Могут ли преступники, не лишаясь свободы, возместить ущерб, нанесенный обществу, путем тяжелого труда?; Не правда ли, что легче предотвратить, чем исправить, почему бы не учиться на примерах других? Разве большинство из нас, дабы не отнимать у преступника жизнь, не желают

[1] Bellers J. Op. cit. P. 17.
[2] Ibid. P. 19.

наказания, соразмерного его преступлению?» [1] Так система труда осужденных в «Вопрошателе» была противопоставлена всем существующим в середине XVIII в. практикам уголовного наказания, являющимся, по мнению Беркли, экономически и социально невыгодными и нравственно вредными.

Несмотря на содержательные доводы сторонников рассмотренных точек зрения, магистральной аргументативной стратегией в предреформенный период станет презентация воспитательного потенциала принудительного труда. Уже в «Утопии» Мор отмечает, что при надлежащей организации системы наказаний у полилеритов возникает потребность «стать хорошими» и «искупить все то количество вреда, которое они причинили ранее»[2]. И в этом контексте принудительный труд выступает как раз таким средством «уврачевания» социальных пороков и воспитания добродетелей. Подобные мысли высказывал современник Т. Мора политический деятель и гуманист, королевский капеллан Генриха VIII Томас Старки. В советской историографии Т. Старки рассматривался преимущественно как политический деятель[3], современные отечественные исследователи обратили внимание на гуманистическое содержание его педагогических взглядов [4]. На пересечении воззрений Т. Старки как священника, государственника и педагога обнаруживаем рациональные предложения по реформированию практики уголовных наказаний. В своем главном произведении «Диалог Томаса Лапсета и Реджинальда Пола» [5] Старки рассматривает социальные и экономические «недостатки» в жизни

---

[1] Berkley G. Op. cit. P. 6, 7, 40–41.

[2] Мор Т. Указ. соч. С. 35.

[3] Мещерякова Н.М. Английский гуманист Томас Старки – представитель ранней буржуазной идеологии // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 256–276; Каменецкий Б.А. Томас Старки и его место в истории политической мысли в Англии в XVI в. // Средние века. 1973. Вып. 36. С. 88–108.

[4] Руяткина Т.М. Идеи воспитания в английском гуманизме второй трети XVI века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

[5] Starkey T. A dialogue between Reginald Pole and Thomas Lupset / ed. by Kathleen M. Burton; with a preface by E. M. W. Tillyard. L., 1948.

общества и советует «для начала вскрыть их причины, а не ополчаться на результаты, как это обыкновенно заведено»[1]. Истоки социальных девиаций – нищеты и бродяжничества, преступности и проституции – один из участников диалога усматривает не только в экономических причинах пауперизации деревни, но и в нравственной составляющей общественного организма.

Не обозначая явных различий между грехом и социальным пороком, Старки критикует лень, обжорство, пьянство, тягу к азартным играм[2]. Противостоять этому, по мнению гуманиста, может строгая система воспитания и «очищения нравов», а возглавить этот процесс должно благородное дворянство. Среди предложений Старки по «очищению» общества встречается «изгнание бездельников и лентяев из страны, ответственность родителей (под угрозой наказания!) за обучение своих детей честным ремеслам и пр.[3] В перевоспитании мошенников и воров посредством принудительного труда Старки-государственник видел несколько ключевых преимуществ: во-первых, возможность возмещения ущерба, нанесенного обществу, во-вторых, физические страдания, вызванные тяжким трудом, как воплощение цели наказания и, наконец, укоренение трудолюбия как привычки, которая будет в дальнейшем «направлять их сердца»[4].

В XVII в. популярность брайдуэллов и надежды интеллектуалов и государственников, связанные с возможностями этого социального института, вывели доводы в пользу исправительного потенциала принудительного труда со страниц религиозной публицистики в светскую риторику и нормотворчество. В популярном практическом руководстве для мировых судей – справочнике мирового судьи из Кембриджа Майкла Далтона «Государственное правосудие» (издавался с 1618 по 1746 год) –

---

[1] Ibid. P. 31.
[2] Ibid. P. 71, 124, 171.
[3] Ibid. P. 142.
[4] Ibid. P. 131.

в отношении принудительного труда в исправительном доме было рекомендовано назначать его *с целью наказания*. В то же время авторы-составители указывают на то, что «работа должна быть хорошо организована», а осужденные наставляемы в религии, так как трудом и религиозным покаянием «любая натура может быть обуздана, а разум просветлен, другим же это будет в назидание»[1]. Статут 1706 г., как мы помним, уполномочил судей приговаривать к тяжелому труду в качестве альтернативы смертной казни[2]. По мнению Дж. Битти, значение акта «О тяжком труде» состояло не только в нормативном закреплении принудительного труда как меры уголовного наказания, но и в том, что в контенте будущих реформ закрепилась идеологема «исправительного труда» в осуждении[3].

В 1750-е годы в серии памфлетов получила дальнейшее развитие идея «врачевания» порочных нравов и преступного поведения. Джошуа Фиджимондс предложил реформировать систему наказания путем перехода «к правильно организованному исправительному труду, соответствующему характеру совершенного преступления». Исправительные работы автор называл «лекарствами» от социальных «заболеваний» – бедности, бродяжничества, долговых преступлений[4]. В 1758 г. Джозеф Мэсси привлек внимание общественности к опыту Нидерландов, использовавших исправительные работы как «лекарство» от таких «болезней», как воровство

---

[1] The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of The Justices of the Peace, as well in as out of their sessions / by M. Dalton. L., 1746. P. 127–128.

[2] An Act for the better apprehending, prosecuting, and punishing Felons that commit Burglaries, House-breaking, or Robberies in Shops, Warehouses, Coach houses, or Stables, or that steal Horses, 1706. 5 Anne, C. 6.

[3] Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750: Urban Crime and the Limits of Terror. Oxford, 2001. P. 28.

[4] Fitzsimmonds J. Free and candid disquisitions on the Nature and Execution of the laws of England, Both in Civil and Criminal affairs. Wherein the End of Laws in general, and how far our Laws are agreeable, or opposite thereto, is impartially considered; the present Inconveniencies attending the municipal Laws of this Country, both as to Theory and Practice, are freely examined, and some Methods are proposed to make them more useful to the Public, and more easy to the Subject. With a postscript relating to Spirituous Liquors, and the Execution of the present Excise Laws. L., 1751. P. 45.

и проституция. Приводя примеры голландских работных домов плавучего типа, Мэсси рассуждал подобным образом: «Помещая аморальных типов в такое место, где они должны либо работать, либо утонуть, они [голландцы. – *С.В.*] вылечивают болезнь во всех случаях, когда она излечима»[1].

Итак, в течение XVIII столетия ментальные представления англичан о целях и смысле уголовных наказаний, восприятие преступников обществом претерпевали существенные изменения. Жизнеутверждающая тенденция считать покаяние прологом к спасению и искуплению, обозначившаяся в религиозном и общественном дискурсе, просвещенческая установка на то, что «каждый человек способен на добродетель, если его правильно учить и гуманно с ним обращаться»[2], побудили мыслителей всерьез задуматься о необходимости кардинальных изменений системы «кровавых кодексов». Условия, которые задавала историческому контексту наступившая эпоха Просвещения, определили содержание будущей парадигмы уголовного наказания. «Никакой другой век не был так глубоко проникнут и с таким энтузиазмом увлечен идеей духовного прогресса, как век Просвещения»[3] – размышлял Э. Кассирер. Представители науки и религии, философии и политики, казалось, объединялись в стремлении радикально преобразовать личность преступника так, чтобы желания и наклонности,

---

[1] Massie J. A plan for the establishment of charity-houses for exposed or deserted women and girls, and for penitent prostitutes. Observations concerning the Foundling-Hospital, shewing the ill consequences of giving public support thereto. Considerations relating to the poor and the poor's-laws of England. Wherein the great Increases of Unemployed Poor, and of Thieves and Prostitutes, are shewn to be immediately owing to the Severity, as well as the Defects of our Poor's-Laws; and to be primarily caused by the Monopolizing of Farms, and the Indosure of Common Lands; which have likewise decreased the Number of People, and brought our Woollen Manufacturies into a precarious State, as is made appear by Extracts from several Laws and other Authorities. Also, a New System of Policy, Most humbly proposed, for Relieving, Employing, and Ordering the Poor of England; Whereby a great Saving may be made in the Charge of Maintaining Them; the Poor's-Rates be kept nearly Equal in all Parishes, as in Equity they ought to be; and every Pretence for wandering about Begging, be taken away. To which are annexed, Forms of the principal Accounts necessary to be kept for those Purposes, whereby such Persons as are not conversant in Accounting will easily be able to comprehend all that is here proposed on that Head. L., 1758. P. 119.

[2] Hanway J. Solitude in imprisonment... P. 42.

[3] Кассирер Э. Указ. соч. С. 18.

которые влекли его к греховной жизни, исчезли, равно как вероятность возврата к порочному образу жизни. Пройдя через «реформаторий», человек должен был вернуться в общество добродетельным, готовым честно трудиться и соблюдать нормы религии.

Своеобразным эпилогом к результатам интеллектуального труда английских мыслителей, сложившимся к 1770-м годам в устойчивую комбинацию предстоящей пенитенциарной реформы, могут служить завершающие строки социально-философской повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти»: «Цивилизация не что иное, как ряд последовательных преобразований. И вам предстоит быть свидетелями преобразования уголовного кодекса, который проникнется Христовым законом и озарится его благостным светом. Преступление будет впредь рассматриваться как болезнь, и против этой болезни найдутся свои врачи, которые заменят ваших судей, найдутся больницы, которые заменят вашу каторгу. Свобода уподобится здоровью. Маслом и бальзамом будут врачевать раны, которые прижигали железом и огнем. То зло, на которое ополчались гневом, начнут лечить милосердием. Это будет просто и величаво. Вместо виселицы – крест. Вот и все»[1].

3.2. Правовое оформление первой модели английского пенитенциария

Большинство исследователей генезиса и эволюции английской тюрьмы, как зарубежных, так и отечественных, связывают появление первого Пенитенциарного статута 1779 г. с американской революцией и утратой возможности высылки уголовных преступников, которую Д. Ротман сравнивал с «предохранительным клапаном»[2]. По словам М. Филиппова, «английское правительство этим было поставлено в крайнее

---

[1] Гюго В.М. Последний день приговоренного к смерти // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1988. С. 77.

[2] Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. N-Y., 2002. P. xxvii.

недоразумение», и перед ним встала необходимость выбора между двумя средствами: строить тюрьмы на основаниях правильной тюремной системы или «приискать новую местность для ссылки»[1]. Безусловно, американская революция оказала значительное влияние на принятие Статута 1779 г., однако наши исследования предреформенного дискурса показали, что она никак не могла стать причиной кардинальных изменений в практиках уголовных наказаний. Более корректно рассматривать события, связанные с прекращением высылки, в качестве катализатора активной фазы реформ.

Эволюционное движение практик уголовного наказания от карательных репрессий и физического устранения к исправлению в условиях специализированного учреждения можно наблюдать на протяжении всего XVIII столетия. Еще в 1702 г. в обращении к Лорду-мэру и шерифам Лондона Т. Брей заметил: «…реформирование тюрем может во многом способствовать реформированию общества, ибо тюрьмы являются одним из главных инструментов исправления преступников, и если они хорошо организованы, то могут оказаться эффективными для коррекции их поведения» [2]. Постепенное ограничение смертной казни, поиск альтернативных видов наказаний неизменно привлекали внимание интеллектуалов и реформаторов к практике тюремного заключения. Фактическое вхождение исправительных домов в систему уголовных наказаний в 1706 г. наталкивало на мысль, что именно гибрид двух ранее различных социальных институтов может решить множество поставленных задач. Во-первых, наказание в виде лишения свободы сохраняло преступнику жизнь, что соответствовало духу и букве евангельской веры, равно как принципам гуманизма и Просвещения. Во-вторых, появлялась возможность осуществлять наказание в географических пределах

---

[1] Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб., 1873. С. 3.

[2] An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y., 1850. P. 41.

Британского острова, сэкономив на расходах на ссылку и удовлетворив претензии колониальной администрации, которая уже к середине XVIII в. патетически вопрошала: «Что бы сказала Англия, если бы, в благодарность за каждый транспорт преступников, Америка отвечала присылкой равномерного транспорта гремучих змей?» [1] В-третьих, явным утилитаризмом проникнуты ожидания сторонников организованного труда арестантов, который «может принести пользу нации и славу королю»[2].

Главный вопрос состоял в том, как превратить «вертепы беззакония» и «рассадники моральной чумы» в то самое «промежуточное место между мирами», пребывание в котором даст возможность «привести злоумышленника к осознанию своего преступления, защитит общество от негативных последствий его бесчестия и вернет его в мир полезным членом общества» [3] . Законодательные инициативы, направленные на совершенствование тюремного режима, имели место на протяжении всего XVIII столетия. Вероятно, отдельно рассматриваемые, они не кажутся значительными, но проанализированные в комплексе еще раз подтверждают предположение о том, что не американская революция и внезапная потеря места ссылки побудили правительство к совершенствованию данного вида наказания.

Настоящим трендом предреформенных лет стало привлечение профессиональных медработников к совершенствованию режима и условий содержания в местах заключения. В 1752 г. доктор Хейлз в качестве эксперимента установил на крыше Ньюгейта вентиляционную систему, приводимую в движение ветряной мельницей, что позволило снять ряд острых санитарных проблем, связанных с застоем воздуха. Врачи

---

[1] Филиппов М.А. Указ. соч. С. 4.

[2] Smith W. State of the Gaols in London, Westminster, and Borough of Southwark, L., 1776. P. 17.

[3] Smith W. Mild Punishments Sound Policy: Or Observations on the Laws Relative to Debtors and Felons, With an Account of the Frauds Practised by Swindlers, Sharpers and Others. Also, Some Clauses Necessary in Any Future Insolvent Act; and a Plan for the Relief of Poor Distressed Families and Others. L., 1777. P. 32.

неизменно входили в официальные комиссии по обследованию тюрем. Активным сторонником реформирования тюрем был основатель Эдинбургского королевского медицинского общества квакер Джон Фозергилл. В 1740-е и 1770-е годы доктор Фозергилл приобрел огромный опыт в борьбе с эпидемическими заболеваниями и стал одним из самых популярных практикующих врачей в Лондоне. Свой опыт и знания он использовал во время инспекций мест заключения. Фозергилл выступал сторонником принудительного труда и даже предложил в 1776 г., чтобы арестанты занимались распилкой камня, который пойдет на строительство тюремных камер, непременно в публичных местах – для достижения христианских предписаний и в назидание остальным[1]. Еще один врач, Уильям Смит, по собственной инициативе посещал тюрьмы округа, в котором вел практику, и выразил свои взгляды в брошюре «Обоснованная политика по смягчению наказаний»[2]. Смит предложил реформировать тюрьмы в «дома наказания», которые он на итальянский манер называл «карчерари»[3], высказался в пользу организованного труда и религиозного обучения осужденных.

Во время своих заграничных путешествий Дж. Говард уделял особое внимание наличию врача или фельдшера *в штате* посещаемых тюрем, скрупулезно фиксировал круг его обязанностей, размер денежного содержания. По замыслу Говарда врач не только должен был заниматься лечением непосредственных больных, но и следить за качеством пищи, воды и воздуха. Развитие эпидемиологии и изучение механизмов распространения заболеваний в местах скопления большого количества людей на ограниченной территории привели к предположению о взаимной связи между тюремной лихорадкой и «черными ассизами», о которых мы упоминали в главе II. Врачами-реформаторами были разработаны

---

[1] Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. P. 142.

[2] Smith W. Mild Punishments Sound Policy...

[3] *Итал*. Carcerari.

подробнейшие рекомендации по ежедневной дезинфекции камер и мест общего пользования, а также строгие требования к гигиене арестантов, на основе которых в 1774 г. парламент принял закон о необходимости переодевать заключенных в чистое белье перед отправкой в суд[1].

В течение века предпринимались последовательные шаги по законодательной регламентации религиозного служения в тюрьмах. Благочестивая традиция направлять священника в тюрьму или брайдуэлл для совершения обрядов, чтения проповедей и организации благотворительной помощи эпизодически закрепляется в крупных английских тюрьмах с конца XVII в. Более ранние упоминания о «капелланах Ньюгейта» встречаются в различных публицистических источниках. В непосредственные обязанности священника, назначенного в главную государственную тюрьму, входило исповедание приговоренных к смертной казни, проведение необходимых таинств накануне повешения. Мы уже ссылались на исследование А. Кришера, по мнению которого «армия капелланов и тюремщиков» пытались добиться от осужденных на казнь предсмертного признания и покаяния, чтобы обеспечить «дополнительную легитимацию» ритуалу высшей меры, вершимому от лица государственной власти [2]. Британский историк В. Гэтрелл убежден, что ньюгейтские священники часто выступали в качестве посредников между преимущественно безграмотными преступниками и властью, к которой осужденные обращались с письменной просьбой о помиловании и милосердии. По мнению историка, при должном и своевременном обращении более 90 % приговоренных к высшей мере могли рассчитывать на помилование[3].

---

[1] An Act for preserving the health of prisoners in gaol and preventing the gaol distemper, 1774. 14 Geo. III, c. 59.

[2] Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches. Washington-Baltimore, 2012. P. 92.

[3] Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1996. P. 574.

Ради справедливости отметим, что собирательная репутация у ньюгейтских тюремных священников, запечатленная в репрезентативных источниках, часто не соответствовала образу ревностного служителя Христа. К примеру, Т. Брей после инспекции Ньюгейта в качестве рекомендаций посоветовал назначать в тюрьмы священника только с одобрения епископа Лондонского, причем это должны быть «не молодые богословы или люди с распущенной печенью, какие иногда бывают в тюрьмах», а трезвые и благочестивые священнослужители, готовые к добросовестному исполнению своих обязанностей [1]. Скепсис и отвращение вызвал тюремный капеллан у художественной героини Д. Дефо Молль Флендерс, которая заметила «как этот жалкий человек утром проповедует мне чистосердечное признание и раскаяние, а в полдень хлещет водку и напивается пьян»[2]. В обобщенных материалах о состоянии тюремного дела в мировой практике (1867) в разделе «Религиозное устройство» один из докладчиков весьма негативно оценил «случайных свободных священнослужителей-назначенцев» времен «до Джона Говарда» как «нерадивых субъектов, которые были готовы разве что распить бутылку джина или перетасовать колоду карт со своей паствой, а по воскресеньям пробормотать проповедь в комнате отдыха… Да и что он мог тогда поделать, даже если бы был прилежен в своем служении, – задается вопросом докладчик. – Пьянство и необузданный разврат, царивший в тюрьме, сломили бы дух самого рьяного священника»[3].

Капелланы сами жаловались Дж. Говарду на отсутствие строгой дисциплины в местах заключения как препятствие их пастырской работе. В некоторых тюрьмах реформатор задавал священнику вопрос: «Почему на службе было так мало заключенных?» – и получал ответ: «Они пьют со

---

[1] An Essay towards the Reformation of Newgate… P. 40.

[2] Дефо Д. Указ. соч. С. 246.

[3] Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany,1867. P. 184–185.

своими сокамерниками»[1]. В лондонском Ньюгейте филантроп отметил «чистую и аккуратную часовню», регулярные богослужения и капеллана на постоянной работе, однако шум со двора, постоянно прерывающий богослужение, навел реформатора на мысль, что отсутствие дисциплины сводит на нет все попытки религиозного обращения осужденных[2]. Говард сделал вывод: пока религиозное воспитание не станет *обязательной* частью тюремного режима, надеяться на самостоятельное «обращение грешных душ» не представляется возможным.

Вплоть до 1770-х годов тюремное служение никак не регламентировалось и балансировало на грани между личной миссионерской инициативой и произвольными указаниями муниципальных властей и местных клириков. С началом миссионерской практики в тюрьмах адептов «Святого клуба» имели место конфликты между представителями англиканской церкви и методистами. Например, в дневнике Джона Уэсли сохранилась запись, датированная 1740 г.: «Мне хотелось пойти и помолиться с тем, кто посылал за мной несколько раз, – с узником Новой тюрьмы [тюрьма в районе Детфорда. – *С.В.*], приговоренным к смертной казни, которая должна была состояться через несколько дней. Я пошел; но тюремщик сказал, что викарий местного прихода запретил нашу встречу»[3]. Возникает вопрос, на каком основании приходской священник имел полномочия запретить эту встречу? Подобные актуальные проблемы, связанные с наличием и прояснением статуса тюремного капеллана, определением его компетенции, а также регулированием форм организации его деятельности нуждались в нормативном оформлении.

В 1773 г. в Англии был принят первый закон, регламентирующий деятельность тюремных священников, – «Акт предоставления священнослужителям официального права служить в тюрьмах в части

---

[1] Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. 4th ed. L., 1792. P. 28.

[2] Ibid. P. 214.

[3] The journal the reverend John Wesley, A. M., sometime fellow of Lincoln College, Oxford: from October 14, 1735, to November 29, 1745. L., 1829. P. 285.

Великобритании под названием Англия»[1]. Первая статья этого закона предписывала учредить «священников с достойным содержанием с целью надлежащего исполнения своих обязанностей, способных облегчить страдания лиц под арестом, что в значительной степени будет способствовать укреплению нравственности и религии». Под «достойным содержанием» подразумевалась оплата, «не превышающая 50 фунтов в год», в этой же статье было указание на исполнение религиозных обязанностей по *обрядам англиканской церкви*. Вторая статья возлагала финансовые обязательства по выплате жалованья тюремным капелланам на бюджет магистратов, третья – вменяла в обязанность назначение священнослужителя на должность местным властям.

Инспектируя английские тюрьмы, в том числе на предмет исполнения данного закона, Говард встретил капелланов только в крупных окружных тюрьмах. Зафиксировав размер денежного содержания тюремных капелланов, характерный для различных районов страны, автор обнаружил самую низкую зарплату священника – 5 фунтов[2] и предельную по закону – 50 фунтов[3], в большинстве графств она составляла 20–40 фунтов в год. Некоторые капелланы «выставляли счет за услуги», в ряде тюрем работу тюремного священника финансировали местные благотворители[4]. При посещении лондонского Брайдуэлла была сделана примечательная запись: «Мне было жаль слышать во время моего визита в 1776 г., что последний капеллан м-р Брук, который регулярно совершал богослужения дважды в неделю и имел зарплату только в 20 фунтов стерлингов, был уволен. Он бы продолжил служение и без зарплаты, но его работа была

---

[1] An Act for providing clergymen to officiate in Gaols within that Part of Great Britain called England, 1773. 13 Geo. III, c. 58.

[2] Howard J. Op. cit. P. 354. Тюрьма в Шрусбери графство Шропшир.

[3] Ibid. P. 264. Тюрьма в Мэйдстоун графство Кент. P. 301; Тюрьма в Ипсвич графство Суффолк.

[4] К примеру, интересная пометка была сделана им при описании тюрьмы в Линкольне: оплата священнику – 5 фунтов, а еще 35 фунтов – по наследию Ребекки Хэффи. Ibid. P. 326.

однозначно прекращена приказом»[1]. Очевидно, что первый принятый в этой сфере нормативный акт носил скорее декларативный, нежели строго регламентирующий характер. В зарубежной историографии закон 1773 г. вообще не считают «важной вехой пенитенциарного реформирования» ввиду того, что эта санкция не получила широкого распространения и не привела к *повсеместному* закреплению должностей врача и капеллана в тюрьмах Великобритании[2]. Тем не менее законодательный акт 1773 г. впервые ввел должность священника в штат тюремной администрации.

С течением времени закон претерпевал поправки, связанные с увеличением предельного жалованья тюремных священников в 1782 г. до 100 фунтов стерлингов в год[3], в 1815 г. – до 120 фунтов[4]. Назначение капелланов и их содержание продолжали оставаться в ведении магистратов, Закон 1818 г. разрешил местному духовному начальству назначать одного капеллана на службу в несколько учреждений, например в тюрьму и дом коррекции, в пределах одного округа[5]. Перечисленные акты неизменно подтверждали обязательную принадлежность тюремного капеллана к англиканской церкви. Такое ограничение действовало до 1863 г., когда впервые было разрешено принимать на должности тюремных капелланов представителей Римско-католической церкви и Церкви методистов[6].

Так постепенно формируется штат будущей тюремной администрации, готовой обеспечивать режим в качественно новых

---

[1] Ibid. P. 286.

[2] The Oxford History of the Prison... P. 77.

[3] An Act for the amending and rendering more effectual the Laws in being relative to Houses of Correction. 1782. 22 Geo. III, c. 64.

[4] An Act for enlarging the Powers of Two Acts of His present Majesty, for providing Clergymen to officiate in Goals and Houses of Correction within England and Wales, 1815. 55 Geo. III, c. 48.

[5] An Act to amend an Act of the fifty-fifth year of his present Majesty, as relates to the salaries of clergymen officiating as chaplains in houses of correction, 1818. 58 Geo. III, c. 32.

[6] Religious Instruction of Prisoners; amending the Law relating to the Religious Instruction of Prisoners in County and Borough Prisons.1863. 26 & 27 Vict, c. 79.

реформаториях. Важной вехой стал Закон 1774 г.[1], который окончательно запретил «содержание» тюремщиков за счет своих должностей и определил заработную плату тюремным чинам из муниципального бюджета, что фактически означало оформление государственной пенитенциарной службы.

К середине 1770-х годов общественная дискуссия о необходимости кардинальной реформы английской системы исполнения наказаний окончательно переходит в плоскость парламентской полемики и законодательных инициатив. Лоббирование первого пенитенциарного статута связывают с активной деятельностью молодого парламентария Уильяма Идена и его политической группировки. С 1774 по 1793 год Иден был представителем Вудстока в Парламенте, и именно на этот период приходится его правотворческая деятельность, увенчанная знаменитым Пенитенциарным статутом 1779 г. Еще в 1771 г. молодой юрист создал свой главный труд «Принципы уголовного закона»[2], в котором весьма отчетливо угадывается мощное влияние взглядов Ч. Беккариа, отраженных в трактате «О преступлениях и наказаниях». В подражание итальянскому мыслителю, который утверждал, что гораздо эффективней заниматься превенцией и профилактикой преступлений, нежели дальше совершенствовать систему суровых наказаний, У. Иден придерживался аналогичного тезиса: «Высшая цель уголовного законодательства – сдерживать преступность, а не карать преступника» [3] . В своем трактате Иден выступил резко против законодательства «Кровавого кодекса» и смертной казни как меры наказания. Не меньший скепсис вызывала у него практика ссылки как ввиду «ограниченного эффекта воздействия на правонарушителей», так и с позиции «удаления полезных работников из британской экономики»[4].

---

[1] An Act for the relief of prisoners charged with felony, or other crimes, who shall be acquitted or discharged by proclamation, respecting the payment of fees to gaolers and giving a recompense for such fees, out of the county rates, 1774. 14 Geo. III, c. 20.

[2] Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771.

[3] Ibid. P. 7.

[4] Ibid. P. 28.

Будучи близок к американской дипломатии, У. Иден не мог не догадываться, что транспорт в американские земли балансирует на грани отмены. В «Принципах…» Иден намеренно не останавливается на практике наказания в виде лишения свободы, однако, размышляя о принудительном труде, высказывает соображение, которое станет ядром его политической программы в ходе дебатов за пенитенциарную реформу. Выступая против заключения в тюрьму за долги, когда с несчастных «выбивают» деньги, которых у них априори нет, Иден пишет: «…абсурдно вымогать денежное удовлетворение у тех, кто и так борется в крайней нужде; но не было бы абсурда во введении временного тюремного заключения с принуждением к труду; способ наказания, который укореняет привычку к трудолюбию, и в результате этой привычки такое наказание одинаково полезно для преступника и общества»[1].

Искомая идея обрела неожиданный импульс ввиду экстраординарных обстоятельств: с 1776 г. американский континент перестал принимать трансферы английских преступников. Лишившись привычного механизма «сбыта» криминальных элементов, английские власти стремительно приступили к решению вопроса за счет внутренних резервов с расчетом на скорейшую модернизацию системы уголовных наказаний. Экстренной мерой стал законопроект, внесенный Иденом и срочным порядком одобренный 23 мая 1776 г., – «Статут, разрешающий на ограниченное время использование принудительного труда для преступников, которые за определенные преступления осуждены к высылке в любую из колоний и плантаций Его Величества»[2] (кратко его именовали «Закон о халках»[3]). Закон позволил судьям в качестве наказания, альтернативного смертной казни и высылке в колонии, приговаривать преступников мужского пола

[1] Ibid. P. 264.

[2] An act to authorize, for a limited time, the punishment by hard labour of offenders who, for certain crimes, are or shall become liable to be transported to any of his Majesty's colonies and plantations. 1776. 16. Geo. III, c. 43.

[3] См.: Приложение 1.14.

к содержанию на плавучих тюрьмах с использованием их труда на верфи или по углублению дна Темзы. Судебная практика показала, что данная мера наказания оказалась востребованной, но, по понятным соображениям, временной и ограниченной в применении. В последней четверти века судьи все реже прибегали к назначению смертной казни: например, в графстве Суррей в 1776–1778 гг. виды наказания, альтернативные смертной казни – «халки», исправительный дом, порка, позорный столб – в совокупности составляли 88 % приговоров в уголовно-исполнительной практике[1].

Осознавая временность «Закона о халках», Иден срочным порядком приступает к разработке альтернативного законопроекта, заимствовав ключевую идею принудительного труда осужденных, в стремлении сделать таковой, с одной стороны, экономически выгодным для казны, с другой – рассматривать его в качестве исправительной меры. К разработке *Билля о принудительном труде* Иден привлек оксфордского профессора, автора «Комментариев к законам Англии» Уильяма Блэкстона – самого, пожалуй, именитого на тот период английского правоведа. Биллем предусматривалось создание «по всей Англии» качественно новых учреждений для исполнения уголовных наказаний – *Домов принудительного труда*[2]. Канадский исследователь Л. Тронесс ссылается на переписку У. Идена и У. Блэкстона, где последний в качестве возможного варианта предлагал названия «*эргастулы*» [3] и «*пенитенциарии*» [4]. Впоследствии обозначение «*пенитенциарий»* в качестве исправительной тюрьмы закрепилось в правовом тезаурусе практически всех европейских стран.

Дома принудительного труда планировались к постройке на удаленных от мест проживания территориях и предназначались для

---

[1] Beattie J.M. Crime and the Courts ... P. 567.

[2] *Англ.* Hard-Labour House, или краткая форма Labour-houses – Дома труда.

[3] *Лат.* ergastulum – мастерская, каменоломня. В Древнем Риме помещение для содержания опасных или провинившихся рабов в виде подземной тюрьмы или ямы, в которой закованные в цепи рабы выполняли особо тяжелые работы.

[4] Throness L. Op. cit. P. 149.

отбывания наказаний осужденных и «содержания честных бедняков». Вместимость Домов труда для каждого округа рассчитывалась из среднегодового количества осужденных по округу, умноженного на три (что объяснялось тем, что в среднем каждый осужденный предположительно проведет в исправительном учреждении не менее трех лет). Таким образом, проект предполагал беспрецедентно масштабное возведение специализированных учреждений по всей стране, максимально приближая место исполнения наказания к месту вынесения приговора.

В соответствии с проектом Билля каждый Дом труда предположительно включал: помещения для осужденных, мастерские и складские помещения, больницу с изолированным двором, несколько одиночных камер (или штрафных подземелий), часовню, кладбище и квартиры для тюремного персонала. По возможности вокруг предполагалось разбить сад и огород для снабжения осужденных свежими овощами и фруктами. Для устройства Дома труда и его введения в работу назначается комитет из местных представителей судебной власти и чиновников, которые подбирают тюремный штат: два конвойных офицера, один управляющий, капеллан, врач, кладовщик, мастер – руководитель работами, тюремный смотритель и «другие должностные лица на усмотрение комитета». Компетенция управляющего распространялась на административную и экономическую деятельность Дома труда: контракты на оборудование, право реализации готовой продукции, контроль доходов и расходов и строгая финансовая отчетность[1].

Особый раздел Билля определял виды преступлений и сроки, назначаемые за них: за мелкое воровство – не более двух лет, за состав преступлений, за совершение которых ранее приговаривали к ссылке, –

[1] Текст статей Билля восстановлен по изданию: Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. L., 1778.

от года до семи лет. При распределении осужденных на работу учитывались три основные характеристики: здоровье, пол и возраст. С учетом всех обстоятельств осужденные могли быть привлечены к работе двух классов, соответствующих разным степеням физической силы: первый – самая тяжелая работа (работа на мельнице со ступальным колесом, кузнечные, столярные, металлургические ремесла)[1]; второй класс – «менее трудоемкая работа» (изготовление мешков и веревок, прядение и вязание).

Биллем четко регламентировался внутренний режим содержания осужденных, условия труда, сна и отдыха, дисциплинарные взыскания и поощрения. Выдвигались строго единообразные требования к одежде арестантов, равно как к приему и составу пищи, где исключением могло быть только предписание врача. Проект предусматривал раздельное содержание мужчин и женщин «без права на общение ни под каким предлогом». Во время работы было рекомендовано минимальное общение осужденных между собой: если работа парная, то двое осужденных находятся в паре не более двух дней, если работа требует б*о*льшего коллектива, то в мастерской постоянно находится надсмотрщик. На ночь всех арестантов надлежало развести по одиночным камерам.

Безусловным новаторством проекта был раздел о сопровождении осужденных после освобождения. Фактически речь идет о постпенитенциарном патронате, который станет важным вектором пенитенциарного реформизма XIX столетия. Одно из самых ранних предложений, обнаруженных нами, встречается у Т. Брея, который рекомендовал обеспечивать освободившихся из Ньюгейта «старых и неисправимых заключенных» работой, по возможности распределяя их между работными и исправительными домами. Такая мера для него была не столько намерением их трудоустройства, сколько необходимостью постоянного надзора для сведения к минимуму возможности рецидива. «Реформированных» арестантов, «кто соблюдал режим и правила

[1] См.: Приложение 1.15.

заключения и подавал надежды на честную жизнь», Брей предложил наделять небольшим капиталом или поддерживать публичным объявлением в газете о необходимой «помощи в получении средств к существованию»[1]. В начале XVIII в. такая идея казалась удивительной и даже абсурдной, однако ввести ее в контент реформы спустя три четверти века в качестве нормы, отразившей намерения законодателя, было более чем своевременно. Предложение включало в себя обеспечение бывшего арестанта гражданской одеждой и денежным содержанием в размере не более пяти фунтов или не менее сорока шиллингов, но главное: «если он вел себя хорошо во время своего заключения, сотрудники должны выдать ему соответствующе оформленное свидетельство».

Последние разделы, посвященные домам принудительного труда, регламентируют ответственность различных чинов тюремного штата, меры дисциплинарного взыскания, которые допустимо применять к осужденным за нарушение внутреннего режима, (телесные наказания, содержание в карцере на хлебе и воде на срок до 10 дней). Предложения законопроекта предусматривают деление арестантов на классы на основе данных об их поведении и выраженной тенденции к исправлению. Мерой дисциплинарного взыскания может быть перемещение из высшего класса в нижний, мерой вознаграждения – повышение класса. Такая практика станет основой прогрессивной ирландской системы тюремного содержания лорда Крофтона только во второй половине XIX в.

Сложно предположить, каковы были форма и степень участия У. Блэкстона в разработке проекта Билля. Автор биографического исследования о сэре Блэкстоне Д. Локмиллер считал этот эпизод причастности профессора к законотворчеству «фазой его жизни, проигнорированной критиками»[2]. Л. Тронесс убежден в том, что работа над проектом не имела особого значения для профессора Оксфорда

---

[1] An Essay towards the Reformation of Newgate… P. 38–39.
[2] Lockmiller D. Sir William Blackstone. Chapel Hill, 1938. P. 128.

и практически остановилась, когда У. Иден отбыл в апреле 1778 г. на американский континент, где он участвовал в работе комиссии по переговорам с восставшими колониями[1].

В конечном итоге Билль о принудительном труде 1778 г. не прошел парламентские слушания, однако сама идея, вброшенная в контекст реформ, осталась в нем в качестве фундаментальной. Историк Симон Деверо, внимательно изучивший материалы парламентских прений 1775–1779 гг., ссылается, по крайней мере, на еще три проекта, в том числе оппозиционеров группировки Идена, которые так или иначе базировались на идее принудительного труда[2]. Причем в качестве аргументативной стратегии парламентарии прибегали как к реформаторскому дискурсу, характерному для группировки У. Идена, так и к консервативному нарративу: «… из двух видов наказания предпочтительнее тот, который является более выгодным с точки зрения примера, в таком случае, наказание смертью является наиболее сильным, но кратковременным, в то время как тяжкий труд – длительным, и значит более устрашающим для того, кто опасается постоянного труда, нежели краткого мига смерти»[3].

Проект Билля о принудительном труде вдохновил еще никому не известного адвоката Дж. Бентама на создание своего первого авторского комментария к нормативному акту[4]. Подготовка Билля совпала с выходом в свет нашумевшего труда Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», оказавшего сильное влияние и на молодого Бентама. Тот, уже изрядно разочаровавшийся в адвокатской практике, но вдохновленный успехом своего первого (анонимного) публицистического этюда, решился на первый в его карьере комментарий законопроекта. Бентам адресует свои предложения У. Идену и У. Блэкстону, но во введении ссылается на

---

[1] Throness L. Op. cit. P. 147–148.

[2] Devereaux S. The Making of the Penitentiary Act, 1775–1779 // The Historical Journal. Vol. 42. 1999. №. 2. P. 430–432.

[3] The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. Vol. XIX. L., 1813. P. 242.

[4] Bentham J. Op. cit.

поразившую его работу Говарда: «Когда я прочитал книгу мистера Говарда о тюрьмах, одной из ее уникальных идей была такая система наказания, при которой одиночное заключение может быть объединено с трудом. Это капитальная реформа уголовного закона, которую я жаждал бы увидеть… Это дало мне импульс выдвинуть предложения по усовершенствованию»[1].

Трактат Бентама составлен таким образом, что сначала идет раздел соответствующего законопроекта, что позволяет нам восстановить уникальный исторический документ – проект Билля о принудительном труде, а затем комментарии автора – рассуждения, предложения по оптимизации, критические замечания. Существующая система наказаний, по мнению автора, не отвечает ни принципам максимации, ни принципам соразмерности и справедливости. Все комментарии к разделам Билля будут пронизаны почти фанатичным стремлением Бентама обеспечить оптимальные и *равные для всех* условия наказания. Автор комментария постоянно обращает внимание на дихотомическую сущность уголовного наказания – кара и исправление – и стремится найти баланс этих двуединых целей. Например, анализируя дисциплинарное назначение карцеров и подземелий, он согласен с тем, что законодатель ни в коем случае не должен упускать из виду вопрос *устрашения наказанием,* но в то же время призывает разумно «дозировать» это устрашение, например, лишая дневного света, ни в коем случае не лишать свежего воздуха или вообще ограничить дисциплинарное воздействие такими методами, как одиночная камера и строгая диета, не вынуждая несчастного «спускаться к центру земли»[2].

Заслуживают отдельного внимания рациональные суждения о средствах и источниках мотивации арестантов к труду, которые тюремный персонал должен использовать. Бентам указывает на две потенциальные выгоды от использования принудительного труда – *экономическую* и *нравственную,* предполагающих исправление морали

---

[1] Ibid. P. ii-iii.

[2] Bentham J. Op. cit. P. 17–20.

осужденных приучением к целенаправленной и постоянной работе. Два общеизвестных средства мотивации – *устрашение* и *вознаграждение*. Устрашение, на первый взгляд, более эффективно, и оно, безусловно, дешевле. Однако мыслитель предостерегает от чрезмерного устрашения осужденного наказанием в стремлении «выжать» из него максимум труда для достижения экономической выгоды. Дальше идет пассаж, который обличает в молодом публицисте будущего классика утилитаризма: «Человек всегда может подавить в себе, без возможности обнаружения, значительную часть способностей, которыми он на самом деле обладает, и задушить в зародыше весь потенциал, которым он мог бы обладать в будущем. Поэтому, чтобы извлечь весь труд, который можно получить от него [осужденного. – *С.В.*], необходимо применять вознаграждение в помощь наказанию; не только наказывать его за то, что он не соответствует очевидной мере его способностей, но и награждать за то, что он превысил *свой* предел. Таким образом, обращаться к его чувствам, наиболее гуманно и, в конечном итоге, более разумно и эффективно»[1].

Практически первым из европейских мыслителей Бентам поднимает вопрос о конфессиональных различиях арестантов и равноправном доступе осужденных к «благам религии». Закон 1773 г., который предписывал штатному капеллану исполнять религиозные обязанности только по обрядам англиканской церкви, на момент создания Комментария уже действовал, что вызвало у Бентама обоснованный вопрос о максимации полезности для представителей иных христианских деноминаций и сект: «Невозможно, – пишет он в комментариях, – создавать бесконечно столько часовен, сколько сект в обществе... И может ли принадлежность к секте быть предлогом к непосещению обязательных воскресных и праздничных молитв?» Но ведь тогда арестанты будут проводить это время в праздности, предается размышлениям философ, и тут же сам себе отвечает: «…я не

[1] Ibid. P. 25–29.

верю, что на сегодняшний день есть какая-то секта, считающая греховным просто присутствовать на богослужении, проводимом в соответствии с обрядами англиканской церкви. Я полагаю, что таких, на самом деле, мало, но даже в этом случае мне думается, что лучше посещать богослужение, чем вообще ничего не делать»[1].

М. Стецкевич, исследовав отношение философа к официальному учению Церкви отмечал, что уже в ранних работах Бентам подчеркивал, насколько часто требования религии «далеко отступают от совпадения с требованиями полезности» [2]. В Комментарии Бентам либерально предусмотрел, как обеспечить доступ к благам религии евреям, «с их постоянными домашними обрядами», католикам, «с их многочисленными таинствами», а также индусам и магометанам: «Единственное, что я могу придумать, чтобы потворствовать этим людям, – это иметь в королевстве по одному Дому труда для всех осужденных этого вероисповедания. В таком случае было бы разумно, если бы еврейская община брала на себя расходы конвоирования до этого учреждения. Там, кстати, могли бы тогда быть и свои раввины, и их собственные повара и мясники»[3].

Завершается Комментарий Бентама оригинальными рекомендациями, выходящими за рамки статей Билля. Например, на дверях Домов труда автор предлагает разместить лозунги: «Если бы Вы были трудолюбивы, когда были свободны, то не тянули бы лямку, как рабы»; «Насилие и жульничество – дорога к рабству» [4]. Эффект последнего девиза реформатор предлагал подкрепить визуально: по единому шаблону для всех Домов труда отливается барельеф или картина, на которой изображены волк и лиса, прикованные вместе к тяжелой телеге, и возница с кнутом. На заднем

---

[1] Ibid. P. 74–75.

[2] Стецкевич М.С. Джереми Бентам и Церковь Англии // Диалог со временем. 2009, Вып. 26. С. 129.

[3] Bentham J. Op. cit. P. 76.

[4] Had they been industrious when free, they need not have drudged here like slaves; Violence and knavery are the roads to Slavery // Ibid. P. 110.

плане стая волков (символизируют насилие и жестокость) разоряет стадо овец, а лиса (хитрость и мошенничество) наблюдает за курятником[1].

Общее впечатление, которое в целом производит «Комментарий…», не позволяет считать Бентама ревностным сторонником идеи исправления преступников. Например, Бентам искренне считал религиозное чтение и беседы (то есть практику, которую Дж. Говард и его последователи ставили во главу угла тюремного режима) пустой тратой времени, выражая глубокий скепсис по поводу целительных возможностей религиозного обучения. Картинка барельефа и содержание лозунгов говорят о том, что для Бентама б*о*льшее значение имеют *последствия*[2] тех или иных действий преступника, а не мотивы их совершения. Возница с кнутом и тяжелая телега предупреждают о последствиях противоправного поведения, насилия и хитрости. Ранние размышления философа о проблеме преступности впоследствии разовьются в консеквенциализм[3] – моральную теорию наказания, которую противопоставят архаичному ретрибутивизму. Если преступник нарушил правила общества, он для него опасен и должен быть помещен в тюрьму: как в качестве наказания, так и чтобы предотвратить опасность. Но когда преступник уже в тюрьме, надо по возможности минимизировать страдания и максимизировать полезность, то есть дать ему возможность получить образование или профессию, заработать трудом средства к честному существованию. Если в конце концов он вернется в общество нормальным гражданином, и ему, и обществу будет только лучше. Таким образом, оправданием наказания может служить убеждение в том, что хорошие результаты (исправление и потенциальное сдерживание возможных преступлений) превысят отрицательные последствия.

Проект Билля 1778 г. не воплотился в законе: очевидно, что возведение Домов труда в каждом округе, да еще и с расчетом на количество

---

[1] Had they been industrious when free… P. 111–112.
[2] *Англ.* consequence.
[3] От. *лат*. consequens – последствие, вывод, результат.

арестантов, втрое превышающее среднегодовое количество осужденных по округу, наверняка представляло бы фантастическую для бюджета сумму. Однако, с точки зрения истории идей, Билль о принудительном труде стал некой квинтэссенцией целого комплекса намерений, компактно соединил все философско-правовые и религиозные искания мыслителей и реформаторов предшествующего поколения: наказание, исправление, выгода. Для Бентама это была первая практика прикладного правоведения. Молодой барристер не так давно, к сожалению отца, завершил адвокатскую карьеру и только начинал пробовать себя в качестве теоретика-законотворца. Учитывая, какой дальновидностью обладали его предложения, какую актуальность имеют многие из них даже сегодня, можно заключить, что Бентам определился с миссией, которой посвятит долгую жизнь. Многие инициативы Билля о принудительном труде, равно как дополнения Бентама, воплотились в практиках наказания во второй половине XIX–XX вв., что подтверждает предположение С. Финера об экстраполяции идей Бентама из реформизма XVIII в реформизм XIX столетия[1]. Введенная в таком обобщенном виде в контент пенитенциарных реформ, идея принудительного труда трактовалась реформаторами XIX в. утилитарно «по-бентамовски», освобожденная от религиозного фанатизма или излишних меркантильных планов на бесплатный труд арестантов.

Уильям Иден, отсутствовавший на парламентских прениях вокруг Билля, вернулся из американской поездки в конце декабря 1778 г. Его возвращение к парламентской работе совпало с рассмотрением очередного доклада о состоянии тюрем, халков и брайдуэллов[2]. Парламентский комитет по вопросам преступности также рассматривал предложения по замене места ссылки. Оппоненты группировки Идена предлагали в качестве вариантов Гибралтар, Гамбию и Сенегал[3].

---

[1] Finer S.E. The Transmission of Benthamite Ideas, 1820–1850 // Studies in the Growth of Nineteenth-Century Government / ed. by G. Sutherland. L., 1972. P. 11–32.

[2] Journals of the House of Commons. Vol. XXXVII. P. 53.

[3] Oldham W. Britain's Convicts to the Colonies. Sydney, 1990. P. 68.

Приступая в спешном порядке к разработке альтернативного законопроекта, Иден привлек к работе вернувшегося из заграничного путешествия и прогремевшего на всю Европу первым изданием своей книги Джона Говарда. Полное название фундаментального эмпирического исследования «Состояние тюрем Англии и Уэльса с предварительными наблюдениями и обзор некоторых иностранных тюрем и больниц». Объем труда – более пятисот страниц, из которых свыше четырехсот – статистическое описание различных мест заключения. Говарду не без причины принадлежит заслуга основания социологического метода в криминологии, суть которого заключается в изучении социальных явлений в их конкретном проявлении, в конкретных условиях места и времени, выявлении состояния общественных отношений и их потребности в юридических нормах не на уровне абстрактных категорий, а на базе конкретных фактов[1]. В данном случае местом и временем стали учреждения тюремного содержания Великобритании и континентальной Европы середины XVIII в., а общественными отношениями, нуждающимися в изменении юридических норм, – условия заключения и обращения с арестантами. Говард обобщил опыт практик наказания Голландии, Германии, Дании, России, Швеции, Польши, Италии, Швейцарии, Австрии, Португалии, Испании, Франции[2]. Более трехсот страниц книги посвящено детальному описанию конкретных тюрем и исправительных домов Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Представлены обзоры отдельных практик наказаний: лишение свободы (каторга, ссылка, заключение), учреждений (халки, брайдуэллы, тюрьмы). Отдельно рассматриваются особенности содержания военнопленных [3], внимания заслуживают заметки Говарда-врача, посвященные угрозе распространения

---

[1] Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 1 : Общая часть. М., 2016. С. 279.

[2] Howard J. Op. cit. P. 44–183. См.: Приложение 1.16.

[3] Ibid. P. 184–194

тюремной лихорадки и предложениям по ее купированию и лечению[1]. Далее следуют таблицы с подробными данными о численности арестантов, заработной плате персонала, количестве осужденных за долги и прочая информация[2] в таком объеме, что даже внимательный и заинтересованный исследователь приходит в замешательство от многочисленных инструкций внутреннего порядка, детализированных данных о размере пайки хлеба в разных учреждениях и колебаний заработной платы офицеров и управляющих. В целом работа полностью подтверждает статус серьезного социолого-криминологического исследования, являясь настоящим кладезем статистического материала.

Исследование вышло с посвящением Палате общин[3], однако обилие информации и ее детализация вызывают обоснованные сомнения в том, что парламентарии серьезным образом проштудировали все обзоры. Создается впечатление, что все четыреста шестьдесят страниц служат внушительной эмпирической базой для первых трех секций «Общий обзор бедственного положения в тюрьмах»[4], «Дурные привычки»[5] и «Предполагаемые улучшения в структуре и управлении тюрьмами»[6]. Именно на этих четырех десятках страниц Говард не только обобщил и систематизировал все проблемы состояния английских тюрем, обозначенные просветителями и политиками задолго до его путешествий и инспекций, но и предложил готовую «стратегию», за которую ухватились Иден и другие законотворцы. По мнению американской исследовательницы В. Балч-Линдси, Джон Говард заложил основы комплексной методики оценки состояния тюрем, «подкрепив высоконравственное общественное негодование статистической

---

[1] Ibid. P. 467–468.

[2] Ibid. P. 470–492.

[3] С глубоким почтением уважаемой Палате общин в знак благодарности за поддержку данного проекта и за честь, которую они оказали автору, эта книга посвящается. Джон Говард.

[4] Howard J. Op. cit. P. 4–11.

[5] Ibid. P. 12–18.

[6] Ibid. P. 19–43.

достоверностью, в результате чего в следующее десятилетие движение за тюремную реформу стало одним из выдающихся крестовых походов»[1].

Глава «Предполагаемые улучшения в управлении тюрьмами» открывается предложениями по организации внутреннего пространства тюремного учреждения: общие коридоры, камеры расположены таким образом, чтобы обеспечить продвигаемую Говардом идею строгого деления арестантов на категории по полу, возрасту, составу преступлений. В обзоре заграничных тюрем филантроп высоко отзывался о системе одиночного заключения, наблюдаемой им в тюрьме Ватикана, которую он называл *Silentium*[2]. Для английских мест лишения свободы он предлагал режим одиночного содержания там, где есть возможность его обеспечить, в противном случае настаивал «всевозможными средствами разделять их на ночь». Одиночество и молчание, уверял реформатор, благоприятствует рефлексии, которая может привести к покаянию[3]. В инструктивной форме врач-эпидемиолог определяет минимальные санитарные нормы тюремного содержания: насос для поставки чистой воды, баня с котлом для подогрева воды и оборудованным местом для стирки одежды, лазарет, система циркуляции воздуха[4]. Внутренне пространство тюрьмы обязательно включает в себя мастерские, где осужденные за долги имеют возможность работы в оплату долга, и церковь.

Вторая часть предложений детализирует правила внутреннего распорядка. Требования к тюремному персоналу весьма обширны: главные качества надзирателя – честность, деятельность и гуманность. Тюремный служащий должен быть примером для арестантов, противостоять пьянству и другим порокам. Говард настаивал на том, чтобы тюремные служащие постоянно находились при тюрьме, проживая непосредственно в учреждении, и несли круглосуточную ответственность за дисциплину.

---

[1] Balch-Lindsay V.S. Op. cit.
[2] *Лат*. молчание.
[3] Howard J. Op. cit. P. 22.
[4] Ibid. P. 23.

Тюремный врач и капеллан – должности, обязательные в штате любой, даже провинциальной тюрьмы, где такие служащие могут совмещать работу в нескольких учреждениях, например в тюрьме, исправительном доме и больнице. Отдельная глава посвящена вопросам контроля за деятельностью тюрем и работой тюремщиков со стороны магистратов, судей и общественности. Посещая английские тюрьмы, Говард задавал смотрителям вопрос, проверяется ли их деятельность властями, и в большинстве случаев получал отрицательный ответ. Один смотритель даже ответил ему: «Эти джентльмены думают, что если посетят мою тюрьму, то скоро окажутся в могиле»[1]. Некоторые отвечали, что представители магистрата довольствуются осмотром тюрьмы *outside* – внешне. Инспекторам надлежало проверять санитарное состояние тюрем, работу смотрителя и знание им основополагающих инструкций, беседовать с осужденными, выслушивать их жалобы и предложения[2].

Говард называл учреждения нового типа – *пенитенциарные дома*[3] и рассматривал их, в отличие от Дж. Хэнвея, не как «чистилище», а как медицинские учреждения, способные справиться с социальным девиациями, обеспечив карантин, изоляцию, профилактику и предупреждение. В завершение секции он резюмирует, что достижение поставленных целей зависит не столько от архитектурного решения, сколько от грамотного *управления* пенитенциарным учреждением. Успех исследования Говарда многие объясняют серьезным общественным резонансом его публикации. Популярность «Состояния тюрем…» основана на тех аргументах, которые филантроп смог подобрать, обращаясь к широкой аудитории. Главная заслуга его труда состояла в том, что через воззвания к христианской этике и милосердию, через доказательство того, что заключенные и преступники также имеют право на

---

[1] Ibid. P. 36–37.
[2] Ibid. P. 36.
[3] *Англ.* Penitentiary houses. Ibid. P. 43.

медицинскую помощь и исцеление души, Говард был первым, кто сдвинул с места «рычаг действия» и перевел теоретические рассуждения в область практических инициатив. Верность идеалам Просвещения и христианский альтруизм обеспечили общественную и политическую поддержку первой пенитенциарной реформы.

Тюремное заключение в качественно новых учреждениях – пенитенциариях – в сочетании с организацией принудительного труда соответствовало основным тезисам политической программы группировки Идена «добавить в наказание больше человечности и заботиться о правах личности» [1]. Так законодатель-теоретик и пенолог-практик составили продуктивный союз, и уже весной выступили с новым законопроектом, который был одобрен Королем 30 июня 1779 г. как «Акт о разъяснении и внесении поправок в законы, касающиеся перевозки, тюремного заключения и других видов наказания»[2], а современники кратко именовали «Пенитенциарный статут».

Первые статьи Пенитенциарного акта подтверждали действующие статуты и существующие виды уголовных наказаний. Статьи XXVI, XXVII и XXXIV сохраняли форму организации принудительного труда в домах коррекции, рабочих домах и Тринити-хаус на сооружениях Темзы в качестве уголовного наказания. Концептуальное новшество вносила статья V «Об учреждении управления Пенитенциарными домами», в которой было обозначено, что в наказание за преступления, за совершение которых ранее приговаривали к ссылке в колонии Его Величества, «предписано одиночное заключение, сопровождаемое надлежаще организованным трудом и религиозным обучением; это станет средством Провидения [3] не только к удержанию других от совершения

---

[1] Draper A.J. William Eden and Leniency in Punishment // History of Political Thought. Vol. 22, № 1. 2001. P. 127.

[2] An Act to explain and amend the Laws relating to the Transportation, Imprisonment, and other punishment, of certain Offenders, 1779. 19 Geo. III, c.74.

[3] *Англ.* under Providence.

подобных преступлений, но и к перевоспитанию и приучению к привычке трудиться». Так удивительно точным языком нормативно-правового акта более чем двухсотлетний путь английских интеллектуалов в поисках новой парадигмы уголовных наказаний был воплощен в норму, зафиксировавшую ожидания законодателя. В самом названии «Пенитенциарный дом» заключена основная идея покаяния/исправления, труд предписан в качестве не только наказания, но и исправления и превенции подобных преступлений, а религиозное обучение и привычка трудиться выступают прологом к ресоциализации.

Предполагалось строительство отдельных для мужчин и женщин Пенитенциарных домов (или пенитенциариев) в графствах Мидлсекс, Эссекс, Кент и Суррей. Статьи с XIV по XXIV регламентировали управление пенитенциариями: назначение смотрителей и конвойных офицеров и лимиты денежного содержания, круг должностных лиц, ответственных за регулярное инспектирование исправительных учреждений на предмет соблюдения инструкций и режима. Статья XVII гласила: «Для регулирования и управления любого пенитенциария, а также для первоначального открытия оного для приема правонарушителей избираются и назначаются директор тюрьмы, священник, врач или аптекарь, кладовщик или мастер хозяйственных дел; а в тюрьму, где содержатся осужденные женского пола, – специальная матрона». Таким образом, был определен круг должностных лиц, наличие которых в постоянном штате становилось непременным условием для открытия нового исправительного учреждения.

Детализация тюремного режима в качественно новых учреждениях начиналась со статьи XXXV «Питание и одежда осужденных» и заканчивалась статьей LXIII «Инспектирование пенитенциариев». Статьи XLII и LIX определяли обязанности тюремного священника: читать утренние и вечерние молитвы и проповеди, совершать особые богослужения в Рождество и Страстную пятницу, на которых были обязаны

присутствовать все осужденные, за исключением больных, а также сотрудники и офицеры тюремного заведения. Капеллану вменялось в обязанность с разрешения директора посещать заключенных, «которые выразили пожелания встречи или нуждаются в его духовном совете», как в камерах, так и в больничном крыле, при условии, что такое посещение не мешает режиму и не нарушает обязательные занятия трудом. К внутреннему пространству пенитенциария относились тюремная больница, сад, мастерские, хозяйственные и складские помещения, церковь или часовня. Последняя статья LXXIV предусматривала срок действия статута – 6 лет, до 1 июня 1784 г.

По иронии судьбы Пенитенциарные дома, учрежденные статутом 1779 г., так и не были построены, по крайней мере, при жизни Джона Говарда и Уильяма Идена. Система исполнения уголовных наказаний никогда не была первостепенной статьей государственного бюджета, а в условиях войны с Америкой национальные финансы стремительно утекали, не позволяя создать внутренние резервы. В переходный период при назначении уголовных наказаний судьи пользовались наработанными практиками – смертная казнь, телесные наказания, брайдуэллы и халки, а консервативные политики продолжали энергично изыскивать замену американской ссылке.

К середине 1784 г. (как раз завершался срок действия Статута 1779 г.) национального пенитенциария так и не появилось, и министр внутренних дел вынужден был признать, что «огромное количество преступников, приговоренных к тюремному заключению, которые сейчас находятся на территории Королевства, делают положение тюрем чрезвычайно тревожным... Все наши тюрьмы переполнены... и половины британского военно-морского флота, преобразованного в “Корабли правосудия”, едва хватило бы, чтобы вместить всех наших английских кающихся» [1] .

[1] Цит. по: Ekirch A.R. Bound for America: The Transportation of British Convicts to the Colonies, 1718–1775. Oxford, 1987. P. 231.

Историческим решением стало предложение Джозефа Бэнкса – врача первого путешествия знаменитого капитана Кука – рассмотреть Ботани-Бэй в далекой Австралии [1]. В 1784 г. парламент заменил Закон о пенитенциарных учреждениях обновленным Законом о транспортировке[2], и два года спустя в Ботани-Бей была основана самая известная колония английских уголовников.

Такой «провал» первого Пенитенциарного статута породил критическое к нему отношение как со стороны современников [3], так и в историографических оценках. Л. Радзинович, например, считал главной причиной Пенитенциарного статута 1779 г. кризис системы высылки преступников в американские колонии[4], что, в свою очередь, побудило другого историка, Дж. Болтона, вообще рассматривать закон как временную меру между потоками прекращением высылки в Америку и налаживанием транспортировки преступников в Австралию [5]. Отступление реформы связывали с деятельностью политических оппозиционеров группировки Идена, постоянно возвращавшихся к идее транспортировки преступников. В «Оксфордской истории тюрьмы...» читаем: «Далекий от провозглашения новой эры, Пенитенциарный Акт лишь обозначил пределы того, что можно было ожидать от национальной реформы в восемнадцатом столетии»[6].

С точки зрения нормативистского подхода, сосредоточенного на формальной стороне права, Закон 1779 г., безусловно, потерпел поражение, был свернут и не подтвердил свою эффективность, а поступательное

---

[1] Shaw A.G.L. Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and other parts of the British Empire. L., 1966. P. 43–46.

[2] An Act for the effectual transportation of felons and other offenders; and to authorize the removal of prisoners in certain cases. 1784. 24 Geo. III, c. 56.

[3] К. Грей пишет: «Бентама повеселил тот факт, что пенитенциарии так и не были построены, но он заимствовал идею на будущее» // Gray B.K. A History of English Philanthropy: From the Dissolution of the Monasteries to the Taking of the First Census. L., 1905. P. 184.

[4] Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N-Y., 1948. P. 303.

[5] Bolton G.C. William Eden and the convicts // Australian Journal of Politics & History. Vol. 26. Issue 1. 1980. P. 30–44.

[6] The Oxford History of the Prison… P. 80.

движение карательного правосудия в Англии продолжалось до середины XIX столетия. Тем не менее мы не можем не отметить очевидного противоречия между «мертвым», на первый взгляд, законом и поразительной жизнеспособностью идей его авторов. В современной зарубежной историографии оценки Пенитенциарного статута 1779 г. более содержательные и дискуссионные. Одним из первых серьезных исследований документа стала работа С. Деверо «Подготовка пенитенциарного акта, 1775–1779», в которой автор оценил статут как «одну из наиболее перспективных мер английского уголовного законодательства того времени»[1]. В качестве причины «отступления» реформы историк указывает на консерватизм парламентариев, выразившийся в постоянном возврате законодателей к идее транспортировки, который «подрывал усилия по введению Закона о пенитенциарных учреждениях»[2].

Энтони Дрэпер, исследовав философско-политический дискурс реформы, определил идейную основу Статута «драматическим сочетанием идей Беккариа с теорией общественного договора Руссо и прото-утилитаризмом Гельвеция»[3]. В свою очередь, Ф. Хардман убеждена, что Статут 1779 г. стал результатом эволюции более ранних реформистских идей, «проявлявшихся одновременно как в интеллектуальном контексте, так и в практической деятельности» начиная с XVI в.[4] Рассматривая реализацию государственной политики на местном уровне, Д. Иствуд оценил характер этого закона как «побудительный» или «декларативный», обозначивший векторы пенитенциарной реформы для местных властей[5]. Канадский историк Л. Тронесс провел анализ религиозного фундамента первого

---

[1] Devereaux S. Op. cit. P. 405.
[2] Ibid. P. 428.
[3] Draper A. J. Op. cit. P. 110.
[4] Hardman Ph.J. Op. cit.
[5] Eastwood D. Governing Rural England: tradition and transformation in local government, 1780–1840. Oxford, 1994. P. 247–248.

Пенитенциарного статута, актуализовав аналогию Хэнвея о «промежуточном пространстве между мирами» с вариантом протестантского чистилища[1].

В отечественной научной литературе анализ данного документа практически не представлен. П. Тепляшин сообщает: «Джон Говард, Уильям Блэкстоун и их единомышленники в 1779 году *попытались* [выделено. – *С.В.*] провести через парламент законопроект тюремной реформы», однако страницу спустя утверждает, что «некоторая скоропостижность в подготовке законопроекта и отсутствие необходимой общественной поддержки привели к нежелательному лоббированию законопроекта» [2]. В современных российских историко-юридических исследованиях вообще встречаются грубые ошибки в датировке закона и его предполагаемом авторстве[3] или закон не упоминается совсем.

Опираясь на представленный выше анализ юнит-идей пенитенциарной реформы в общем социально-культурном контексте эпохи, постараемся дать собственную оценку Закону 1779 г. С точки зрения истории идей первый Пенитенциарный статут стал воплощением будущей парадигмы уголовного правосудия, в соответствии с которой главная цель наказания тюремным заключением – *необходимость излечения преступника* и восстановления в нем чувства социальной полезности. Казалось бы, Акт кардинально не изменил действующие меры уголовного наказания, не отменил смертную казнь, и в последнюю четверть века английское правосудие оперировало теми же категориями, что и до Пенитенциарного статута. Но, тем не менее, именно этот законодательный акт обозначил символичную границу двух парадигм уголовного правосудия, обновление концептуальных основ уголовно-исполнительного права и переход от репрессии к пенитенциарной системе современного типа. Пенитенциарный статут появился под влиянием двух доминирующих

---

[1] Throness L. Op. cit. P. 3.

[2] Тепляшин П.В. Указ. соч. С. 37.

[3] Андреященко Р.А. Указ. соч. С. 17. Акт датирован 1799 г., а автором реформ назван Джереми Бентхам (транслитерация автора).

факторов: во-первых, идеология и теология исправительного/покаянного наказания, во-вторых – прагматизм и политическая необходимость. Два этих фактора к 1770-м годам переплелись причудливым образом: основные идеологемы укоренялись в интеллектуальном дискурсе и массовом сознании целое столетие; практическая основа реформы, оформленная пенологом Дж. Говардом, стремительно набрала сторонников в английских политических кругах.

Исследователь Р. Морган, анализируя мотивы Дж. Говарда и творцов Закона 1779 г., предположил, что для них тюрьма представлялась «тиглем, в котором можно достичь морального возрождения человека»[1]. Такое видение тюремного заключения высказывали просветители задолго до Говарда, но именно его энергичная деятельность вкупе с политической поддержкой У. Идена привели к трансформации идеи в законодательные нормы. Для этого необходимо было прибегать к разнообразным аргументам, убедительным для различных влиятельных сил. Обращение к христианскому милосердию, подчинение идеям Просвещения и гуманизма, с одной стороны, и обоснование социальной полезности – с другой – общая тенденция социальных реформаторов XVIII–XIX столетий, нацеленная на привлечение максимального количества сторонников за счет широкой пропаганды своих проектов.

Совмещение медицинских познаний с христианской этикой стало идеологическим фундаментом новой парадигмы уголовного правосудия. Подобно эпидемическим болезням, преступное поведение было признано угрозой, которую заключенные могли вынести из тюрем и «заразить» обычных граждан, особенно «уязвимую» к этому бедноту. Если преступники не станут «реформированными» до освобождения, они останутся источником «аморальной эпидемии», поскольку, по мнению современников, покинут тюрьмы «носителями заразы порока»,

[1] Morgan R. Divine philanthropy. John Howard reconsidered // The Journal of the Historical Association Vol. 62. 1977. № 206. P. 390.

«приспособленными для совершения любых злодеяний», и «с энтузиазмом примутся разводить новое поколение преступников»[1]. Таким образом, обращая внимание парламентариев на охранительную или превентивную функцию тюремного содержания, указав на потенциальную выгоду от сохранения общественного спокойствия, сторонники реформ убеждали прагматиков в «социальной полезности» пенитенциарных реформ. Так, безнравственность превратилась из неуловимой духовной угрозы в опасное заболевание и была осмыслена как непосредственная проблема, решением которой становилась продвигаемая реформаторами инициатива. По мнению Р. Поттера, Говард обратился к широко распространенному просветительскому убеждению, что «управляемая окружающая среда, нравственно ориентированная организация общества, пространства и власти» смогут усовершенствовать поведение человека, а значит, «заключение в надлежащие условия может не просто решить проблему преступления, но, в более широком смысле, дать ключ к сохранению общественного порядка»[2] посредством укрепления христианской морали и благочестия.

Для евангелистов эпохи воззвания к христианской этике и милосердию, надежда на возможность исцеления души, перспектива привести к праведности кающихся были не менее убедительным аргументами. Нарушение нравственных законов Завета привело преступника в тюремные стены. Евангелисты-реформаторы старались вселить в верующих надежду на то, что Божье прощение настигнет тех, кто истинно верит: только изменение выбранного пути отведет его от пучины страданий, мук и лишений. Но прощение достигается в упорной ежеминутной и постоянной духовной работе над собой, в способности подавить свои злые наклонности

---

[1] Fielding H. Op. cit. P. 32–33.

[2] Porter R. Howard's Beginning. Prisons, Disease, Hygiene // The Health of Prisoners. Historical Essays / Ed. R. Creese, W.F. Bynum, J. Beam. Amsterdam, 1995. P. 11.

и очистить собственную жизнь и жизнь общества в целом [1]. На это необходимо как длительное время, так и подходящее место. Заключение виделось одновременно и *местом,* и *условием* такой духовной работы – своего рода внутренним излечением.

В конечном итоге передовые пенитенциарные идеи нескольких поколений английских интеллектуалов, обобщенные Дж. Говардом и энергией У. Идена получившие нормативное выражение в Пенитенциарном статуте 1779 г., воплотили ожидания и намерения различных общественно-политических сил. Таким образом, первый Пенитенциарный статут определил «правила игры» для будущей национальной пенитенциарной системы, зафиксировав в политическом и правовом дискурсе позитивно маркированные идеологемы: исправление, превенция, организованный труд, религиозное обучение. Идеи британских интеллектуалов послужили общей программой, руководством для правящих сфер, в котором были изложены аксиомы пенитенциарного дела.

И временное «отступление» закона не отменяет его революционного значения в уголовно-исполнительной практике не только Великобритании, но и практически всех западных стран. Постепенно под влиянием этих идей система наказаний приняла четко выраженный исправительный характер, отныне ее эффективность определялась не зрелищностью пыток и казней, а пенитенциарным воздействием на личность преступника и развитием механизмов устойчивой ресоциализации.

3.3. Институционализация пенитенциарного содержания как меры уголовного наказания

Пенитенциарный статут 1779 г. задал нормативную модель: идеальную санкционированную законодателем социальную организацию

[1] Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford, 1988. P. 14.

пенитенциарного исправления. Качественно новое терминоупотребление понятия «пенитенциарий» в правовом дискурсе обозначило концептуальный разрыв с карательной парадигмой наказаний. Пенитенциарное содержание означало лишение свободы, предназначенное для «побуждения к покаянию», в качестве уголовного наказания, но с доминирующей установкой на успешную ресоциализацию. В первое пореформенное десятилетие этой структуре предстояла интеграция в социокультурное пространство Англии.

Чтобы переход к новой национальной пенитенциарной системе состоялся, местные власти, далекие от парламентских споров и политической ажитации в столице, в конечном счете должны были не только уяснить новую философию наказания, но и убедиться в том, что предлагаемая пенитенциарная модель оправдана с точки зрения огромных финансовых вложений, которых она требовала. Изучение социокультурного контекста, в рамках которого проходила опытно-экспериментальная апробация будущей системы уголовных наказаний, можно условно разделить на анализ практической реализации положений Акта 1779 г. на местном уровне и дальнейшее исследование теоретических конструктов британских интеллектуалов, создаваемых уже на основе зафиксированных пенитенциарных норм с целью совершенствования законодательства и практик.

По подсчетам Дж. Говарда, в период с 1787 по 1788 год в тюрьмах Англии и Уэльса содержалось 7482 арестанта, из которых 1937 – на халках[1], что вдвое превышало их количество в начале 1770-х годов. Рост тюремного населения стал не столько результатом действия Статута 1779 г., который обозначил пенитенциарное содержание одним из основных видов уголовного наказания, сколько утерей возможности транспортировать преступников за океан. По данным Олд-Бейли, в 1780-е годы число

[1] Howard J. An account of the principal lazarettos in Europe: with various papers relative to the plague: together with further observations on some foreign prisons and hospitals, and additional remarks on the present state of those in Great Britain and Ireland, 1789. P. 245.

приговоров к тюремному содержанию возросло по сравнению с предшествующим десятилетием более чем в 10 раз[1]; в три раза возросло число приговоров к тюремному заключению в сочетании с принуждением к труду[2]. Можно предположить, что в графствах прирост тюремного населения был соответствующий. М. Игнатьефф пришел к выводу о том, что кризис, возникший в результате возросшей численности заключенных, впервые проявился не в столице, а именно в провинции[3].

За неимением новых зданий в 1780-е годы на местах использовались уже существующие дома коррекции, места досудебного удержания, окружные тюрьмы, т. е. помещения той самой старой системы, которая была признана интеллектуалами и реформаторами порочной и «плодящей» новые поколения преступников. В соответствии с новой философией наказания местные власти пытались реформировать режим в существующих заведениях (ввести максимально возможное разобщение преступников по категориям, создать условия для труда, организовать тюремное пастырство) и параллельно модернизировать старые здания или строить новые тюрьмы.

В 1784 г. после нескольких обсуждений и поправок[4] был принят Закон, который предписывал местным властям провести осмотр окружных тюрем и принять решение о реконструкции имеющихся или постройке

---

[1] URL: https://www.oldbaileyonline.org/search.jsp?form=searchHomePage&_divs_fulltext=punishment+sentence&kwparse=and&_persNames_surname=&_persNames_given=&_persNames_alias=&_offences_offenceCategory_offenceSubcategory=&_verdicts_verdictCategory_verdictSubcategory=&_punishments_punishmentCategory_punishmentSubcategory=imprison&_divs_div0Type_div1Type=&fromMonth=01&fromYear=1780&toMonth=12&toYear=1790&ref=&submit.x=64&submit.y=10

[2] URL: https://www.oldbaileyonline.org/search.jsp?form=searchHomePage&_divs_fulltext=punishment+sentence&kwparse=and&_persNames_surname=&_persNames_given=&_persNames_alias=&_offences_offenceCategory_offenceSubcategory=&_verdicts_verdictCategory_verdictSubcategory=&_punishments_punishmentCategory_punishmentSubcategory=imprison_hardLabour&_divs_div0Type_div1Type=&fromMonth=01&fromYear=1780&toMonth=12&toYear=1790&ref=&submit.x=51&submit.y=18

[3] Ignatieff M. A Just Measure of Pain: The Penitentiary in the Industrial Revolution 1750–1850. N-Y., 1978. P. 84

[4] Journals of the House of Commons. Vol. XXXIX, P. 400, 766; Vol. XL, P. 450.

новых зданий[1]. Требования к новому строению тюрьмы в целом можно рассматривать как развитие основных принципов содержания в пенитенциарном доме, изложенных в Статуте 1779 г.: просторные отапливаемые камеры, рассчитанные на одиночное содержание (в идеале), либо разобщение арестантов по категориям, обязательное наличие лазарета, часовни и бани. Новый статут полностью переводил тюремный персонал на государственное обеспечение, строго регламентировал порядок содержания, запрещал азартные игры и алкоголь. В соответствии с данным законом с середины 1780-х до конца 1790-х годов было реконструировано и возведено свыше шестидесяти тюрем в Бодмине, Ланкашире, Оксфорде, Винчестере, Дорчестере, Честере и Мидлсексе, администрация которых, выразив приверженность «системе Джона Говарда», именовала их уже пенитенциариями[2]. В комплекс тюремных зданий были включены средства производства: ветряные мельницы, ступальные колеса, приспособления для выделки пеньки, работы с камнем и мрамором и пр. Исторически первым пенитенциарием, полностью обеспечившим одиночный режим содержания, стал реконструированный Дж. Уайтом исправительный дом Петворта, графства Суссекс[3].

Самый знаменитый эксперимент пенитенциария, полностью построенный по системе Говарда, осуществил сэр Джордж Пол в Глостершире. Пол приступил к обязанностям шерифа в 1783 г. и практически сразу с энтузиазмом подключился к работе комиссии по оценке тюремных зданий в округе. Дж. Уайтинг приводит высказывание Дж. Пола по поводу ожидаемых преобразований: «Под Реформой я имею в виду не что иное, как полное изменение всех принципов нашего режима тюремного заключения. Никакая меньшая цель для достижения

---

[1] Justices in sessions, upon presentment by the grand jury, are enabled to build and repair gaols in their respective counties. 1784. 24 Geo. III, c. 54.

[2] Evans R. The Fabrication of Virtue: English Prison Architecture, 1750–1840. Cambridge, 1982.

[3] McConville S. Op. cit. P. 92–93.

кардинальных изменений в округе нас не устроит, поскольку ничто меньшее не приведет к изменению морали и соблюдению закона, которые необходимы для общих интересов гражданского общества»[1]. Пол выразил подобострастное одобрение идеям Говарда и в короткий срок опубликовал несколько аналитических брошюр о состоянии тюрем и проблемах, стоящих перед местными властями[2]. В 1785 г. было получено королевское согласие на строительство пенитенциария в Глостере, который открылся уже в июле 1791 г. и стал самым показательным примером «системы Говарда» в действии. На памятной доске в честь сэра Джорджа Онисифора Пола в Глостерском соборе выбита надпись, гласящая, что 2-й баронет «снискал уважение местного населения, впервые применив на практике принципы, которые увековечили память Говарда», и что он «отказался от использования оков, а здоровье пришло на смену заразе, таким образом, человеческое достоинство удалось гармонично сочетать с наказанием, а предупреждение преступлений с индивидуальным исправлением»[3].

Таким образом, локальные эксперименты как с тюремной архитектурой, так и с первыми режимами исправительного содержания не позволяют констатировать полный провал реформы 1779 г., который часто связывают со срывом планов строительства двух общенациональных пенитенциариев – мужского и женского. Первый комитет по организации национальных реформаториев, в который вместе с Говардом входили реформаторы-медики Дж. Фозергил и Дж. Уэйтли, начал с поиска земельного участка, а обновленный второй комитет, куда вошли политик сэр Томас Чарльз Банбери и известный врач Томас Боудлер, объявил

---

[1] Whiting J.R.S. A house of correction. Gloucester, 1979. P. 6.

[2] Paul G.O. Considerations on the defects of prisons, and their present system of regulation: submitted to the attention of the gentlemen of the county of Gloster, in the course of their proceedings on a plan of reform. To which are added, some general reflections on the subject; addressed to the members of the legislature. L., 1784; Paul G.O. Observations on the alarming progress of the gaol or typhus fever: with a summary of means of received practice for the treatment of the disease, and preventing its further contagion/ originally printed in 1784, for the use of parish officers and other inhabitants of the County of Gloucester. Gloucester, 1817.

[3] English Prisons: An Architectural History… P. 39.

конкурс архитектурных проектов в начале 1781 г. К 1 января 1782 г. было получено шестьдесят три заявки, из которых первые места присудили: за проект мужской тюрьмы – архитектору У. Блэкберну, за проект женского пенитенциария – Т. Хардвику. Проекты были переданы лорду-канцлеру и одобрены 18 июня 1782 г. Комитет получил тендер на строительство: смета по мужской тюрьме составила 149 982 фунта стерлингов, по женской – 60 370 фунтов[1]. Курировать проекты и строительство должен был Уильям Блэкберн. По свидетельству Р. Эванса, Дж. Говард высказался о таланте архитектора примерно следующим образом: «гениальный мистер Блэкберн стал единственным человеком, способным изложить мои представления о том, какой должна быть тюрьма»[2].

Между тем острые дебаты по финансовым вопросам, утверждение новых смет, снизивших проектную стоимость мужской тюрьмы на 30 165, а женской – на 14 960 фунтов, а также выход Говарда, отбывшего в очередное европейское путешествие, из состава комитета всячески затягивали начало строительства. У. Блэкберн, снискав репутацию авторитетного специалиста по архитектуре тюремных зданий, приступил к проектам в графствах и к концу 1780-х годов он одновременно работал над строительством шестнадцати тюрем в Англии и Ирландии, начиная от небольших местных брайдуэллов в сельской местности Глостершира и заканчивая крупными городскими тюрьмами в Глостере, Стаффорде, Оксфорде, Ливерпуле и Солфорде[3].

Блэкберн остался практически единственным практикующим тюремным архитектором конца XVIII в., которому удалось воплотить идеи реформаторов в конкретных зданиях. В 1786 г., когда был осуществлен фрахт первых кораблей, увозивших «английских кающихся» в австралийскую Ботани-Бэй, Джон Джебб опубликовал работу философского

---

[1] Ibid. P. 37.
[2] Evans R. Op. cit. P. 185.
[3] English Prisons: An Architectural History… P. 42. См.: Приложение 1.17.

характера: «Мысли об архитектуре и внутреннем устройстве тюрьмы»[1]. Отвлеченный характер трактата символично обозначил некоторое снижение интенсивности практического воплощения пенитенциарных инициатив и очередной поворот реформы от практики к теоретизированию. До конца XVIII столетия более двадцати специалистов (такие как Дж. Леруа, Дж. Колл, Т. Харрисон, Дж. Фулчер, У. Хоббсон, Дж. Нэш и др.) экспериментировали с проектами будущего национального пенитенциария.

К началу XIX в. настоящим трендом становится радиальный план тюремного комплекса, на котором размещение ключевых объектов было выстроено «лучами», расходящимися от административного центра, что позволяло обеспечить одновременно функции контроля и разобщения. Радиальные конструкции были признаны удобными не только для исправительных учреждений, но также для приютов, больниц и других социальных учреждений. В таком стиле У. Старк спроектировал приют для бездомных в Глазго, Дж. Фоулстон – звездообразный сумасшедший дом в Бодмине (Корнуолл), Дж. Уордроп – тюрьму в Ливерпуле[2].

Самый знаменитый проект радиальной тюрьмы Паноптикона[3], как ни странно, принадлежит не знатоку строительного дела, но, безусловно, общепризнанному специалисту в мировой пенологии – Джереми Бентаму. Идея Паноптикона Бентамом сформулирована в серии писем из далекой России к своему другу и единомышленнику[4]. С 1786 г. Бентам по приглашению князя Потемкина, у которого служил его брат Самуил Бентам, проживал

---

[1] Jebb J. Thoughts on the Construction and Polity of Prisons, with Hints for Their Improvement. L., 1786.

[2] English Prisons: An Architectural History… P. 52.

[3] В русскоязычных источниках чаще употребляется как Паноптикум (от др. греч. всё и зрительный). В оригинале сочинений Дж. Бентама *англ.* Panopticon.

[4] Bentham J. Panopticon or, the Inspection-house: containing the idea of a new principle of construction applicable to any sort of establishment, in which persons of any description are to be kept under inspection; and in particular to penitentiary-houses, prisons, poor-houses, lazarettos, houses of industry, manufactories, hospitals, work-houses, mad-houses, and schools: with a plan of management adapted to the principle. In a series of letters, written in the year 1787, from Checheff in White Russia, to a friend in England // The works Jeremy Bentham. Vol. IV. Edinburgh, 1843. P. 37–172.

в его имении близ местечка Кричев в Малороссии. Часто Паноптикон называют *проектом идеальной тюрьмы*, но философ-утилитарист мыслил о его назначении гораздо шире. Эпиграф, предваряющий первое письмо, так формулирует знаменитую идею: «Нравы исправлены – здоровье сохранено – эффективное обучение промышленным навыкам налажено – давление на общество ослаблено – экономика укреплена – гордиев узел Закона о бедных, если не разрублен, то ослаблен – и все посредством простого архитектурного решения!»[1] Для Бентама Паноптикон стал «архитектурным воплощением идеальной системы наблюдения» за содержанием различных категорий девиантов – преступников, проституток, умалишенных, пьяниц, больных, бедняков, нуждающихся в призрении, и пр. По свидетельству П. Левенсона, первую мысль о постройке такого учреждения Дж. Бентам перенял у брата, которую тот, в свою очередь, позаимствовал у русских крестьянских изб[2]. Проект Паноптикона был и остается излюбленным объектом исследования пенологов и философов, поэтому мы остановимся только на его основных моментах и рассмотрим влияние искомой идеи на последующие пенитенциарные практики.

Паноптикон, или Инспекционный дом Дж. Бентама, представлял собой теоретическую конструкцию такого заведения, которое не только снимало вопрос *содержания* преступников и лиц, по мнению реформатора, нуждающихся в социальном контроле, но, что более важно, обеспечивало перевоспитание таковых, возвращая в общество достойных граждан. Сам Бентам, продвигая схему в письме к французу Ж.-П. Бриссо, выразился о Паноптикуме весьма красноречиво – «мельница для перемалывания негодяев в честных, лентяев в трудолюбивых»[3]. Образ мельницы выбран не случайно, так как основа конструкции задуманного утилитаристом здания –

---

[1] Ibid. P. 39.

[2] Левенсон П.Я. Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893. С. 71, 77.

[3] *Англ.* A mill for grinding rogues honest and idle men industrious // Bentham to Brissot // The Works of Jeremy Bentham published under the Superintendence of his Executor, John Bowring, Vol. X (Memoirs Part I and Correspondence). Edinburgh, 1843. P. 226.

цилиндрическая форма[1]. В центре круга расположено помещение, занимаемое тюремным инспектором, по окружности – изолированные камеры, связанные с центром радиальными коридорами.

Стержневая идея Паноптикона – постоянное наблюдение или его иллюзия. Шестое письмо Бентама, которое он назвал «Преимущества плана», открывается рассуждением: «Я льщу себе мыслью, что теперь не может быть никаких сомнений в том, что план обладает двумя фундаментальными преимуществами: я имею в виду откровенную *вездесущность* инспектора (не сочтите богохульством такое выражение) в сочетании с его быстрым и легким доступом в любую точку здания»[2]. В предыдущем письме он рассуждал следующим образом: «Очевидно, чем больше времени инспектируемый будет находиться под наблюдением, тем более достижимой станет цель данного учреждения. В идеале человек должен быть в таком затруднительном положении постоянно, в любой момент времени. А поскольку это практически невозможно, следует сделать так, чтобы он поверил в то, что это так, но, не будучи в состоянии проверить, *убедил* [выделено Дж. Бентамом. – *С.В.*] себя, что это именно так»[3]. Чтобы поддерживать это ощущение, автор уделяет внимание освещению, по проекту направленному в упор на камеры так, что помещение инспектора заслоняет слепящий прямой свет. Достижению эффекта постоянного присутствия также способствует конструкция особых жестяных труб, тянущихся от каждой камеры к комнате инспектора, с помощью которых «малейший шепот одного может быть услышан другим, особенно когда есть потребность приложить ухо к трубке»[4]. Исследователь идей Дж. Бентама М. Божович назвал это попыткой Бентама «сконструировать Бога», создав ощущение его присутствия[5]. В последующих письмах Бентам выделяет

---

[1] См.: Приложение 1.18.
[2] Bentham J. Panopticon... P. 45.
[3] Ibid. P. 44.
[4] Ibid. P. 45.
[5] Bentham J. The Panopticon Writings / ed. M. Bozovic. L., 1995. P. 11.

такие достоинства конструкции здания, как возможность обеспечить изоляцию друг от друга различных категорий, находящихся под наблюдением, например: подследственных от осужденных, если речь идет о тюрьме, заразных больных от тех, чей недуг не представляет угрозы окружающим, если речь идет о больнице, и т. п.

Восьмое письмо открывается утилитарной «формулой» основных целей наказания, которую мыслитель вывел еще в Комментариях к Законопроекту о принудительном труде: *наказание, исправление, экономическая выгода.* Наказание выражается в строгости содержания, всевозможных санкциях за нарушение режима, принудительном удержании на строго регламентированный срок. Исправление – в применении к осужденным принципа «снисхождения» или милосердия – по возможности отказ от унизительных телесных наказаний, обучение ремеслам, возможность претендовать на денежное выражение результатов своего труда. Правило «хозяйствования», или выгоды, заключалось в обеспечении арестантов «полезной работой с возможностью извлечения дохода для государства, так и частной управляющей компании». Памятуя провал Законопроекта о Домах труда, Дж. Бентам не мог не задуматься о рентабельности проектируемого предприятия, тем более что за десятилетие, миновавшее после выхода его первого Комментария, он значительно поднаторел в вопросах политэкономии и создал несколько трудов на эту тему. Он дотошно подсчитал издержки перевозки преступников как в американские колонии, так и по открытому еще более дорогому маршруту в Ботани Бэй. Между тем, уверен Дж. Бентам, не все каторжники так безнадежно неисправимы, что следует пытаться избавиться от них любой ценой, в частности дорогостоящей транспортировкой, когда можно использовать их труд на благо Соединенного королевства. «Разве не может каждая тюрьма быть спроектирована и как место безопасного

содержания, и как место эффективного труда»[1], – вопрошает он своего респондента.

Увидев в тюрьме элемент капиталистических отношений, Бентам не исключал возможность передачи управления тюрьмами частным подрядчикам, которые предложат эффективные условия управления и организации не только труда, но и обучения трудовым навыкам в условиях принудительного содержания. В качестве примера несложных производств, не требующих «филигранного» мастерства, и возможных к устроению в условиях закрытых заведений, Бентам приводит кузнечные, ткацкие, столярные мастерские. Таким образом, тюрьма-фабрика должна была балансировать между экономической выгодой от труда и благополучием (моральным и физическим) арестанта, между наказанием и исправлением.

Подробный анализ идеи Паноптикона в русле ревизионистского подхода к пенитенциарным реформам представил М. Игнатьефф. Исследователь настаивает на том, что главной задачей реформаторов XVIII в. было «вывести из наказания устрашение»[2]. Кроме того, тюремное заключение, по сравнению со зрелищным карательным правосудием предшествующих веков, обеспечивало беспрецедентный контроль государства за правонарушителем, позволяя регулировать «меру страдания», включенного в исполнение наказания, свободное от общественного наблюдения[3]. В таком контексте «Паноптикум стал своего рода обещанием Бентама разбудить в преступнике “потенциал к раскаянию”, причинив тщательно выверенное и научно обоснованное страдание»[4].

Когда Дж. Бентам вернулся на родину, серия писем Паноптикона была уже готова к публикации. Премьер-министр Уильям Питт Младший заинтересовался проектом и обещал Бентаму поддержку. После небольшого

---

[1] Bentham J. Panopticon... P. 47.
[2] Ignatieff M. Op. cit. P. 75.
[3] Ibid. P. 90.
[4] Ibid. P. 73.

перерыва практические мероприятия по воплощению новой парадигмы уголовных наказаний вновь набирали обороты. Парламент утвердил контракт стоимостью 19 тысяч фунтов на строительство тюрьмы на тысячу заключенных, включавшую в себя целый комплекс функциональных частей: корпус, разделенный на камеры, обустроенные по схеме Паноптикона, мастерские и хозяйственные помещения, церковь, квартиры для тюремного персонала[1]. В 1799 г. Бентам выкупил у маркиза Солсбери *за свои!* деньги, доставшиеся ему в наследство от отца, болотистый участок земли за 12 тысяч фунтов[2], озадачился поиском архитектора, готового приступить к возведению идеальной тюрьмы. В архитектурном справочнике «Английские тюрьмы» упоминается одна интересная идея Бентама – цветовое кодирование корпусов будущего национального пенитенциария: должники – в здании белого цвета, краткосрочные арестанты – серого, приговоренные к пожизненному заключению – в здании черного цвета[3]. На этапе планировки и проектирования Бентам отказался от ряда теоретических идей, высказанных в письмах о Паноптикуме: кельи одиночного содержания эволюционировали в камеры, рассчитанные на четырех арестантов; апартаменты директора тюрьмы (генерального инспектора), мыслимые изначально в центре радиально-устремленных корпусов, превратились в отдельно стоящее здание; в проекте появилась часовня (в письмах о Паноптикуме молитва предусматривалась одиночно в камерах-кельях)[4]. Настоящим техническим вызовом времени был изначальный проект чугунной конструкции труб и коммуникаций, игравший, как мы помним, в проекте идеальной тюрьмы одну из ключевых ролей.

---

[1] Griffith A. Memorials of Millbank and Chapters in prison history. L.,1884. P. 18.

[2] Semple J. Bentham's Prison. A study of the Panopticon Penitentiary. Oxford, 1993. P. 218.

[3] English Prisons: An Architectural History… P. 58.

[4] Ibid.

По иронии судьбы с этим вызовом не справился ни архитектор, ни бюджет проекта, который стремительно вышел за рамки утвержденного контракта. Вялотекущее строительство продолжалось несколько лет, вымотав нервы и практически уничтожив наследство реформатора. Парламентская комиссия, учрежденная в 1811 г., куда входил наряду с другими видный активист-реформатор У. Ромилли, не приняла постройки. Кроме того, в отчете комиссии был оспорен сам принцип тюрьмы-фабрики, и было высказано пожелание вернуться к проектам Говарда, сосредоточив внимание на одиночном содержании и *религиозном обращении* арестантов[1]. Тем не менее контракт был частично Бентаму возмещен[2]. П. Левенсон пишет о необычайном разочаровании философа, который долгое время отказывался даже говорить о проекте, выражаясь: «Это для меня все равно, что отворить ящик, в котором скрыты бесенята»[3]. Зарубежный историк Дж. Семпл приводит не менее горькое восклицание философа: «Они убили мои лучшие годы!»[4]

На месте несостоявшегося Паноптикона был достроен Миллбанк – первый национальный пенитенциарий, который принял арестантов в 1816 г. На его возведение была потрачена фантастическая для государственного бюджета сумма – 500 000 фунтов, проект попеременно вели несколько архитекторов – У. Уильямс, Т. Хардвик, Дж. Харви и Р. Смерк. И хотя некоторые общие черты цилиндрического радиально-ориентированного Паноптикона были сохранены, это был лишь «призрак» идеи Бентама, как он впоследствии сокрушенно о нем отзывался.

Вторым не менее важным направлением развития пенитенциарной теории и практики стало совершенствование внутреннего режима,

---

[1] Griffith A. Op. cit. P. 20.

[2] An Act for the Erection of a Penitentiary House for the Confinement of Offenders convicted within the City of London and County of Middlesex, and for making Compensation to Jeremy Bentham Esquire, for the Non-performance of an Agreement between the said Jeremy Bentham and the Lords Commissioners of His Majesty's Treasury, respecting the Custody and Maintenance of Convicts. 1812. 52 Geo. III, c. 44.

[3] Левенсон П. Указ. соч. С. 77.

[4] Semple J. Op. cit. P. 244.

основанного на магистральных идеях покаяния, исправления и трудового и религиозного обучения, нормативно зафиксированных в Статуте 1779 г. На основании положений Первого пенитенциарного акта муниципальные власти приступили к разработке локальных нормативных актов, регулирующих деятельность подведомственных учреждений. Такие инструкции можно назвать типовыми: написанные канцелярским языком, небольшого объема издания представляют дальнейшее развитие корпуса законодательных актов, рассмотренных ранее. Например, внутренние правила пенитенциария в Клеркенуэлле (Мидлсекс), регулирующие работу капеллана, представляют собой компиляцию Закона 1773 г. в части его основных обязанностей и преамбулы Пенитенциарного статута 1779 г. о надеждах на перевоспитание средством Провидения[1].

В конце XVIII в. появляется первая методическая литература, предназначенная в помощь тюремному священнику. Самые ранние издания, обнаруженные нами, принадлежат викарию Джону Брюстеру. Его работы – предположительно первое руководство для тюремных капелланов, положившие начало складыванию *теологии тюрьмы* в проповеднической практике. Во всех своих произведениях Дж. Брюстер выступал приверженцем идей Дж. Говарда и выражал восхищение его жизненным примером: «в современную эру глаза человечества потихоньку прозревают: свет гуманизма и просвещения разгорается благодаря упорной работе и милосердию Джона Говарда»[2]. Развивая идеи знаменитого филантропа, Брюстер призвал его последователей «нырнуть за грешником во тьму, чтобы вывести его к свету, свободе и счастью»[3].

Позиция, высказанная автором, свидетельствует о глубоком осмыслении проблемы пенитенциарного содержания не только с религиозной,

---

[1] Rules, orders, and regulations, for the management of the new house of correction for the county of Middlesex; Approved and confirmed by the justices at the Michaelmas quarter sessions. 1794. L., 1795. P. 23–24.

[2] Brewster J. On the prevention of crimes ... P. 6.

[3] Ibid.

но и с социально-правовой точки зрения. Несмотря на почитание деятельности Говарда, по взглядам на одиночное заключение Дж. Брюстер сближается скорее с Дж. Хэнвеем. Рассуждая на предмет того, что «первый шаг на пути к предотвращению преступления – осознание его природы», Брюстер уверен, что объяснить причину преступления – «задача для профессоров юриспруденции, равно как для священнослужителей»[1]. В свою очередь, священник предлагает две взаимосвязанные меры предупреждения преступности: организация просветительской работы среди населения и «создание целостной системы поощрения добродетели». Развивая идею народного просвещения, он мудро замечает: «…наставления взрослых весьма трудная задача, так же как стращание их грехом весьма сомнительно, поэтому следует начать с образования детей... Если эту задачу поставят перед собой воскресные школы, духовные наставники, родители, уже следующее поколение сможет пожинать благодатные плоды»[2]. Брюстер фактически говорит о построении в желаемом будущем нравственной основы общественного поведения (он даже называет основные ее «столпы» – религия, просвещение, законность), базирующейся на непримиримом отношении к нарушению закона и соблюдении заповедей.

Практическое издание «Проповеди для заключенных. С включением молитв, рекомендованных для узников одиночного заключения»[3] состоит из двух частей: первая содержит шесть проповедей-бесед, построенных на соответствующих притчах и мудростях Священного Писания, вторая – пятнадцать молитв для различных категорий узников: осужденных к смертной казни, подлежащих одиночному заключению, осужденных за воровство и грабеж и т. п. Интересное соотношение тематики проповедей с выдержками из Священного Писания, выбранными Брюстером в качестве пролога, дает представление о содержании рекомендуемых бесед

---

[1] Ibid. P. 11.
[2] Ibid. P. 18.
[3] Brewster J. Sermons for prisons…1790.

с осужденными: «Узник надежды»[1], «Использование одиночества заточения»[2], «О смирении в тюрьме»[3], «О влиянии дурной компании»[4], «Кающийся вор»[5], «О страшном суде»[6]. В каждой проповеди Брюстер демонстрирует отход от ортодоксальных пуританских доктрин о божественном предопределении к наказанию и придерживается новозаветных истин для возбуждения надежды на спасение через покаяние. Подводя читателя ко второму разделу своего издания – молитвам, проповедник советует использовать все время (никто не знает, сколько ему осталось!) в молитвах, смирении, покаянии и надежде[7].

За неимением точных данных трудно предположить, какой резонанс имел публицистический дебют Джона Брюстера на пенитенциарную тематику. Более полутора десятков лет богослов не возвращался к данному направлению, но в 1808 г. вновь выступил с печатной проповедью «Об укреплении религии в тюремных учреждениях». Пятью годами позже было опубликовано самое, пожалуй, внушительное богословское издание автора «Размышления для кающихся», куда упоминаемая проповедь была включена в качестве приложения[8]. Душеспасительная беседа начинается со строк Псалма «Услышь стенания пленников, силой Своей великой спаси на

---

[1] Возвращайтесь на твердыню вы, пленники надеющиеся! Что теперь возвещаю, воздам тебе вдвойне. Зах. 9:12.

[2] Молитва страждущего, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою: ибо Он приникнул со святой высоты Своей, с небес призрел Господь на землю, чтобы услышать стон узников. Пс. 101: 20–21.

[3] Зачем сетует человек живущий? Всякий сетуй на грехи свои. Плач 3:39.

[4] Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы. Кор. 15:33.

[5] Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю. Лк. 23:39–43.

[6] И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне. Мф. 10:28.

[7] Brewster J. Sermons for prisons… P. 138–139.

[8] Brewster J. Meditations for penitents: for those engaged in the important duty or self-examination, to which is added, an assize sermon, with an appendix. L., 1813.

смерть обреченных»[1], которые, по замечанию автора с наблюдений и слов Дж. Говарда, будучи исполнены в тюремной часовне или в зале суда перед оглашением приговора, всегда вызывали «чувственное волнение» в сердцах осужденных[2]. Далее Брюстер сравнивает земное правосудие с небесным прототипом и рассуждает о милосердии – как неотъемлемой части обеих моделей. Но автор воздерживает от неправильного понимания земного милосердия в отношении преступника – как необоснованного помилования. В таком случае, по его убеждению, опасность велика как для личности, так и для общества: «милость, даруемая таким образом, искушает ее объект к повторению его преступлений, а повторение его преступлений нарастающей жестокостью оборачивается для общества»[3]. Однако, продолжает проповедник, если понятие милосердия убрать из наших кодексов, многие «падут жертвой безжалостной тирании», примерами которой так богата история.

Оценивая итоги первых лет реформы, Брюстер осторожно обращает внимание законодателей на то, что «в отношении распространения истинных религиозных знаний законодательная власть, по-видимому, не выполнила всего, что от нее ожидалось»[4]. Кажется, богослов тонко почувствовал момент, когда религия постепенно утрачивала лидирующие позиции в качестве основного вдохновителя и движущей силы тюремных реформ, которые постепенно становились частью государственной правовой политики. Вполне естественно, священнослужитель не упускает возможность прозелитизма и указывает на исключительные ресурсы религии в деле исправления заключенных: «Религия совершит то, чего никогда не смогут совершить чисто человеческие чувства чести, справедливости или гуманизма: она возвысит тех, кого справедливо назвали

---

[1] Пс. 79:11
[2] Brewster J. Meditations for penitents… P. 303–304.
[3] Ibid. P. 304.
[4] Ibid. P. 312.

позором рода человеческого, до свободы, до достоинства именоваться сыном Божьим»[1].

Брюстер положительно оценивает ту часть Пенитенциарного акта, которая устанавливала должность и обязанности тюремного капеллана. Богослов убежден: его сфера деятельности не должна быть ограничена проведением коллективных служб и отправлением обрядов. В деле исправления гораздо важнее индивидуальная пастырская помощь, работа как с подследственными, так и со справедливо осужденными: «В первом случае необходимо смирение, так как вина подсудимого перед судом считается еще не доказанной, то к нему следует относиться с милосердием и состраданием. Как должен он быть благодарен такому утешению благочестивого служителя! Если он невиновен в преступлении, в котором его обвиняют, он принимает заточение со смирением христианина. Если он будет признан виновным, капеллан разъяснит мотивы истинного раскаяния, и когда он внезапно удалится от порочного своего окружения в спокойное одиночество тюрьмы (где такое одиночество может быть найдено), это потрясет его, и он воскликнет: “Это хорошо для меня, что я был сокрушен в своем грехе!”… В случае, если он не виновен, временное заточение, в соединении с верой, которую Павел испытал в темнице, когда его ноги закованы в кандалы, приведет к просветлению души и укреплению веры в жизнь вечную»[2]. Таким образом, по мнению Брюстера, только соответствующая христианская подготовка поможет заменить «праздность – трудом, невоздержанность – воздержанием, противопоставить дурному обществу – одиночество, а пороку – суровую и жесткую дисциплину». Заканчивается проповедь традиционным призывом к спасению соотечественников, скованных не только страданием и железом, но также преступлениями и грехами, возглавить которое, безусловно, должно государство рука об руку с церковью.

---

[1] Brewster J. Meditations for penitents… P. 315.
[2] Ibid. P. 319–320.

Так, в рамках первых пенитенциарных преобразований конца XVIII – начала XIX вв. можно констатировать оформление нового социально-правового *института тюремных капелланов*. Религиозное обучение понималось современниками как пролог к перевоспитанию и условие успешной ресоциализации. Во всех пенитенциарных заведениях, возведенных или перестроенных в послереформенные десятилетия, были созданы условия для религиозного обучения: ежедневное посещение служб и в специально возведенных тюремных часовнях, личные визиты тюремного пастора, доступ к печатной религиозной литературе. В тюремные режимы были внесены положения, которые коррелировали срок и условия содержания со степенью «духовной реабилитации» арестанта, констатировать которую мог исключительно тюремный капеллан.

Европейские исследователи, рассуждая об английской практике режима содержания в исправительном доме и пенитенциарии, убеждены, что рождение подобных традиций «уходит корнями в протестантскую этику»[1]. Такие суждения основаны не только на исследовании теологии тюрьмы, сложившейся в проповеднической риторике английских капелланов, но и при оценке идейных основ практики принудительного труда, который позиционировался как восстановление главной добродетели протестантской этики. Как отмечалось нами ранее, в основу популярных кампаний по «исправлению манер» бедноты было заложено убеждение в том, что преступное поведение порождается леностью и праздным поведением, а подобные пороки «могут быть искоренены, исправлены и реформированы только приучением к труду»[2]. Анонимный автор трактата «Средства эффективного предотвращения краж и грабежей», растиражированного в первое пореформенное десятилетие, рассуждал следующим образом: «Я предполагаю, что все согласятся со мной в том, что безделье является

---

[1] Spierenburg P. The Prison Experience: Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. New Brunswick, 1991. P. 27.

[2] Rules, orders, and regulations, for the management of the new house of correction for the county of Middlesex... P. 2.

общей причиной воровства… Страна лишена возможности пользоваться честным трудом значительной части ее жителей, которые в противном случае могли бы оказаться полезными для нее»[1]. Автор расценивал принудительный труд как «легкое и эффективное средство борьбы с преступностью в Англии» и рекомендовал работы для всех, кроме самых серьезных категорий преступников, как «то средство, которое в одиночку может восстановить здравомыслие в этой ужасающе искаженной части тела нации»[2].

Английский философ У. Пейли в «Принципах моральной и политической философии» несмотря на то, что выказал предпочтение суровым видам наказаний, аргументировал в пользу принудительного труда осужденных, в котором видел как средство формирования «добродетели трудолюбия», так и возможность «получения доходов от своей деятельности»[3]. Пейли даже высказал интересное предложение «измерять заключение не продолжительностью времени, а количеством работы, чтобы не только стимулировать трудолюбие, но и сделать труд добровольным»[4].

Теоретиков полностью поддерживали практики и прагматики: при строительстве образцового пенитенциария в Глостере Дж. Пол призывал уделять внимание средствам производства, «поскольку привычки к труду, однажды утраченные, восстановить бывает нелегко»[5]. Архитектор Дж. Леруа подчеркивал «преимущества принудительного труда правильно организованной рабочей силы», что, по мнению автора, полезно не только для общества, но и для государства, «ведь в результате расходы на содержание тюрем могли быть уменьшены»[6]. Суммируя изложенное, сущностные основы первой опытно-экспериментальной фазы реформы можно выразить словами молодого политика начала XIX в. Т. Бакстона: «Дружественные увещевания и религиозное обучение, которые он

---

[1] Anon. The Means of Effectually Preventing Theft and Robbery. L., 1783. P. 2.
[2] Ibid. P. 94.
[3] Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston, 1825. P. 384.
[4] Ibid.
[5] Paul G.O. Considerations on the defects of prisons…P. 10.
[6] Leroux J. Thoughts on the Present State of the Prisons of this Country. L.,1780. P. 21.

[заключенный. – *С.В.*] получает ежедневно, способны вызвать искреннее покаяние, открыть ценность справедливой жизни, убедив его, что перемены подвластны даже ему. Таким образом, озаряя светом религии, прививая навыки труда и бережливости, тюрьма может дать импульс к искоренению праздности и порока»[1].

С именем квакера Томаса Фауэлла Бакстона и процитированной выше работой «Рассуждение на предмет того, как преступление и нищета могут быть вызваны существующей системой тюремного заключения, или ей же предотвращены» связан дальнейший этап институционализации пенитенциарного содержания. Принятие пенитенциарного акта 1779 г. еще не означало отмены законодательства «Кровавого кодекса», которое, напротив, достигло в последней четверти XVIII в. кульминационной точки в своем развитии. Прогрессивные парламентарии и общественные деятели, такие как С. Ромилли, У. Иден, У. Уилберфорс, Т. Бакстон, Т. Кларксон, продолжили политическую борьбу за отмену смертной казни и реформирование уголовного законодательства. Первый Пенитенциарный статут, закрепивший понятие об исправлении преступника и возвращении его в общество (т. е. ресоциализиции), расширил кейс аргументов, так как представил весомую альтернативу высшей мере. В середине июня 1808 г. красноречивое выступление С. Ромилли получило поддержку большинства парламентариев[2], и уже 30 июня был принят исторический «Статут о кражах»[3], с которого началась последовательная отмена «кровавых статутов» за преступления против собственности[4].

---

[1] Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline. 3rd ed. L., 1818. P. 140.

[2] URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1808/jun/15/criminal-law

[3] *Англ.* The Larceny Act. An Act to repeal so much of an act passed in the eighth year of The Reighn of Quinn Elizabeth, intituled An Act to take away the benefit of Clergy from certain Offenders for Felony, as takes away the benefit of Clergy from persons, stealing privily from the person of another and for more effectually preventing the Crime of from the person. 1808. 48 Geo. III, c. 129.

[4] An Act to take away Corruption of Blood save in certain Cafes. 1814. 54 Geo. III, c. 145; An Act to alter the Punishment in certain Cases of High Treason. 1814. 54 Geo. III, c. 146.

Политики и общественные деятели, выступающие за изменение уголовного кодекса и тюремную реформу, параллельно активно поддерживали аболиционистскую борьбу против работорговли. Ядром этого движения становятся адепты «Религиозного общества друзей», которые в 1783 г. подали в парламент первую петицию против торговли рабами. Активные общественные деятели, филантропы и интеллектуалы, принадлежащие к Обществу друзей, связаны с большинством социальных реформ начала XIX в. Исследователи благотворительной и просветительской деятельности квакеров на рубеже XVIII – XIX столетий единогласно отмечают их неуемную энергию, стремление привнести свои гуманистические взгляды на природу человека в многочисленные и разнообразные социальные проекты[1]. Активисты-квакеры, как правило, являлись членами сразу нескольких общественных организаций, выдвигая и поддерживая разносторонние инициативы. Будучи энергичными инициаторами ликвидации безграмотности, в своих печатных трудах квакеры последовательно проводили идею о том, что всеобщее образование может привести к резкому снижению уровня преступности. Рабочий класс, утверждали друзья, посредством образования можно приобщить к таким христианским добродетелям, как бережливость, трудолюбие, совесть; и тогда в обществе, оздоровленном изнутри, необходимость в смертной казни и других репрессиях отпадет сама по себе. Таким образом, поддерживая движение за реформу образования, многие квакеры оказались косвенно вовлечены в борьбу за пенитенциарную реформу, которая для многих из них вскоре стала первостепенной задачей и целью всей жизни.

В 1808 г. из Лондонского общества аболиционистов работорговли выделяется «Общество распространения информации о смертной казни и улучшения тюремной дисциплины»[2]. Устав новой организации, ссылаясь

---

[1] Jones A.M. Quakers and Social Reform in England, 1780–1870. PhD thesis, University of Murdoch. 2010.

[2] *Англ.* Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline.

на успех широкой огласки шокирующих фактов о торговле рабами, утверждал, что подобное упорство может привести к успеху и в этом начинании [1]. Даже приемы распространения информации об ужасах тюремного содержания копировали ранее уже успешно сработавшие методы ажитации общественного интереса к проблеме работорговли. Например, уловка с опубликованием нашумевшей некогда схемы корабля невольников «Брукс», которая демонстрировала расположение рабов на судне, предназначенном для их перевозки, вызвавшая бурю эмоций и общественного негодования, с точностью повторилась уже в борьбе Общества за улучшение тюремного быта. Представив общественности схему подземной камеры тюрьмы Уорик, в которой до 1797 г. заключенных помещали на ночь в радиальном порядке, ногами приковав к тяжелой цепи, активисты Общества восклицали: «Такое несчастье существует только потому, что о нем никому не известно!» и при виде этого подземелья «в каждом сердце с болью отзывается история печально известного корабля рабов, которую невозможно забыть»[2].

Активисты «Общества распространения информации…» занимались тиражированием брошюр, эссе, памфлетов и сочинений, осуждающих смертную казнь с различных позиций: экономической, политической, религиозной. Журнал «Филантроп», издаваемый квакером Уильямом Алленом, служил своеобразным рупором идей общества. В 1810-е годы на страницах журнала развернулась острая полемика вокруг истории неграмотного двадцатидвухлетнего юноши, приговоренного к смертной казни за кражу нескольких шиллингов. У. Аллен ораторствовал: «За преступлением, несомненно, должно следовать наказание, однако высшая мера, назначенная парню в данном конкретном случае, так

---

[1] Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, An Account of the Origin and Object of the Society for the Diffusion of Knowledge Upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, L., 1812. P. 6.

[2] Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline. L., 1816. P. 4. См.: Приложение 1.19.

шокирующе несоразмерна, что разум отказывается принимать это, уступая место ужасу. Почему человеку, совершившему кражу без отягчающих обстоятельств, назначают такое же наказание, к которому приговаривают виновных в варварском убийстве? Не станет ли славным свидетельством триумфа нашей цивилизованности возвращение преступника в качестве полезного члена общества?»[1] Не менее резонансной публикацией стала история женщины, которая умерла в тюрьме Хоршема «в самом сердце одного из самых богатых графств Англии», где провела сорок пять лет за долг в размере 19 фунтов[2].

В оксфордской «Истории тюрьмы» влиянию квакеров на формирование тюремных систем Нового времени посвящен отдельный раздел[3]. Уильям Аллен, Элизабет Фрай, Самуэль Герни, Томас Бакстон прославились не только активным миссионерством, но и первым прецедентом вовлечения общественных и филантропических организаций в процесс управления тюрьмами. С 1816 г. движение за тюремную реформу окончательно выделилось из смежных социальных проектов квакеров и оформилось в качестве «Общества улучшения тюремного содержания». Костяк новой организации составляли квакеры из Общества 1808 г., однако его состав обновился за счет молодых и активных реформаторов, таких как П. Бедфорд, И. Форстер, Р. Барретт и Дж.Т. Барри – как квакеров, так и англикан, идеологически связанных с большинством социальных реформ начала XIX в. В 1818 г. в «Общество улучшения тюремного содержания» вливается еще одна общественная организация – «Общество по расследованию причин роста преступности среди несовершеннолетних», образованное в 1815 г. при активном участии активистов-квакеров. Учредительное собрание обновленного «*Общества улучшения тюремного содержания и исправления малолетних преступников*» постановило

---

[1] Allen W. Life of William Allen. With Selections from His Correspondence. Vol. 1. L., 1846. P. 173.

[2] Third Report of the Society… P. 4.

[3] The Oxford History of the Prison... P. 86–88.

«объединить усилия двух обществ по исследованию условий тюремного заключения». Резолюция первого собрания вынесла концептуальное предположение: «…одна из главных причин преступности и нищеты – пренебрежение к условиям тюремного содержания, поэтому Общество считает борьбу за совершенствование тюремной дисциплины главной целью своего объединения»[1]. В преамбуле обновленного Устава было обозначено: «Увеличение преступности ставит перед обществом и государством задачу поиска качественно новых методов борьбы с преступностью… Миссия общества – создание мощных мотивов воздержания от повторного преступления путем удаления, насколько возможно, склонности к нарушению закона, формирования стойкого отвращения к пороку, воспитания добродетелей, моральных принципов и навыков честного труда»[2].

Теологи квакеров были убеждены: в человеке идет постоянная борьба между добром и злом, светом и тьмой, и, если помочь оступившемуся противиться духу злобы и вражды, его склонность к пороку уступит место религиозным добродетелям, и именно это станет самой эффективной превенцией повторных преступлений. Таким образом, квакеры представляли нравственное возрождение личности в качестве конечной цели наказания пенитенциарным содержанием. В таком ракурсе тюремные стены превращались не столько в средство ограждения общества от опасных элементов, сколько в «инкубатор роста» для полноценного нравственно-оздоровленного члена коллектива. Идеализация природы человека, вера в его безграничные возможности и свидетельство «внутреннего света» в каждом позволяли друзьям надеться, что подобная трансформация позволит в будущем свести к минимуму практику уголовных наказаний. Чтобы ускорить это заманчивое будущее, члены общества с энтузиазмом

---

[1] Report of the Committee of the Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders. L., 1818. P. 23.

[2] Ibid. P. 22.

включились в процесс кардинального изменения условий тюремного содержания.

Действующее законодательство, регламентировавшее службу тюремного духовенства [1], закрепляло положение о принадлежности священника к англиканской церкви, что существенно сужало круг служителей культа, допущенных в пенитенциарии. Квакеры предложили альтернативную практику: посредством участия благотворительных обществ в управлении тюрьмами члены религиозной общины, как священнослужители, так и миряне, в качестве филантропической инициативы посещали арестантов в местах лишения свободы. Такие визиты получили широкую известность благодаря легендарной «леди-посетительнице» Элизабет Фрай и ее родственнику Самуэлю Хору.

Элизабет Фрай, урожденная Герни, впервые посетила Ньюгейт в 1814 г. и была поражена условиями содержания женщин-заключенных: почти триста арестанток располагались в двух сравнительно небольших камерах, не существовало никакой системы размещения подследственных и осужденных, больных и здоровых, дети разных возрастов пребывали в заключении совместно с матерями. Прямо в камерах готовили еду, стирали, справляли нужду; некоторые арестантки практически не имели никакой одежды, напольные коврики заменяли кровати. Впечатления от подобных бытовых условий не уступали по эффекту оценке глубины морального разложения женщин-заключенных. Э. Фрай впоследствии вспоминала, как начальник тюрьмы предложил ей перед посещением оставить часы и другие ценные вещи в кабинете, так как не ручался за их сохранность. Женщины играли в карты, попрошайничали, «неистово верещали», протянув руки через решетки, устраивали свалку за разделение полученных денег, занимались гаданием и ворожбой. Одна из арестанток

[1] An Act for enlarging the powers of two Acts of his present Majesty, for providing clergymen officiate in gaols and houses of correction within England and Wales, 1815. 55 Geo. III, c. 48.

распивала «отвратительную парфюмерию», две женщины, не обратив на посетителей никакого внимания, снимали одежду с мертвого ребенка для своих детей, со всех сторон на визитеров сыпались брань и проклятья[1]. Первый визит в Ньюгейт Э. Фрай нанесла как частное лицо и представитель своей религиозной общины, но все увиденное подвигло ее на включение в активную общественную борьбу за изменение условий тюремного содержания.

В 1817 г. Э. Фрай уже основала и возглавила «Ассоциацию реформирования женского заключения в Ньюгейте». Усилиями Ассоциации за два года удалось добиться некоторого улучшения в размещении арестанток: в распоряжение женского отделения были переданы дополнительные камеры, площадь которых разграничивалась на шесть отделений по три ячейки в каждом, что позволило разделить осужденных по категориям и наладить условия совместного содержания с детьми, также для женщин была обособлена часть тюремного двора. Важным атрибутом реформирования женской половины Ньюгейта стала практика личных духовных бесед и коллективных проповедей на темы религии и нравственности. Все женщины, знакомые с грамотой, получали от Общества Библию, малограмотные регулярно собирались на совместные религиозные беседы и разъяснения, проводимые основательницами Ассоциации. Двенадцать постоянных членов Ассоциации взяли за обыкновение регулярное посещение женского отделения, причем каждая из женщин совмещала посещение с определенной социальной функцией по роду своей деятельности – медицинским осмотром, обучением грамотности или рукоделию, духовными беседами. Так закрепилась практика визитов «леди-посетительниц», как их тогда называли сами арестантки, или матрон. Вскоре должность матроны была предложена в качестве штатной единицы

[1] Buxton T.F. Op. cit. P. 113.

в структуре тюремной администрации[1]. В обязанности матроны входило пребывание в женском отделении днем и ночью, надзор и контроль за дневными работами, а также содействие руководству пенитенциария в вопросах управления.

Миссионерство и филантропическая деятельность Э. Фрай получили высокую оценку современников. Американский посол, посетив Великобританию в первой четверти XIX в., недвусмысленно отозвался о своем визите: «Я видел две величайшие достопримечательности Лондона – собор Святого Павла и проповедь Элизабет Фрай арестантам Ньюгейта»[2]. Т. Бакстон, оценивая первые результаты эксперимента по реформированию женского содержания, рассуждал: «Если такая специфическая и сложная система, как Ньюгейт, смогла преодолеть многочисленные препятствия, то повторение такого опыта возможно и в менее проблемных местах заключения»[3]. Самуэль Хор воспроизвел опыт Фрай в английской тюрьме Колдбат Филдс.

В 1821 г. усилиями Общества были изданы «Рекомендации по управлению исправительными домами и пенитенциариями», куда вошли практические указания по использованию водяной и ветряной мельниц для организации работ арестантов[4]. В 1822 г. вышло еще одно узкопрактическое издание – описание технических возможностей использования в тюремных работах ступального колеса, изобретенного У. Кьюбитом[5]. Интерес к модернизации средств производства для обеспечения занятости бедняков

---

[1] An Act for consolidating and amending the Laws relating to the building, repairing, and regulating of certain Gaols, Bridewells, and Houses of Correction, in England and Wales, 1823. 4 Geo. IV, c. 64.

[2] Benge J. Elizabeth Fry: angel of Newgate (heroes of history). Bingley, 2015. URL: http:// historysheroes.e2bn.org/hero/howviewed/

[3] Buxton T.F. Op. cit. P. 133.

[4] Rules for the Government of Gaols, Houses of Correction, and Penitentiaries; to which are Added, Plans of Prisons on Improved Principles; and a Description, with Plates of a Corn Mill and Water Mill, Adapted to the Employment of Prisoners. 2nd ed. L., 1821. См.: Приложение 1.20.

[5] Description of the Tread Mill invented by Mr. William Cubitt of Ipswich, for the employment of prisoners, and recommended by the Society for the Improvement of Prison Discipline. Published by the Committee. L.,1822.

и арестантов выказал Дж. Бентам, который, хоть и охладел к тюремной реформе после провала проекта Паноптикона, но вместе с Р. Оуэном и У. Алленом инвестировал в социальный эксперимент Нью-Ларнакской фабрики хлопковых мельниц.

В 1823 г. летопись «Кровавого кодекса» можно было считать завершенной. Статут с показательным кратким заголовком «О вынесении смертного приговора» [1] отменял смертную казнь практически за все преступления, кроме государственной измены и убийства с отягчающими обстоятельствами. В этом же году практически сразу был принят новый Пенитенциарный акт [2], который правоведы считают основополагающим нормативным актом в истории английского тюрьмоведения[3]. Законом был установлен Статутный кодекс тюремных правил, который детализировал все стороны внутреннего управления тюрем, закрепил принцип классификации осужденных на группы в зависимости от их социально-правовых и демографических характеристик и тем самым вывел этот принцип в качестве доминирующего по отношению к принципу раздельного (сепаратного) содержания заключенных.

В развитие положений Пенитенциарного статута «Общество улучшения тюремного содержания…» в 1825 г. выпускает фундаментальное прикладное издание «Правила и нормы тюремного режима»[4] для главного национального пенитенциария Милбанк. В кодексе правил более чем на ста страницах были охвачены практически все вопросы функционирования модернизированного пенитенциарного учреждения: составлен перечень условий тюремного режима, необходимых как для физического благополучия заключенных (одежда, питание,

---

[1] *Англ.* Judgment of Death Act. An Act for enabling Courts to abstain from pronouncing Sentence of Death in certain Capital Felonies. 1823. 4 Geo. IV, c 48.

[2] An Act for consolidating and amending the Laws relating to the building, repairing, and regulating of certain Gaols, Bridewells, and Houses of Correction, in England and Wales, 1823. 4 Geo. IV, c. 64.

[3] См.: Тепляшин П.В. Указ. соч.

[4] Rules and Regulations of the General Penitentiary Millbank. L., 1825.

здравоохранение), так и духовного (получение образования и навыков труда, религиозное воспитание). Так полурелигиозная полуобщественная филантропическая организация фактически оказалась причастной к управлению государственными местами лишения свободы. Подобный опыт в качестве модели трехсторонних отношений: государства, религиозных организаций и системы уголовных наказаний адепты друзей активно пропагандировали в европейских государствах. В 1818 г. квакер Вальтер Венинг прибыл в Санкт-Петербург и фактически способствовал основанию в 1819 г. первого в Российской империи Общества попечительного о тюрьмах[1].

Итак, в первой четверти XIX в. ключевые идеологемы, закрепленные в первом Пенитенциарном статуте 1779 г., трансформировались в правовые нормы и санкции, на которых будут построены тюремные реформы как в Великобритании, так и в других странах. Завершая свое произведение «Принципы уголовного закона», Уильям Иден писал: «Из любви к Закону вытекает любовь к своей стране, а значит, она способствует и правопослушному поведению, и чистоте нравов. Общественная добродетель, таким образом определенная, является истинной целью правительства»[2]. В записке, которой Иден сопроводил копию своего труда, посланного Георгу III, он называл работу скорее «политической книгой», чем юридическим исследованием, и подчеркивал, что «каждая строка свидетельствует о благих намерениях автора»[3]. Благие намерения, выраженные в идеях английских интеллектуалов, переросли национальные границы, а их авторы с полным правом делят репутацию основоположников современной пенологии и классической теории уголовного права. Идеалистическую убежденность английских реформаторов,

---

[1] ГАРФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. См. об этом: Васильева С.А. Британский след в истории российской тюремной благотворительности // Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур. М., 2021. С. 280–290.

[2] Eden W. Op. cit. P. 284.

[3] Throness L. Op. cit. P. 124.

подкрепленную евангельскими воззрениями на природу человеческого духа и пронизанную просвещенческим оптимизмом, верой в возможность перевоспитать преступника, впоследствии заимствуют различные политические силы, которые сделают тюремную реформу частью своей политической программы.

Размышляя о содержании идей века Просвещения, британский историк Х. Тревор-Ропер высказал интересное соображение: «Общеизвестно, что европейская интеллектуальная революция, равно как и промышленная, берет свое начало в Реформации шестнадцатого века: протестантские реформаторы прямым либо косвенным путем, посредством новых социальных форм, которые они создавали, открыли путь новой науке и новой философии семнадцатого века и таким образом подготовили путь к преобразованию мира. Говорят, без протестантской Реформации шестнадцатого века, в восемнадцатом не было бы Просвещения: без Кальвина не было бы Вольтера. Эту теорию часто ставили под сомнение, но ее невозможно полностью опровергнуть. Поколение за поколением находит в ней непреодолимую правдоподобность. Это часть “теории действий” в философии, без которой изучение истории выглядит отдаленно академичным» [1]. Предположим, что если «без Кальвина не было бы Вольтера», то, очевидно, английские интеллектуалы и пенитенциарные реформаторы конца XVIII в. не были бы так знамениты, если бы протестантская мысль предшествующей эпохи не построила бы «новую социальную форму» – систему исправления наказанием – вокруг истинно религиозных понятий *милосердия*, *покаяния, искупления и обращения, добродетели*, *трудолюбия.*

Современные тюрьмоведы, используя в основе своего профессионального тезауруса такие понятия, как «пенитенциарий», «пенитенциарная система», «пенальные практики», иногда не задумываются, насколько нарратив пронизан идеей христианского покаяния.

---

[1] Trevor-Roper H.R. The crisis of the seventeenth century. Wisconsin. 1999. P. 179.

Восстанавливая идейный комплекс пенитенциарных реформ XVIII–XIX вв. посредством обращения к интеллектуальным источникам предшествующего периода, мы можем проследить, как христианское мировоззрение и новозаветная риторика формировали общественное мнение и подготавливали почву для будущих пенитенциарных проектов на десятилетия раньше общепризнанных просветительских или правовых источников реформ.

Признав преступление родом нравственной болезни, а наказание – лекарством, английские мыслители приступили к выработке оптимальных методов и средств общественной терапии. Примечательно, что именно в эпоху Просвещения внимание мыслителей привлекает феномен христианского покаяния, трактуемого впоследствии как духовная основа исправления преступника и его потенциального возвращения в общество. Попытка пробуждения в преступнике раскаяния посредством создания специфических условий для духовного перерождения и исправления лежала в основе пенитенциарных преобразований конца XVIII – начала XIX в. Представлялось очевидным, что общественные инициативы по борьбе с преступностью обречены на провал, пока не будет создано той среды, в условиях которой удивительная «алхимическая» составляющая – покаяние – чудодейственным образом реформирует преступника/грешника в честного человека.

Закономерным итогом формирования идейного комплекса реформы исполнения наказаний стало измышление места и условия для воплощения гуманистических стремлений, милосердных ожиданий и утилитарных намерений – пенитенциария. Выбор формы одиночного заключения стал результатом не только достижений эпидемиологии в понимании механизма распространения физических заболеваний, но и ключом к «врачеванию» преступного поведения, причину которого современники усматривали в духовном невежестве и праздных наклонностях. Средствами общественной терапии такого поведения были признаны религиозное

обращение и восстановление основной добродетели протестантской этики – трудолюбия. Так христианская вера в возможность «уврачевать» пороки и безнравственность религией и трудом в сочетании с меркантильными намерениями обратить практику уголовного наказания на пользу стране сложились к началу 1770-х годов в устойчивую комбинацию предстоящей пенитенциарной реформы. Реформаторам предстояло найти консенсус, при котором «временное тюремное заключение в сочетании с принуждением к труду в качестве наказания, формируя таким образом полезную привычку, было бы в равной степени выгодно и для преступника, и для общества»[1].

Пенитенциарный статут 1779 г. воплотил сложившиеся идеологемы пенитенциаризма в первые правовые нормы, закрепившие в качестве главной цели наказания тюремным заключением *необходимость излечения преступника* и восстановления в нем чувства «социальной полезности». Современные исследователи системы Говарда, как отечественные, так и зарубежные, единогласно признают, что обобщенные им принципы содержания арестантов, по существу, представляют собой основу современных стандартов обращения с заключенными[2] и фактически полностью закреплены в *Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными*[3].

Таким образом, в последней четверти XVIII в. генезис базовых идеологем пенитенциарного содержания в английской просвещенческой мысли был практически завершен, и в первой четверти XIX в. страна

---

[1] Eden W. Op. cit. P. 264.

[2] Krebs A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / ed. J.C. Freeman. L., 1978. P. 42–43; Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / ed. H.J. Klare. Oxford, 1966. P. 177–183.

[3] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Женева, 1955 г. Одобрены Экономическим и Социальным Советом в резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

приступила к их практическому воплощению в первые пенитенциарные модели.

Конъюнктура дальнейшего развития пенитенциарной практики выявила непримиримые противоречия в идеальных теоретических конструктах. Х. Тревор-Ропер предостерегал тех исследователей, кто «склонен упрощенно воспринимать стадии прогресса европейской цивилизации»: «Начиная с восемнадцатого столетия мы, как правило, рассматриваем европейскую историю от эпохи Возрождения как историю прогресса, и этот прогресс нам представляется константным. Могут быть национальные вариации, локальные препятствия, случайные неудачи, но общая схема все равно являет модель стабильного прогресса. Сила Света постоянно, пусть иногда и беспорядочно, побеждает силу Тьмы. Возрождение, Реформация, Научная революция знаменуют этапы нашего освобождения от средневековых ограничений. Это вполне естественно. Когда сквозь века мы оглядываемся назад, то, естественно, видим сначала тех, чьи идеи стали флагманом своего времени на пути к нам в будущее. Но если посмотреть глубже, насколько сложнее выглядит картина! Ни Ренессанс, ни Реформация, ни Научная революция не являлись ни непорочными, ни неизменно прогрессивными. Каждая эпоха являет своего Януса. Каждая состоит из света и тьмы… И под поверхностью все более совершенствующегося общества можно обнаружить темные страсти и легко вспламеняемые суеверия, иногда случайно освобожденные, иногда намеренно вызванные к жизни!» [1] Изучение первых прогрессивных пенитенциарных моделей, осуществленных на американском континенте, поможет обнаружить первые правовые коллизии и парадоксы морали в рассматриваемой сфере.

[1] Trevor-Roper H.R. Op. cit. P. 83.

Глава 4. АМЕРИКАНСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ МОДЕЛИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА

4.1. Уголовные наказания в английских колониях: законодательство и практики

В одном из ранних обстоятельных исторических исследований истоков современной западной пенитенциарной системы американская тюрьма Оберн названа автором «исторически подтвержденным самым важным пенитенциарным учреждением в западном полушарии, если не во всем мире, – моделью современной тюрьмы, которая стала архитектурным и административным образцом»[1]. Американцы не без основания считают себя первооткрывателями современного тюремного дела. Несмотря на то что теоретико-идеологическая концепция исправительного *пенитенциарного* содержания сложилась на основе интеллектуального «багажа» представителей Старого Света, исторически первые пенитенциарные модели, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения, появились именно в Соединенных Штатах Америки в конце XVIII – начале XIX вв. Путь пенитенциарных реформ, который прошли страны Европы и Россия, в целом опирался на американский практический опыт, в одном случае полностью копируя готовые пенитенциарные модели, в другом – отрицая и критикуя их результаты.

Первыми официальными исследователями американского тюремного эксперимента стали французы Алексис де Токвиль и Гюстав де Бомон. Слава об успехах Североамериканских штатов в области реформирования пенитенциарных учреждений достигла европейского континента, и в 1831 г. французские чиновники де Токвиль и де Бомон подали правительству

---

[1] Barnes H.E. Historial Origin of the Prison System in America // Journal of Criminal Law and Criminology. Vol. 12. 1921. Iss.1. P. 35.

Франции прошение об отпуске с целью посетить Соединенные Штаты и изучить управление тюрьмами. Поездка была одобрена, а результатом годового трансатлантического путешествия стал настоящий бестселлер – знаменитый политический трактат «Демократия в Америке»[1]. Сочинение де Токвиля произвело глубокое впечатление на европейское интеллектуальное сообщество, было переведено на множество языков, включая все европейские, и считается классическим трудом по социологии и политологии. Профессор Гарварда Х. Мэнсфилд даже назвал этот труд «сразу лучшей книгой, когда-либо написанной о демократии, и лучшей книгой, когда-либо написанной об Америке»[2].

Если учесть заявленную цель командировки, представляется любопытным тот факт, что даже слово *тюрьма* встречается по тексту обоих томов не более десяти раз, а анализу пенитенциарных порядков в США посвящен лишь один абзац следующего содержания: «Несколько лет тому назад группа религиозных деятелей занялась улучшением состояния тюрем. Их речи взволновали людей, и перевоспитание преступников стало общенародным делом. Появились новые тюрьмы. Впервые в отношении к людям, преступившим закон, наряду с идеей возмездия начала применяться идея исправления. Однако эта счастливая перемена, столь горячо поддержанная широкими массами и ставшая благодаря их усилиям необратимой, не могла свершиться в короткое время. По воле большинства стало появляться все больше новых тюрем, но существовали еще и старые, в которых содержалось много преступников. В то время как в первых условия жизни заключенных постоянно улучшались, а возможности исправления увеличивались, вторые становились все более гибельными для тела и духа. Объяснить это несложно: большинство, занятое мыслью о создании новых тюрем, забыло о тех, которые уже

---

[1] Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

[2] Democracy in America by Alexis de Tocqueville, edited and translated by H.C. Mansfield and D. Winthrop. Chicago, 2000. P. xvii.

существовали. Поскольку ими перестало интересоваться большинство, они вообще лишились чьего-либо внимания. Это привело к ослаблению надзора. Благотворная для подобных учреждений дисциплина сначала ослабла, а затем и вовсе разрушилась. В результате наряду с тюрьмами, на которых ярко отражались мягкость и просвещенность нашего времени, можно было встретить каменный мешок, напоминавший о средневековом варварстве»[1]. Этот пассаж совершенно не относится к анализу американской тюремной системы, как таковой, а иллюстрирует рассуждения автора на тему: «Всесилие большинства в Америке усиливает непоследовательность в законодательстве и управлении, свойственную всем демократическим государствам». Тем не менее обратим внимание на маркеры контекста: «группа религиозных деятелей», «идея исправления», «счастливая необратимая перемена», «возможности исправления», которые станут типовыми оценками американского опыта по мере его распространения и заимствования.

Подробный анализ американских прогрессивных тюремных учреждений (который и был заявлен как основная цель поездки) представил Г. де Бомон в трактате «Traitè du système penitentiaire aux Etats-Unis et de son application à la France» (Париж, 1832 г.), но он, в отличие от сочинения де Токвиля, остался практически не замечен[2]. Таким образом, на европейский континент начала проникать известность американского пенитенциарного эксперимента, который меньше чем за полвека был внедрен в практику ведущих европейских стран.

Историк-ревизионист Д. Ротман настойчиво считает американскую пенитенциарную реформу самобытной [3], несмотря на «схожесть

---

[1] Токвиль А. де. Указ. соч. С. 196.

[2] Beaumont, G. de Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France. Philadelphia, 1833.

[3] Амер. essentially homegrown – досл. по существу (в высшей степени) отечественной (местной).

с европейскими прототипами»[1]. Исследователь с изрядной долей скепсиса рассуждает о заимствовании идейного содержания у английских интеллектуалов, которые к началу века были популярны только в узких профессиональных кругах[2]. В общем и целом, подводит итог историк, даже если европейские прототипы американских прогрессивных тюрем действительно существовали, они не были бы восприняты, если бы не соответствовали специфическим американским условиям и потребностям. Чтобы согласиться с Ротманом или поставить под сомнение его утверждение о «по существу доморощенной» американской пенитенциарной системе, нужно рассмотреть предысторию американских тюремных моделей, то есть те условия, которые задавал будущему эксперименту историко-культурный контекст. Основные практики уголовных наказаний, на основе модернизации которых и будут созданы первые прогрессивные модели, складывались как неотъемлемая часть общественных отношений колониальной Америки XVII – начала XVIII вв.

Собственной правовой системы американские колонии не выработали, уголовное правосудие вершилось на основе британских уголовных статутов и механизмов англосаксонского прецедентного права. По авторитетному мнению исследователя правовых прецедентов в колониальном законодательстве М. Меранца, «сам процесс колонизации и построения разнородных колониальных сообществ породил правовые системы, которые избирательно заимствовали и искажали правовые нормы, действующие в метрополии»[3]. Основными видами уголовного наказания было сочетание различных форм телесных наказаний и штрафов, высшей мерой – смертная казнь. В качестве самых распространенных видов

---

[1] Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. N-Y., 2002. P. xlv.

[2] Ibid. Немногие американцы (и очень немногие англичане!) читали Бентама, и еще меньше тех, кто воспринимал его всерьез.

[3] Meranze M. Penalty and the Colonial Project: Crime, Punishment, and the Regulation of Morals in Early America // The Cambridge History of Law in America. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 178.

наказаний применяли: порку, клеймение отдельных частей тела, заточение в колодки, позорный столб и наказание погружением в воду. За особо тяжкие преступления полагалась смертная казнь. Исследователи правовых традиций английских колоний отмечают упрощенное использование «кровавых кодексов» Британии на американской земле: если в метрополии количество видов преступлений, караемых смертной казнью, к третьей четверти XVIII в. доходило до двухсот, то в колониальных уголовных кодексах их насчитывалось не более двадцати[1]. Скорее всего, это было связано с особенностями общественных отношений, не осложненных правовыми прецедентами предшествующих столетий. Интересным фактом является и то, что количество видов таких преступлений варьировало в зависимости от колонии: так, в уголовном своде Пенсильвании, действовавшем до 1718 г., было всего два вида преступлений, за совершение которых полагалась высшая мера наказания, Коннектикута – 14 видов, а в Нью-Йорке по закону 1788 г. – 16 видов[2].

Основными преступлениями, за которые назначали смертную казнь, в целом по колониям являлись: государственная измена, убийство, изнасилование, содомия, кража со взломом, хищение церковных ценностей, грабеж, поджог, нанесение тяжких увечий, фальшивомонетничество, повторная кража, а также пособничество и подстрекательство к любому из указанных преступлений. Судебная практика по уголовным делам выстраивалась с опорой на авторитет английских правоведов. К примеру, в 1666 г. ассамблея колонии Вирджиния приняла специальное постановление об использовании одного из самых востребованных английских юридических справочников «Государственное правосудие»: «для соответствия судопроизводства этой страны английским законам следует закупать надлежащие книги. “Правосудие” Далтона вполне

---

[1] Barnes H.E. Op. cit. P. 39.

[2] Barnes H.E. Op. cit.; Fitzroy H.W.K. The Punishment of Crime in Provincial Pennsylvania // Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 60. 1936. Iss. 3. P. 247–248.

удовлетворяет этому намерению»[1]. Американские историки приводят многочисленные примеры, когда колониальная администрация и суды ссылались на правовые прецеденты, описанные в юридических справочниках Великобритании[2], в частности знаменитых Салемских процессах «процедуры дознания были в точности воспроизведены» по изданию М. Далтона[3].

В ранний колониальный период правосудие было более непримиримым, и списки преступников, приговоренных к высшей мере, возглавляли осужденные за ереси, клятвопреступление, покушение на одного из родителей, прелюбодеяние лиц, состоящих в браке, пиратство и бегство из рабства. Состав данных преступлений свидетельствует о значительном влиянии религиозного мировоззрения на практику уголовных наказаний. Так, всемирную известность приобрел вышеупомянутый пуританский городок Сайлем в землях Массачусетса, где менее чем за год было повешено 14 женщин и 4 мужчины, четыре женщины умерли в тюрьме, и одна сошла с ума. Когда сменившиеся городские власти остановили «охоту на ведьм», в тюрьме Сайлема содержалось 150 осужденных женщин, еще 200 ожидали испытаний на ведовство[4].

Протестантская религиозность действительно оказывала значительное воздействие на все типы социальных отношений в колониальный период. Правосудие, вершимое гражданской властью, зиждилось на фундаменте, заложенном пуританским мировосприятием. В корне преступления виделся в первую очередь след греха – идолопоклонства, богохульства, колдовства. Как отмечал М. Меранц,

---

[1] Boyer L.M. The justice of peace in England and America from 1506 to 1776. A bibliographic history // The Quarterly Journal of the Library of Congress. Vol. 34. 1977. № 4. P. 323.

[2] Flaherty D.H. Criminal Practice in provincial Massachusetts // Law in colonial Massachusetts 1630–1800. A conference held 6–7 November 1981 / ed. by D.R. Coquillette. Boston, 1984. P. 229.

[3] Witches of the Atlantic World: An Historical Reader and Primary Sourcebook / ed. by E.G. Breslaw. N-Y., L., 2000. P. 3.

[4] Karlsen C.F. The Devil in the Shape of a Woman. N-Y., 1987. P. 12.

«в колониальную эпоху уголовное наказание демонстрировало, в общем и целом, как религиозную, так и политическую власть по отношению к преступнику»[1]. В суровых условиях колониального быта религия служила важным регулятором социальных отношений, оберегала общественную мораль, семейные и общинные устои.

Американский исследователь Д. Коухен представил глубокий анализ проповедей, сопровождавших исполнение судебных ритуалов в Новой Англии[2]. Историк убежден, что колониальное правосудие XVII – начала XVIII вв. стремилось максимально совместить уголовное законодательство с предписаниями Ветхого Завета. Правонарушение рассматривалось как результат природной порочности человека и власти дьявола над ним. Переселенцы, объединенные в общины, были заинтересованы в ограждении своего мира, спокойствия и собственности от деструктивных элементов. Веруя в то, что грех, не настигнутый возмездием, навлечет суд Божий на всю общину, колонисты склонялись к скорейшему правосудию или изгнанию преступника за пределы своих земель. В функции публичной проповеди накануне повешения входила задача не только поучения толпы, но и «оправдание казни как выполнения общиной обязательств перед Богом-мстителем»[3], обоснование естественного права гражданской власти на исполнение принципа «кровь за кровь». Коухен убежден, что вплоть до американской революции священники с полным правом считали себя «полуофициальными апологетами судебных приговоров».

Публичность смертной казни в колониях, как и в Англии, демонстрировала не только право и способность государства наказывать, но и служила подтверждением морального авторитета официальной власти. Важнейшая роль священника в ритуале смертной казни заключалась не

---

[1] Meranze M. Op. cit. P. 188.

[2] Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly. Vol. 40. 1988. № 2.

[3] Ibid. P. 151.

только в обосновании этого авторитета, но и в коммуникативном регулировании поведения осужденного и толпы. Проработка шаблона поведения осужденного проводилась за несколько дней до публичной казни: беседы со священником, увещевания, назидания и устрашения склоняли к должному признанию вины и раскаянию, которые необходимо было выразить в публичном обращении к членам общины накауне казни. Содержание таких бесед и признаний в последующем включали в печатный вариант проповеди[1]:

Священник (С.): Вы не можете удивляться тому, что люди станут считать вас *Врагами Всего Человечества*. Вы не можете жаловаться на то, что Правительство *вынесет вам Смертный* приговор.

Пираты (П.): Нет, Сэр, мы не можем.

С.: Конечно, Отец Небесный сильно Разгневан на вас за те События, которые вы упомянули в нашем предыдущем Разговоре. Конечно, вы *тяжко согрешили*, совершив те Преступления, которые теперь привели вас к такому Трагическому Концу. Конечно, вы поддались влиянию *дьявола*, обеспечив ему такое *Преимущество* над вами и такое *обладание* вами, которое проявилось в том, что он таким образом *Пленил вас, чтобы исполнить его волю*. Что в вашей *прошлой Жизни* было такого, что сейчас лежит на вас самым тяжелым бременем? …

С.: Вы все осознаете, что на вас лежит Необходимость *Обратиться* и *Жить* для БОГА?

П.: Да, Сэр.

С.: Чувствуете ли вы, что сами по себе не можете (или, если Он вам не поможет) *Обратиться* и *жить* по Нему?

П.: Да, Сэр.

С.: Признаете ли вы, что вы *недостойны* Его Помощи; и того чтобы Он мог *справедливо утаить* от вас Влияние Его *Благодати*, которую вы презрели!?

П.: Да, Сэр.

С.: Это *смирение* должно быть заложено в Основу вашего *Обращения* к БОГУ. И теперь вы признаете, что нарушили все *Заповеди* Всемогущего БОГА?

П.: Да, Сэр.

В день казни, осужденный обращался к толпе с вымученным раскаянием, признавал свою греховность, молил о прощении, назидательно предупреждал других не повторять его ошибок: «Я прошу, чтобы вы старались жить в страхе Божьем и умоляли Бога уберечь вас от плохой компании и даровать вам благодать, и чтобы вы могли правильно

[1] Mather C. The vial poured out upon the sea. A remarkable relation of certain pirates brought unto a tragical and untimely end. Some conferences with them, after their condemnation. Their behaviour at their execution. And a sermon preached on that occasion. Boston, 1726. P. 9–10.

использовать все время, которое Бог дает вам, и постоянно молиться Всемогущему Богу через веру в Иисуса Христа, чтобы Бог был вашим проводником в этой жизни, и вел вас через темную тень смерти к вечному счастью в грядущем мире, который есть мир совершенных душ» [1]. Исследователь С. Баннер убежден, что проповедники рассматривали предсмертную проповедь как действенный инструмент манипуляции общественным сознанием, ведь охват аудитории непосредственных слушателей был в несколько раз больше, нежели в обычную воскресную службу: «Эшафот был сценой для священника, виселица – его софитом. Одной проповедью, услышанной тысячами, а затем, возможно, опубликованной и прочитанной еще тысячами, служитель мог бы принести в мир больше добра, чем в любом другом случае»[2].

Как мы имели возможность убедиться на примере тайнбернского ритуала отправления правосудия, намерения институциональных акторов (представители религиозной и политической власти, административного аппарата), которые старались обеспечить выполнение социальной нормы, подрывались совокупным эффектом действий других исторических акторов. Колониальный вариант публичной казни не остался в стороне от аналогичных процессов. В идеале, те, кому предстояло умереть, должны были использовать момент на эшафоте, чтобы предупредить зрителей о неотвратимом возмездии за грех, признаться в неправедной жизни, которая заканчивается так плачевно. В тех случаях, когда преступление было совершено внутри общины, местным властям, в большинстве случаев, удавалось добиться признания и покаяния. Однако, когда к публичной казни приговаривали «внешних» по отношению к общине преступников (например пиратов), ролевые модели как осужденных, так и зрителей

---

[1] Sovereign grace displayed in the conversion and salvation of a penitent sinner, set forth in a sermon preached before the execution of Solomon Goodwin, who was executed at Falmouth, November 12, 1771, for the murder of David Wilson, on the 25th of May last. Published at the desire of many who heard it / By Ephraim Clark, of Cape-Elizabeth, and Pastor of the church there. Boston, 1773. P. 31.

[2] Banner S. The death penalty: An American history. Cambridge, MA., 2002. P. 33.

претерпевали разительные изменения, и казнь приобретала черты «тайбернского карнавала». Американский исследователь Д. Уильямс подробно описал казус противостояния пирата У. Флая и властей Бостона. Приговоренный к смертной казни, Флай отказался выслушать проповедь, приехал к виселице с букетом цветов, и обратился к толпе бравурно и высокомерно, без намека на раскаяние[1]. Толпа также не проявила ни уважения к ритуалу правосудия, ни трепета перед «ужасом вечности». Очевидно, это был не единичный случай, а повсеместно повторяющаяся практика: в проповеди перед собравшимися на казнь М. Дамбора, осужденного за государственную измену, Н. Стронг внушал жителям Коннектикута, что тот, кто посещает казни, руководствуясь тщеславным любопытством или праздным юмором, лишен человечности и благочестия и не имеет уважения к власти «…ибо там смерть! Справедливость и правосудие существуют! А власть правительства представлена в форме, внушающей страх»[2].

Так или иначе, основные признаки кризиса, поразившего систему исполнения наказаний Великобритании, затронули колониальные практики уголовной репрессии. В течение XVIII в. меняются взгляды колонистов не только в отношении наказания, но и на природу преступления. В общественном сознании постепенно закрепляется разграничение нарушений, наказуемых государством, и грехов, не подлежащих компетенции суда. Ввоз печатной продукции из Великобритании, которая переживала «бум» «воровских памфлетов» и иных форм популярной криминальной литературы, привел к появлению подобного жанра в колониях. Небольшие оттиски с историями в прозе или поэтической форме с грубыми гравюрами назидательных сцен, ориентированные на

---

[1] Williams D. Puritans and pirates: A confrontation between Cotton Mather and Williams Fly in 1726 // Early American Literature, 1987. № 22. P. 233–251.

[2] Strong N. The Reasons and Design of Public Punishments; A Sermon, Delivered Before the People Who Were Collected to the Execution of Moses Dunbar, Who Was Condemned for High Treason Against the State of Connecticut. Hartford, 1777. P. 17.

малограмотную аудиторию [1], постепенно становятся более востребованными, чем суровые печатные проповеди, отягащенные сложными для восприятия интертекстуальными включениями. В свою очередь, проповеди также претерпевают качественные изменения: Д. Коухен проследил эволюцию пуританской риторики в течение столетия и отметил смещение акцентов: от «всепроникающего влияния Закона Ветхого Завета» в конце XVII в. к вполне светским оправданиям смертной казни. Проповедник конца XVIII в. уже не только акцентировал внимание на грехе преступника против Закона Божьего, но и рассматривал преступление как результат личного морального выбора человека, его склонности к безнравственному поведению, лени, пьянству. По выражению Коухена, новый жанр «гибридной» проповеди свидетельствовал о «постепенном отмирании кальвинистского теоцентрического подхода» в ментальном восприятии правосудия, что было вызвано не только общей тенденцией века Просвещения, о которой мы говорили в предшествующих главах, но в Америке еще и политическими причинами. «В эпоху революционной борьбы республики против королевской власти призывы к древнему Писанию и Божественному суверенитету, естественно, имели бы меньший риторический резонанс, чем утверждение текущих потребностей и высказывания об общем благе»[2].

Колониальная практика правосудия наряду с кодексами и практиками наказания заимствовала механизмы отмены приговора к высшей мере. Описывая отношение граждан Америки к уголовному судопроизводству накануне революции, Д. Ротман пишет: «Американцы прекрасно понимали, что законы могут быть орудием страстей в руках горстки людей. Разве это не характеризует в целом Британское колониальное законодательство после 1763 года? Они также стали свидетелями того, что приговоры к жестоким наказаниям обречены на регулярные срывы. Разве они не наблюдали

---

[1] Приложение 1.21–1.22, 2.8–2.9.

[2] Cohen D.A. Op. cit. P. 153.

многократно ситуацию, когда присяжные предпочитали отпустить вора на свободу, нежели отправить его прямиком на виселицу? Таким образом, с позволения, если не сказать больше – при содействии, общины преступники могли избежать должного наказания, продолжая упорствовать в своем ремесле»[1].

Итак, основные системные сбои, имевшие место в уголовном правосудии Великобритании во второй половине XVIII в., рельефно проявились в системе управления колониями, что станет одним из источников непримиримой критики «старого закона» со стороны деятелей американской революции.

Исследователи американской системы наказаний колониального периода склонны рассматривать как *общие* для всех колоний черты уголовного правосудия – заимствование кодексов метрополии, упрощенность применения правовых норм и тенденция к ускоренному правосудию без судебных проволочек, относительно бо́льшая подверженность влиянию религии, так и *уникальные правовые традиции*, сложившиеся в отдельных землях. В качестве показательного примера традиционно рассматривают Пенсильванию – колонию, где «квакерская концепция уголовного наказания получила силу нормативного акта»[2]. История американского штата Пенсильвания неразрывно связана с протестантским движением «Религиозное общество друзей». В 1682 г. английский квакер Уильям Пенн основал религиозную колонию-убежище для христиан-протестантов, гонимых за веру. В честь отца У. Пенна эту землю назвали Пенсильвания[3]. В названии главного города Пенсильвании – Филадельфии[4] отпечатан важнейшей принцип квакерской веры: жизнь – благо, и для постижения ее истинной природы необходимо окунуться в любовь, которую люди испытывают друг к другу. На искренних

---

[1] Rothman D.J. Op. cit. P. 60.
[2] Fitzroy H.W.K. Op. cit. P. 242.
[3] *Лат*. Penn Sylvani – лесистая земля Пенна.
[4] *Греч*. Город братской любви.

и простодушных принципах любви к ближнему колонисты-квакеры приступили к «Святому Эксперименту»[1] – построению новой жизни в Новом Свете.

За 1677–1681 гг. более 1400 квакеров переехали в Новый Свет, эмиграция усилилась после вступления У. Пенна во владение землями. Владелец Пенсильвании столкнулся с необходимостью создания уголовного кодекса в новой колонии, к чему он и приступил с энтузиазмом в стремлении синтезировать идеологические принципы квакерства и блестящее знание английских законов, полученное в Оксфорде. Задача значительно упрощалась тем фактом, что более 90 % населения современной ему Пенсильвании составляли его единомышленники и братья по вере. До 1725 г. квакеры оставались доминирующей группой в Пенсильвании. Единые религиозные принципы, разделяемые членами общины, позволили создать максимально упрощенное гражданское судопроизводство. Решение арбитров, назначаемых общим собранием, было неукоснительным для исполнения противоборствующими сторонами. Арбитрами, как правило, выступали религиозные отцы-лидеры, подкрепляя правосудие духовным авторитетом.

Очертания пенсильванского уголовного кодекса сложились в течение первого года пребывания У. Пенна во главе этих земель. Это был самый мягкий свод уголовных статутов в английских колониях на американской земле в течение всего XVIII в., применение высшей меры было крайне ограничено. Как уже отмечалось, в кодексе Пенсильвании конца XVII – начала XVIII в. смертная казнь полагалась только за два вида преступлений – убийство и государственную измену. Такого гибкого уголовного законодательства в рассматриваемый период не было ни в одной из европейских стран и соответственно ни в одной американской колонии. За такие серьезные преступления, как изнасилование, содомия, двоеженство, кровосмешение и др., которые карались высшей мерой как

[1] *Англ.* Holy Experiment.

в Англии, так и в других колониях, кодекс Пенсильвании предусматривал различные комбинации конфискации имущества, принудительного труда, телесных наказаний (публичная порка) и лишения свободы вплоть до пожизненного заключения[1].

За преступления против собственности (кража, поджог, фальшивомонетничество), как в рассматриваемой нами петиции Дж. Фокса 1659 г., было предусмотрено возмещение ущерба в сумме, кратной размеру причиненного вреда. В своде уголовных постановлений особо выделялись преступления против нравственности – пьянство, азартные игры, оскорбление, блуд, за которые предусматривались различные формы общественного порицания, штрафы и принудительные работы [2]. Пенсильвания некоторое время оставалась достаточно закрытым социумом, ограниченным строгими морально-нравственными и религиозными нормами. В таких замкнутых общинах раннего колониального периода мощным эффектом обладали такие формы общественного порицания, как необходимость осужденного «стоять на рынке определенное количество дней с плакатом, обозначающим преступление» или требование нашивать установленные яркие цветные буквы или повязки на одежду. Наиболее распространенным позорящим наказанием на протяжении всего XVIII в. оставался позорный столб. Исследователь Х. Фицрой предположил наличие непосредственного влияния строжайших моральных норм, которыми руководствовались квакеры в жизни, на практику активного использования «элементов общественного порицания» в качестве наказания и назидания[3].

Однако суровая американская действительность вскоре привела к пересмотру столь гуманного для XVIII столетия законодательства.

---

[1] Charter to William Penn, and laws of the province of Pennsylvania: passed between the years 1682 and 1700, preceded by Duke of York's laws in force from the year 1676 to the year 1682, with an Appendix containing laws relating to the organization of the provincial courts and historical matter. Harrisburg, 1879. P. 100–104.

[2] Ibid.

[3] Fitzroy H.W.K. Op. cit.

С одной стороны, Пенсильвании постоянно указывали на несоответствие внутреннего законодательства как английскому, так и общеколониальному. С другой – рост преступности, особенно краж, грабежей и поджогов, наглядно демонстрировал провал Святого Эксперимента. В обновленном кодексе 1700 г. колониальное руководство временно отступило от гуманистического курса: были значительно увеличены сроки заключения, размеры штрафов и конфискации, за сексуальные преступления предусматривалась порка каждые три месяца, за повторное совершение – кастрация. Власти объясняли необходимость ужесточения уголовных статутов еще и тем, что Англия начинает активно «экспортировать в колонии уголовников», что приводит к дестабилизации социального спокойствия. В течение XVIII в. квакерская община постепенно теряла доминирующие позиции в штате, население Пенсильвании пополнялось валлийцами, немцами, ирландцами и шотландцами[1]. «Отцы-основатели» квакерской ячейки были вынуждены признать, что только ужесточение законов поможет сдержать растущую преступность. В обновленном кодексе Пенсильвании 1718 г., известном как «Свод правил отправления правосудия и организации администрации на основании этих правил» смертная казнь предусмотрена уже за двенадцать видов преступлений: государственная измена, убийство, изнасилование, поджог, грабеж и др. Изменению в сторону ужесточения подверглись и виды наказаний за преступления против нравственности: на смену позорящих букв, повязок и плакатов пришло клеймение лба или большого пальца, расширение применения практики позорного столба[2]. Тем не менее, несмотря на изменение курса уголовной политики, который с 1718 г. по революционные события 1775–1783 гг. в целом соответствовал как английскому законодательству, так и правовой традиции других американских земель,

---

[1] Dunaway W.F. The English Settlers in Colonial Pennsylvania // Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 52. 1928. Iss. 3. P. 321.

[2] An act for the advancement of justice and the more certain administration thereof. 1718.

Пенсильвания сохранила репутацию колонии с самой гибкой уголовной практикой. Идеологи квакеров, вынужденные признать, что смягчение наказаний не ведет к искоренению преступности, а наоборот, обратили свою энергию на поиск альтернативных методов борьбы с криминалом.

Будущие оппоненты пенсильванцев в вопросе о методах тюремного реформирования – ньюйоркцы – с колониальных времен придерживались курса, который можно охарактеризовать как наиболее жесткое уголовное законодательство колониального периода. Атмосфера в Нью-Йорке – классических въездных воротах для мигрантов – всегда характеризовалась высокой степенью социальной напряженности. Этническое и религиозное многообразие населения, более динамичное экономическое развитие, постоянный приток мигрантов и сопутствующий этому повышенный уровень маргинализации колонии – все это серьезно подрывало социальную стабильность и поддерживало более высокий уровень преступности как в колониальный период, так и в первые годы независимости. Система уголовного правосудия колонии Нью-Йорк наиболее приближалась к британским «кровавым статутам». Смертная казнь, как уже упоминалось, полагалась более чем за шестнадцать видов правонарушений (убийство, государственная измена, грабеж, фальшивомонетничество, а также за совершенные повторно имущественные преступления и др.) и применялась значительно чаще, чем в других колониях [1]. Следующими по распространенности были позорящие и телесные наказания: столб, публичная порка, клеймение отдельных частей тела. В то же время система исполнения судебных решений по уголовным делам была не безупречна: по подсчетам известного американского социолога и криминолога, основателя «математической криминологии» Дугласа Гринберга, примерно две пятых дел, поступавших для судопроизводства, не были доведены до приговора или его исполнения. Более 50 процентов преступников, приговоренных

[1] Greenberg D. Crime and Law Enforcement in the Colony of New York, 1691–1776. Ithaca, N-Y., 1976. P. 25.

к высшей мере, в конечном итоге были помилованы. По оценке Гринберга, «уголовное правосудие широко варьировало в зависимости от принадлежности обвиняемого к определенной социальной категории, как, впрочем, и от других причин»[1].

В поисках самобытности американской системы исполнения уголовных наказаний исследователи обращают внимание на еще одно существенное отличие ее генезиса от английского прообраза – восприятие социальных девиаций бедности, нищенства, бродяжничества. На фоне сурового, граничившего с жестокостью, отношения колонистов к преступности, «выглядит удивительным поразительное сострадание к бедным и неимущим»[2]. Корни такой сопричастности, объясняет Ротман, скрыты в глубокой религиозности потомков первых колонистов и подкреплены позицией протестантских миссионеров. Представители духовенства выступали в качестве основателей и идейных организаторов различных благотворительных обществ, вели регулярную миссионерскую деятельность в пользу бедных, привлекая широкую аудиторию. В проповедях они призывали «врачевать» бедность как общественную болезнь. Эта идея вряд ли может претендовать на американское происхождение, так как мы наблюдали ее настойчивое проявление в различных английских кампаниях и социальных проектах XVII–XVIII столетий. Однако суровый колониальный быт, воспоминания о первых пилигримах, испытавших жестокие лишения, укоренили в их потомках принцип: бедность не порок. Колонисты не видели противоречия в том, чтобы перераспределить часть своих ресурсов в пользу неимущих. Если в английской общественной мысли одновременно появились и постоянно актуализировались два полярных отношения к нищим и бродягам (от филантропического стремления «врачевать» и опекать до упреков в паразитизме, лености и праздности, намерении жестоко наказать),

---

[1] Ibid. P. 36, 71.
[2] Rothman D. J. Op. cit. P. 6.

то колониальная действительность до определенного времени не порождала таких контрастов.

В основу религиозной интерпретации благотворительности был заложен следующий посыл: если существующий социальный порядок провиденциален, то есть предопределен Божественным провидением, то любая форма общественного благосостояния, в том числе бедность, не случайна. Высшее Провидение предопределило богатство одних и нищету других. Американские проповедники задавались вопросом: «Как Бог мог допустить, чтобы дети страдали от голода и холода? Не является ли это каким-то изъяном Его творения и порядка?» И тут же давали категорически отрицательный ответ: не является, так как, созидая нищету, Бог дает шанс всем остальным делать добро. Бедность одних чудесным образом делает богатство других благословенным, так как дает возможность потратить его на благотворительность. Возможность заниматься благотворительностью исцеляет от греха гордыни, потому что жертвующий в состоянии подняться выше собственных интересов ради помощи ближнему[1].

Интересный анализ правового статуса и ментального восприятия американских бедняков и бродяг в первой половине XVIII в. представила в диссертационном исследовании С. Николаццо. Проведя сравнительный анализ положения «праздношатающихся» в метрополии и колониях, исследовав внушительный массив художественных произведений и народного творчества, исследователь предположила, что в американском восприятии культурная коннотация образа белого европейца без определенных занятий более позитивная, образ «порядком романтизирован», поскольку частично воплощает «сугубо американский опыт свободы»[2].

---

[1] Ibid. Op. cit. P. 7–8.

[2] Nicolazzo S. Vagrant Figures: Law, Labor, and Refusal in the Eighteenth-Century Atlantic World. PhD thesis, University of Pennsylvania, 2014.

Однако с принятием серии английских статутов о транспорте уголовных преступников (1717, 1733, 1742, 1747) ситуация начинает кардинально меняться: колонии буквально наводняют «подозрительные незнакомцы», которым чужда американская ментальность колонистов, основанная на принципах равенства, законности, культа труда и трудолюбия в целом. Для регуляции правового статуса прибывающих американские колонисты также воспользовались британским прецедентным правом, максимально упрощая витиеватые английские нормы под колониальный режим Нового Света. Во-первых, каждая колония разработала процедуру своеобразной регистрации прибывающих на их территорию: они должны были отметиться в органах администрации, заявив о своем роде деятельности и намерениях зарабатывать на жизнь. Так общины пытались защититься от преступников, бежавших от возмездия или изгнанных из других колоний, а также пресечь попытки праздного существования и тунеядства на своей территории. Если возникали основания заподозрить прибывшего в этих «грехах», то община имела право изгнать незнакомца, отказав в претензии на жительство. Хозяин дома или держатель таверны, который давал пристанище таким бродягам, должен был заплатить штраф за их пребывание в колонии[1].

Во-вторых, результатом заимствования и адаптации английских правовых норм и институтов стало учреждение в крупных городах специальных заведений для бедных и бродяг – аналогов брайдуэллов и работных домов. Так, в Пенсильвании первый дом коррекции был организован в 1756 г., причем в комментариях к законодательному акту, его учреждавшему, было обозначено: «дабы защитить общество от опасных элементов: жуликов, бродяг и людей развратного поведения, часто прибывающих из других провинций»[2]. Некоторые колониальные уголовные

---

[1] Act to prevent the mischiefs arising from the encrease of vagabonds, and other idle and disorderly persons within this province. 1767.

[2] Act for the Better Employment, Relief, and Support of the Poor within the City of Philadelphia. 1756.

уставы, например Коннектикута, активно использовали работный дом как место водворения за нарушения норм религии и нравственности: странствующие шарлатаны, промышляющие хиромантией и оккультизмом, карточные игроки, бродячие жонглеры возглавляли список «клиентов» брайдуэлла.

Таким образом, если в метрополии брайдуэллы возникли изначально в XVI в. как форма благотворительных учреждений, влившись постепенно к началу XVIII в. в пенитенциарную культуру, то в колониях исправительные дома изначально возникали после закона 1706 г., уже как гибриды благотворительных и карательных заведений. Изучив кодексы колониального периода, Д. Ротман пришел к выводу о том, что эти учреждения возникают в первую очередь как форма «социального карантина»: местные судебные органы постепенно переходят к практике направления в дома коррекции лиц, повинных в «жизни развратной и праздной, разложении нравов, угрозе общественному порядку и религиозности»[1]. В таком ракурсе американский исправительный дом изначально использовался как вид наказания в сочетании с приговором к принудительному труду в пользу государства. Труд осужденных использовался в основном для строительства дорог, в Коннектикуте с 1773 г. тюрьма штата была размещена на медном руднике, где был организован принудительный труд арестантов в шахтах. Если заключенный не мог работать, его хозяин или родственники были вынуждены оплачивать его содержание в исправительном доме. Восемь пенсов из каждого заработанного шиллинга шли на штрафы и расходы на содержание арестанта, снабжение инструментами и материалами для работы также вменялось в обязанность родственникам осужденного[2].

---

[1] Rothman D.J. Op. cit. P. 25–26.

[2] Jackson H.T. Prison Labor // Journal of Criminal Law and Criminology. Vol. 18. 1927. Iss. 3. P. 222–223.

Американские историки и криминологи убеждены в том, что синтез и эволюция обычных тюрем, используемых для досудебного удержания преступников, и исправительных домов под влиянием определенных факторов на практике привели к рождению американского пенитенциария[1]. Однако, как мы имели возможность убедиться в предыдущих главах, сходные процессы происходили как в Англии, так и в других европейских странах.

Итак, краткий обзор становления пенальных практик в американских колониях, основанных на заимствовании и адаптации правовых норм и обычаев метрополии, не позволяет в полной мере согласиться с утверждением авторитетного в области пенитенциаристики специалиста о самобытном происхождении американской пенитенциарной системы. Комплекс гуманистических, рационалистических, теологических идей, сложившихся в базовые идеологемы пенитенциаризма, как мы выяснили, зарождался в Старом Свете. И даже если американские реформаторы не успели прочитать «Паноптикон» Бентама, основные идеи проникали в Новый Свет вместе с эмигрантами, проповедниками и просветителями-путешественниками задолго до появления серии писем знаменитого законотворца. Образованные колонисты, которые мнили себя коренными американцами, динамично усваивали прогрессивные идеи европейской мысли.

Война за независимость 1775–1783 гг. и необходимость построения новой государственности представили шанс, которого были лишены европейские страны, – возможность социальной инженерии «с чистого листа». Активные политические деятели в стремлении показательно дистанцироваться от «тяжелого наследия колониального режима» с энтузиазмом инициировали многообразные долгосрочные социально-политические эксперименты. Формирование новой государственности, как и перспектива осуществить реформу уголовного законодательства

[1] Barnes H.E. Op. cit. P. 36.

в условиях построения новой республики, открывали поистине захватывающие возможности. Прогрессивные гуманистические идеи английского Просвещения подготовили теоретическую и идеологическую основу социальных преобразований. Что, вероятнее всего, сделает американскую пенитенциарную систему уникальной, так это те факторы, которые привели в действие механизм трансформации теоретико-концептуального уровня реформистской идеологии в практический и результативный.

4.2. Пенсильванская пенитенциарная модель: теория и практика одиночного содержания

Опыт создания пенсильванской тюремной системы – это уникальная попытка интеграции гуманистических идей английских интеллектуалов, теологии «Религиозного общества друзей» и правовой традиции бывшей колонии, управляемой У. Пенном. Столица штата Пенсильвания – Филадельфия в период войны за независимость превратилась в настоящий центр американской цивилизации и политической жизни. В первые годы после войны Филадельфия несколько раз становилась временной столицей США, что способствовало притоку важных политических гостей, которые надолго задерживались в Пенсильвании. Коренные филадельфийцы – политические лидеры штата и страны, среди которых был небезызвестный Бенжамин Франклин, – были в курсе прогрессивных европейских новаций, в том числе в области права и государственного управления.

Тенденция к замене высшей меры альтернативными видами наказаний обозначилась еще в колониальный период, вероятно, как отражение аналогичной линии в метрополии. Свертывание карательной традиции в исполнении наказаний, в свою очередь, привело к расширению практики тюремного содержания. Исследователи отмечают, что именно

в этот период зафиксировано изменение общественного отношения к «природе преступления»: если нет возможности избавиться от преступника путем его уничтожения или насильственного выдворения за пределы своей среды, следует найти эффективные механизмы внутреннего контроля и превенции. Д. Ротман отмечает общую направленность американских интеллектуалов и управленцев трактовать преступность «как заболевание эндемического характера по типу бедности», а значит, потребность «врачевать» эту девиацию известными методами[1]. Этот, как мы имели возможность убедиться, устойчивый ментальный паттерн восприятия преступности был характерен для английского реформенного дискурса, что еще раз косвенным образом подтверждает трансферт передовых идей от метрополии к колониям. Динамичный прирост тюремного населения неизбежно поставил местные власти перед проблемой обеспечения соответствующих условий содержания, режима и охраны.

Первым борцом за улучшение положения заключенных Пенсильвании стал квакер Ричард Уистар, который еще до войны за независимость озаботился «страданиями арестантов» в тюрьме Филадельфии. Ежедневно он готовил еду в собственном доме и приносил обед заключенным, которые действительно жестоко страдали от голода в тюрьме. Пример филантропа-одиночки вдохновил членов местной религиозной общины, и 7 февраля 1776 г. было организовано *Филадельфийское общество помощи нуждающимся арестантам*[2]. Членов этого общества, просуществовавшего не более полугода, объединяли исключительно филантропические, можно сказать христианские, намерения – организация питания и элементарных санитарных условий в местной тюрьме. Вопрос об участии в управлении тюрьмой или какой-либо масштабной пенитенциарной реформе в британской колонии Пенсильвания этим обществом не поднимался. Последовавшие вскоре

---

[1] Rothman D.J. Op. cit. P. 15.

[2] *Амер*. The Philadelphia Society for Assisting Distressed Prisoners.

события – война с метрополией, оккупация, провозглашение американской республики – привели к полному прекращению деятельности первого Общества. Американские исследователи убеждены: если бы не война с Британией и оккупация, которая привела к вынужденному прекращению деятельности этой христианской организации, пенитенциарная реформа началась бы в Пенсильвании на десять лет раньше[1].

В условиях построения новой государственности американское общество легко самоорганизовывалось в различные религиозно-благотворительные общества и социальные движения, ратовавшие за широкие реформы, направленные на создание стабильного социального порядка. Популярны были социальные проекты борьбы с бедностью и работорговлей, ликвидации безграмотности, диспансеризации населения. С окончанием войны за независимость в штате Пенсильвания возникло движение за отмену Уголовного кодекса Пенсильвании 1718 г., который рассматривался как «кровавое наследие колониального периода». Политически и социально активные граждане Филадельфии – врач-психиатр Бенджамин Раш, издатель Уильям Брэдфорд и создатель герба Филадельфии Калеб Лоунс во главе с Бенджамином Франклином – активно выступали за максимальное сокращение количества преступлений, наказанием за совершение которых была смертная казнь, вплоть до ее полной отмены (по предложениям Б. Раша). Их усилия увенчались принятием закона от 15 сентября 1786 г.[2], отменившим смертную казнь за все преступления имущественного характера и ряд преступлений средней тяжести. В развитие законодательно подкрепленного успеха активисты движения продолжили реформаторскую инициативу, сосредоточив внимание на состоянии пенсильванских тюрем.

---

[1] Fitzroy H.W.K. Op. cit.; Barnes H.E. The Evolution of Penology in Pennsylvania. A Study in American Social History. Indianapolis, 1927.

[2] An act amending the penal laws of this state. 1786.

В мае 1787 г. активисты движения за реформирование уголовного кодекса Пенсильвании и члены местной общины квакеров объединились в *Филадельфийское общество облегчения ужасов общественных тюрем*[1], которое кратко именовали *Обществом облегчения страданий арестантов.* В преамбуле Устава были изложены основные принципы и цели его создания: основатели подписались под декларацией намерения противодействовать таким условиях заключения, которые «несут нищету, голод, холод, неоправданную жестокость и вредные для здоровья условия». В этой борьбе за улучшение условий содержания идеальной целью была заявлена такая организация тюремного заключения, которая «не способствовала бы дальнейшему укоренению пороков и вредных привычек, а напротив, помогала бы восстановить падшего товарища в добродетели и благочестии»[2]. Несмотря на тот факт, что костяк обоих обществ 1776 и 1787 гг. составляли адепты «Религиозного общества друзей», учредители второй организации не рассматривали ее как возобновление первой, если только в идейном плане и общей христианской направленности. Между тем в отечественной историко-правовой литературе встречаются «вольные» интерпретации истории двух обществ, что является причиной «блуждающей» даты основания пенсильванской тюремной модели[3].

Общество облегчения страданий арестантов изначально расположило свой штаб в здании немецкой школы на Черри-стрит. Преимущественное большинство членов организации были адептами друзей, однако такая

---

[1] *Амер*. The Philadelphia Society for Alleviating the Miseries of Public Prisons.

[2] Vaux R. Notices of the Original and Successive Attempts to Improve the Discipline of the Prison at Philadelphia and to Reform the Criminal Code of Pennsylvania. Philadelphia, 1810. P. 10–11.

[3] Н. Таганцев приводит сведения, содержащиеся также в словаре Брокгауза и Ефрона: «…в 1776 г. было там [в Филадельфии. – *С.В.*] образовано первое тюремное общество, которое благодаря стараниям Франклина (1706–1790) и квакеров открыло в 1786 г. первую пенитенциарную тюрьму…» См.: Таганцев Н.С. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. Тула, 2001. Т. 2. С. 297; М. Галкин: «в 1776 г. в Филадельфии… образовалось частное общество, для облегчения участи арестантов, которое получило прочную организацию в 1787 г.». См.: Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868. С. 3.

принадлежность не была определяющей: среди первых реформаторов выделялись активисты неквакерского вероисповедания – священник Епископальной церкви преподобный Уайт, Б. Франклин, У. Бредфорд, Б. Раш. В заявленных целях деятельности были обозначены: гуманизация уголовного законодательства, реформирование условий тюремного содержания, облегчение физического состояния арестантов и превращение тюрьмы в исправительное заведение.

Дальнейшее реформирование уголовного законодательства Пенсильвании связано с деятельностью У. Бредфорда в качестве Верховного судьи штата в 1791–1793 гг. Позиция нового правительства в отношении уголовной политики была сформулирована в его знаменитом эссе: «Размышления на предмет того, насколько смертная казнь необходима в Пенсильвании»[1], где автор утверждает, что новорожденная американская государственность идеально подходит для узаконения принципов Ч. Беккариа: «Преступления происходят от невежества, бедности и поврежденных нравов. Но там, где наказание, даже умеренное, неизбежно следует за преступлением, система эффективней, чем при более строгом наказании, которого можно избежать»[2]. Бредфорд постоянно возвращается к мысли о том, что смягчение наказаний непременно должно сопровождаться систематическим просвещением народа, правовым воспитанием, укоренением в гражданах убежденности в верховенстве закона и требований его надлежащего исполнения. В 1794 г. закон от 15 сентября 1786 г. об отмене смертной казни за определенный круг преступлений был значительно переработан: высшая мера была отменена практически за все виды преступлений, за исключением убийства с отягчающими обстоятельствами[3]. Это, в свою очередь, привело

---

[1] Bradford W. An Enquiry how far the Punishment of Death is Necessary in Pennsylvania with notes and illustrations. To which is added, an account of the goal and penitentiary house of Philadelphia, and of the interior management thereof. Philadelphia, 1793.

[2] Ibid. P. 43.

[3] An act for the better preventing of crimes, and for abolishing the punishment of death in certain case. 1794.

к увеличению количества арестантов, поэтому вопрос реформирования тюремного содержания выдвинулся на первый план.

Воззрения квакеров на природу человека и ее возможности, ставшие теоретической и теологической основой режима одиночного содержания, мы уже рассматривали. Пенсильванские реформаторы выразили коллективную приверженность принципу келейного заключения. Теологическое обоснование необходимости духовного одиночества на пути раскаяния и покаяния вытекало из религиозных принципов квакеров. Американским вкладом-новацией в идейно-теоретические основы одиночной системы содержания стали воззрения и практические наработки «отца американской психиатрии» Бенджамина Раша. По мнению М. Меранца, «доктор Раш обосновал философию и психологию одиночного наказания-покаяния»[1]. Анализ содержания медицинских трактатов Раша позволяет сделать вывод о знакомстве автора с передовыми взглядами врачей-реформаторов, таких как Дж. Говард и Дж. Фозергил, на чье мнение и положительный опыт американец неоднократно ссылается. Однако его собственная теория преступности и методы борьбы с этим явлением отличаются оригинальностью, и их вполне можно назвать «самобытным» вкладом в теорию пенологии.

Разделяя взгляды английских врачей и реформаторов, Раш считал преступления болезнью и настаивал на изоляции (карантине) больных от общества на период излечения. Но если в дискурсе английской реформы концепт «преступление как болезнь» звучал скорее в метафорическом смысле с оттенком политического популизма, то в воззрениях Раша девиантное поведение превратилось в медицинский диагноз. В серии медицинских трактатов доктор Раш рассматривал преступное или порочное

[1] Meranze M. The Penitential Ideal in Late Eighteenth-Century Philadelphia // Pennsylvania Magazine of History and Biography 1984. № 108. P. 427, 441.

поведение как «*расстройство моральной способности*»[1]. Под моральной способностью автор понимал «способность человеческого духа различать добро и зло, добродетель и порок и делать выбор между ними»[2]. Раш настаивал на дифференциации понятий «совесть» и «моральная способность» и считал, что объединяющая задача этих качеств человека – «осуществлять обязанности законодателя», различие же состоит в том, что местопребывание совести – рассудок, а местопребывание моральной способности – воля[3]. Источник преступлений, совершаемых человеком, американский просветитель усматривал не в порочном *мышлении* (регулируемом совестью), а в *порочном действии*, значит, поврежденный орган, который нуждается в исцелении, – воля. Таким образом, доктор Раш сближался с английскими врачами-реформаторами в оценке преступного поведения как рода нравственной болезни, но, в отличие от намерений англичан «врачевать душу», американский специалист предполагал воздействовать на волю.

Доктор Раш был убежден, что в современном ему просвещенном обществе совесть, «подобно мудрому и преданному законодателю», осуществляет контроль над моральной способностью и таким образом предотвращает роковые последствия безнравственных поступков. Однако при неблагоприятных обстоятельствах, когда «воля теряет способность делать выбор и пользоваться моральными благами»[4], моральная способность может оказаться в состоянии спячки или быть подвержена заблуждениям, в результате чего человек склоняется к порокам и преступлениям. Новаторство и уникальность своего метода лечения Раш видел в том, что никто из медиков до него не пытался проследить связь между повреждением моральной способности и *физическими причинами*.

---

[1] Rush B. Medical inquiries and observations upon the diseases of the mind. Philadelphia, 1812; Rush B. An inquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty. Philadelphia, 1839.

[2] Rush B. An inquiry into the influence of physical causes… P. 1.

[3] Ibid. P. 2–3.

[4] Ibid. P. 4.

Таким образом, корректируя влияние физических факторов, врач может восстановить способность воли делать выбор в сторону добродетели и тем самым добиться исправления порочного поведения.

Каждая физическая причина может как негативно, так и позитивно влиять на моральную способность. Раш рассматривал зависимость человеческого поведения от климата, режима питания и напитков, трудовой деятельности, физической боли и болезни, сна, чистоты, запахов и даже красноречия и молчания! [1] Негативное воздействие физического фактора влечет человека к пороку: например, сильный голод преобладает над разумом, обостряет жестокость, побуждает к воровству; спиртные напитки разжигают страсти и склоняют к гневу, результатом чего может стать физическое насилие. Источником всех пороков доктор Раш считал леность: «Мозг праздного человека – это мастерская дьявола», – заявлял американский просветитель в одном из своих трактатов[2]. Рассматривая дела преступников, помещенных в тюрьмы Филадельфии, как истории болезни, в каждом случае доктор Раш находил причинно-следственную связь между неблагоприятным влиянием сочетания физических факторов и преступным деянием. «Насколько люди, чьи болезни были упомянуты, должны рассматриваться как ответственные перед человеческими или божественными законами за свои действия, и где должна быть проведена черта, отделяющая свободу воли от потребности, а порок от болезни, я не могу определить, – рассуждает автор, – …но если признать, что такие люди в высшей степени являются объектами сострадания, то задача медицины состоит в том, чтобы помогать как религии, так и закону в предотвращении их деяний и лечении их морального отчуждения ума»[3].

По мнению последователей доктора Раша, если преступник душевно болен, следует передать его под контроль врача/надзирателя, который для

---

[1] Ibid. P. 11–18.
[2] Rush B. Medical inquiries and observations upon the diseases of the mind… P. 360.
[3] Ibid.

исцеления больного должен достичь полного контроля над его личностью. Исходя из этого приветствовались медицинские знания и навыки у лиц, отбираемых на должности тюремного персонала. Осуществлять «лечение» безволия и пороков Раш также предлагал сочетанием физических факторов влияния. Цитируя «г-на Говарда», доктор настоятельно рекомендовал лечить леность – выучкой и *трудом*, а буйность – *одиночеством*: «для лиц, предрасположенных к пороку, веселое, а еще в большей степени нечестивое общество и беседы становятся причиной возбуждения и подобно искре, высеченной огнивом из кремня, воспламеняют порок, делая его более деятельным и явным. Лишив таких людей этих возбудителей, их зачастую можно исправить, особенно если уединить их на достаточно длительное время, дабы отучить их от порочной привычки. В тех случаях, когда одиночество и тюремное заключение могут быть дополнены размышлением и наставлениями из книг, их благотворное влияние еще более определенно»[1].

«Механическим средством содействия добродетели» Раш считал *молчание*. В подтверждение благотворного действия этого физического фактора, доктор обращался к опыту английского медика-реформатора Фозергила. Как мы уже упоминали в предшествующих главах, Дж. Фозергил был по вероисповеданию квакером, и свои профессиональные убеждения соотносил с религиозными принципами. Последователи Дж. Фокса полагали, что «если люди будут *молчать*, ожидая Бога, Свет научит их, как им жить, даст им знание о Христе, покажет состояние их сердец; любящих Свет он освободит от причины греха»[2]. Раш ссылается на программу Фозергила, составленную для детского исправительного приюта, в которой английский врач рекомендовал

[1] Rush B. An inquiry into the influence of physical causes… P. 15–16.
[2] Quotes by George Fox in his journal. URL: www.qis.net/~daruma/fox-ministry.html

приучение детей к молчанию как средство обуздания буйного ума, воспитания привычки к терпению и сдержанности[1].

Произведения доктора Раша отличает уникальная широта кругозора: аллюзии к Священному Писанию, античной литературе, психотипам героев Шекспира, философии Дж. Мильтона и Дж. Локка и пр. Это подтверждает мнение современного историка Т. Лабутиной о «мощном интеллектуальном воздействии британской культуры», которому подверглись Североамериканские штаты[2], и может служить косвенным доказательством трансферта и рецепции передовых пенитенциарных концептов.

На основе рекомендаций Б. Раша, а также обобщив европейские и американские идеи в области пенологии, активисты Общества облегчения страданий арестантов сформировали правила новой тюремной дисциплины, основанной на строгом разделении заключенных, обеспечении полной тишины[3], условий для чтения Библии и простого труда. Именно такая среда, по мнению сторонников одиночного режима, создаст идеальные условия для нравственного и духовного перерождения преступника. Организаторы Общества обращали внимание на то, что цель тюремного заключения, провозглашенная пенитенциарной реформой, – «коррекция поведения тех, чья безудержная разнузданность закончилась нарушением уголовного кодекса». Следовательно, исправительное учреждение должно обеспечивать такое заключение, чтобы убедить нарушителей, «что путь согрешивших труден», а ощущение безнаказанности за содеянное иллюзорно. «Перевоспитание осужденного может быть осуществлено либо путем радикального изменения его намерений, путем наставлений и увещеваний, либо применением достаточно сурового наказания, чтобы удержать его от повторного преступления. Оба эти средства прекрасно сочетаются в нашей системе. В одиночном заключении процесс

---

[1] Rush B. An inquiry into the influence of physical causes… P. 16.

[2] Лабутина Т.Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 152.

[3] *Амер.*: Silent And Separate Prison System.

нравственного разрушения личности прекращается, и нет более угрозы дальнейшего растления; никакое воздействие не приведет к необратимой деградации, сопровождаемой крушением всех принципов, совести, чести и самоуважения, останется надежда на возрождение личности и возвращение в общество. Осужденный в камере будет вынужден осмыслить свои ошибки, вкусить упреки совести, обратиться к религии; обращенное к нему милосердие, доброта и сочувствие не пропадут даром, смирение может прийти без унижения; никто не поддержит его гордыню и не подаст ему дурной пример; не высмеет его покаяние, не перечеркнет достигнутые успехи в исправлении; отвратительная жестокость не ввергнет его в отчаяние, не побудит жажду жестокой и безрассудной мести»[1].

На начальном этапе отбывания наказания келейное заключение предполагало полную изоляцию заключенных днем и ночью. Арестант мог покинуть камеру и перемещаться по коридорам только в черном капюшоне, закрывающем лицо, дабы «исключить любую возможность порочного влияния внешнего мира»[2]. «Уединение – неотъемлемая часть покаяния, а в сочетании с моральными назиданиями и наставлениями в религии способно достичь много в деле исправления злополучных обитателей наших пенитенциариев». Круг занятий заключенного ограничивался только приемом пищи и чтением Библии, а круг общения – тщательно отобранными людьми. Итак, задача первого этапа полной изоляции «без товарищей, книг и инструментов» – глубокая рефлексия: «Каждый заключенный сам превратится в инструмент собственного наказания: его совесть станет тем самым инструментом возмездия»[3]. Заключенный в полном одиночестве, отдаленный от порочного окружения, без возможности соприкосновения с побочными соблазнами… арестант будет вынужден задуматься о своем грехе, услышать голос совести, пробужденный силой

---

[1] Smith G.W. A Defense of the System of Solitary Confinement of Prisoners. Philadelphia, 1833. P. 75.

[2] См.: Приложение 1.23.

[3] Smith G.W. Op. cit. P. 71.

религии. Первый период, таким образом, предположительно должен привести к полному осознанию «глубины своего греха»[1].

На следующем этапе отбывания наказания по филадельфийской системе вводилось понятие *реабилитации*: заключенный получал возможность заниматься определенной работой в своей камере. Авторы системы считали, что трудовая деятельность, введенная на данном этапе, будет рассматриваться не как наказание (как это предполагало пребывание в работном доме), а как исцеление. Ежедневность труда должна войти в стойкую привычку, и тогда появляется шанс вернуть в общество ответственного и трудолюбивого работника, свободного от пороков лености и праздности.

Таким образом, пенсильванскую модель тюремного содержания, соединившую в себе передовые философские, правовые, медицинские взгляды и теологию квакеров, можно определенно назвать самобытной. Несмотря на тот факт, что теоретические идеи, положенные в основу идеологии пенсильванской системы, не являлись продуктом интеллектуального труда американских мыслителей, сочетание и трансформация этих элементов имеют американское происхождение. Восприятие и интерпретация американскими практиками базовых пенитенциарных норм, сконструированных британскими интеллектуалами-теоретиками, сквозь призму своих мотивировок, намерений и представлений придавали основным концептам реформы новое измерение. Безусловной новацией, на долгие годы превратившей Пенсильванию в пионера или даже учителя тюремного дела, стала *законодательная* инициатива Общества облегчения страданий арестантов. Стремление придать тюрьме такое устройство, при котором она могла бы благотворно влиять на умственную и нравственную природу заключенного, было одобрено законодательным собранием штата. Вероятно,

---

[1] Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania, adressed to William Roscoe, Esquire, of Toxteth Park, near Liverpool. Philadelphia, 1827. P. 9–10.

правительства новообразованных штатов охотно поддерживали реформаторские инициативы религиозных и благотворительных обществ, не только оценив гуманизм прогрессивных идей, но и ввиду реальной перспективы разделить финансовые затраты и организационные проблемы с общественными организациями.

Апологеты пенсильванской модели из числа государственных и общественных деятелей в качестве основных преимуществ продвигаемой системы называли стабильность, дешевизну и относительную безопасность. Лишенные возможности контактировать друг с другом, заключенные не устроят склок и конфликтов, не спланируют коллективное нападение или побег, одиночное заключение препятствует формированию внутритюремных преступных общин, в которых арестанты «наслаждаются обществом друг друга, презирая ту самую власть, именем которой они оказались в тюрьме и цель которой – обеспечить их исправление»[1]. Разведение арестантов по камерам не позволит сильно раздувать штат тюремного учреждения, сэкономив на охране и конвое. Кроме того, келейная система дает возможность выстроить индивидуальную шкалу привилегий для заключенного (поощрения в виде посещения родных или расширения круга чтения, или, напротив, лишение нарушителей режима привилегий) и варьировать сроки наказания. Такие аргументы стали достаточным основанием для государственной поддержки инициатив Общества.

Первым практическим воплощением обозначенных принципов уголовного наказания стал «Дом покаяния» на Уолнат стрит[2]. Эта тюрьма возникла еще в колониальный период, чтобы разгрузить основную городскую тюрьму, и приняла первых арестантов в 1776 г. Стараниями активистов Общества, а главное – на средства, которые им удалось изыскать как из бюджета штата, так и привлекая благотворительные потоки, в 1790 г. было выстроено новое здание. Первым директором пенитенциария и куратором

---

[1] Ibid.

[2] *Амер*. Walnut Street Jail.

филадельфийской практики стал К. Лоунс – квакер по вероисповеданию, предприниматель, союзник основателя республиканской партии Т. Джефферсона. Филадельфийский архитектор Роберт Смит спроектировал пенитенциарий таким образом, что одиночные кельи размером по 9 квадратных футов[1] были полностью оборудованы всем необходимым для организации изолированного существования – окошком для передачи еды и книг, выходом в индивидуальный дворик для прогулок на свежем воздухе [размер дворика не предусматривал возможности реальных прогулок и представлял собой небольшую деревянную будку под открытым небом. – *С.В.*], краном с питьевой водой и даже системой канализации. Больница, баня, даже церковь были оборудованы в виде обособленных отсеков, которые предотвращали всякое общение. Чтобы не нарушать «самосозерцание» арестанта, разговоры велись исключительно шепотом, даже колеса тюремного экипажа обивали кожей, а тюремный персонал носил мягкую войлочную или резиновую обувь.

Интересно отметить: несмотря на то, что пенсильванский режим фундирован религиозными концептами, должности тюремного капеллана в штате учреждения изначально предусмотрено не было. В отчете Лоунса по организации режима в тюрьме Уолнат Стрит представлен раздел «Религиозные обязательства». Данным разделом священнослужителям «различных религиозных деноминаций» вменялось в *добровольную* обязанность «во исполнение христианского долга» посещать арестантов, проводить богослужения и беседы[2]. Понятие «капеллан» не встречается ни в отчетах Общества, ни в первых описаниях пенсильванской системы сторонними наблюдателями. Обязанность духовных наставлений и бесед изначально вменялась попечителям, объединенным в Общество, и рассматривалась как духовная филантропия и общественная нагрузка, но вопрос о священнослужителе как постоянном сотруднике в штате тюремного

---

[1] 2,7 м^2.

[2] Bradford W. Op. cit. P. 87.

заведения не ставился. Вероятно, это было связано с особенностями духовной организации квакеров, убежденных в том, что устная проповедь – это не функция каких-то специально обученных людей, а дар, которым могут обладать многие. Такая форма пенитенциарного попечительства и патроната религиозных, общественных и филантропических организаций впоследствии превратится в типовую модель, которой воспользуются те страны, где разнородный конфессиональный состав будет препятствием для работы тюремного пастора определенной конфессии.

В 1820-е годы в Пенсильвании возвели два знаменитых пенитенциария – Западный в Питсбурге (1826) и Восточный в Черри-Хилл (1829), который стал самым большим и дорогостоящим общественным зданием тех времен. Однако архитектура питсбургского пенитенциария, по свидетельству де Бомона, содержала грубые изъяны, которые сводили на нет замысел «системы молчания и разобщения» – звукопроницаемость в камерах позволяла арестантам беспрепятственно общаться через стены, что стало для них, «ежедневно пребывающих в бездействии», основным занятием[1].

Устроители Восточного пенитенциария Черри-Хилл учли все нюансы и, сохранив базовый принцип пенсильванской системы – режим одиночного содержания, ввели ряд усовершенствований этой модели. Во-первых, беспрецедентной сама по себе стала архитектура Черри-Хилл: одноэтажные блоки, разделенные на одиночные кельи в форме семиконечной звезды, сходились к центру административного здания, из окон которого тюрьма находилась под постоянным наблюдением[2]. Архитектор английского происхождения Джон Хэвилэнд взял за основу радиальную конструкцию, зарекомендовавшую себя в качестве основного бренда английских пенитенциарных зданий начала XIX в. Камеры, рассчитанные на содержание 450 арестантов, были значительно больше, чем в старой

[1] Beaumont G. de, Tocqueville A. de. Op. cit. P. 8–9.
[2] См.: Приложение 1.25.

тюрьме Уолнат Стрит: 96 квадратных футов[1], оборудованные всеми удобствами. Техническая оснащенность помещений Черри-Хилла – огнеупорная крыша, камеры, снабженные индивидуальным прогулочным двориком, система освещения и вентиляции, система водоснабжения, трубы с горячей водой в камерах, которые обеспечивали подогрев здания в зимний период, туалет с системой слива – объясняет фантастический бюджет строительства.

Многие путешественники, вспоминая впечатление от посещения Черри-Хилл, сходились в оценке его подобия церковному зданию. Своды общих коридоров имели куполообразную конструкцию, напоминая молитвенные залы (как настоятельно рекомендовал англичанин Дж. Хэнвей). Мансардное окно или застекленная часть потолка камеры – единственный для арестанта источник освещения – именовался «Око Господа»[2], развивая ключевую идею Паноптикона о вездесущности инспектора и непрерывном наблюдении. Исследователь британской тюремной архитектуры Р. Эванс подтверждает, что подобная имитация «Ока» стала доминирующей деталью пенитенциариев нового типа[3]. Предполагалось, что подобное архитектурное решение позволит сэкономить на вооруженной охране за счет усовершенствованного надзора или даже его иллюзии. Размер камер Черри-Хилла, в отличие от келий тюрьмы на Уолнат стрит, допускал организацию ежедневного труда – камера вмещала рабочий письменный стол и необходимые средства производства. В американских заметках Ч. Диккенса есть описание посещения нескольких камер Черри-Хилла, и в каждой он встречал ткацкий станок, грифельную доску, предметы рукоделия и сапожного ремесла. Есть даже упоминание о заключенном, облагородившем клочок земли индивидуального дворика на манер клумбы

---

[1] Приблизительно 9 м^2.

[2] *Англ.* Eye of God.

[3] Evans R. The fabrication of virtue: English prison architecture, 1750–1840. Cambridge, 1982. P. 276.

или огородика, а также о заключенном, «которому в качестве особого снисхождения разрешили держать кроликов»[1].

Пенсильванцы гордились своим «пенитенциарным экспериментом», не упуская возможности его рекламирования, и в первой половине XIX в. филадельфийские тюрьмы стали объектом пристального интереса для европейцев. Одним из первых посетил тюрьму Уолнат Стрит англичанин Роберт Тернбулл, который по приезде на родину написал первую аналитическую работу «Визит в тюрьмы Филадельфии», выразив одобрение основных принципов организации пенсильванской модели. «Какой замечательный объект, мой друг!» – обращался автор к эпистолярному собеседнику, восхищаясь «гуманным отношением надзирателей к заключенным», чистотой камер, дисциплиной[2]. «Вы вряд ли можете себе представить, мой друг, какое влияние оказывает на преступника наказание в виде заключения в одиночной тюремной камере. Ибо, окруженный унылым одиночеством и лишенный комфорта, он неизбежно таким образом обречен на мучительные размышления, тревожные воспоминания о своих преступлениях и ошибках. Добавьте к этому суровую простую пищу, как хлеб и вода. Такой эксперимент демонстрирует эффективность наказания; ибо известно, что арестант, долгое время пребывающий в камере, полностью осознает свое преступление и выражает охотное желание вернуться к законопослушному поведению и честному труду, от которых его отвадила собственная глупость»[3].

Не преминул отметить преимущества первых положительных результатов содержания по филадельфийской системе доктор Раш

---

[1] Диккенс Ч. Американские заметки. Глава VII. Филадельфия и ее одиночная тюрьма // Собр. соч. Т. 9. М., 1958. С. 128–131.

[2] Turnbull R.J. A Visit to the Philadelphia Prison: Being an Accurate and Particular Account of the Wise and Humane Administration Adopted in Every Part of that Building; ...with Observations on the Impolicy and Injustice of Capital Punishments. In a Letter to a Friend. L., 1798. P. 21–23.

[3] Ibid. P. 40.

в очередном медицинском исследовании. Истории пациентов он использовал для подтверждения клинической картины «расстройства моральной способности», процесс заключения – как «возрождение совести и всякой моральной и религиозной рефлексии», а итог содержания – как констатацию восстановления волевых способностей, выразившихся в возвращении преступника-пациента к труду и честной жизни. «Пусть эта христианская система уголовного права распространится, без каких-либо препятствий, по всему миру, – завершал медицинский трактат доктор Раш. – И пусть правители наций узнают из этого, что реформирование преступников, а также предотвращение преступлений должны быть объектом любого наказания, и что последнее может быть гораздо эффективнее продемонстрировано путем сохранения жизни, а не преданием смерти!»[1]

Далеко не все оценки пенсильванского эксперимента были так однозначно положительны! В 1820-е годы англичанин Уильям Роско посетил Филадельфию и, вернувшись в Лондон, выразил свое негодование в памфлете «Краткое описание причин, которые привели к отказу от знаменитой пенсильванской дисциплинарной системы в некоторых штатах Северной Америки»[2]. Пенитенциарий на Уолнат стрит, оборудованный всеми санитарными удобствами, У. Роско заклеймил «обителью, воплощающей человеческое несчастье, по сравнению с которой французская Бастилия и испанская инквизиция – скромные прототипы»[3]. По убеждению автора, «изобретения этой жестокой тирании, бесчеловечные и противоестественные, унижают человеческую природу, что является прямым нарушением главных принципов христианства»[4]. Ответом на критическую брошюру Роско стал вдохновенный памфлет

---

[1] Rush B. Medical inquiries and observations upon the diseases of the mind…P. 366.

[2] Roscoe W. A brief statement of the causes which nave led to the abandonment of the celebrated system of penitentiary discipline, in some of the United States of America & c. L. 1826.

[3] Ibid. P. 25.

[4] Ibid. P. 24.

апологета пенсильванской системы одиночного содержания, члена Общества облегчения страданий арестантов Роберта Вокса, который опубликовала американская «Национальная газета», а Общество растиражировало в 1827 г. в виде брошюры[1].

Французы де Токвиль и де Бомон посещали уже модернизированные Западный и Восточный пенитенциарии. Длительное пребывание французов в США и официальная цель командировки позволили не только не ограничиться одним показательным визитом, но и оценить пенсильванский режим в динамике, побеседовать с персоналом и арестантами, наблюдать за режимом. Выводы де Бомона лишены экспрессии, но отмечены глубоким анализом пенсильванской модели: «Пенсильвания в ревностной полемике с Нью-Йорком [2] была заинтересована в том, чтобы сохранить во всех отношениях звание и репутацию самого просвещенного штата в союзе. Она смогла представить такую пенитенциарную систему, которая, с одной стороны, воплощает строгое соблюдение процедуры уголовного наказания, с другой – филантропическое наполнение. Такая система смогла отказаться от тотальной изоляции без организации занятий для арестантов, приводящей к фатальным последствиям, но сохранить сам принцип одиночного заключения, чтобы обеспечить дисциплину, не прибегая к телесным наказаниям»[3]. Подробный разбор сущностных основ, практики и «благотворных» результатов «системы молчания и разобщения» предпринял англичанин Дж. Филд, состоявший в должности тюремного капеллана [4]. Двухтомное описание истории и современного автору опыта применения одиночного заключения претендует на роль первого фундаментального научного исследования, не лишенного тенденциозности и личностных оценок, но богатого фактическим и эмпирическим материалом.

---

[1] Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania...

[2] Подробный разбор этой полемики будет представлен в следующем параграфе.

[3] Beaumont, G. de Tocqueville A. de. Op. cit. P. 10–11.

[4] Field J. Prison Discipline: And the Advantages of the Separate System of Imprisonment, with a Detailed Account of the Discipline Now Pursued in the New County Gaol, at Reading. Vol. I–II. L., 1848.

Тем не менее к середине XIX в. пенсильванская модель получала все больше критических отзывов. Одно из самых серьезных обвинений, вменяемых этой модели как современниками, так и последующими исследователями, заключается в высоком проценте душевных расстройств, сумасшествий и суицидов арестантов на почве постоянного одиночества. Один из самых суровых приговоров тюрьме Филадельфии вынес Ч. Диккенс: «Мне кажется, лишь очень немногие способны в полной мере представить себе те пытки и мучения, которые испытывают несчастные, обреченные долгие годы нести это наказание; я сам могу лишь догадываться об этом, но, сопоставляя то, что я прочел на их лицах, и то, о чем – я знаю – они умалчивают, я еще более утвердился в своем мнении: тут такие страдания, всю глубину которых могут измерить лишь сами страдальцы и на которые ни один человек не вправе обрекать себе подобных. Я считаю это медленное, ежедневное давление на тайные пружины мозга неизмеримо более ужасным, чем любая пытка, которой можно подвергнуть тело; оставляемые им страшные следы и отметины нельзя нащупать, и они не так бросаются в глаза, как рубцы на теле; наносимые им раны не находятся на поверхности и исторгаемые им крики не слышны человеческому уху, – я тем более осуждаю этот метод наказания потому, что, будучи тайным, оно не пробуждает в сердцах людей дремлющее чувство человечности» [1]. Диккенс прямо не осуждал религиозные концепты, породившие принцип одиночного содержания, но пенсильванских реформаторов иронично называл «завзятыми энтузиастами» и «благожелательно настроенными джентльменами», которые не ведают что творят. Не менее категоричен был К. Маркс, охарактеризовав пенсильванскую систему как «…изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение его в глубокое душевное

[1] Диккенс Ч. Американские заметки // Собр. соч. Т. 9. М. 1958. С. 125. См.: Приложение 1.24.

одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством»[1].

Весомым аргументом против пенсильванской системы стала запредельная стоимость организации пенитенциарного содержания на указанных принципах. Возведение и содержание такой тюрьмы становилось непосильным бременем для рядовых налогоплательщиков. Предложение соседним штатом Нью-Йорк альтернативной модели тюремного содержания с показательной рентабельностью побуждало предприимчивых американцев к очевидному выбору.

4.3. Нью-Йоркская пенитенциарная модель: теория и практика принудительного труда

Штат Нью-Йорк в послевоенные годы выступил оппонентом Пенсильвании не только в борьбе за политическое первенство. Противостояние тюремных моделей, начавшееся в 1820-е годы, вскоре приобрело трансатлантический характер, когда каждое европейское государство, провозгласив курс пенитенциарных реформ, делало выбор в пользу одной из моделей или на их основе конструировало подходящий национальный вариант.

Модернизация сферы исполнения наказаний в штате Нью-Йорк также следовала за прогрессивными изменениями в области уголовного законодательства. В 1793–1795 гг. работала комиссия по подготовке нового уголовного кодекса штата Нью-Йорк, которую возглавил известный политический деятель и филантроп Томас Эдди. Закон от 26 марта 1796 г. одновременно вносил изменения в уголовные статуты штата Нью-Йорк и провозглашал возведение новой государственной тюрьмы [2]. Законодательный акт отменял смертную казнь за все преступления, кроме

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 203.

[2] An act making Alterations in the Criminal Law of this State, and for erecting State Prison. 1796.

убийства и государственной измены, и упразднял ряд телесных и позорящих наказаний, таких как порка у столба и клеймение. Тюремное заключение с организацией работ или одиночное содержание либо сочетание этих режимов были признаны основными видами уголовного наказания.

После законодательного утверждения новых принципов и стандартов уголовных наказаний Т. Эдди был назначен ответственным за разработку проекта и строительство первой государственной тюрьмы штата Нью-Йорк. Сын ирландских эмигрантов, рожденный в 1758 г. в Филадельфии, воспитывался в лоне маленькой религиозной общины в строгих традициях американских квакеров. Как и многие просветители XVIII столетия, Эдди верил, что судить о нации можно по состоянию ее тюрем. Считая знаменитого филантропа и реформатора тюремного дела Джона Говарда «величайшим англичанином» и примером для подражания, американский реформатор сосредоточился на создании идеологической основы и законодательной базы для пенитенциарных преобразований в штате.

4.3.1. Ньюгейт – попытка применения «системы Говарда». Идеальной целью и результатом своей деятельности Эдди видел создание такой системы наказаний, которая будет, с одной стороны, охранять общественный порядок, а с другой – способствовать снижению уровня преступности. Это станет возможным, писал он, когда обновленная тюрьма предоставит преступникам возможность «обратить взор внутрь, в свое собственное сердце» и осознать необходимость глубоких нравственных перемен[1]. Соглашаясь с Ш. Монтескье в оценке соотношения гражданских законов и религии, Т. Эдди настойчиво придерживался убеждения о «мощном потенциале» христианской религии в качестве стабилизатора социального порядка[2].

---

[1] Eddy T. An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York. N-Y., 1801. P. 15–16.

[2] Ibid. P. 3, 20, 51, 55.

Возглавив строительство новой тюрьмы в местечке Гринвич Вилладж, реформатор в первую очередь обратился к пенсильванскому Обществу облегчения страданий арестантов за практической помощью. Эдди посетил тюрьму Уолнат Стрит, встретился с К. Лоунсом, подробно изучил особенности режима одиночного заключения. Пенсильванцы предоставили нью-йоркскому комитету чертежи и планы филадельфийских строений, настойчиво популяризируя свою пенитенциарную модель[1]. Несмотря на то что Эдди высоко оценил опыт, заимствовал много идей и чертежей пенсильванцев, особенно в части организации трудовых мест и молельных комнат, он постепенно размежевался с ними по вопросу базового принципа – одиночного заключения. Реформатор разделял убеждения своих собратьев по вере относительно губительного воздействия определенной социальной среды на нравственные склонности человека: азартные игры, доступные соблазны, невоздержанность в еде, напитках и удовольствиях создают непреодолимые соблазны. Однако Эдди был убежден, что в тюрьме эти факторы можно нейтрализовать, не прибегая к полной и обязательной изоляции личности.

В 1796 г. Томас Эдди уже представил свой проект, устанавливавший новые стандарты пенитенциарного содержания в Нью-Йорке, сенаторам штата Ф. Шайлеру и А. Спенсеру. Тюрьма, построенная по проекту Эдди в 1797 г., получила название Ньюгейт, и по замыслу реформатора должна была стать символичными воротами в новый мир. Вполне возможно, что, кроме религиозно-нравственного смысла, в название была вложена политическая составляющая. Новая тюрьма должна была стать символом преодоления старых английских традиций исполнения уголовных наказаний, олицетворением которых была печально знаменитая лондонская тюрьма с тем же названием. Здание новой тюрьмы состояло из четырех секторов, крылья которых смыкались с административным корпусом. Разделенный на камеры, в каждую из которых помещалось по 8 человек,

[1] Ibid. P. 20–24.

американский Ньюгейт был рассчитан принимать до 336 заключенных одновременно. В конце каждого корпуса были предусмотрены карцеры для одиночного заключения. В северном крыле находилось большое помещение для проведения совместных воскресных богослужений, в южном – вместительная больница. При проектировании новой тюрьмы большое внимание уделялось вопросу обеспечения чистоты и здорового климата: забота о водоочистительных сооружениях и системе циркуляции воздуха, организация прачечной – казалось, от внимания новой администрации не ускользнула ни одна мелочь. По проекту на закрытой территории, огороженной стеной высотой в 23 английских фута [1], располагались хозяйственные постройки и собственный огород. Прогулочный дворик для женщин-заключенных был обособлен и имел отдельный вход со стороны молельной комнаты. В тюремном комплексе были также предусмотрены производственные мастерские: сапожная, ткацкая, для работ по камню и мрамору, а также лесопилка. Еще на этапе строительства и планирования Т. Эдди предполагал, что в течение нескольких лет, при надлежащей организации труда, Ньюгейт мог бы выйти на самообеспечение[2].

Кроме постройки тюремных стен, к задачам первостепенной значимости относился тщательный отбор тюремного персонала. Воспитанный в квакерской религиозной общине, Эдди невольно переносил ее основные черты – молитвенные встречи, совместный труд, своеобразную корпоративную дисциплину – на коллектив проектируемого им пенитенциарного учреждения. В общинах пасторам-лидерам всегда уделялось особое внимание и почтение, их духовный авторитет был непререкаем, а забота о членах общины не заканчивалась с уходом «детей» из-под опеки. Будучи глубоко убежденным в том, что тюремный надзиратель – это прежде всего духовный наставник, Т. Эдди выдвигал к набираемым и специально обучаемым тюремным служащим

[1] 7 метров.
[2] Eddy T. Op. cit. P. 33–37.

определенные требования. В своих поисках подходящих кандидатур будущий директор Ньюгейта стремился нанимать «солидных господ, убежденных приверженцев какой-либо религиозной конфессии, разделяющих идею исправительной реформы»[1]. Система нравственного воспитания, по замыслу реформатора, предполагала использование метода «диффузии знаний»: когда на совместных встречах нравственно-религиозного характера выносились на обсуждение пороки пьянства и лени, проблемы невежества, корысти и праздности. Тюремную библиотеку пополнили достаточным количеством экземпляров Библии и школьных учебников, с безграмотными арестантами были предусмотрены вечерние занятия.

По воскресеньям заключенных должны были посещать священнослужители: «В великом деле благотворительности и милосердия не имеет значения, к какой секте принадлежит верующий, хочется верить, что религиозные нормы каждой христианской деноминации считают своим долгом посетить их [заключенных. – *С.В.*] в день богослужения; поскольку очевидно, что, уделив должное внимание этой важной обязанности, мы произведем наиболее благоприятное воздействие на сознание и поведение осужденных, и это станет мощным содействием великому плану реформирования»[2]. Как видим, первоначальный проект Эдди не предполагал обязательной штатной должности тюремного капеллана, а склонялся к пенсильванскому опыту добровольного попечительства. Встречи-беседы нравственно-религиозного характера, занятия, на которых арестанты получали бы основы знаний и ремесел, коллективные богослужения – все было подчинено главной цели – нравственному исправлению и подготовке к честной жизни. Проектируя внутреннее устройство исправительной тюрьмы, реформатор мечтал о том, как в течение несколько десятков лет Ньюгейт «будет возвращать в общество нравственно

[1] Ibid. 21, 28, 55.
[2] Ibid. P. 55.

оздоровленных граждан», которых уже не совратить на повторный путь преступления. Конечным итогом станет сокращение преступности в штате и укрепление социальной стабильности.

Американский историк Дж. Грабер оценила проект Томаса Эдди как «уединенный сад»[1] – некую «идеализированную альтернативу социальной реальности», модель «тюремного Эдема», в котором реформатор намеревался, «высадив целый клубок криминальных элементов… собрать урожай в виде благонравного поведения и дисциплины»[2]. На наш взгляд, проект Эдди наиболее точно воспроизводил основные принципы «системы Говарда» в части приоритетов религиозно-нравственного и трудового обучения-воспитания арестантов.

В ноябре 1797 г. 68 осужденных впервые прибыли в Ньюгейт. Каждый тринадцатый заключенный мужского пола и каждая пятая женщина, поступающие в Ньюгейт, были афроамериканцами, более трети заключенных – иностранные мигранты, преимущественно из Ирландии, Вест-Индии и Англии. Большинство из них были осуждены за имущественные преступления – хищения, кражи, а также за подделку документов. Менее 10 % заключенных обвинялись в разбое и насилии, всего 1 прибывший – в убийстве[3]. С первых дней работы государственной тюрьмы ее директор Т. Эдди ввел систему учета арестантов. Обобщение имеющихся данных позволяет составить портрет среднестатистического обитателя Ньюгейта: это представитель рабочего класса, преимущественно мигрант, который, за неимением средств к существованию в динамично развивающемся городе, совершил кражу или разбойное нападение. По прибытии заключенному полагалась баня и чистая одежда. Со следующего дня со звоном колокольчика начинался рабочий день

---

[1] *Амер*. enclosed garden.

[2] Graber J. The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America. Chapel Hill, 2011. P. 28.

[3] Hearn D.A. Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963. Jefferson, N.C., 1997. P. 28–29.

в одной из тюремных мастерских. Еда, отдых, моления, отход ко сну – все сопровождалось звуковым сигналом – единственным разнообразием в монотонной тишине рабочего дня. На ночь надзиратели разводили заключенных по камерам.

Как ни один идеальный план сражения не выдерживает первого же столкновения с реальным противником, так мечтателю и идеалисту Т. Эдди пришлось пересмотреть свое видение «тюремного Эдема» уже в первые месяцы работы тюрьмы. К моменту запуска Ньюгейта в 1797 г. строительные и отделочные работы были еще не закончены: наружная стена, часть мастерских и технических помещений были только в стадии фундамента. Это мешало достижению главного замысла творца Ньюгейта – обеспечения полной изоляции его «тюрьмы-сада» от внешнего мира. Недостроенная стена стала непреодолимым соблазном: в 1798 г. произошел побег 15 заключенных, две попытки к побегу были пресечены внешней охраной. Немалые трудности возникли и с организацией трудового обучения и воспитания. Значительная часть арестантов попадала в Ньюгейт за мелкое воровство, поэтому краткосрочное пребывание не позволяло большинству заключенных освоить даже стадию обучения, не говоря уже о трудовой реабилитации в полной мере. Более того, многие арестанты попадали в Ньюгейт неизлечимо больными, страдающие хроническим алкоголизмом, с обнаружившимися психическими заболеваниями и пр., что делало их изначально не способными к монотонной механической работе. У большинства отсутствовали минимальные трудовые навыки, что приводило к систематической поломке оборудования и порче конечной продукции.

На грани провала оказалась и программа нравственного перевоспитания заключенных. Совместное пребывание в ночной период в восьмиместных камерах превратилось в те самые «академии преступлений», против которых была настроена филадельфийская система одиночного содержания. Надзиратели не могли контролировать общение

между сокамерниками в темное время суток: результатом сговора часто становился демонстративный отказ от работы, что отрицательно влияло на общую дисциплину[1].

Биограф реформатора и филантропа С. Напп осторожно отметил: к 1801 г. «М-р Эдди начал думать, что если изначально он допустил ошибку в своем плане, то ее необходимо исправить». Размышления над результатами первых лет практики содержания в Ньюгейте неизбежно привели его к мысли о необходимости максимального разобщения арестантов. «Как человек высокой нравственной отваги, он смог признать свою ошибку и осудить ее», – пишет Напп[2]. Борясь с недостатками первоначального плана, с 1801 г. Т. Эдди начинает практиковать детальную классификацию осужденных «по Говарду». Реформатор выделил три класса арестантов: первый – состарившиеся в привычках к распутству и насилию, бесчувственные и отчаянные преступники, которые не обнаруживают признаков раскаяния и не дают большой надежды на исправление; второй – те, кто в детстве получил моральное и религиозное воспитание, но затем был увлечен страстями и дурным примером на путь преступлений, но все же сохранил в себе некоторое чувство добродетели; третий – те, кто имеет честную репутацию, арестован за первое преступление, но еще не знаком с пороком и, скорее всего, хотел бы вернуться на путь добродетели, но не имеет достаточно нравственных сил»[3]. Для первой категории «бесчувственных и отчаянных» Эдди переходит к практике применения филадельфийской келейной системы в отдельном тюремном крыле с усиленным надзором и более строгой дисциплиной. Карцер, однако, рассматривался им как крайняя мера воздействия на заключенных, оказывающих активное сопротивление режиму и дисциплине. Несмотря ни

---

[1] Lewis W.D. From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848. Ithaca, N.-Y., 1965. P. 38–43.

[2] Knapp S. The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries. N-Y., 1834. P. 76.

[3] Ibid. P. 60.

на что, убежденный филантроп и гуманист Т. Эдди продолжал считать, что не более 10 % осужденных действительно необходимо такое «испытание одиночеством», и то лишь для того, дабы в полном уединении заключенный мог «поразмыслить над своими грехами, почувствовать угрызения совести и духовную муку». Рацион питания арестантов, находящихся в одиночном заключении, резко отличался от общего стола: хлеб и вода.

Первые годы статистического учета поступающих в Ньюгейт и мониторинг преступности в городе Нью-Йорк пошатнули еще одну утопичную мечту реформатора: надежду на сокращение преступности в городе и штате. С 1797 г., то есть с момента открытия Ньюгейта, рост преступности в Нью-Йорке продолжился. Это было связано с постоянным увеличением количества мигрантов и нищих-бродяг. В развитие своих филантропических идей и пенитенциарных проектов, Т. Эдди выступил с гуманистической инициативой «оздоровления социальной среды» в «порочном городе Нью-Йорк». Систематическое наблюдение за арестантами, личные беседы с каждым сформировали у Эдди свое видение ситуации, которое он изложил в петиции к администрации штата.

Содержание петиции удивительным образом напоминает многочисленные «Расследования…» причин преступности, свойственные английским просветителям XVIII в. К социальным причинам криминализации Нью-Йорка Эдди относил динамичное промышленное развитие, беспрецедентный взлет торговли и накопления богатств, бурный прирост населения, усиленный притоком мигрантов «неимущих и порочных… которых загнали сюда беспорядочные и тяжелые условия в их родной стране или бегство от закона». Представителям судебной власти адресован упрек в вольной интерпретации уголовных законов, злоупотреблении практикой помилования. Эдди призвал «отцов города» к закрытию публичных домов и питейных заведений, предложил путем строгого лицензирования сократить количество магазинов, продающих ром и грог. По подсчетам филантропа, Нью-Йорк предлагал своим жителям

более тысячи двухсот таверн в то время как, например, Бостон – всего пятьдесят. В связи с этим он обратился к законодателям с риторическим вопросом: «Почему город не предложит столь же обширную сеть трудоустройства для бедных, вместо того чтобы активно их спаивать?» Эдди осудил популярные развлечения ньюйоркцев: конные скачки, петушиные бои, травля животных, которые «ожесточают сердца и развращают нравы»[1]. В петиции Эдди прослеживается традиционный английский дискурс в отношении проблемы нищих и бродяг. По мнению реформатора, местный брайдуэлл – наследие колониальных времен никак не способствует исправлению трудом, а служит «питомником будущих преступников для государственной тюрьмы»[2]. Для исправительного дома Эдди настойчиво рекомендует режим, спроектированный для Ньюгейта: дисциплина, организованный труд, строгая диета, надзор, назидания в религии.

Несмотря на попытку Эдди трансформировать квакерские принципы под режим общего содержания и укоренить в Нью-Йорке вариацию пенсильванской модели, эта кратковременная попытка не увенчалась успехом. Карьера политика и филантропа-квакера на посту директора тюрьмы завершилась вскоре после смены политической власти в стране в 1801 г. Победа республиканцев привела к изменениям в политическом ландшафте штата и замене административной команды. Многие ключевые посты в социальной и политической сферах были перераспределены между чиновниками новой волны. Назначение нового директора в корне изменило всю концепцию первых лет функционирования Ньюгейта. Если Т. Эдди, выстраивая свой «тюремный Эдем», руководствовался принципами религиозного общинного воспитания и задавался главной целью – вернуть в общество нравственно перерожденного гражданина, то новое тюремное начальство смотрело на Ньюгейт утилитарно, как на составную часть

[1] Knapp S. Op. cit. P. 66–68.
[2] Ibid. P. 68.

государственной машины, с четкой функцией: исполнять уголовное наказание и, по возможности, если не приносить прибыли, то максимально сокращать издержки на содержание.

Самуэль Напп подвел итог инициативам Томаса Эдди в штате Нью-Йорк: «Хорошее управление, комфорт, чистота, хозяйствование и преданность делу были главными целями реформирования, пока Друзья [подразумевает вероисповедание Т. Эдди. – *С.В.*] стояли у руководства проекта. Но в 1800 г., когда произошла великая революция в политической власти, те, кто осуществил эти перемены, распространили свое влияние на все сферы; и, хотя не было никакого документа, регламентирующего политическую принадлежность начальника тюрьмы, представители доминирующей партии удовлетворили свои амбиции, поставив на место Друзей, свою кандидатуру в руководители тюрьмы. Вскоре стало очевидным различие управленческой политики тех, кто посвятил себя делу из соображений милосердия и благотворительности, посвятил все свое служение выполнению своих обязанностей, и тех, кто считал это всего лишь почетным назначением, но не жертвовал собой ради дела. Новое руководство было настолько отвратительным, что это практически привело к провалу этого великого эксперимента, и самой распространенной оценкой ситуации, даже из уст первых реформаторов и сочувствующих реформе, было сравнение с эпохой Кровавого уголовного кодекса. Я часто слышал, как г-н Эдди оплакивал такое положение вещей; но он никогда не отказывался от надежды увидеть систему, одним из основателей которой он справедливо считал себя, в действии; он не упускал возможности привлечь внимание общественности к средствам, с помощью которых, по его мнению, можно было бы устранить неудачи в новой уголовной политике»[1].

Новая уголовная политика, о которой говорит Напп, была определена влиянием нескольких факторов. Главным ударом по замыслам Т. Эдди стало численное перенаселение Ньюгейта. В 1806 г. тюрьма приняла на

[1] Ibid. P. 19.

треть больше заключенных, чем запланированные 336 мест, с каждым годом количество арестантов увеличивалось, в 1810 г. в Ньюгейте одновременно содержались уже 600 заключенных. Следствием переполненности государственной тюрьмы стал, в первую очередь, саботаж режима и дисциплины. Надзиратели не могли контролировать общение между сокамерниками в темное время суток. Вместо введенной Эдди в последние годы управления тюрьмой трехразрядной классификации арестантов заключенные сами создавали внутритюремные группировки, разделяясь по принципу: черные и белые, католики и протестанты, местные и мигранты, члены всевозможных банд, соперничавших между собой в городе и штате. Та социальная среда «городского дна», которая по замыслам Эдди должна была быть полностью нейтрализована в пенитенциарном учреждении, в концентрированном виде была воспроизведена на сравнительно небольшой площади Ньюгейта. В 1805 г. новой администрацией был впервые поднят вопрос о пересмотре тюремного устава в части дисциплинарных мер и предложено *возвратить телесные наказания* как крайнюю меру, применяемую к нарушителям порядка. Однако под влиянием общественности, огласившей заведенный Эдди тюремный порядок свидетельством «лучших завоеваний республики», предложение было отвергнуто[1].

Вторым фактором влияния, определившим новую уголовную политику штата, стал вопрос финансовых издержек. Как показала история, эта проблема, масштаб которой английские теоретики XVIII столетия не могли даже себе вообразить, стала главным камнем преткновения для многих пенитенциарных проектов, причем независимо от государства, где эти инициативы возникали. Практическое воплощение новых принципов пенологии в штате Нью-Йорк наглядно показало, насколько важны финансовые и управленческие вопросы. В попытках решить проблемы обеспечения жизнедеятельности государственной тюрьмы, администрация

[1] Graber J. Op. cit. P. 50.

Ньюгейта попробовала по возможности максимально сократить численность тюремного населения. В ассамблею штата регулярно поступали предложения о массовом помиловании осужденных за незначительные преступления. Так Ньюгейт приобрел «дурную славу» тюрьмы, которая ежедневно выпускала до 50 заключенных, которые провели там крайне мало времени, чтобы испытать на себе воздействие исправительного содержания, однако достаточно пробыли в «тюремной семинарии», чтобы начать или продолжить преступную карьеру[1].

Члены попечительского совета Ньюгейта выражали обеспокоенность тем фактом, что пенитенциарный эксперимент ежегодно претендует на все бо́льшую сумму в статье государственных расходов на систему исполнения наказаний, а тюрьма так и не выходит на ожидаемое самообеспечение. В сложившихся условиях тюремная администрация пошла по кратчайшему пути сокращения издержек: финансирования в первую очередь лишились те формы жизнедеятельности пенитенциария, которые были приоритетными в начале эксперимента и концептуальными основами новой системы уголовных наказаний – просвещение, религиозная практика, трудовое обучение. После того, как Т. Эдди оставил свой пост, религиозные встречи и собрания на регулярной основе, а также субботние вечера досуга и просветительские проекты были на время забыты. В 1803–1809 гг. посещение арестантов священнослужителями случались бессистемно, от случая к случаю[2].

В 1812 г. был поставлен вопрос о введении штатной должности тюремного капеллана с размером ежегодного содержания 250 долларов. Учреждение регулярных богослужений рассматривалось администрацией Ньюгейта как мера по укреплению дисциплины. Первым капелланом Ньюгейта стал преподобный Джон Стэнфорд – представитель баптистской

---

[1] Lewis O.F. The development of American prisons and prison customs, 1776–1845: with special reference to early institutions in the state of New York. Albany, 1922. P. 57, 60.

[2] Lewis W.D. Op. cit. P. 44–47.

конфессии. С 1813 г. он нес служение в государственных учреждениях города Нью-Йорка: больницах, детском приюте, брайдуэлле. Мемуарист и биограф Стенфорда Чарльз Соммерс опубликовал выдержки из дневников священника. В октябре 1813 г. смотритель тюрьмы Николас Румп попросил отслужить службу в часовне государственной тюрьмы Ньюгейт. Для своей первой проповеди арестантам преподобный Стенфорд выбрал библейское изречение: «Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания»[1]. В толковании Книги пророка Даниила «горнило» трактуется как приспособление, в которое помещают драгоценные металлы (такие, как золото и серебро), чтобы под воздействием высокой температуры очистить их от всяких примесей. Выстраивая свою концепцию пенитенциарного исправления как «очищения через страдания», Стенфорд проповедовал: горнило страдания – это нечто, куда Господь помещает Своих сбившихся с пути, но *драгоценных* людей, чтобы очистить от пороков. Конечно, горнило подразумевает высокую температуру. В Писании сказано: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью», тем не менее «после наученным через него доставляет мирный плод праведности»[2]. После такой проповеди администрация Ньюгейта официально попросила его служить в тюрьме на регулярной основе, чему он посвятил двадцать последующих лет жизни.

Стенфорд зарекомендовал себя неутомимым и суровым проповедником. Американский баптизм начала XIX в. был близок к ортодокальному кальвинизму. В частности, баптисты разделяли доктрину о полнейшей греховности человечества и необходимости посредничества Христа в искуплении своих грехов: Бог создал человека без греха, но грехопадение первых людей привело к грешности каждого. Согласно теологическим выкладкам баптистов Бог потребовал расплаты за этот грех,

---

[1] Ис. 48:10. См.: Sommers C.G. Memoir of the Rev. John Stanford, D.D., Late Chaplain to the Humane and Criminal Institutions in the City of New-York. N-Y., 1835. P. 117.

[2] Евр. 12:11.

и Иисус принял наказание, чем «удовлетворил Божью справедливость». Формулируя теологию тюрьмы для своей новой паствы, первый капеллан Ньюгейта исходил из этой предпосылки, и тезис «восстановления справедливости» становится краеугольным камнем его проповедничества. По утверждению Дж. Грабер, Стенфорд заложил основу «богословия искупительных страданий» в американских государственных тюрьмах[1]. Такая теология в целом укладывается в кальвинистскую концепцию божественного предопределения: в тюрьму человека приводит непостижимый ход божественных замыслов, в том числе ниспослание физических и моральных испытаний, необходимых для спасения. Следуя баптистской концепции божественного предопределения, капеллан наставлял узников: преступнику-грешнику положены страдания, к которым их приговаривает земной закон в лице государства, и какими бы унизительными и ужасными ни были эти мучения, *они необходимы как часть очищения* во искупление греха. Те, кто выходит из горнила, становятся белыми, ясными, очищенными. Они понимают законы Господни не только головой, но и сердцем[2].

Соммерс приводит несколько историй арестантов, которые выражали благодарность капеллану за «свет Евангелия», который он открыл для них: «Отрадно иметь возможность сказать, что его служение было благословлено обращением многих душ; и это не только больные или умирающие. Многие, упорно следовавшие по пути богохульства, были приведены им в слезах к ногам Христа и, после освобождения из заключения, воспринимали как божественную благодать свое освобождение от власти тьмы. Даже скованные цепями, они слушали Евангелие, которое он проповедовал им в мрачной обители тюрьмы. И было очевидно, что закоренелый преступник роняет слезы покаяния, и сильные люди вынуждены преклонить колени перед Иисусом и с трепетом воскликнуть: “Что же нам сделать,

---

[1] Graber J. Op. cit. P. 58.

[2] Stanford J. The Prisoner’s Companion. N-Y., 1827. См.: Приложение 1.26.

чтобы спастись?” Он благословлял молодых и старых, больных и здоровых»[1].

Известны несколько печатных проповедей Дж. Стенфорда, созданных специально для заключенных Ньюгейта [2]. Содержание личных бесед с арестантами тюрьмы и брайдуэлла капеллан педантично фиксировал в своем дневнике[3]. Стэнфорд призывал заключенных соблюдать тюремные правила в подтверждение готовности принять наказание как Божественное возмездие за совершенные грехи. В качестве библейской модели поведения в заключении Стенфорд обращался к примеру Иосифа в египетской тюрьме: оказавшись в заточении, следуя Божьему предопределению, Иосиф явил пример кроткого, правильного поведения, покорности и добродетели. Стэнфорд наводил свою паству на мысль: Иосиф своими действиями угодил Богу, его сердце было очищено в неистовом горниле египетской темницы, что привело к его последующему освобождению. Более того, Господь сказал ему: «А что до тебя, ради крови завета твоего Я освобожу узников твоих изо рва, в котором нет воды. Возвращайтесь на твердыню вы, пленники надеющиеся! Что теперь возвещаю, воздам тебе вдвойне!»[4]

Ход беседы или проповеди определяла соответствующая выдержка из Писания, как то: «Он не поддерживает нечестивых и воздает должное угнетенным… Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия, то Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому что умножились, и открывает их ухо для вразумления и говорит им, чтоб они отстали от нечестия. Если послушают и будут служить Ему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои в радости; если же не послушают, то погибнут от стрелы и умрут в неразумии»[5]. В доказательство того, что преступник-узник может быть также одарен Божьим милосердием, как и любой

---

[1] Sommers C.G. Op. cit. P. 112.

[2] Stanford J. A Catechism for the Improvement of Youth in the State Prison of New York. N-Y., 1814.

[3] Sommers C.G. Op. cit. P. 156, 160,162, 170, 219–221.

[4] Зах. 9:11–12.

[5] Иов. 36:6–13.

добропорядочный христианин, Стэнфорд приводит многочисленные подтверждения присутствия Бога в мгновения страха и унижения: «сидящие во тьме и мраке, окованные страданием и железом... И подавил Он страданием сердце их – споткнулись они, и некому помочь… И воззвали они к Господу в бедствии своем, и от нужды их Он избавил их»[1]. Вывод, к которому капеллан вел своих собеседников: Божественное присутствие не исключается из сущности страданий, причиняемых уголовным наказанием, наложенным авторитетом государства[2]. Стенфорд был убежден, что раскаяние грешника – не только повод для «ликования англов на небесах, но повод торжества Христовой Церкви на земле. Когда мы проникаем в сумрак тюрьмы, – писал священник, – и видим закоренелого преступника в кандалах, когда склоняем его закоснелую в грехе душу к скипетру милосердия, он переживает изменения и умом, и сердцем. Памятуя о его прошлой жизни, мы можем справедливо воскликнуть “Не головня ли он, исторгнутая из огня”»[3].

В июне 1817 г. в Нью-Йорк с визитом прибыл президент США Джеймс Монро, который в обществе Джона Стенфорда посетил часть государственных учреждений. Деятельность капеллана получила высокую оценку, краткое резюме по результатам инспектирования государственной тюрьмы было отпечатано по указанию руководства и опубликовано биографом Стенфорда: «Во время богослужения поведение осужденных достойно и скромно: многие из них присоединяются к молитвам и пению, проявляя явное рвение и преданность религиозным обрядам; похоже, они наполнены искренней надеждой на то, что упорство в этом деле окажет благотворное влияние и после истечения срока заключения. Большая заслуга капеллана в том, что он настойчив в своих усилиях, нацеленных на обеспечение заключенным всех преимуществ регулярных богослужений.

---

[1] Пс. 107.
[2] Stanford J. The Prisoner’s Companion…
[3] Зах. 3:2. Sommers C.G. Op. cit. P. 220.

И эти преимущества распространяются не только на осужденных: горожане также принимают в них участие, и многие живущие поблизости лица постоянно посещают проповеди в тюремной часовне»[1].

Однако введение должности тюремного капеллана не спасло Ньюгейт от дальнейшего обострения ситуации. С окончанием англо-американской войны 1812–1815 гг. пошатнувшаяся в годы вооруженного конфликта экономика пополнила армию безработных и бродяг отставными солдатами. К 1820 г. в Нью-Йорке сложилась крайне неблагоприятная социальная обстановка: северные ворота Америки традиционно привлекали мигрантов различных национальностей и вероисповеданий. Армия безработных и обнищавших мигрантов заполонила город, социальную нестабильность усугубила эпидемия желтой лихорадки. Историки отмечают, что послевоенный Нью-Йорк «потонул в дешевом ликере»: рост урожая зерновых приводил к увеличению масштабов перегонки зерна в виски и, как следствие, к расширению сети таверн и салунов[2]. Нью-Йорк называли «городом непреодолимых соблазнов», предлагавшим множество удовольствий относительной дешевизны и сомнительного качества. В 1810–1820 гг. город охватил так называемый «борделевый бум»: прибывающие мигранты были, в основном, мужского пола, что вело к возрастающей диспропорции женского и мужского населения в штате и, как результат, стабильно высокого спроса на древнейшую профессию. Одним из соблазнов на грани криминала был также игровой бизнес: до 20-х годов XIX в. самыми популярными зрелищами-тотализаторами были медвежьи и бычьи схватки, приводившие толпы в опасную экзальтацию. После того, как на уровне штата эти бои были запрещены, популярность обрели менее опасные собачьи и крысиные схватки. Итак, дешевый алкоголь, бордель и звериные

---

[1] Sommers C.G. Op. cit. P. 219.

[2] Burrows E.G., Wallace M. Gotham: A History of New York City to 1898. N-Y., 1999. P. 478.

травли – именно таким представили городской облик историки-исследователи[1].

В условиях острых социальных конфликтов стены государственной тюрьмы буквально «распирало» от увеличивающегося числа заключенных, участились случаи побегов и саботажа. В сложившихся условиях был в очередной раз поставлен и положительно решен вопрос *о возобновлении телесных наказаний в тюрьме* как мере дисциплинарного воздействия. В 1819 г. такая поправка была внесена в законодательство штата, и надзиратель получил право применять телесные наказания к непокорным и смутьянам – до 39 ударов плетью, сверх того было узаконено содержание заключенных в кандалах[2]. Ужесточение санкций на время обеспечило дисциплину в пенитенциарии. Однако протест со стороны заключенных был неизбежен. Историк Р. Макленнан упоминает серьезные мятежи в Ньюгейте в 1819–1822 гг., связывая их с реакцией на возобновление телесных наказаний[3].

Возврат к системе карательной юстиции вызвал неоднозначную реакцию общественности. В Евангельском вестнике за 1822 г. был опубликован анонимный памфлет «Меч правосудия, которым орудует Милосердие: диалог между тюремным надзирателем и заключенным в день его освобождения». Размышляя о наказании, которое он отбывал, бывший арестант обращается к надзирателю словами Писания: «Я сполна познал смысл изречения: “Готовы для кощунствующих суды, и побои – на тело глупых”»[4]. Приняв намек заключенного на наказание кнутом, инспектор предполагает, что такое воздействие было «весьма болезненным». Бывший арестант, тем не менее, уверяет его, что «полосы на спине нанесены в милость» и были «предназначены для моего блага».

---

[1] Ibid P. 485, 532, 483, 486.

[2] An Act concerning the State-Prisons, and for other purposes. 1819.

[3] McLennan R.M. The Crisis of Imprisonment: Protest, Politics, and the Making of the American Penal State, 1776–1941. N-Y., 2008. P. 54.

[4] Пр. 19:21.

Признавая раскаяние заключенного, тюремщик указывает на «прощение прегрешений». Прежде чем покинуть тюрьму, заключенный отвечает: «Я принимаю освобождение как подарок с небес»[1]. Памфлет явно написан в оправдание новой дисциплинарной политики Ньюгейта, демонстрируя устоявшееся единство государственной власти в утверждении законов, а религии – в их интерпретации для граждан-прихожан.

В 1823 г. вышло провокационное анонимное издание «Наизнанку, или Внутренний взгляд на тюрьму штата Нью-Йорк. Вместе с биографическими очерками жизни нескольких осужденных», автором которого был обозначен «Тот, кто знает»[2]. Предположительно освободившийся из Ньюгейта арестант опубликовал воспоминания о своем заключении. Более чем на двухстах страницах он развернул критику тюремных порядков, пытаясь показать, что никакого исправления тюрьма не предлагает. В действительности, утверждал автор, заключение имеет прямо противоположный эффект. Ужасные условия, жестокость надзирателей, переполненные отъявленными негодяями камеры – условия, где «нет места раскаянию». Интересно, что взгляд «Наизнанку…» с точностью воспроизвел основные концепты предреформенного дискурса в английской общественной мысли: сомнительное благо помилования, распространение морального заражения от рецидивистов к молодежи, порождение новых преступлений системой наказания: «Воспитанные, так сказать, на преступном поприще, через помилование они всего лишь получили разрешение продолжать заниматься своей профессией. Без знания чего-либо, кроме тюремной жизни, и без каких-либо принципов, кроме тех, которые были усвоены в результате общения с порочными людьми, чего можно было ожидать от них тогда [до заключения. – *С.В.*], а тем более чего можно ожидать от них сейчас?

---

[1] The Sword of Justice Wielded by Mercy: A Dialogue Between the Inspectors of the State Prison, in New-York, and a Convict on the Day of His Liberation. N-Y., 1822. P. 9.

[2] Inside Out; or, An Interior View of the New-York State Prison; Together with Biographical Sketches of the Lives of Several of the Convicts / ву One Who Knows. N-Y., 1823. См.: Приложение 2.10.

Знакомые с преступлением в детстве, практикующие его с удовольствием в юности, какая может быть надежда на их исправление в зрелом возрасте? Нелепо даже предполагать это. Нынешняя система наказания привела их к преступлению, столкнула их в юности с отъявленными беззаконниками, что закалило в них отчаянных мошенников на будущие времена. В настоящий момент сколько еще таких же несчастных юнцов обучается таким же образом в этом просторном колледже разврата, которые, без сомнения, скоро перейдут от теории к практике, доставляя обществу проблемы и нанося непоправимый вред. Исходя из той настойчивости и усилий, предпринимаемых для их обучения опытными заключенными, под чье руководство их определили (сами же сотрудники тюрьмы), можно справедливо предположить, что они будут такими же способными учениками, как и те, кто уже окончил эту школу»[1].

Автор не единожды возвращается к мысли о молодых арестантах, которых приводит в тюрьму цепочка «душераздирающих обстоятельств», как бедность, потеря родителей, невоздержанность к алкоголю. Стоит только оказаться в тюрьме, все хорошее в них будет утрачено навсегда. Каждый еще не раз вернется в Ньюгейт, уже совершив преступление, «ужасающее своей жестокостью». Бессердечность охранников возбудит мысли о мести, клеймо уголовника навсегда оттолкнет добропорядочных людей, в конечном итоге хрупкий баланс на грани добра и зла неизменно закончится выбором худшего варианта. Несмотря на усилия тех, кто заинтересован в тюремной реформе, «Тот, кто знает» уверен: «тюремное заключение не очеловечивает преступника, но превращает его в зверя»[2].

Интересно отметить грамотный стиль изложения, эрудицию и набожность автора, подтвержденные активным использованием интертекстуального материала (цитаты Писания, в том числе на латинском языке, У. Шекспира, Дж. Байрона, Дж. Мильтона), а также его

---

[1] Inside Out… P. 56–57.
[2] Ibid. P. 51, 76, 83.

осведомленность о ходе пенитенциарной реформы в штате Нью-Йорк. В экспрессивных выражениях бывший арестант периодически резюмирует: «Кто, спрашиваю я, кроме самого глупого существа на свете, мог ожидать реформы в таком человеке, в такой период и при таких обстоятельствах?»; «Под сводом предполагаемой реформы скрыты безнравственные вещи» [1] и т. п. Авторство недолго оставалось в секрете: Уильям Коффи – юрист с достойным философским и литературным образованием, бывший секретарь Общества Гамильтона, был осужден в 1819 г. за подделку документов. В единственном издании «Наизнанку…» 1823 г. издатель Джеймс Костиган заявлен как владелец произведения. Впоследствии У. Коффи пытался заинтересовать рукописью общественность, законодательное собрание штата Нью-Йорк и даже бывшего президента США. Его письмо к Дж. Мэдисону опубликовано авторами современного американского исследовательского проекта «Архивные находки онлайн». Коффи посылает президенту рукопись и прикладывает записку следующего содержания: «Настоящим посылаю Вам копию труда «*Наизнанку*…» [здесь и далее курсивом обозначены акценты автора письма. – *С.В.*], опубликованного в Этом городе для Автора. Лишенный профессии и находящийся на иждивении семьи, не имея средств к существованию, но усилиями своего пера, он предпринял ничтожную попытку авторства этого произведения, с надеждой, что это в некоторой степени поправит его *финансовое* положение. Обращаясь к Вам как к неизменному другу *несчастных* и как к выдающемуся филантропу, автор уверен, что вы не станете пренебрегать его начинаниями, но с готовностью поверите тому, о ком Байрон, вероятно, написал бы: “и ясно было, что когда-то, душа его была богата, но *преступленьями* измята...”[2] Будьте так любезны, подтвердите получение

[1] Ibid P. 38, 133.

[2] *That there are hues not always faded, which shew a mind not all degraded, Even by the crimes thro’ which it waded*… Byron «The Giaour», lines 863–65. Байрон «Гяур», строфа 363–65. Перевод В. Бетаки.

«Наизнанку…» и поверьте, сэр, Вашему покорному и смиренному слуге»[1]. Ответного письма в бумагах президента не обнаружено, анонимное издание с правами Дж. Косигана так и осталось единственным небольшим пробным тиражом данного произведения.

В современном монографическом исследовании Дж. Шорб, посвященном литературным опусам американских заключенных XVIII–XIX вв., произведению Коффи посвящена целая глава[2]. Автор уверена, что «Тот, кто знает» положил начало целой серии «инсайдерских экскурсий» внутрь тюремных стен, с описанием условий содержания и «эффекта исправления». Такие произведения строились «от противного»: например, У. Коффи оспаривает официальный отчет администрации Ньюгейта за 1823 г., раздел «Обучение грамотности» и говорит о том, что заключенным не давали книги из опасения, что они могут запачкать страницы. Несмотря на тенденциозность такого источника, мы можем констатировать не только всесторонний интерес к пенитенциарной реформе, но и явный кризис первой фазы эксперимента. В 1820-е годы сам Томас Эдди считал Ньюгейт «упущенным шансом». В переписке с английскими реформаторами П. Колхауном и квакером У. Алленом Эдди окончательно признает, что его изначальная идея о совместном содержании заключенных в ночное время потеряла свой смысл в условиях, когда разделение на категории не практикуется, а хаотичное смешение арестантов, допускаемое в Ньюгейте, «полностью разрушило замысел исправительного учреждения». Эдди окончательно склоняется к филадельфийскому принципу одиночного содержания, но высказывает соображение, которое предопределит дальнейший ход пенитенциарного эксперимента в Нью-Йорке: «Единственный мудрый план состоит в том,

---

[1] To James Madison from William A. Coffey, 19 August 1823 // Founders Online, National Archives. URL: https://founders.archives.gov/documents/Madison/04-03-02-0108. [Original source: The Papers of James Madison, Retirement Series. Vol. 3, 1 March 1823–24 February 1826 / ed. D.B. Mattern. Charlottesville, 2016. P. 107–108.]

[2] Schorb J. Reading Prisoners: Literature, Literacy, and the Transformation of American Punishment, 1700–1845. New Brunswick, 2014. Chapter 4.

чтобы смотрители постоянно находились с ними [арестантами. – *С.В.*] днем во время работы, а ночью каждого помещали в отдельные камеры»[1].

В 1820-е годы Эдди на уровне властей штата начинает лоббировать вопрос о расширении сети исправительных пенитенциарных учреждений. В частности, широкую поддержку общественности получило его предложение создания в Нью-Йорке приюта-убежища для несовершеннолетних преступников и бродяг. Заключение малолетних в обособленном приюте, считал реформатор, позволит достичь цели исправления, которая практически уже «неуловима» в стенах Ньюгейта. Завершая свой первый пенитенциарный проект в 1801 г., Эдди высказал надежду-мечту: «Тюрьма штата Нью-Йорк станет образцом для других штатов, в которых увеличение численности населения и умножение богатств могут привести к подобным проблемам и возникнет необходимость в таких тюрьмах. И, каким бы ни представлялось будущее человечества, пусть этот институт отразит уважение к государству, станет долговечным памятником мудрости, справедливости и человечности его законодателей, более славным, чем многочисленные завоевания вождей и королей; и о нем будут помнить даже тогда, когда будут уничтожены и забыты иные внушительные сооружения глупости и гордыни, равно как их основатели»[2]. Насколько его пожелание оказалось пророческим, показала вторая фаза пенитенциарного эксперимента в штате Нью-Йорк.

4.3.2. Обернская пенитенциарная система: «производство послушных граждан». Решение о возведении тюрьмы, впоследствии получившей мировую известность, в местечке Оберн штата Нью-Йорк было принято властями 12 апреля 1816 г. с первоочередной целью – разгрузить переполненный Ньюгейт. Выбор места для второй государственной тюрьмы на севере штата был обусловлен несколькими причинами. В 1810-е годы поселение Оберн представляло собой динамично развивающуюся

---

[1] Knapp S. Op. cit. P. 277.
[2] Eddy T. Op. cit. P. 72.

деревушку, где строительство крупного государственного предприятия стало градообразующим фактором. Энергичные молодые политики были заинтересованы в привлечении государственных инвестиций в поселение, получая от этого как финансовые, так и политические бонусы. Тюрьма стала своего рода брендом местечка Оберн, символизирующим успешное развитие. Жители этого поселения в 1815 г. высказали коллективное мнение, что строительство пенитенциария будет способствовать процветанию и успешности их растущего городка, в том числе обеспечивать рабочие места, особенно ветеранам войны и отставникам. В 1817 г. в Оберне возникло отделение государственного банка, запуск пенитенциария косвенно способствовал притоку религиозных деятелей в местность, что привело к основанию Обернской теологической семинарии в 1819 г.[1]

Новая тюрьма стала своего рода гибридом пенсильванского режима одиночного содержания и опытов Ньюгейта по организации коллективного труда. Реформаторы, стоявшие у истоков обернского пенитенциария, сходились во мнении о том, что в планировании Ньюгейта не было какого-то рокового изъяна, его главной проблемой стали многократная переполненность и совместное ночное содержание арестантов. Поэтому при проектировании новой тюрьмы был заимствован главный принцип нью-йоркской пенитенциарной традиции, позволявший вывести тюрьму на самоокупаемость: принцип совместного дневного труда в общих мастерских. Параллельно было выдвинуто предположение: свести к минимуму негативное влияние тюрьмы путем введения элементов пенсильванского одиночного заключения.

Прорабом стройки был назначен ветеран англо-американской войны капитан Уильям Бриттен, под чьим руководством были построены первые совместные камеры и мастерские. Уже к концу 1816 г. было достроено южное крыло с 28 камерами, рассчитанными на совместное размещение по

[1] Kurtz D.M. Auburn, N.Y.: Its Facilities and Resources. N-Y., 1884. P. 10, 25.

8–12 арестантов и 61 камера одиночного содержания [1]. Более 140 заключенных были незамедлительно переведены из Ньюгейта, их труд в дальнейшем использовался при строительстве северного крыла. Несмотря на то что большинство проблем Ньюгейта было связано с совместным пребыванием заключенных в общих камерах в ночное время, первоначально (скорее всего, ввиду спешки при строительстве и запуске Оберна) заключенные спали и работали в совместных камерах. Одиночные кельи использовались в качестве карцеров для содержания арестантов, нарушивших тюремную дисциплину.

В 1816–1820 гг., в период активного строительства пенитенциария и становления его административного штата, практиковалось сочетание общего и одиночного заключения. По мере заполнения Обернской тюрьмы проблема обеспечения внутренней дисциплины становилась все более ощутимой. При сооружении северного крыла заключенные совершили поджог и попытку побега. Местное население постепенно перешло от воодушевления к обеспокоенности по поводу такого опасного соседства: обострение криминогенной ситуации в окрестностях, появление конкуренции со стороны принудительного труда, пожары, грозящие перекинуться на городские постройки, оказались, по мнению горожан, «политическим подарком сомнительной ценности» [2]. Реформаторы понимали: если не принять срочные меры, то новый пенитенциарий ожидает судьба Ньюгейта, а прогрессивная инициатива организации исправительного наказания дважды потерпит фиаско в нью-йоркской пенитенциарной практике.

Обеспокоенность ситуацией выразил Томас Эдди, который продолжал настаивать на усилении религиозно-нравственного компонента в тюремном режиме, обращая внимание на существенное сокращение таких программ в некогда подопечном ему Ньюгейте. Проанализировав провал

---

[1] Lewis O.F. Op. cit. P. 79.
[2] Kurtz D.M. Op. cit. P. 43.

исправительной реформы в первой государственной тюрьме штата Нью-Йорк, Эдди осторожно упрекнул власти штата, которые поставили цели самоокупаемости и финансовой прибыли выше главной задачи тюремной реформы – исправления заключенного, возвращения в общество нравственно перерожденного гражданина. Филантроп убежденно доказывал, что экономия текущих расходов на религиозно-нравственных программах, дополнительных площадях, медицине обернется дополнительными государственными расходами в долгосрочной перспективе. Из такой тюрьмы в общество возвращается нравственно испорченный гражданин, что впоследствии приводит к криминальному рецидиву и повторной «загрузке» тюремного учреждения. Преследуя «узкие фискальные цели», представители власти рискуют «порушить великую нравственную цель, заключенную в пенитенциарном реформировании». Это, очевидно, имело место в судьбе Ньюгейта, заключал Томас Эдди, но Оберн должен реализовать весь потенциал исправительной реформы: чистота, трудолюбие, хорошее поведение. В письме к У. Роско, жестко раскритиковавшего пенсильванскую модель, Т. Эдди называет Оберн «лучшей тюрьмой, построенной в этой стране», и выражает надежду на то, что «тюрьма преуспеет и полностью оправдает ожидания тех, кто дружелюбно относится к пенитенциарной реформе»[1].

Эдди ходатайствовал перед губернатором штата Нью-Йорк о расширении сети одиночных камер в Оберне и введении строгой классификации заключенных по степени тяжести преступления и рецидиву[2]. Филантроп представил местному сенатору несколько своих брошюр об организации режима содержания, и пожелания реформатора были учтены при строительстве северного крыла. С 1820 по 1822 год в Оберне усиленно практиковали режим полной изоляции на манер пенсильванского опыта для особо опасных рецидивистов и нарушителей внутренней

[1] Knapp S. Op. cit. P. 319, 315.
[2] Ibid. P. 285–286.

дисциплины. Таких арестантов переводили в одиночную камеру, лишая возможности днем трудиться в общих мастерских. Но было одно существенное отличие обернского одиночного заключения от пенсильванского: камеры в новой тюрьме были намного меньше, распорядок дня – жестче, пища – скуднее. Если в филадельфийской модели келейного заключения основной упор делался на внутренний мир преступника – рефлексию, религиозное чтение и беседы, постижение «природы своего греха», то обернские карцеры носили явно карательную направленность, например арестанту воспрещалось днем лежать и сидеть (за исключением периодов приема пищи). Итоги восемнадцати месяцев активной практики такого режима оказались неутешительны: пять заключенных умерли от истощения, один сошел с ума, один совершил самоубийство, один бился головой о стену до тех пор, пока не лишился глаза. После непрерывного одиночества «несчастные жертвы новой теории наказания жалобно умоляли позволить им начать трудиться»[1]. Более того, такой эксперимент, ассоциированный с одиночным содержанием, косвенно способствовал падению авторитета пенсильванской модели.

В 1821 г. на посту управляющего Оберна капитана Бриттена сменил своего рода человек-легенда – отставной военный Элам Линдс. Именно с личностью Линдса связано окончательное формирование режима, который принесет этой тюрьме мировую славу. Главная черта обернской пенитенциарной модели – сочетание дневного труда в общих мастерских и разделение по одиночным камерам на ночь – в теории была сформулирована Эдди. Отличительной чертой режима Линдса стала строжайшая дисциплина, основанная на обеспечении *абсолютного молчания*, причем этот концепт не имел ничего общего с духовной тишиной квакеров или терапевтической тишиной доктора Раша. Обеспечение абсолютной тишины стало едва ли не священным правилом обернской дисциплины, за нарушение которого следовало наказание. Чтобы предотвратить любое

[1] Kurtz D.M. Op. cit. P. 44–45; Lewis O.F. Op. cit. P. 82.

общение между арестантами, Линдс вышел с инициативой отказаться от совместной столовой и организовать прием пищи в камерах. Бывший военный смог изначально установить строгий порядок, приучив заключенных двигаться быстро и организованно по свистку между помещениями пенитенциария, а также на прогулках. Именно Линдсу приписывают изобретение знаменитого *локстепа*[1] (порядок передвижения арестантов «в затылок» с рукой на плече впереди идущего, лицо повернуто в сторону надзирателя, чтобы тот имел возможность «контролировать закрытый рот»)[2].

Наряду с карцером плети и розги стали самой популярной мерой дисциплинарного воздействия за нарушения и проступки с первых дней режима Линдса. Закон 1819 г., закрепивший телесные наказания в Ньюгейте[3], был принят на уровне штата, а значит, автоматически распространялся и на Оберн. Вопрос о правомерности наказаний, идущих вразрез с декларированием гуманистических целей пенитенциарных реформ, являлся камнем преткновения в полемике реформаторов. В очередном письме к У. Роско Эдди рассуждает следующим образом: «Никакая радикальная реформа не может состояться, пока общественное сознание не будет полностью убеждено в абсурдности и порочности наказания-возмездия. Вследствие того, что такое зло управляет нашими общественными законами, возрастает сложность в формировании полезных законов для поддержания тюремной дисциплины, рассчитанных на исправление осужденных. Я чрезвычайно огорчен, обнаружив, что мой друг капитан Линдс, смотритель тюрьмы Оберн, выступает за (и практикует) телесные наказания за нарушение любого пункта тюремной дисциплины. Я тем более сожалею, что этот человек должен идти на такие меры, потому что с точки зрения искусства управления пенитенциарным учреждением

---

[1] *Амер*. lock-step. *Досл*.: блок-шаг. См.: Приложение 1.27.
[2] Kurtz D.M. Op. cit. P. 44.
[3] An Act concerning the State-Prisons, and for other purposes. 1819.

я считаю его более компетентным, чем все, кого я встречал ранее. Он раньше служил в армии, имеет хорошее образование, понимающий, честный, обладающий дружелюбным нравом и обширными знаниями человеческой природы, особенно касаемо средних и низших классов общества… Я никогда не беседовал с человеком, чьи чувства в отношении управления заключенными настолько полностью отвечали моим взглядам и, по моему мнению, который настолько способствовал бы их благополучию и исправлению. Я уверен, в мире нет тюрьмы, равной тюрьме Оберн в том, что касается чистоты, трудолюбия и хорошего поведения... Я полностью согласен с ним во всех деталях, которые он практикует, за исключением принятых способов наказания. Я тщетно убеждал его, что розги полностью противоречат принципам системы “мягких наказаний”, которую мы хотим установить. Я не могу убедить его, что наказание в виде заключения в карцер на хлебе и воде произведет тот же эффект, что и порка. Я допускаю, что он не будет злоупотреблять этим методом, соблюдая справедливое соотношение проступка и наказания, но другие, безусловно, будут, а потому розги не следует допускать ни в одной тюрьме... Он, однако, настаивает на том, что невозможно сохранить порядок без кнута. Я твердо верю, что капитан Линдс со временем изменит свое мнение. Он является настоящим энтузиастом пенитенциарной системы и обладает теми особыми качествами, которые позволят ему довести ее до такой степени совершенства, которой она еще никогда не достигала»[1]. Томаса Эдди не случайно прозвали «американским Говардом»[2]: реформатор не только являлся последним теоретиком-идеалистом тюремных реформ, но и наиболее сближался с английскими интеллектуалами во взглядах на пенитенциарное исправление. Элам Линдс олицетворял новое поколение реформаторов-практиков, которые без лишних эмоций решали конкретные

[1] Knapp S. Op. cit. P. 316–318.
[2] Lewis O.F. Op. cit. P. 43.

задачи, минимизировали издержки и оптимизировали режим на основе опыта.

Обернская пенитенциарная модель быстро набирала сторонников. Шаблон сочетания коллективного труда и одиночного ночного заключения, восходящий к проектам Говарда, был положительно воспринят просвещенной общественностью: труд как средство воспитания и одиночное заключение как идеальная среда для саморефлексии и реабилитации. Система арестантского труда даже если сразу не позволяла пенитенциарию выйти на самоокупаемость, то существенно покрывала издержки, связанные со строительством здания и содержанием заключенных, на что положительно смотрели государственные чиновники. От пенсильванского режима подобную модель выгодно отличала очевидная рентабельность: камеры для ночного разделения по площади были меньше и, следовательно, дешевле, а дневной труд в мастерских позволял со временем выйти на самообеспечение и даже получать прибыль. В Оберне было постепенно налажено производство гвоздей, бочек, одежды, обуви и мебели. С 1840 г. тюрьма стала выпускать даже шелковые ткани. На фоне такой успешности пенсильванская модель стала стремительно терять сторонников, а обернский режим, напротив, начал триумфальное шествие по стране.

Так, обернская тюремная модель постепенно дистанцировалась от основных концептов пенитенциарного исправления, актуализованных английской общественной мыслью, и становилась все более аутентичной американской, а значит, нуждалась в своей идеологии и даже теологии. Популяризация обернской модели как в других штатах, так и за океаном неразрывно связана с деятельностью Бостонского Общества тюремной дисциплины и ее бессменного секретаря преподобного Луи Дуайта.

В течение всей жизни и активного миссионерства Дуайт призывал власти сделать тюрьмы «местом более пригодным для Божьего дела». В 1810-е годы во время обучения в знаменитой американской духовной

семинарии Эндовер с Дуайтом произошел инцидент, который предопределил его будущее и привел в ряды американских пенитенциарных реформаторов. Неудачный химический опыт во время занятий послужил причиной травмы легких, что стало препятствием к публичным выступлениям перед большой аудиторией и причиной отказа от мечты возглавить кафедру. Многие студенты Эндовера старались проявить усердие в миссионерстве, с этой целью пытались влиться в растущую сеть благотворительных обществ, чтобы через участие в социальных проектах «вместе с гуманитарной помощью нести слово Божие»[1]. Для Дуайта возможность служить избранным идеалам посредством участия в благотворительных организациях стала выходом из ситуации, осложненной ослабленным здоровьем. Окончив Эндовер в 1819 г., преподобный Дуайт становится агентом евангельского Общества распространения религиозной литературы, а с 1823 г. присоединяется также к американскому Обществу развития образования. Слабое здоровье мешало активной проповеднической деятельности, поэтому в 1824 г., совместив работу по линии двух благотворительных обществ с задачей поправить легкие, Дуайт совершил длительное путешествие по южным штатам. Передвигаясь на конной повозке, нагруженной евангельскими текстами, преподобный Дуайт посетил Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор, Вашингтон, Коннектикут и к 1825 г. добрался до Южной Каролины. В самом начале своего путешествия странствующий проповедник навестил отделение американского Библейского общества в Нью-Йорке, стремясь заручиться их поддержкой и содействием. Там произошла судьбоносная встреча преподобного Дуайта с Томасом Эдди. Очевидно, в беседе со знаменитым реформатором и родилась идея включить в программу

[1] Kling D.W. The New Divinity and the Origins of the American Board of Commissioners for Foreign Missions // Church History. 2003. № 72 (4). P. 802.

миссионерского странствования Дуайта посещение тюрем и распространение Библии в среде заключенных[1].

Посещение тюрем американских штатов в 1824–1825 гг. стало поворотным моментом миссионерского пути преподобного Дуайта. В этой поездке он увидел направление и цель дальнейшего духовного служения – содействие американской пенитенциарной реформе по улучшению условий тюремного содержания. Мемуары Дуайта сохранили эмоциональное описание «ужасов и страданий», поразивших его в тюрьмах округов Колумбия и Балтимор: «Я хотел нести Слово Божие, – вспоминал впоследствии Дуайт, – но вскоре осознал, что незнание Библии было чуть ли не наименьшей проблемой этих людей»[2]. Во время путешествия он раздавал литературу арестантам, по возможности собирал их на проповеди, пытался воззвать к общественности и властям. Фактически за свою поездку Дуайт встретил только одного тюремного капеллана – преподобного Стэнфорда из Ньюгейта. По итогам своего южного путешествия Дуайт констатировал отсутствие священников в тюрьмах Нью-Гемпшира, Вермонта, Массачусетса, Коннектикута, Нью-Джерси, Мэриленда, и Вирджинии, то есть практически повсеместно: «Я был послан проповедовать о непостижимых богатствах Христа к тем, кто не видел ни одного служителя Христа, не слышал голоса молитвы на протяжении *долгих трех лет* заключения. Когда я воззвал к ним, начал молить об их спасении, и там, и после я был уверен, как никогда, что Бог услышит мои молитвы»[3].

Вернувшись в Бостон, преподобный Дуайт стал активным соорганизатором *Бостонского Общества тюремной дисциплины*. Должность первого секретаря Общества он занимал без малого тридцать лет до самой смерти в 1854 г. Первоначально в дирекцию Общества вошли

---

[1] Jenks W. A Memoir of the Rev. Louis Dwight, Late Secretary of the Boston Prison Discipline Society, Prepared at the Request of the Society. Boston, 1856. P. 19.

[2] Ibid. P. 22.

[3] Ibid. P. 23.

14 священнослужителей различных протестантских вероисповеданий (включая преподавателей семинарии Эндовера), 4 адвоката, 4 судьи и представители тюремной администрации[1]. Именно они, по выражению Дуайта, стали его первым воинством в «крестовом походе по улучшению тюремной дисциплины и евангелизации заключенных». С 1826 г. Общество развернуло активную деятельность: инспекции подверглись тюрьмы штатов Мэн, Пенсильвания, Коннектикут и Вашингтон округа Колумбия. По оценке О. Льюиса, Луи Дуайт был прирожденным миссионером, «сильным духом и неистовым в воинственной, но спорной пропаганде системы Оберна»[2]. Ежегодные отчеты Бостонского общества тюремной дисциплины, в которых систематически зафиксированы ход и методы пенитенциарного реформирования во всех штатах, представляют собой беспрецедентный исторический источник. Данные о численности, заболеваемости и смертности арестантов, сведения о состоянии питания и вещевого снабжения, статистика рецидивов и побегов, обзор мер дисциплинарного воздействия и оценка религиозных программ – все сведения обобщали и готовили к публикации резиденты Общества под руководством первого секретаря. По мнению О. Льюиса, личные предпочтения Дуайта оказывали значительное влияние на отображение отчетных материалов, а «агрессивная пропаганда» состояла в том, что материалы Бостонского общества настойчиво печатали большими тиражами, навязчиво распространяли в законодательных органах штатов, особенно в тех, где планировалось строительство новой тюрьмы. А поскольку «Дуайт был ревностным, неутомимым, неоплачиваемым приверженцем системы [Оберн. – *С.В.*], которую он поддерживал, почти с намеренной слепотой, не видя в течение многих лет никаких ее недостатков», этим частично можно объяснить триумф Оберна в большинстве американских штатов. В начале XX в. Льюис позволил себе следующий вывод: «вероятно,

---

[1] Reports of the Prison Discipline Society. 1826–1835. Vol. 1. Boston, 1855. P. 139.
[2] Lewis O.F. Op. cit. P. 227.

не будет преувеличением сказать, что этот один человек в значительной степени определил форму тюремной структуры и методы, принятые во многих американских штатах и, следовательно, сохранившиеся до наших дней»[1].

Одним из основных направлений первых лет деятельности Общества стала кампания по введению должности тюремного священника в штат администрации пенитенциариев. При капитане Линдсе в Оберне не было постоянного капеллана, «поскольку считалось, что это могло плохо сказаться на тюремной дисциплине, другими словами, религия и система Оберна были несовместимы»[2]. Под влиянием общественности, возмущенной известиями о злоупотреблении Линдсом практикой телесных наказаний, бывший военный был смещен с должности, и на его место назначен Гершом Пауэрс. При Пауэрсе Оберн начали посещать студенты близлежащей духовной семинарии, что положительно сказалось на репутации Оберна: «…мы рады слышать, что религия, наконец, пробилась сквозь непроницаемые барьеры этой ужасной тюрьмы. Студенты семинарии, посещая заключенных в порыве милосердия, доказали, что *идея исправления* не безнадежна, невзирая на множество неприятных обстоятельств, которые все еще тормозят ее развитие»[3].

Режим содержания, который установился в пенитенциарии к середине 1820-х годов – тяжелый дневной труд, соблюдение абсолютной тишины и строжайшей дисциплины, поддержание которой осуществлялось посредством телесных наказаний, – нуждался в серьезной идеологической поддержке. Администрация Оберна возлагала надежды на тюремного пастора, который рассматривался как некий компромисс между «государственной политикой и христианским милосердием». При Пауэрсе стали практиковать приглашенных священников разных деноминаций,

---

[1] Lewis O.F. Op. cit. P. 227.
[2] Smith G.W. A Defense of the System of Solitary Confinement ... P. 37.
[3] Ibid.

которые по очереди служили субботние службы. Ежемесячное содержание в 200 долларов, определенное законодательным собранием Нью-Йорка еще для Ньюгейта в 1812 г., распределялось между ними. В своем первом отчете на посту управляющего Оберном Пауэрс высказался за постоянного капеллана в штате: «Местный капеллан, обладающий необходимыми качествами: добрый, благоразумный, твердый в убеждениях, сдержанный и сострадательный, с глубокими познаниями человека. Он руководствуется мотивами государственной политики и христианского милосердия и легко обеспечит уважение и доверие большинства осужденных. Он будет жить рядом с ними, посещать их уединенные и унылые жилища, они (особенно молодые арестанты) будут считать его своим пастором, своим наставником, своим советчиком, своим другом: они будут расположены свободно открыть ему свои сердца. Он изучит их историю, познакомится с их взглядами и чувствами и, таким образом, сможет адаптировать свои наставления и поучения непосредственно под каждого осужденного, как того могут потребовать обстоятельства»[1].

Вскоре в штате появился первый штатный капеллан – молодой священник Джерад Кэртис, рекомендованный Л. Дуайтом. По признанию Кэртиса, Оберн ошеломил его, показался одновременно «впечатляющим и пугающим», но главное, что отметил священник, – это «порядок и совершенство системы, которая доминирует над всеми»[2]. Отчет Пауэрса отражает позицию администрации Оберна и ее видение основных задач, стоящих перед штатным тюремным капелланом: «Капеллан-резидент должен во всех случаях и при любых обстоятельствах строго соблюдать правила и положения Учреждения, в частности не сообщать осужденным запрещенные сведения или ложные надежды и обещания, не предлагать

---

[1] Powers G. A Brief Account of the Construction, Management, and Discipline of the New York State Prison at Auburn: Together with a Compendium on Criminal Law. Also, a Report of the Trial of an Officer of Said Prison for Whipping a Convict. Auburn, N-Y., 1826. P. 18.

[2] Buried from the world: inside the Massachusetts State Prison, 1829–1831: the memorandum books of the Rev. Jared Curtis / ed. by P.F. Gura. Boston, 2001. P. 47.

помощи в получении помилования, что может вызвать лицемерное поведение и, как правило, ведет к неподчинению. Он должен откровенно говорить с ними, решительно настаивать на глубине их порока и тяжести преступления, растолковать вину в нарушении законов Бога и своей страны. Он обязан убедить их в справедливости приговора, пробудить раскаяние и муки совести, под давлением убедить нести необходимые повинности, помочь им остро осознать ужас их положения; и всеми возможными способами заставить их осмыслить необходимость и обязанность покаяния, исправления и смиренного и строгого подчинения всем правилам Тюрьмы»[1]. По замечанию Дж. Грабер, Г. Пауэрс стремился использовать капеллана, чтобы «языком и именем неба поддержать дисциплину на земле»[2].

Активное привлечение религиозных деятелей к исправительной реформе поднимало ее рейтинг в глазах общественного мнения, поддерживая репутацию пенитенциарной модернизации. Именно в Оберне тюремный капеллан впервые становится неотъемлемой частью штата американской тюремной администрации. В полномочия и обязанности тюремного священника входили не только богослужения и беседы, но и организация обучения основам грамотности в воскресных школах. Капелланы, связанные с Бостонским обществом, положили начало масштабной тюремной статистике: им было поручено ведение специальных записей, где фиксировалась индивидуальная «траектория» поведения арестанта. Мнение капеллана учитывалось комиссией, разбиравшей прошения о досрочном освобождении или назначавшей дисциплинарное взыскание. Так религия упрочняла тюремную дисциплину, поднимала статус обернской системы в глазах общественного мнения, поддерживая репутацию пенитенциарного реформирования.

---

[1] Ibid. P. 19.
[2] Graber J. Op. cit. P. 87.

Таким образом, в практике нью-йоркской реформы миссия тюремного священника претерпела трансформацию от идеалистических представлений английских интеллектуалов до утилитарного практицизма американских. От интерпретации тюремного заключения как Божественного провидения, побуждений к покаянию и спасению души, акцент явно сместился в сторону призыва к смирению, покорности и дисциплине. Государство имеет право на удержание преступника как в целях исполнения заслуженного наказания, так и в целях санирования общества от преступных элементов, учил Л. Дуайт, но миссия тюрьмы на этом не исчерпывается, «ведь важно не только огородить общество от скверны, но и предохранить от последующего загрязнения». Значит, Америке нужна такая система исполнения наказаний, которая выпустит на свободу бывшего преступника полностью «послушным и смиренным», а его пороки будут искоренены[1]. Это подтвердил вердикт, который вынес по итогам сравнения двух пенитенциарных моделей Гюстав де Бомон: «Филадельфийская система производит больше честных людей, в то время как нью-йоркская – больше послушных граждан»[2].

Оценка французов представляется весьма скромной и корректной в отношении обеих систем, в то время как сами пенсильванцы и бостонцы не щадили друг друга в полемике. Главным аргументом сторонников Оберна был, конечно, финансовый. После того, как Восточный пенитенциарий Черри-Хилл был объявлен «самым дорогостоящим общественным зданием Америки» 1830-х годов, отчеты Бостонского общества буквально запестрели этой информацией. На контрасте по соседству размещали информацию о доходности пенитенциариев обернского типа, которые с 1828 по 1833 год совместно заработали более 25 000 долларов[3]. Дуайт неоднократно подчеркивал то обстоятельство, что

---

[1] Reports of the Prison Discipline Society… Vol. 1. P. 113, 116, 118.

[2] Philadelphia system produces more honest men, and that the New York more obedient citizens. Beaumont, G. de Tocqueville A. de. Op. cit. P. 60.

[3] Lewis O.F. Op. cit. P. 133, 227.

пенсильванские пенитенциарии, практикуя «круглосуточное одиночество наедине с Богом и Библию», не способствуют формированию трудовых навыков, а значит, не используют возможности искупительного труда. «Тюрьма не должна быть местом неги и достатка, – считали сторонники Дуайта, – а путь к спасению должен пролегать через очищение трудом и жесткой дисциплиной».

Одно из самых серьезных обвинений, вменяемых обернской системе как современниками, так и последующими исследователями, заключается в чрезмерном увлечении реформаторов дисциплинарными практиками. Пенсильванцы указывали на карательный, то есть каторжный режим труда в Оберне, назначенный в наказание, но не ведущий к исправлению[1]. По выражению О. Льюиса, это обстоятельство могло стать «эмоциональным комплексом» Дуайта[2]. Информация о «неоправданной жестокости в наказании» регулярно становилась достоянием общественности, но не встречала критики со стороны бостонцев, а напротив, нивелировалась авторитетом Дуайта. В одном из отчетов он открыто высказался, что при соблюдении умеренности и в строго установленном порядке «даже плеть и виселица могут сослужить свою службу», пока система наказания еще несовершенна[3].

Полемика обернцев и пенсильванцев не обошлась без «инсайдерского экскурса», популяризованного изданием У. Коффи и анонимным памфлетом «Меч правосудия». В брошюру Р. Вокса в защиту пенсильванского режима издатели включили письмо «заключенного, отбывавшего наказание по филадельфийской системе»: «Единственным правильным способом, по моему скромному мнению, является одиночное заключение, – рассуждает «анонимный арестант», – и осужденные должны быть изолированы от любого общения друг с другом, будь то взглядом или

---

[1] Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania … P. 10–11.
[2] Lewis O.F. Op. cit. P. 228.
[3] Reports of the Prison Discipline Society… Vol. 1. P. 32–33.

речью. Многое было сказано в пользу знаменитой тюрьмы Оберн, и в некоторых отношениях она, безусловно, заслуживает похвалы. Я беседовал с несколькими, прошедшими режим этой тюрьмы, и их чувства и настроения выражают глубокое потрясение, но я убежден, что вместо того, чтобы направить усилия на возвращение осужденного в общество, режим этой тюрьмы озлобляет и разрушает их сознание, когда малейшее отклонение от самых пустяковых правил наказывается беспрецедентно жестоко, телесные наказания остаются в повестке дня. Безумные и пагубные последствия этого строгого курса, проводимого в Оберне, несомненно, должны вызывать возмущение у всех мудрых, рассудительных и гуманных людей. Сурового и жестокого наказания необходимо по возможности избегать, ведь это не только ожесточит его сердце, усыпит и умертвит все достойные и добродетельные чувства, наполнит душу решимостью отомстить, он никогда не забудет жестокости в свой адрес. Это также ставит клеймо на тех, кто вершит наказание. В то время как гуманное, справедливое и беспристрастное обращение возбудит в нем чувство благодарности как к тюремному персоналу, так и к обществу, которое проявило к нему сочувствие даже в его падшем состоянии»[1]. По мнению Дж. Шорб, пенитенциарные общества охотно публиковали подобные письма (которые, в отличие от «Наизанку…» Коффи, могли быть сфабрикованы) в том числе для того, чтобы продемонстрировать публике «пишущих и читающих» заключенных, готовых авторитетно рассказать о своем заключении и вписаться в общественный дискурс реформы[2].

Итак, пенсильванские и нью-йоркские тюремные реформаторы на полвека превратились в религиозных и политических оппонентов, но результатом этой полемики становилось постоянное совершенствование

---

[1] Extract of a letter from a Convict on the penitentiary system // Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania…P. 15. Перевод письма полностью см.: Васильева С.А. «В темнице был, и вы пришли ко Мне…»: история зарождения практики тюремного служения в протестантской традиции и его влияние на ход пенитенциарных реформ в Америке, Европе и России : монография. М., 2019. С. 171–173.

[2] Schorb J. Op. cit. P. 50.

своих моделей. Например, в пенсильванскую систему был впоследствии включен труд (в пределах одиночной камеры) как средство реабилитации и способ сократить издержки на содержание. Обернская система, как мы убедились, со временем обратилась к английскому опыту постоянных капелланов в штате тюремной администрации.

Открытая дискуссия только подогревала интерес к американским пенитенциарным моделям. Оберн и Черри-Хилл в 1840–1860-е годы превратились в объекты настоящего паломничества европейских реформаторов. Англия, Франция, Германия, Швеция, Голландия, Швейцария и Италия присылали чиновников и энтузиастов для изучения передового пенитенциарного опыта. В 1830-е годы Оберн представлял собой «рекламу социального заказа» и свидетельство прогресса пенитенциарных реформ. По экономическим показателям эта система была признана самой рентабельной. Модель Оберна получила массу одобрительных отзывов: казалось бы, впервые найдена такая система, которая, с одной стороны, позволяет получать прибыль от труда арестантов, с другой – обеспечивает исправление через приучение к дисциплине и формирование полезных навыков. Отстранение Элама Линдса от управления Оберном не означало отказ от режима, ассоциировавшегося с его именем. Вскоре Линдса поставили во главе строительства крупнейшего пенитенциария Синг-Синг близ рудников города Маунт-Плезант. Так дисциплинарный «режим Линдса» был воспроизведен в тюремном учреждении, рассчитанном на содержание свыше тысячи человек и с проектной рентабельностью свыше 70 тысяч долларов в год[1].

В заключение четвертой главы, посвященной рассмотрению имплементации основных концептов исправительного заключения в первые прогрессивные американские тюремные модели, следует отметить мировой резонанс пенитенциарных экспериментов, которые в корне изменили представления о методах и средствах тюремного заключения. В эпоху

[1] Lewis O.F. Op. cit. P. 133.

национальных и международных пенитенциарных конгрессов, регулярно собиравшихся с 1840-х годов, количество описаний, критических разборов, компаративных анализов и философских оценок американского опыта константно увеличивалось с каждым годом и конгрессом. Пенитенциаризм как гуманистическая доктрина, идеология и метод социальной инженерии постепенно приобретал характер широкого международного движения. Таким образом, не будет преувеличением констатировать основополагающее влияние американского тюрьмоведения на формирование основ международной пенитенциарной практики. Европейские реформаторы высоко оценили американский опыт, и уже к середине столетия Западная Европа покрылась сетью пенитенциариев пенсильванской и обернской моделей.

Важнейшими факторами становления теоретико-методологических основ американской пенитенциарной реформы стали идеи английского Просвещения, патриотические стремления первых американских граждан инициировать широкие социальные реформы во всех сферах общественной жизни и, несомненно, специфика протестантской религиозности. Протестантские реформаторы сыграли ключевую роль на начальном этапе американских пенитенциарных экспериментов на рубеже XVII–XIX вв. Первые исследователи американского опыта – французы А. де Токвиль и Г. де Бомон отметили доминирующее влияние религии на содержание и практику реформы: «В Америке прогресс тюремной реформы пенитенциарной системы был изначально триумфом религии. Реформаторы, возбуждаемые исключительно религиозным рвением, задумали и выполнили все, что было запланировано; они, безусловно, действовали не в одиночку; но именно их рвение придало импульс всему остальному и до сих пор вызывает в сердцах и умах тот пыл, который вдохновляет их последователей. В настоящий момент религия – фундаментальный элемент тюремной дисциплины и реформы в целом…

Именно ей [религии. – *С.В.*] одной принадлежит успех идущей реформы»[1]. Американские реформаторы, опираясь на идеологемы пенитенциаризма, актуализованные английской просвещенческой и богословской мыслью, сначала добились признания за религией ведущей роли в нравственном перерождении преступника, а затем, с опорой на поддержку общественности и гражданских властей, приступили к реализации экспериментов в области исполнения наказаний.

Лучшие умы американских филантропов и просветителей, подкрепленные религиозным рвением духовных лидеров, объединились в попытке решения, казалось бы, неразрешимой задачи: заложить в основу тюремного содержания и принцип исправления преступника, и рентабельность, и обеспечение идеальной дисциплины. Уже в 1830-е годы европейские исследователи американского опыта констатировали состоявшийся переход от старой карательной системы уголовных наказаний к прогрессивной пенитенциарной, с выраженным «исправительным» характером.

Однако неоднозначные результаты первых лет эксперимента можно определить сентенцией, порожденной протестантской мыслью рассматриваемой эпохой: *благими намерениями вымощена дорога в ад*[2], когда самые гуманные замыслы оборачиваются результатом со спорными последствиями. В очерченных британскими интеллектуалами границах базовых идеологем пенитенциаризма вместо гомогенной гуманистической и христианской сути обнаружилось сложное сплетение сталкивающихся интересов и непредвиденных обстоятельств. Пенитенциарная доктрина в теории предложила модель новой социальной структуры тюрьмы как совокупности определенных норм и ролей отношений. Но процесс становления внутри этой структуры новых социальных групп –

---

[1] Beaumont G. de, and Tocqueville A. de. Op. cit. P. 121.

[2] *Англ.* Hell is full of good meaning and wishings. Вероятное авторство крылатого выражения делят между собой два англичанина эпохи Просвещения – писатель Самюэль Джонсон и богослов Джордж Герберт.

заключенных, которых продуцируемые социальным институтом тюрьмы нормы обязывали исправиться, *сотрудников и капелланов*, обязанных обеспечить такое исправление, – обозначил глубокий разрыв между намерениями одних исторических акторов и совокупным эффектом действий других.

Ключевая цель пенитенциарного покаяния, взлелеянная английскими интеллектуалами и проповедниками, на практике оказалась достижима, по выражению Б. Хилтона, «из-под палки духовного террора»[1]. Реконструкция индивидуального и коллективного опыта принудительного труда показала, насколько уязвимы интенции и ожидания исправительного эффекта данной практики. Американская теология тюрьмы постепенно возвращалась от милосердного евангелизма к ветхозаветному ретрибутивизму. Человек не может отрицать свою ответственность за грех, все верующие должны принять такую реальность, в которой их греховные поступки нарушают Божий порядок, свидетельствуют о восстании против Бога и общего блага[2]. Призыв осознать свои падения, покаяться в грехах и позволить Богу работать над ними побуждал арестантов к смирению и готовности принять наказание (тюремное заключение, суровую дисциплину, тяжелый физический труд) как Божественное возмездие за совершенные грехи – с одной стороны, но как «очищение в горниле страданий» в качестве конечной цели.

В свою очередь, идеология пенитенциаризма под влиянием первых практик также смещалась от оптимистического гуманизма к утилитаризму и практицизму. С течением времени богословские представления о возмездии, покаянии, искуплении и смирении постепенно трансформировались в основные концепты современной американской пенологии: восстановление справедливости, исправление, ресоциализация,

---

[1] Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford, 1988. P. 98.

[2] Kling D.W. Op. cit. P. 804.

превенция. Интересно отметить, что американские юристы XX в., ранжируя цели наказания, на первое место выносят воздаяние (кару) и устрашение, а также лишение возможности совершать преступления, и только после этого рассматривают исправление[1].

К середине XIX в. тюремное реформирование становится сугубо государственной прерогативой: тюремные модели рассматриваются с позиций рентабельности, преступных рецидивов, влияния на физическое и психическое здоровье заключенных. При многократном воспроизведении пенсильванского и обернского режимов их теоретическая основа, фундированная теологией «одиночного покаяния» и «искупительного труда», была постепенно утрачена, уступив место механическому повторению архитектурного дизайна, особенностей режима и организации трудовой деятельности арестантов. Справедливости ради следует отметить, что к моменту масштабного внедрения американских пенитенциарных систем в европейских странах влияние религии на ход тюремного реформирования в самих штатах было существенно ограничено, уступив место иным государственным и утилитарно-хозяйственным интересам.

Основное заблуждение современных правоведов и пенологов, критично воспринимающих первые американские модели, заключается в модернизации их оценок, распространении понятий современности на исторические. Приведем несколько примеров. Ведущие специалисты современной пенитенциарной психологии Ю. Дмитриев и Б. Казак, характеризуя пенитенциарные теории и модели тюремных учреждений в западных странах, относят обе системы к группе репрессивных моделей: «Репрессивная модель (изоляция, кара, устрашение) предусматривает тюремное заключение, усиленный режим, труд, включая тотальную изоляцию и режим молчания. В качестве примера можно привести пенсильванскую модель (Филадельфия): система молчания,

[1] Никифоров Б.С. Современное американское уголовное право. М., 1990. С. 71.

индивидуального воздействия, одиночные камеры; оборнскую модель: индустриальная модель такой тюрьмы предполагала, что осужденные днем работали, а на ночь помещались в камеры. От оборнской системы содержания берет свое начало современная тюремная система западных стран». Авторы убеждены, что такие модели базируются на «неизменности человеческой природы, теории неисправимости личности, которую нужно устрашать»[1]. Правозащитники резко критикуют пенсильванскую систему, полагая, что такое содержание «оказывает подтвержденное многими документами и данными негативное воздействие на психическое здоровье и благополучие заключенных и может быть приравнено к жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию, особенно когда применяется в течение длительных сроков»[2]. В подобных осовремененных оценках не учтен базовый методологический принцип историзма – осторожная оценка эпохи по ее внутренним законам, а не по категориям другого века. Острие критики режимов нацелено, главным образом, на последствия такого заключения, его влияние на человека. Не принята во внимание рецепция базовых идеологем пенитенциаризма, сформированных английской просветительской мыслью, проигнорирован религиозный фактор на начальном этапе американского эксперимента, что, в сущности, практически «вытравливает» гуманистическую сущность ранних англо-американских пенитенциарных реформ. Два столетия спустя мало кто помнит о благих намерениях, которыми «мостили» реформу христианские реформаторы XVIII столетия.

Первые пенитенциарные модели были несомненным шагом на пути к гуманизации системы уголовных наказаний, а не изощренным продолжением карательных традиций прошлого. Впервые проявилось

---

[1] Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология : учебник для образовательных учреждений Минюста России. Ростов н/Д, 2007. Гл. 3.

[2] Одиночное заключение: сборник материалов и документов / сост. Ш. Шалев. Лондон: Центр криминологии им. Мангейма, 2008. URL: http://www.solitaryconfinement.org/

стремление придать тюрьме такое устройство, при котором она могла бы благотворно влиять на умственную и нравственную природу заключенного – задача, актуальная и в реалиях современности. Революционный характер носили изменения в бытовых и санитарных условиях содержания: на смену «каменным мешкам» Средневековья (где арестанты располагались «на соломе, пропитанной испражнениями», семья пребывала вместе с осужденным, а пропитание арестантов было их собственной почти всегда невыполнимой задачей) пришла государственная пенитенциарная служба, централизованное снабжение казенных домов, стандартизированные правила и нормы тюремного содержания. Впервые был поставлен и положительно решен вопрос о праве арестантов на вознаграждение за труд, отработаны первые механизмы постпенитенциарного патроната. Тюрьмоведы XIX столетия не могли не признать такие контрастные изменения: «…те ужасные тюрьмы, где люди всех общественных классов, возрастов и полов, жили в отвратительном смешении, в унижающей праздности, посредине необузданного разврата, делавшего из этих заведений школы преступления, и когда вслед за тем мы посетим наши большие пенитенциарии, где царит торжественное безмолвие старинных монастырей, где в высоких, уединенных галереях парит какой-то тяжкий и меланхолический мир и где камеры вытягиваются в линию с неумолимой суровостью могил, то при виде этого чудесного превращения, этого перехода от ужаснейшего беспорядка к железной дисциплине, нам кажется, что наука сказала свое последнее слово»[1]. Однако уже этот пассаж отражает дихотомическую сущность состоявшихся изменений, которую спустя страницу сам автор обобщает размышлением: «Но ведь не надо забывать, что вопрос заключается не только в том, улучшены ли тюрьмы, но и в том, улучшаем ли мы людей»[2].

---

[1] Принс А. Преступность и репрессия. Уголовно-юридический очерк. М., 1898. С. 126.

[2] Там же. С. 126–127.

Задача, которую изначально ставили перед собой христианские филантропы и просветители XVIII в., – создать специальную среду для воплощения новых принципов наказания и исправления. Утопичная мечта истовых протестантских реформаторов – придать тюрьме такое устройство, при котором посредством обращения к труду и религии она «перемолола» бы негодяя в честного гражданина, а лентяя – в трудолюбивого. Идеальным долгосрочным результатом, верили они, станет высокоморальное общество, где необходимость наказания постепенно отпадет сама по себе: люди, вернувшиеся к заповедям и добродетели труда, не вернутся более к преступному ремеслу. На рассматриваемом историческом этапе это было безусловным достижением, которое в корне изменило представления о методах и средствах тюремного заключения. Первые практики XIX в. показали, что вопрос «улучшаем ли мы людей?» пока оставался открытым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преступность как социокультурный феномен и негативное социальное явление отражает уровень политического, экономического и нравственно-духовного развития общества. Английское общество Нового времени переживало медленное и постепенное вытеснение старых институтов и становление новых социальных отношений. Историческая уникальность периода второй половины XVII – начала XVIII вв. определялась как происходившими бурными преобразованиями в экономике и стремительным формированием капиталистических отношений, так и противоречивой политической и религиозной обстановкой, что, в свою очередь, вело к рельефным изменениям в духовно-мировоззренческой сфере. О нестабильности социальной и политической ситуации отчасти свидетельствуют многочисленные массовые волнения, бунты и мятежи, потрясавшие «галантную» Англию. Никогда еще грань, отделявшая социально одобряемое поведение от делинквентного, не была столь неуловимо-тонкой и легко преодолимой, вне зависимости от пола, происхождения, социального статуса и профессии. В течение всего XVIII столетия Англия пыталась защитить себя от патологического поражения общества, выражавшегося в отступлении части его членов от общепринятых норм, закрепленных в кодексе, который последующие поколения недвусмысленно окрестили «Кровавым». Эскалация карательных мер правосудия в Англии привела к тому, что на повышение уровня и усложнение структуры преступности «кровавый кодекс» симметрично отзывался новым статутом, в очередной раз расширявшим сферу применения смертной казни.

В то же время на всем протяжении XVIII в. в английском уголовном законодательстве шел непрерывный процесс экспериментирования, в ходе которого отрабатывались отдельные практики применения новых видов наказаний, таких как «ссылка в колонии и на плантации Его Величества»,

принудительный труд в исправительном доме, отбывание наказания на плавучих тюрьмах и верфях, тюремное заключение. Системный кризис ретрибутивного правосудия проявился в расхождениях между законодательными нормами и исполнительным производством, и обострился на фоне неожиданной утраты возможности высылки английских преступников в американские колонии.

Феномен преступности и методы борьбы с девиантным поведением становятся предметом особого интереса английской общественной мысли рассматриваемой эпохи. Со времен «Утопии» Томаса Мора, открывшего дискуссию о возможности государства осуществлять наказание, не лишая преступника жизни, отдельные интеллектуалы высказывали свои соображения о роли воспитания в борьбе с преступностью. Однако до середины XVIII в. носители подобных взглядов не только оставались в интеллектуальном меньшинстве, но и противоречили авторитетной ценностной системе английского пуританизма, под знаком которого прошел весь XVII в. По выражению Дж. Тревельяна, «пуританский котел кипел очень бурно, прежде чем остыл и был опорожнен»[1], и в этом горниле выплавлялось убеждение о справедливом и законном возмездии «мечом государства», но во имя Божьей справедливости. Подобный дискурс стал основой печатных проповедей, продвигавших парадигму террора, и чем больше улицы Лондона наводняли преступники и бродяги, тем громче звучал призыв «ужаснуть дерзких грешников, сдержать и погасить их страсти». И если угроза Судного дня более не имеет должного влияния на умы закоренелых грешников, необходимо прибегать к человеческим судилищам, где наказание будет очевидным и наглядным.

Интересно, что к подобным аргументам прибегали авторы светских памфлетов, предложения которых мы можем отнести к ультраконсервативным проектам противодействия преступности. Панику,

---

[1] Тревельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 290.

вызванную эскалацией криминального насилия, анонимные и подписавшиеся авторы облекали в форму размышлений и петиций, призывая к «укрощению неуправляемой расы». Уголовное наказание с древнейших времен рассматривалось как неотъемлемый элемент государственного управления, именно за государством признавали право выступать в качестве субъекта карательной власти, поэтому адресатами подобных ультиматумов выступали Парламент, магистраты, представители судебной власти. Сторонники ретрибутивизма ожидали и требовали от государства на разгул преступности отвечать усилением карательной линии и строгим следованием законодательству, что, в свою очередь, должно было обеспечить превентивную дидактическую функцию. Выражая свое одобрение количеству и качественному содержанию «кровавых статутов», авторы этого узкого пласта сочинений вместе с тем призывали пойти еще дальше, предупреждая возможные преступления зрелищностью наказания, сопряженного с длительными физическими страданиями. Как Всевышний обрекает нарушителей Завета на вечные муки, так и государство, если того требуют обстоятельства, может и должно растянуть процедуру наказания «хотя бы на целую земную жизнь».

Сторонники умеренного консервативного реформизма не считали сферой своей компетенции изменение существующего уголовного кодекса, а все проекты и предложения сводили к совершенствованию исполнительного правосудия и существующих пенальных практик. Б. Мандевиль, братья Филдинги, М. Мэдан, У. Пейли, У. Ромейн и другие сходились на том, что только неукоснительное соблюдение существующих законов, какими бы суровыми они ни казались, спасет власть от дискредитации и станет эффективным средством превенции преступлений, как того ожидает законодатель, который закладывает эту норму в «кровавые статуты».

Однако, несмотря на то что английская юридическая система следовала ретрибутивной традиции практически на протяжении трех четвертей

XVIII столетия, век Просвещения уверенно вступал в свои права. Теоретики Просвещения смотрели на человека как на существо чувственно-эмпирического мира, что вкупе с развитием науки и верой в силу разума давало основания для несколько фаталистического оптимизма. Кроме того, на смену строгому пуританизму, с его догмами о неотвратимости вечного наказания, постепенно приходил новый евангелизм, с искренней верой в то, что милосердие Всевышнего бесконечно, а человеческая природа может и должна быть исправлена. Просвещение последовательно вплетало новые религиозные идеалы в повседневные практики, в результате чего даже рядовой англичанин «непреодолимо тянулся к служению человеку». Социальный оптимизм, основанный во многом на христианском милосердии, стал характерной чертой филантропических проектов эпохи Просвещения.

По замечанию Г. Химмельфарб, Англия Нового времени превратилась в «социокультурную лабораторию», в которой на разных общественных и культурных уровнях происходило осмысление различных социальных проблем и поиск оптимальных вариантов их решения [1]. Английские интеллектуалы инициировали множество проектов преобразования природы человека и общества. Ожидаемая реформа уголовного закона и системы наказаний призвана была не только решить проблему роста преступности, максимально сохраняя преступнику жизнь, но и достичь в итоге его успешной ресоциализации – приспособления и адаптации к действующим в обществе нормам. Выбор реформаторов пал на тюремное заключение, которое им еще предстояло институционализировать под заданные условия.

Отличительной особенностью социального конструирования в области уголовных наказаний стало оформление основных идеологем

[1] Цит. по: Барлова Ю.Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб., 2018. С. 218.

пенитенциарного содержания «вне права» и «вне государства» – в смысловом поле философских рассуждений, общественно-политической полемики, социальной публицистики и протестантской морали. Как справедливо заметил английский историк XIX в. Т. Бокль, «никакое политическое улучшение, никакая реформа в сфере законодательной или исполнительной ни в одной стране не были обязаны своим началом правителям этой страны. Принимаемые правителями меры – это результаты, а не причины общественного прогресса. Первые предложения реформ поступают со стороны смелых и даровитых мыслителей, которые замечают злоупотребление, изобличают его и указывают средство к его устранению. Но ещё долго после этого даже самое просвещённое правительство продолжает поддерживать злоупотребление, отвергая целебное средство. С течением времени (при благоприятных обстоятельствах) давление внешней необходимости становится до того сильным, что правительство вынуждено бывает уступить ему»[1].

«Смелые и даровитые мыслители» поставили конкретные социально-философские вопросы, на которые сами же ответили практическими предложениями и цельными проектами. Как организовать превентивно-воспитательную работу с массами, чтобы оградить их от соблазнов коммерческого общества и предотвратить вступление на путь порока и преступлений? Как усовершенствовать правоохранительную деятельность, чтобы ее эффективное функционирование стало надежным гарантом справедливости в отношении потенциальных и реальных преступников, а также их жертв? И, наконец, каким образом организовать систему наказаний, чтобы достичь профилактики рецидива и, не устраняя преступника физически, способствовать его духовному перерождению и ресоциализации? Отвечая на эти вызовы, мыслители, публицисты,

[1] Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1. М., 2000. С. 151–152.

парламентарии, проповедники аккумулировали широчайший спектр идей, которые, конкурируя друг с другом, сливались в единый интеллектуальный тренд пенитенциаризма, в русле которого зародилась будущая реформа уголовного закона и системы исполнения наказаний.

С опорой на рационалистический подход девиантность была проанализирована как социально-психологическое явление, описана в терминах медицинского дискурса с соответствующими рекомендациями к излечению и профилактике. В XIX в. российский правовед М. Филиппов выразил первый постулат тюремной науки: «Преступление есть род нравственной болезни, для исцеления которой употребляется наказание. Способ употребления этого средства есть вопрос общественной терапии» [1]. Английские интеллектуалы уже в XVIII в. увидели в преступном или порочном поведении все признаки социального заболевания и активно приступили к разработке методов общественной терапии. Причины социальных девиаций и делинквентного поведения реформаторы пытались объяснить отступлением части членов общества от общепринятых норм, под которыми в первую очередь понимали нормы религии и нравственности, и только во вторую – нормы уголовного закона. Неудивительно, что идейным источником эффективных методов общественной терапии стала система ценностей английского протестантизма.

Сторонники новой прогрессивной парадигмы уголовного наказания – Дж. Хэнвей, Дж. Говард, У. Иден, С. Ромилли, Дж. Фозергил, Т. Бакстон и другие придерживались принципа *исправления наказанием*. Воплощение этого принципа в жизнь виделось английским мыслителям только при одном непременном условии: создании специально организованной управляемой среды, в условиях которой девиации могут быть устранены, поведение человека – усовершенствовано, желанное искупление

[1] Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб., 1873. С. 34.

и возвращение в общество честного человека – возможны. По медицинским соображениям такая среда конструировалась в обязательной изоляции от общества, чтобы предотвратить распространение порока и создать все условия для ожидаемого исправления. Тюремное заключение, как уже отмечалось, подходило сразу под несколько условий, заданных реформе историческим контекстом, однако необходимо было разграничить новое понимание социальной изоляции от тюремного удержания в карательных целях. В процессе освоения новых идей, в результате смешения опыта прошлого и ожиданий от будущего происходило формирование основных понятий современного пенитенциарного дискурса. Ключевое понятие *пенитенциарное содержание,* терминологически восходящее к церковному покаянию и наказанию – епитимье, которую трактовали в том числе как духовное лекарство, врачебную меру, предпринимаемую с целью излечения, определило границы новой социальной структуры – исправительной тюрьмы-реформатория.

Первый пенитенциарный статут 1779 г., обозначивший новую парадигму уголовных наказаний, нормативно зафиксировал пенитенциарное содержание как «одиночное заключение, сопровождаемое надлежаще организованным трудом и религиозным обучением, как средство Провидения не только к удержанию других от совершения подобных преступлений, но и к перевоспитанию и приучению к привычке трудиться»[1]. Итак, специально организованная управляемая среда – пенитенциарий – становится *местом* и *условием*, а постижение религии и истинно протестантской добродетели труда – *средствами* реформирования преступного поведения.

Великобритания первой из европейских стран представила обновленную парадигму исполнения уголовных наказаний, но с одной существенной особенностью – это был теоретический конструкт новой

[1] An Act to explain and amend the Laws relating to the Transportation, Imprisonment, and other punishment, of certain Offenders, 1779. 19 Geo. III, c.74.

социальной структуры, созданный в результате абстракции, некоторой идеализации действительности и с долей пренебрежения к практической стороне вопроса. Основные идеологемы пенитенциаризма были восприняты и реализованы в первые тюремные модели на другом континенте – в Северной Америке. Становление молодой государственности Соединенных Штатов представило идеальные общественно-политические и экономические условия для социального эксперимента по имплементации теоретических идей британского Просвещения в прогрессивные пенитенциарные практики.

Выделяя важнейшие отличительные особенности политических традиций первых американцев, А. де Токвиль отмечал, что в США религия не только управляет нравами, но и распространяет свою власть на мышление, поэтому религию «следует считать первым политическим институтом этой страны», и вы с удивлением «обнаружите политических деятелей там, где полагали встретить религиозных»[1]. Для первой фазы американского пенитенциарного эксперимента характерно обратное: религиозные деятели заполнили лакуну данной сферы государственного управления. Таким образом, как и в Англии, инициатива кардинальной реформы уголовного закона и системы наказаний принадлежала не правительству, а структурам гражданского общества. Правительство охотно поддерживало реформаторские инициативы, принимая уже готовые результаты общественной деятельности. В этом можно усмотреть не только высокий коэффициент доверия к обществу, но и желание избежать лишних затрат.

Протестанты-квакеры предложили и реализовали такую практику тюремного содержания, при которой преступник/грешник получал возможность покаяния и искупления в условиях одиночного заключения. В первом пенитенциарии – «Доме покаяния» квакеры пытались воссоздать ту среду, которая могла бы стать местом и обстоятельством, где человек

[1] Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 224.

сможет установить невероятное соединение с Богом, осознать свои преступления и, испытав «сокрушительное покаяние», вернуться в общество высокоморальным и честным гражданином. Однако результаты первых практик содержания по пенсильванской системе оказались спорными. Основные «перегибы исправления», которые вменяли в вину одиночной модели, – отрицательное влияние на психику осужденного, высокий процент душевных болезней и суицидов. Оказалось, арестанты не были готовы или не выражали потребности в «ежеминутной и постоянной духовной работе над собой, в стремлении подавить свои злые наклонности и очистить свою собственную жизнь» [1] в стенах пенитенциария. Кроме того, устройство реформаториев по системе «молчания и разобщения» стало весьма затратным для государства: рост преступности вынуждал к расширению сети тюремных учреждений, а отсутствие трудовой занятости арестантов при одиночной системе превращало пенитенциарий в нерентабельное предприятие.

Альтернативная обернская пенитенциарная система, основанная на широком применении системы принудительного труда и строжайшей дисциплине, быстро набирала сторонников в первую очередь ввиду явной экономической рентабельности. В короткие сроки большинство американских штатов сделали выбор в пользу этой модели пенитенциария. Но обернская практика также не осталась в стороне от подробного анализа и дискуссионных оценок. Жесткий контроль, дисциплинарные меры вплоть до возвращения телесных наказаний, тяжелый труд на рудниках, в шахтах, на общественных объектах стигматизировали модель «заключение в сочетании с принудительным трудом» как исключительно репрессивную, без учета пенитенциарного (исправительного) назначения.

Таким образом, переход от идеала к реальности показал, что на согласование нового социального института тюрьмы и продуцируемых

---

[1] Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford, 1988. P. 98.

им норм, с одной стороны, и действий индивидов – с другой понадобится длительный исторический период. Британский тюремный капеллан XX в. Р. Атертон в аналитическом исследовании «Призыв служить», оценивая двухсотлетний опыт пенитенциарного содержания, задался глубоким вопросом: «Может быть, одной из самых случайных ошибок в истории было решение возвести институты монастырского типа, заточить в них десятки тысяч людей, у которых нет ни призвания, ни склонности, ни в большинстве случаев физических или духовных ресурсов, чтобы извлечь какую-либо реальную пользу от монашеского образа жизни?»[1] В начале XIX в. признать «случайной ошибкой истории» сущностные основы своей социальной модели реформаторы, безусловно, не были готовы, поэтому поиск оптимального тюремного режима на основе выработанной пенитенциарной доктрины был продолжен.

Постепенно в рядах пенитенциарных реформаторов оставалось все меньше религиозных деятелей, на место которых приходили политики, общественные деятели, аболиционисты и светские филантропы. Дальнейшие дебаты по поводу идеального тюремного режима от десятилетия к десятилетию уходили все дальше от религиозных концептов, фундировавших доктрины пенитенциаризма на начальном этапе их становления. Покаяние эволюционировало в *перевоспитание* и *исправление*, искупление – в *ресоциализацию*, назидание и устрашение – в *превенцию* и *профилактику*, воздаяние – в *восстановление социальной справедливости*. Государственные деятели подсчитывали издержки, затрачиваемые на возведение, содержание и охрану пенитенциариев, архитекторы спорили о строительных решениях, пенологи анализировали показатели рецидива «выпускников» пенитенциариев различных дисциплинарных практик. Со временем реформирование системы уголовных наказаний практически полностью выходит из сферы интересов

[1] Atherton R. Summons to serve: the Christian call to prison ministry. L., 1987. P. 38.

интеллектуалов и компетенции благотворительных религиозных обществ и становится сегментом управленческой политики государства.

Подводя итог, можно отметить следующее. Проведенное комплексное исследование достаточно широкого и разнопланового корпуса исторических источников XVII – начала XIX вв., многие из которых впервые введены в научный оборот, представило возможность вычленить и описать базовые идеологемы пенитенциаризма, сложившиеся в интеллектуально-политическом дискурсе английского Просвещения, впоследствии трансформированные в принципы современного пенитенциарного законодательства. Английские интеллектуалы и американские практики, обобщив идейные основы *рациональной системы мер борьбы с преступностью*, положили начало концептуальному обновлению уголовно-исполнительного права и переходу от карательной традиции к пенитенциарной системе современного типа, оказав значительное влияние на мировую пенитенциарную практику.

История англо-американской пенитенциарной политики в Новое время – показательный пример достижений и просчетов в области поиска необходимого баланса между карой и исправлением арестанта, задачей духовно-нравственной реабилитации и трудовым воспитанием, условиями содержания и рентабельностью исправительных учреждений. Социально-философская мысль задала матрицу будущей социальной структуры современной тюрьмы-реформатория. Серией законодательных актов пенитенциарий получил нормативное оформление действующего социального института, предназначенного для применения санкций к индивидам, посягнувших на человека, его права и свободы, а также на установленный государством правопорядок. Первые практики пенитенциарного содержания обозначили разрыв в намерениях одних исторических акторов и поведении других. Индивиды и группы активно изменяли заданную в теории социальную структуру в соответствии со своими нуждами, желаниями или под принуждением обстоятельств, что,

в свою очередь, привело к тому, что пенальные практики стали источником изменения норм, заложенных в институт современной тюрьмы.

Большинство европейских стран не прошли через этап идейно-теоретического становления тюрьмы как социального института, а воспользовались рецепцией уже готовой англо-американской модели, генезис которой представлен в данном исследовании. Оформление пенитенциаризма в масштабное международное движение в XIX в. и интернационализация пенитенциарных практик способствовали дальнейшему совершенствованию исполнения наказания в виде лишения свободы.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [1], закрепившие современные пенитенциарные нормы: разбивка арестантов по категориям, основы тюремной статистики, бытовые условия (помещение, одежда, питание), дисциплинарные практики, доступ к благам религии и образования, трудовая деятельность, медицинское обслуживание, кодекс этики государственных пенитенциарных служащих, в точности воспроизвели базовые принципы пенитенциарного содержания, актуализованные английской просвещенческой мыслью.

---

[1] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Женева, 1955 г. Одобрены Экономическим и Социальным Советом в резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122 Главное тюремное управление. Оп. 3. Д. 1, 294.

ГАРФ. Ф. 123 Общество попечительное о тюрьмах. Оп. 1. Д. 1, 9.

Нормативные акты:

Британские:

An Act concerning where and under what Manner the Gaols within this Realm shall be edified and made. 1531. 23 Hen. VIII, c. 2.

An Acte againste suche persones as doo make Bankrupte. 1542. 34&35 Hen. VIII, c. 4.

An Act to Retain the Queen's Subjects in Obedience. 1592. 35 Eliz. I, c. 1.

An Act against Popishe Recusants. 1592. 35 Eliz. I, c. 2.

An Act for punishment of Rogues, Vagabonds, and Sturdy Beggars. 1597. 39 Eliz. I, c. 4.

An Act for the Continuance and Explanation of the Statute made in the thirty-ninth Year of the Reign of the late Queen Elizabeth, intituled, An Act for Punishment of Rogues, Vagabonds and Sturdy Beggars. 1603. 1 Jac. I, c. 7.

An Act for the due execution of divers law and statues heretofore made against rogues, vagabonds sturdy beggars, and other lewd and idle persons. 1609. 7 Jac. I, c. 4.

An Act against several Atheistical, Blasphemous and Execrable Opinions, derogatory to the honor of God, and destructive of humane Society. 1650, Act of 9 August.

An Act for the better Reliefe of the Poore of this Kingdom. 1662. 14 Car. II, c. 12.

An Act for encouraging the apprehending of Highway Men. 1693. 4 & 5 Wm & Mary, c. 8.

An Act for the better apprehending, prosecuting, and punishing Felons that commit Burglaries, House-breaking, or Robberies in Shops, Warehouses, Coach houses, or Stables, or that steal Horses. 1706. 5 Anne, c. 6.

An Act for the further preventing robbery, burglary, and other felonies, and for the more effectual transportation of felons, and unlawful exporters of wool; and for declaring the law upon some points relating to pirates. 1717. 4 Geo. I., c.11.

An Act for the more effectual punishing wicked and evil-disposed Persons going armed in Disguise, and doing Injuries and Violences to the Persons and Properties of his Majesty's Subjects, and for the more speedy bringing the Offenders to Justice. 1723. 9 Geo I, c. 22.

An Act for the more effectual Punishment of Assaults with Intent to commit Robbery. 1733. 7 Geo. II, c. 21.

An Act for the further Punishment of Person, who shall aid or assist Prisoners to attempt to escape out of Lawful Custody. 1742. 16 Geo. II, c. 31.

An act to amend and make more effectual the laws relating to rogues, vagabonds and other idle and disorderly persons, and to houses of correction. 1744. 17 Geo. II, c. 5.

An Act to prevent the Return of such Rebels and Traitors concerned in the late Rebellion, as have been or shall be pardoned on Condition of Transportation; and also the hinder their going into the Enemies Country. 1747. 20 Geo. II, c. 46.

An Act for providing clergymen to officiate in Gaols within that Part of Great Britain called England. 1773. 13 Geo. III, c. 58.

An Act for the relief of prisoners charged with felony, or other crimes, who shall be acquitted or discharged by proclamation, respecting the payment of fees to gaolers and giving a recompense for such fees, out of the county rates. 1774. 14 Geo. III, c. 20.

An Act for preserving the health of prisoners in gaol and preventing the gaol distemper. 1774. 14 Geo. III, c. 59.

An act to authorize, for a limited time, the punishment by hard labour of offenders who, for certain crimes, are or shall become liable to be transported to any of his Majesty's colonies and plantations. 1776. 16 Geo. III, c. 43.

An Act to explain and amend the Laws relating to the Transportation, Imprisonment, and other punishment, of certain Offenders, 1779. 19 Geo. III, c. 74.

An Act for the amending and rendering more effectual the Laws in being relative to Houses of Correction. 1782. 22 Geo. III, c. 64.

Justices in sessions, upon presentment by the grand jury, are enabled to build and repair gaols in their respective counties. 1784. 24 Geo. III, c. 54.

An Act for the effectual transportation of felons and other offenders; and to authorize the removal of prisoners in certain cases. 1784. 24 Geo. III, c. 56.

An Act for the better regulating of gaols and other places of Confinement, 1791, 31 Geo. III, c. 46.

An Act to repeal so much of an act passed in the eighth year of The Reighn of Quinn Elizabeth, intituled An Act to take away the benefit of Clergy from certain Offenders for Felony, as takes away the benefit of Clergy from persons, stealing privily from the person of another and for more effectually preventing the Crime of from the person. 1808. 48 Geo. III, c. 129.

An Act for the Erection of a Penitentiary House for the Confinement of Offenders convicted within the City of London and County of Middlesex and for making Compensation to Jeremy Bentham Esquire, for the Non-performance of an Agreement between the said Jeremy Bentham and the Lords Commissioners of His Majesty's Treasury, respecting the Custody and Maintenance of Convicts, 1812. 52 Geo. III, c. 44.

An Act to take away Corruption of Blood save in certain Cases. 1814. 54 Geo. III, c. 145.

An Act to alter the Punishment in certain Cases of High Treason. 1814. 54 Geo. III, c. 146.

An Act for enlarging the powers of two Acts of his present Majesty, for providing clergymen officiate in gaols and houses of correction within England and Wales, 1815. 55 Geo. III, c. 48.

An Act to amend an Act of the fifty-fifth year of his present Majesty, as relates to the salaries of clergymen officiating as chaplains in houses of correction, 1818, 58 Geo. III, c. 32.

An Act for enabling Courts to abstain from pronouncing Sentence of Death in certain Capital Felonies. 1823. 4 Geo. IV, c. 48.

An Act for consolidating and amending the Laws relating to the building, repairing, and regulating of certain Gaols, Bridewells, and Houses of Correction, in England and Wales, 1823. 4 Geo. IV, c. 64.

An Act for the better ordering of prisons, 1839. 3 Vict., c. 56.

Religious Instruction of Prisoners; amending the Law relating to the Religious Instruction of Prisoners in County and Borough Prisons.1863. 26 & 27 Vict. c. 79.

Американские:

An act for the advancement of justice and the more certain administration thereof, 1718 (Pennsylvania).

Act for the Better Employment, Relief, and Support of the Poor within the City of Philadelphia, 1756 (Pennsylvania).

An act amending the penal laws of this state, 1786 (Pennsylvania).

An act for the better preventing of crimes, and for abolishing the punishment of death in certain case, 1794 (Pennsylvania).

An act making Alterations in the Criminal Law of this State, and for erecting State Prison, 1796 (New-York).

An Act concerning the State-Prisons, and for other purposes, 1819 (New-York).

Опубликованные источники:

A Compilation of the Poor Laws of the State of Pennsylvania, from the Year 1700, to 1788 inclusive. Philadelphia: Printed by Zachariah Poulson, 1788. 95 p.

A funeral sermon upon the death of Mrs. Urith Bunchley, daughter to Sir Austin Palgrave, Bart. Who departed this life May the 21st. Preached at Clavering in Essex May the 24th, 1708. Published at the request of several of her relations / By a Presbyter of the Church of England. L.: Printed for S. Bunchley, 1708. 16 p.

A Practical Treatise on the Criminal Law: Comprising the Practice, Pleadings, and Evidence which Occur in the Course of Criminal Prosecutions, Whether by Indictment or Information: with a Copious Collection of Precedents of Indictments, Informations, Presentments, and Every Description of Practical Forms, with Comprehensive Notes as to Each Particular Offence, the Process, Indictment, Plea, Defence, Evidence, Trial, Verdict, Judgment, and Punishment / by Ch. Joseph. Vol. 1–4. L.: Printed by Samuel Brooke, Paternoster-Row, 1826.

A report from the committee appointed to enquire into the state of the goals of this kingdom: relating to the Fleet prison. With the Resolutions and Orders of the House of Commons thereupon. L.: Printed for Robert Knaplock, Jacob Tonson, John Pemberton, and Richard Williamson, 1729. 20 p.

A report from the committee appointed to require into the state of the goals of the kingdom relating to the Marshalsea prison and farther relating to the Fleet prison with the resolution of the House of Commons. L.: Printed for Robert Knaplock, Jacob Tonson, John Pemberton, and Richard Williamson, 1729. 29 p.

A representation of the present state of religion, with regard to the late excessive growth of infidelity, heresy, & profaneness: Drawn up by the Upper House of Convocation of the Province of Canterbury, and transmitted to the Lower House for their approbation / Church of England. Province of Canterbury. Convocation. Lower House. Dublin: London printed and re-printed and sold by Edward Waters, 1711. 12 p.

A sermon occasioned by the execution of a man found guilty of murder: preached at Boston in New-England, March 11th 1685/6. (Together with the confession, last expressions, and solemn warning of that murderer, to all persons; expecially to young men, to beware of those sins which brought him to his miserable end) / By Increase Mather, teacher of a church of Christ. Exhortation to a condemned malefactor. Boston: Printed for Joseph Brunning book-seller, & are to be sold at his shop, at the corner of the Prison Lane next the Town-House, 1686. 45 p.

A sermon, preached at Salem, January 16, 1772. Being the day on which Bryan Sheehen was executed, for committing a rape, on the body of Abial Hollowell, the wife of Benjamin Hollowell, of Marblehead / By James Diman, A.M. Pastor of the Second Church in Salem. Salem [Mass.]: Printed by Samuel and Ebenezer Hall, near the exchange, 1772. 24 p.

A sermon preached in London before the right honorable the Lord Lawarre, Lord Governor and Captain General of Virginia, and others of his Majesties Counsel for that Kingdome, and the rest of the adventurers in that plantation at the said Lord General his league taking of England his native country, and departure for Virginia, February, 21. 1609 / by W. Crashaw, Bachelar of Divinities, and preacher at the Temple. Wherein both the lawfulness of that action is maintained, and the necessity thereof is also demonstrated, not so much out of the grounds of policie, as of humanity, equity, and Christianity. Taken from his mouth, and published by direction. L.: Printed for William Welby, 1610. 85 p.

A short history of the life of Major John Bernardi, written by himself in Newgate, where he has been for near 33 years a prisoner of state, without any allowance from the government, and could never be admitted to his tryal. L.: Printed by J. Newcomb, 1729. 135 p.

Act of Assembly Creating the Board of Inspectors of the Philadelphia County Prison with the Rules and Regulations. Made by the Board for the Government of the Board and the Prison. Philadelphia: printed by order of the Board, 1846. 20 p.

Aikin J. A View of the Life, Travels, and Philanthropic Labors of the Late John Howard. N-Y.: Published by David Huntington, 1814. 180 p.

Aitkin D. A General Reformation of Manners, the best national defense in the time of danger. A sermon preached on the 28th of February; the day appointed by His Majesty for a public fast. Berwic: printed by W. Phorson, 1794. 30 p.

Alleine J. An Alarm to Unconverted Sinners. 2nd ed. Glasgow: printed for Chalmers and Collins, 1824. 372 p.

Allen W. Life of William Allen. With Selections from His Correspondence. Vol. 1–3. L.: Charles Gilpin, 1846.

An Abridgment of Penal Statutes, which exhibits at one view, the offence; the punishment, or penalty annexed to that offence; the mode of recovering and application of the penalty; the number of witnesses and justices necessary to convict the offender; with a reference to the chapter and section of the enacting statute / by W. Addington. 2nd ed. L.: Printed by W. Strahan and M. Woodfall, 1782. 769 p.

An account of the life, and dealings of God with Silas Told, Late Preacher of the Gospel. Written by himself. L.: printed by W. Cowdroy, 1805. 143 p.

Anon. A Charitable Visit to the Prisons, Containing Suitable and Proper Advice or Counsel to Those who are Confined There. To which are added prayers for the use of prisoners. L.: printed and sold by J. Downing, 1725. 130 p.

Anon. Hanging not punishment enough. Printed in 1701 reprinted in 1812 / by Basil Montagu, Esq. L.: Published by Longman, 1812. 25 p.

Anon. Hanging, Not Punishment Enough, for Murtherers, High-way Men, and House-Breakers. Offered to the Consideration of the Two Houses of Parliament. L.: Printed for A. Baldwin in Warwick-Lane, 1701. 23 p.

Anon. Solon Secundus: or some defects in the English Laws; with their proper remedies. By a hearty Lover of his Country. L.: Printed for the Author, and are to be sold by John Whitlock, 1695. 28 p.

Anon. The Means of Effectually Preventing Theft and Robbery. L.: printed for J. Debrett, 1783. 107 p.

Anon. The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. Boston: Printed and sold at the Heart and Crown in Cor, 1732.

Bacon F. Essays of Counsels Civil and Moral the Wisdom of the Ancients. Boston: Little, Brown and Company, 1861. 360 p.

Ballard R. The Necessity of Magistracy from the Vices of Mankind. An Assize Sermon Preached at Kingston Upon Thames. L.: Printed for H. Pemberton, 1745. 12 p.

Bellers J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, & immorality and of the excellency and divinity of inward light, demonstrated from the attributes of God and the nature of mans soul, as well as from the testimony of the Holy Scriptures. L.: Printed and sold by T. Sowle, 1699. 26 p.

Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. L.: T. Payne, 1778. 114 p.

Bentham J. Panopticon or, the Inspection-house: containing the idea of a new principle of construction applicable to any sort of establishment, in which persons of any description are to be kept under inspection; and in particular to penitentiary-houses, prisons, poor-houses, lazarettos, houses of industry, manufactories, hospitals, work-houses, mad-houses, and schools: with a plan of management adapted to the principle. In a series of letters, written in the year 1787, from Checheff in White Russia, to a friend in England // The works Jeremy Bentham. Vol. IV. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 37–172.

Bentham J. Panopticon versus New South Wales; or, The Panopticon Penitentiary System and the Penal Colonization System Compared, Containing 1. Two Letters to Lord Pelham. 2. Plea for the Constitution, anno 1803, printed, now first published. L.: Wilks and Taylor, 1812. 68 p.

Bentham J. The Panopticon Writings / ed. M. Bozovic. L.: Verso, 1995. 158 p.

Bentham to Brissot // The Works of Jeremy Bentham published under the Superintendence of his Executor, John Bowring, Vol. X (Memoirs Part I and Correspondence), Edinburgh: William Tait, 1843. P. 226.

Berkley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife: or, an exhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. L.: printed for W. Innys, C. Davis, C. Hitch, W. Brower, 1750. 83 p.

Besse J. A Collection of the Sufferings of the People Called Quakers, for the Testimony of a Good Conscience, From the Time of Their Being First Distinguished by that Name in the Year 1650, to the Time of the Act, Commonly Called the Act of Toleration, Granted to Protestant Dissenters in the First Year of the Reign of King William the Third and Queen Mary, in the Year 1689. Vol. I. L.: Printed and Sold by Luke Hinde, 1753. 767 p.

Bisse T. Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711 / By the Right Honourable Mr. Justice Powell and Mr. Baron Dormer. Oxford: printed at the Theatre for Hen. Clements, 1711. 26 p.

Blackall O. The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James's, on Tuesday, March 8, 1708. Being the anniversary of her Majesty's happy accession to the throne. L.: Printed and sold by H. Hills, 1709. 16 p.

Braddon L. The Miseries of the Poor are a National Sin... But by Making them Happy, we shall Remove that Guilt... and Pay Old Debts without New Taxes, etc. L.: T. Warner, 1717. 158 p.

Bradford W. An Enquiry how far the Punishment of Death is Necessary in Pennsylvania. With notes and illustrations. To which is added, an account of the goal and penitentiary house of Philadelphia, and of the interior management thereof. Philadelphia: Printed by T. Dobson, 1793. 108 p.

Brewster J. Meditations for penitents: for those engaged in the important duty or self-examination, to which is added, an assize sermon, with an appendix. L.: printed for F. C and J. Rivington, 1813. 366 p.

Brewster J. On the prevention of crimes and on the advantages of solitary imprisonment. L.: Printed for W. Clarke, 1792. 34 p.

Brewster J. Sermons for prisons. To which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement. Stockton: Printed by R. Christopher, 1790. 212 p.

Buried from the world: inside the Massachusetts State Prison, 1829–1831: the memorandum books of the Rev. Jared Curtis / ed. by P.F. Gura. Boston: Massachusetts Historical Society, 2001. 260 p.

Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline. 3rd ed. L.: J & A. Arch, 1818. 141 p.

Calamy B. A sermon preached before the right honorable the Lord Mayor, aldermen, and citizens of London, at the Church of St. Mary-le-Bou; September the Second, 1684. Being the anniversary fast for the dreadful fire in the year 1666. L.: Printed for Walter Kettilby, 1685. 32 p.

Cennick J. The Lost Sheep, Piece of Silver, and Prodigal Son. Being the substance of a discourse Delivered in the County of Antrim in Ireland in the year 1750. Dublin Printed, London Re-printed, and sold by M. Lewis, 1770. 24 p.

Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts. L. Printed for George Wells, Abel Swall and George Pawlett, 1687. 646 p.

Charter to William Penn, and laws of the province of Pennsylvania: passed between the years 1682 and 1700, preceded by Duke of York's laws in force from the year 1676 to the year 1682, with an Appendix containing laws relating to the organization of the provincial courts and historical matter. Harrisburg: L.S. Hart, State Printer 1879, 614 p.

Chidley S. A Cry against a Crying Sin. A just complaint to the Magistrates // The Harleian Miscellany or, A collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts, as well in manuscript as in print, found in the late earl of

Oxford's library, interspersed with historical, political, and critical notes. Vol. VI. L.: printed for R. Dutton, 1810. P. 272–288.

Christ's promise to the penitent thief. A sermon preached the Lord's-Day before the execution of Levi Ames, who suffered death for burglary, Oct. 21, 1773 / By Andrew Eliot, D.D. Pastor of a church in Boston. This discourse was preached at the desire of the prisoner, who was present when it was delivered. Boston: Printed and sold by John Boyle, next door to the Three Doves in Marlborough-Street, 1773. 31 p.

Cobden E. The Duty and Reward of Turning Others to Righteousness: A Sermon Preachers to the Societies for the Reformation of Manners. L.: printed for M. Downing, 1736. 32 p.

Criminal London: a pictorial history from medieval times to 1939 / ed. M.D. Herber. Chichester, West Sussex: Phillimore & Co, 2002. 207 p.

Dagge H. Considerations on criminal law. Vol. I. L.: Printed for T. Cadell, 1772. 434 p.

Danforth S. The cry of Sodom enquired into; upon occasion of the arraignment and condemnation of Benjamin Goad, for his prodigious villany. Together with a solemn exhortation to tremble at Gods judgements, and to abandon youthful lusts. Cambridge [Mass.]: printed by Marmaduke Johnson, 1674. 26 p.

Davenant C. An essay upon the probable methods of making people gainers in the balance of trade. L.: Printed for James Knapton, 1699. 311 p.

Dawes W. The objections against the eternity of Hell-torments, answer'd. In a Sermon Preach'd Before King William, at Kensington, January, 1701. The 2nd ed. Part VI. L.: Printed and sold by H. Hills, 1707. 16 p.

Defoe D. The Fortunes and The Misfortunes of the Famous Moll Flanders / ed. G.A. Aitken. L.: Published by J.M. Dent & Co, 1895. 306 p.

Defoe D. The true and genuine account of the life and actions of the late Jonatan Wild, not made up of fiction and fable, but taken from his own mouth,

and collected from papers of his own writing. L.: Printed by J. Appleree, 1725. 40 p.

Defoe on Sheppard and Wild: The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild by Daniel Defoe/ ed. with an introduction by R. Holmes. N-Y.: Harper perennial, 2004. 120 p.

Description of the Tread Mill invented by Mr. William Cubitt of Ipswich, for the employment of prisoners, and recommended by the society for the improvement of prison discipline, Published by The Committee. L.: Printed by T. Bensley, 1822. 22 p.

Earle J. The World Display'd: Or, Several Essays: Consisting of the Various Characters and Passions of Its Principal Inhabitants… to Which Is Added, a Description of a Prison. L.: Printed for and sold by C. Ward and R. Chandler, 1740. 212 p.

Eddy T. An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York. N-Y.: Printed by Isaac Collins and son, 1801. 97 p.

Eden W. Principles of Penal Law. L.: Printed for B. White, in Fleet-street, and T. Cadell, 1771. 300 p.

Edwards J. Sinners in the hands of an angry God. A Sermon preached at Enfield, July 8th, 1741. With a preface by John Willison. Boston: printed Edinburgh, reprinted Lumisden and Robertson, 1745. 24 p.

Edwards J. The Eternity of Hell torments, revised and corrected by Re. C.E. De Coetlogon. L.: printed by W. Justins, 1778. 32 p.

Edwards J. The Justice of God in the Damnation of Sinners. A discourse delivered at Northampton, at the Time of the late wonderful Revival of Religion there. Boston: Re-printed and Sold by J. Kneeland, 1773. 64 p.

English political caricature. A study of opinion and propaganda / G.M. Dorothy. Vol. 1. To 1792. L.: Clarendon press, 1959. 237 p.

Field J. Prison Discipline: And the Advantages of the Separate System of Imprisonment, with a Detailed Account of the Discipline Now Pursued in the New

County Gaol, at Reading. Vol. I–II. L.: Longman, Brown, Green, and Longmans. 1848.

Fielding H. A proposal for making an effectual provision for the poor for amending their morals, and for rendering them useful members of the society: to which is added, a plan of the buildings proposed, with proper elevations, drawn by an eminent hand. L.: Printed for A. Millar, 1753. 91 p.

Fielding H. An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers. etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L.: Printed for A. Millar, 1751. 203 p.

Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thief-takers. to which is Added, Advice to Pawnbrokers, Stable-keepers, and Publicans. L.: Printed for A. Millar, 1755. 25 p.

Fina F. A sermon on the occasion of the late storm. Preach'd in Spanish, Before the Worshipful Society of Merchants Trading to Spain; in the Parish-church of St. Bartholomew, near the Royal-Exchange, London; on the 7th of January, 1704. Rendred into English from the Original Spanish and Dedicated to Her Sacred Majesty Queen Anne, Queen of Great Britain, &c. L.: Printed for John Nott, 1704. 24 p.

First annual report of the board of inspectors Philadelphia County prison, under the Act of assembly. Harrisburg PA: J.M.G. Lescure, printer to the state, 1847. 20 p.

Fitzsimmonds J. Free and candid disquisitions on the Nature and Execution of the laws of England, Both in Civil and Criminal affairs. Wherein the End of Laws in general, and how far our Laws are agreeable, or opposite thereto, is impartially considered; the present Inconveniencies attending the municipal Laws of this Country, both as to Theory and Practice, are freely examined, and some Methods are proposed to make them more useful to the Public, and more easy to the Subject. With a postscript relating to Spirituous Liquors, and the Execution of the present Excise Laws. L.: printed for M. Sheepey, 1751. 56 p.

Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty-nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, L.: Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. Режим доступа: http://universalistfriends.org/quf2002.html. свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Fry K. Memoir of the Life of Elizabeth Fry. With extracts from her Journal and Letters. 2nd ed. Vol. I–II. L.: John Hatchard and Son, 1848.

Glover H. Ekdikesis or a Discourse of Vengeance. Delivered in a sermon preached at Dorchester, at the assizes holden there for the county of Dorset, March. 4. 1663. L.: printed for Henry Brome, 1664. 23 p.

Gospel truth demonstrated, in a collection of doctrinal books, given forth by that faithful minister of Jesus Christ, George Fox: containing principles essential to Christianity and salvation, held among the people called Quakers. Vol. I-II. Philadelphia: Marcus T.C. Gould. Printed in 1706. Re-printed 1831.

Grey R. The encouragement to works of charity and mercy, from Christ's acceptance of them as done to himself. A sermon preached in the parish church of All-Saints in Northampton, before the president and governors of the County Infirmary... on Thursday, March 29, 1744. Northampton: printed and sold by William Dicey, 1744. 49 p.

Griffith A. Memorials of Millbank and Chapters in prison history. L.: Chapman and Hall, 1884. 468 p.

Hale M. A collection of modern relations of matter of fact, concerning witches & witchcraft upon the persons of people. To which is prefixed a meditation concerning the mercy of God, in preserving us from the malice and power of evil angels. Written by the late Lord chief Justice Hale, upon occasion of a trial of several witches before him. L.: Printed for John Harris, 1693. 64 p.

Hanway J. A New Year's Gift to the People of Great Britain, pleading for the Necessity of a more vigorous and consistent Police, the Connextion [sic] of Public

Happiness with Religion; and against the Danger of Political Discord. L.: J. Dodsley, 1784. 300 p.

Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L.: Printed for J. Bew, 1776. 144 p.

Hanway J. The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. L.: J. Dodsley, 1775. 288 p.

Harvey G. The city remembrancer: being historical narratives of the great plague at London, 1665; great fire, 1666; and great storm, 1703. To which are added, observations and reflections on the plague in general; considered in religious, philosophical, and physical view. With historical accounts of the most memorable plagues, fires, and hurricanes. Collected from curious and authentic Papers, originally compiled by the late learned Dr. Harvey, his Majesty's Physician to the Tower, and enlarged with Authorities of a more recent Date. Vol. 1. L.: Printed for W. Nicoll, 1769. 232 p.

Hay W. Remarks on the Laws Relating to the Poor / by a Member of Parliament. L.: Printed for R. Dodsley, 1751. 74 p.

Hints for a History of Highwaymen // Fraser's magazine for town and country. Vol. IX: January to June. L., 1834. P. 279–287.

Horbery M. The works of Matthew Horbery, D.D. Vo1. 1. Oxford: at the Clarendon press, 1828. 352 p.

Howard J. An account of the principal lazarettos in Europe: with various papers relative to the plague: together with further observations on some foreign prisons and hospitals, and additional remarks on the present state of those in Great Britain and Ireland. Warrington: Printed by William Eyres, 1789. 259 p.

Howard J. An Account of the Prisons, Houses of Correction and Hospitals in London and Westminster. L.: Printed by Order of the Society lately instituted for giving Effect to his Majesty's Proclamations against Vice and Immorality, 1789. 39 p.

Howard J. The State of the Prisons in England and Wales with the preliminary observations, and .an account of some foreign prisons and hospitals. 4th ed. L.: J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792. 540 p.

Inside Out; or, An Interior View of the New-York State Prison; Together with Biographical Sketches of the Lives of Several of the Convicts / By One Who Knows. N-Y.: Printed for the author, and sold by James Costigan, 1823. 251 p.

Jebb J. Thoughts on the Construction and Polity of Prisons, with Hints for Their Improvement. To which is added, an abstract of felonies created by statute, and other articles relative to the penal system. L.: Printed for C. Dilly, 1786. 106 p.

Jenks W. A Memoir of the Rev. Louis Dwight, Late Secretary of the Boston Prison Discipline Society, Prepared at the Request of the Society. Boston: T.R. Marvin, 1856. 41 p.

John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / by H. Dixon. N-Y: Robert Carter & brothers, 1850. 401 p.

Journal and letters of the late Samuel Curwen, Judge of Admiralty, etc., a loyalist-refugee in England, during the American revolution. To which are added illustrative documents. N-Y.: Leavitt, Trow & Co, L.: Wiley and Putnam, 1845. 672 p.

Journals of the House of Commons. Vols. 32–45 (1732–1790). L.: Re-printed by Order of the House of Commons, 1803.

Knapp S.L. The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries. N-Y.: Conner & Cooke, 1834. 394 p.

Kurtz D.M. Auburn, N.Y.: Its Facilities and Resources. N-Y.: Kurtz Publishing Co, 1884. 152 p.

Laws of the State of New-York, Passed at the Forty-second, Forty-third and Forty-fourth Sessions of the Legislature. Vol. I–V. Albany: published by William Gould & Co, N-Y: Packard & Van Benthuysen, Printers, 1821.

Leroux J. Thoughts on the Present State of the Prisons of this Country. L.: printed for the author; also, sold by J. Dixwell; M. Babb; and J. Bew, 1780. 24 p.

Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L.: Printed for J. Dodsley, 1785. 170 p.

Mandeville B. A modest defense of publick stews or, An essay upon whoring. As it is now practis'd in these kingdoms. L.: Printed for T. Read, 1724. 55 p.

Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L.: printed: and sold by J. Roberts, 1725. 55 p.

Mandeville B. The Fable of the Bees: Or, Private Vices, Publick Benefits. With an Essay on Charity and Charity-schools. And a Search into the Nature of Society. ... To which is Added a Vindication of the Book from the Aspersions. L.: Printed for J. Tonson, 1724. 477 p.

Massey E. A sermon against the dangerous and sinful practice of inoculation. Preach'd at St. Andrew's Holborn, on Sunday, July the 8th, 1722. London printed. Re-printed at Boston, for Benjamin Indicott, 1730. 32 p.

Massie J. A plan for the establishment of charity-houses for exposed or deserted women and girls, and for penitent prostitutes. Observations concerning the Foundling-Hospital, shewing the ill consequences of giving public support thereto. Considerations relating to the poor and the poor's-laws of England. Wherein the great Increases of Unemployed Poor, and of Thieves and Prostitutes, are shewn to be immediately owing to the Severity, as well as the Defects of our Poor's-Laws; and to be primarily caused by the Monopolizing of Farms, and the Indosure of Common Lands; which have likewise decreased the Number of People, and brought our Woollen Manufacturies into a precarious State, as is made appear by Extracts from several Laws and other Authorities. Also, a New System of Policy, Most humbly proposed, for Relieving, Employing, and

Ordering the Poor of England; Whereby a great Saving may be made in the Charge of Maintaining Them; the Poor's-Rates be kept nearly Equal in all Parishes, as in Equity they ought to be; and every Pretence for wandering about Begging, be taken away. To which are annexed, Forms of the principal Accounts necessary to be kept for those Purposes, whereby such Persons as are not conversant in Accounting will easily be able to comprehend all that is here proposed on that Head. L.: Printed for T. Payne, 1758. 146 p.

Mather C. Instructions to the living, from the condition of the dead. A brief relation of remarkables in the shipwreck of above one hundred pirates, who were cast away in the ship Whido, on the coast of New-England, April 26. 1717. And in the death of six, who after a fair trial at Boston, were convicted & condemned, Octob. 22. And executed, Novemb. 15. 1717. With some account of the discourse had with them on the way to their execution. And a sermon preached on their occasion. Boston: Printed by John Allen, for Nicholas Boone, at the Sign of the Bible in Cornhill, 1717. 64 p.

Mather C. The vial poured out upon the sea. A remarkable relation of certain pirates brought unto a tragical and untimely end. Some conferences with them, after their condemnation. Their behaviour at their execution. And a sermon preached on that occasion. Boston: Printed by T. Fleet, for N. Belknap, and sold at his shop near Scarlet's Wharf, 1726. 51 p.

Mather I. The wicked mans portion, or, A sermon (preached at the lecture in Boston in New-England the 18th day of the 1 moneth 1674, when two men were executed, who had murthered their master): wherein is shewed that excesse in wickedness doth bring untimely death. Boston: Printed by John Foster. 1675. 25 p.

Mattias M. A sermon preached before the House of Lords in the Abby-Church of Westminster on Wednesday the February 4th, 1740. Being the Day appointed by His Majesty for a General Fast and Humiliation to be observed in a most Solemn and Devout Manner, for obtaining the Pardon of our Sins, and imploring the Divine Blessing and Affiance on the Arms of His Majesty, and for

restoring and perpetuating Peace, Safety, and Prosperity to Himself and to His Kingdoms. L.: Printed for Somerset Draper, 1740. 20 p.

Memoir of William Allen, F.R.S. / by James Sherman, minister of Subbey chapel. L.: Charles Gilpin, 1851. 462 p.

Memoirs of the public and private life of John Howard, the philanthropist – Compiled from His Own Diary in the Possession of His Family / by J. Baldwin Brown. L.: printed for Rest Fenner, 1818. 690 p.

Milles T. The natural immortality of the soul asserted and proved from the Scriptures, and first fathers: in answer to Mr. Dodwell's epistolary discourse, in which he endeavours to prove the soul to be a principle naturally mortal. Oxford: printed at the Theatre for Ant. Peisley, 1707. 504 p.

Moore J. Of religious melancholy. A sermon preach'd before the Queen at White-Hall, March VI, 1691/2. By the Right Reverend Father in God, John Lord Bishop of Norwich. L.: Printed for William Rogers, 1692. 31 p.

Moreton A. [D. Defoe] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. L.: printed for Meadows, 1729. 20 p.

Ollyffe G. An essay humbly offer'd, for an Act of Parliament to prevent capital crimes, and the loss of many lives; and to promote a desirable improvement and blessing in the nation. L.: Printed for J. Downing, 1731. 27 p.

Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston: Published by Richardson and Lord, 1825. 462 p.

Paul G.O. Considerations on the defects of prisons, and their present system of regulation: submitted to the attention of the gentlemen of the county of Gloster, in the course of their proceedings on a plan of reform. To which are added, some general reflections on the subject; addressed to the members of the legislature. L.: Printed for T. Cadell, 1784. 88 p.

Paul G.O. Observations on the alarming progress of the gaol or typhus fever: with a summary of means of received practice for the treatment of the disease, and preventing its further contagion / originally printed in 1784, for the use of

parish officers and other inhabitants of the County of Gloucester. Gloucester: Printed by D. Walker and Sons, 1817. 38 p.

Pitt M. The cry of the oppressed being a true and tragical account of the unparallel'd sufferings of multitudes of poor imprisoned debtors in most of the gaols in England ... together with the case of the publisher. L.: Printed for, and sold by the booksellers of London and Westminster, 1691. Режим доступа: https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/B28136.0001.001/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Powers G. A Brief Account of the Construction, Management, and Discipline of the New York State Prison at Auburn: Together with a Compendium on Criminal Law. Also, a Report of the Trial of an Officer of Said Prison for Whipping a Convict. Auburn, N-Y.: printed by U.F. Doubleday, 1826. 82 p.

Reasons against confining persons in prison for debt humbly offer'd to the consideration of the Parliament ...: to which is added the case of insolvent debtors now in prison. Westminster: Printed by A. Campbell, 1729. 24 p.

Religious Society of Friends, Rules of discipline of the Religious Society of Friends, with Advices: being Extracts from the Minutes and Epistles of their Yearly Meeting, held in London, from its First Institution. 3rd ed. L.: Darton and Harvey, 1834. 335 p.

Remarks on the form and construction of prisons. With appropriate designs. Illustrated by Engravings. Published by the Committee of The Society for The Improvement of Prison Discipline, &c. L: sold by J. and A. Arch, 1826. 72 p.

Report from the Committee on the state of the police of the metropolis: with the minutes of evidence ... and an appendix, containing abstracts of the several acts now in force for regulating public houses, also, the Proceedings of the Common Council of the city of London for clearing the streets of vagrants, prostitutes, idle and disorderly persons. Ordered by the House of Commons to be printed, July 1, 1816. L.: Printed by and for W. & C. Clement, 1816. 32 p.

Report of the Select Committee on Criminal Laws Relating to Capital Punishment in Felonies. L.: Ordered, by the House of Commons to be printed, 1819. 270 p.

Report on the International Penitentiary Congress of London: held July 3-13, 1872. Washington: Government printing office, 1873. 493 p.

Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany: Van Benthuysen & Sons' Steam printing House, 1867. 547 p.

Reports of the Committee of the Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders. 1st–6th. L.: Sold by J and A. Arch, Cornhill. Longman, 1816–1824.

Reports of the Prison Discipline Society of Boston the Twenty-nine Annual Reports of the Board of Managers, 1826–1854, with a Memoir of Louis Dwight. Vol. 1. Boston: Press of T.R. Marvin, 1855. 934 p.

Richardson S. Letters Written to and For Particular Friends on the most Important Questions. L.: printed for C. Rivington; J. Osborn; and J. Leake, 1741. 272 p.

Rickman J., Southey R. On the Means of Improving People // The Quarterly Review. Vol. XIX. Apr.-Dec., 1819. P. 79–118.

Romaine W. A Method for Preventing the Frequency of Robberies and Murders, proposed in a Discourse, Delivered at St. George's Hanover-Square, at St. Dunstan's in the West, and at Several Other Places in London. L.: Printed for E. Withers, 1754. 24 p.

Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himselfe. Vol. I–II. L.: John Murray, 1840.

Romilly S. Observations on the criminal law of England, as it relates to capital punishments, and on the mode in which it is administered. L.: T. Cadell and W. Davies, 1810. 76 p.

Romilly S. Observations on the criminal law of England, as it relates to capital punishments, and on the mode in which it is administered. The 2nd ed. L.: printed by J. M'Creery, 1811. 95 p.

Romilly S. The Life of Sir Samuel Romilly written by himself with a selection from his correspondence /edited by his sons. 3d ed. Vol. 1. L.: John Murray, 1842. 458 p.

[Romilly S.] Observations on a late publication entitled Thoughts on executive Justice: to which is added a letter containing remarks on the same work, L.: sold by T. Cadell, 1786. 162 p.

Roscoe W. A brief statement of the causes which nave led to the abandonment of the celebrated system of penitentiary discipline, in some of the United States of America in a letter to the hon. Stephen Allen, of New-York. Liverpool: printed by Harris and Co, 1826. 58 p.

Rules and Regulations of the General Penitentiary Millbank. L.: printed by the Philanthropic Society, St. George's Fields, 1825. 106 p.

Rules for the Government of Gaols, Houses of Correction, and Penitentiaries; to which are Added, Plans of Prisons on Improved Principles; and a Description, with Plates of a Corn Mill and Water Mill, Adapted to the Employment of Prisoners. 2nd ed. L.: printed by T. Bensley, 1821. 71 p.

Rules, orders, and regulations, for the management of the new house of correction for the county of Middlesex. Approved and confirmed by the justices at the Michaelmas quarter sessions. 1794. L.: Printed by G. Stafford, Crane-Court, Fleet-Street, 1795. 26 p.

Rush B. An inquiry into the influence of physical causes upon the moral faculty. Philadelphia: Haswell, Barrington, and Haswell, 1839. 28 p.

Rush B. Medical inquiries and observations upon the diseases of the mind Philadelphia: Published by Kimber & Richardson, 1812. 367 p.

Scott J. Observations on the Present State of the Parochial and Vagrant Poor. L.: printed for Edward and Charles Dillyin English, 1773. 135 p.

Smith G.W. A Defense of the System of Solitary Confinement of Prisoners. With Remarks on the Origin, Progress and Extension of this species of Prison Discipline. Philadelphia: Published in 1829. Republished by order of the Philadelphia Society for Alleviating the Miseries of Public Prisons, E.G. Dorsey, printer, 1833. 104 p.

Smith T. Righteousness the Way to Avert Impending Judgments, and the Certain Method to Secure the Divine Protection: A Sermon Preached in the Parish-Church of St. Matthew, upon February 11, 1757, Being the Day Appointed the 3rd ed. L.: printed for and sold by the author, at Mr. Clayton's, 1764. 32 p.

Smith W. Mild Punishments Sound Policy: Or Observations on the Laws Relative to Debtors and Felons, With an Account of the Frauds Practised by Swindlers, Sharpers and Others. Also, Some Clauses Necessary in Any Future Insolvent Act; and a Plan for the Relief of Poor Distressed Families and Others. L.: printed for and sold by J. Bew, 1777. 98 p.

Smith W. State of the Gaols in London, Westminster, and Borough of Southwark. L.: printed for and sold by J. Bew, 1776. 90 p.

Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, An Account of the Origin and Object of the Society for the Diffusion of Knowledge Upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, L.: Richard Taylor and Co, 1812. 23 p.

Some account of John Burns, John Logan, John Ferguson, John Bennet, And Daniel Cronan, who were executed upon the commons in the city of Philadelphia, on Monday the 12th of October, 1789, for the murder and robbery of John M'Farland. Philadelphia, 1789.

Some Account of the Prison at Philadelphia: Chiefly Extracted from a Late American Publication. L.: printed by W. & S. Graves, 1816. 24 p.

Sommers C.G. Memoir of the Rev. John Stanford, D.D., Late Chaplain to the Humane and Criminal Institutions in the City of New-York. N-Y.: Swords, Stanford & Co, 1835. 417 p.

Sovereign grace displayed in the conversion and salvation of a penitent sinner, set forth in a sermon preached before the execution of Solomon Goodwin,

who was executed at Falmouth, November 12, 1771, for the murder of David Wilson, on the 25th of May last. Published at the desire of many who heard it / By Ephraim Clark, of Cape-Elizabeth, and Pastor of the church there. Boston: Printed by Joh Boyles in Marlborough-Street, 1773. 32 p.

Stanford J. A Catechism for the Improvement of Youth in the State Prison of New York. N-Y.: James Oram, 1814. 23 p.

Stanford J. The Prisoner's Companion. N-Y.: American Tract Society, 1827. 63 p.

Starkey T. A dialogue between Reginald Pole and Thomas Lupset / ed. by K.M. Burton; with a preface by E.M.W. Tillyard. L.: Chatto & Windus, 1948. 213 p.

Statutes at Large of Pennsylvania 1682 to 1801. Vol. XII: 1785–1787; Vol. XIII: 1787–1790 / by James T. Mitchel & H. Flanders. Harrisburg PA: Harrisburg Publishing Co, State Printer, 1906.

Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L. and Cambridge: Macmillan and Co. 1863. 499 p.

Strong N. The Reasons and Design of Public Punishments; A Sermon, Delivered Before the People Who Were Collected to the Execution of Moses Dunbar, Who Was Condemned for High Treason Against the State of Connecticut. Hartford: Printed and sold by Eben Watson, 1777. 40 p.

The Book of Common Prayer, Administration of the Sacraments, and other Rites and Ceremonies of the Church, according to the use of the Church of England: together with the Psalter or Psalms of David, pointed as they are to be sung or said in churches. Cambridge: printed by John Baskerville, printer to the university, 1760. 700 p.

The clergyman's assistant, being a collection of statutes, ordinances, and forms, with notes and references, relating to the rights, duties, and liabilities of the clergy. To which are prefixed the articles of religion, and the constitutions and canons of the Church of England. Oxford: Clarendon press, 1828. 324 p.

The Complete Newgate Calendar / ed. by J.L. Rayner, G.T Crook. In 5 vols. L.: Privately printed for the Navarre Society, 1926.

The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of The Justices of the Peace, as well in as out of their sessions / by M. Dalton. L.: Printed by H. Lintot, 1746. 508 p.

The Discoveries of John Poulter, alias Baxter. Written wholly by himself. The 7th ed., with additions. L.: printed for R. Goadby, in Sherborne, 1754. 44 p.

The habit of vertue and obedience, required by the Gospel, to qualify men for salvation. L.: Printed by J. M. and Sold by J. Nutt, 1705. 120 p.

The journal the reverend John Wesley, A.M., sometime fellow of Lincoln College, Oxford. from October 14, 1735, to November 29, 1745. L.: printed by James Nichols, 1829. 532 p.

The Judgment and Decree of the University of Oxford Past in Their Convocation July 21, 1683, Against Certain Pernicious Books and Damnable Doctrines Destructive to the Sacred Persons of Princes, their State and Government, and of all Human Society. Rendred Into English [from the Latin Original] and Published by Command. Oxford: Printed at the Theater, 1683. 9 p.

The letters of Horace Walpole fourth earl of Orford chronologically arranged and edited with notes and indices by Mrs. Paget Toynbee in sixteen volumes with portraits and facsimiles. Vol. II: 1743–1750. Oxford: at the Clarendon Press, 1903. 456 p.

The London-Spy Compleat, In Eighteen Parts Being the First Volume of the Writings of Mr. Edward Ward. 5th ed. L.: Printed for A. Betterworth, 1718. 439 p.

The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters Who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp, W. Baldwin. Vol. 1–5. L.: J. Robins and Co, 1824–1825.

The Newgate calendar: or, Malefactor's bloody register: containing genuine and circumstantial narratives of the lives and transactions, various exploits and dying speeches of the most notorious criminals of both sexes, who suffered death, and other punishments in Great Britain and Ireland from the year 1700, to the present time / by A. Knapp. L.: J. Cooke, 1770. 422 p.

The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. Vols. XVIII–XX. L.: T.C. Hansard, 1806–1820.

The Statutes at Large, England Great Britain from Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. Vol. X–XIX. L.: Printed by G. Eyre and A. Strahan, 1811.

The Sword of Justice Wielded by Mercy: A Dialogue Between the Inspectors of the State Prison, in New-York, and a Convict on the Day of His Liberation. N-Y.: Office of the Gospel herald, 1822. 11 p.

The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. Boston, 1773.

The works of Isaac Barrow, D.D. To which are prefixed, a life of the author, by Abraham Hill, a memoir, by James Hamilton, with the notes and references carefully revised; indexes compiled expressly for this edition. Vol. I. N-Y.: J.C. Riker, 1845. 628 p.

The Works of the Rev. John Wesley: The sixth, seventh, eighth, ninth, tenth, and eleventh numbers of his journal. Vol. II. 1st American ed. N-Y.: printed and sold by J. & J. Harper, 1827. 466 p.

Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline. L.: Printed by Richard and Arthur Taylor, 1816. 28 p.

Tillotson J. Of the eternity of Hell Torments // The works of Dr. John Tillotson, Archbishop of Canterbury. With the life of the author / by Thos. Birch, M.A. Vol. III. L.: printed by J.F. Dove, 1820. P. 76–97.

To James Madison from William A. Coffey, 19 August 1823 // Founders Online, National Archives. Режим доступа: https://founders.archives.gov/

documents/Madison/04-03-02-0108, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022. [Original source: The Papers of James Madison, Retirement Series. Vol. 3, 1 March 1823–24 February 1826 / ed. D.B. Mattern. Charlottesville, 2016. P. 107–108.]

Tract no. III of the Society for Diffusing Information on the Subject of Capital Punishment and Prison Discipline «On the Effects of Capital Punishment, as applied to Forgery and Theft (including the sentiments of some eminent authors, with some account or recent occurrences and proceedings)». L.: printed by John M'Creery, 1818. 28 p.

Transactions on the National Congress on Penitentiary and Reformatory Discipline held at Cincinnati, Ohio. Albany: Weed, Parsons & Co, 1871. 642 p.

Turnbull R.J. A Visit to the Philadelphia Prison: Being an Accurate and Particular Account of the Wise and Humane Administration Adopted in Every Part of that Building; ... with Observations on the Impolicy and Injustice of Capital Punishments. In a Letter to a Friend. Dublin: R. Drapper, 1798. 91 p.

Vaux R. Letter on the Penitentiary System of Pennsylvania, adressed to William Roscoe, Esquire, of Toxteth Park, near Liverpool. Philadelphia: by Jesper Harding, 1827. 15 p.

Vaux R. Notices of the Original and Successive Attempts to Improve the Discipline of the Prison at Philadelphia and to Reform the Criminal Code of Pennsylvania. Philadelphia: Published by Kimber and Sharpless, 1826. 76 p.

Wesley J. A plain account of Christian perfection. L.: printed by J. Paramore, 1783. 100 p.

Whitby D. Six Discourses, Concerning I. Election and Reprobation. II. Extent of Christ's Redemption. III. The Grace of God. IV. Liberty of the Will. V. Defectibility of the Saints. VI. Answer to Three Objections. 1st American ed. Worcester: printed at the press of and for Isaiah Thomas, 1801. 412 p.

Willis T. God's Court Wherein the Dignity and Duty of Judges and Magistrates Is Shew'd in a sermon preached at the assises held at Kingston upon Thames, July 26, 1683. L.: printed by B. W. for Ralph Smith, 1683. 37 p.

Young E. Two assize sermons preached at Winchester the first Feb. 26, 1694, James Hunt of Popham, Esq. being sheriff of the county of Southampton: the second July 14, 1686, Charles Wither of Hall, Esq. being sheriff, &c. L.: Printed for Walter Kettilby, 1695. 64 p.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2000. 240 с.

Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / сост., ред., авт., примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991. 732 с.

Гюго В.М. Последний день приговоренного к смерти // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. 656 с.

Дефо Д. Радости и горести знаменитой Молль Флендерс / пер. А. Франковский. М.: Художественная литература, 1991. 319 с.

Диккенс Ч. Американские заметки. Глава VII. Филадельфия и ее одиночная тюрьма // Собрание сочинений : в 30 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1958. 558 с.

Дукельская Л.А. Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. М. ; Л.: Советский художник, 1966. 140 с.

Лондон в гравюре конца XVII – первой половины XIX века. Л.: Искусство, 1984. 80 с.

Мандевиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / пер. с англ. Е.С. Лагутина, А.Л. Субботина. М.: Наука, 2000. 291 с.

Мильтон Дж. Потерянный и Возвращенный Рай / пер. с англ. О. Чюминой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 416 с.

Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бекон Ф. Новая Атлантида / пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского; пер. с англ. З. Александровой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.

Поуп А. Поэмы / пер. с англ. В. Микушевича. М.: Художественная литература, 1988. 243 с.

Фильдинг Г. История Тома Джонса, найденыша. М.: Художественная литература, 1973. 879 с.

Онлайн источники (визуальные и иные):

Antique prints and maps. Режим доступа: https://www.sandersofoxford.com/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

The Proceedings of the Old Bailey, 1674–1913. Режим доступа: https://www.oldbaileyonline.org//, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

The King James Version (KJV), also known as the King James Bible (KJB) or simply the Authorized Version (AV) King James Bible. Режим доступа: https://bible.by/kjv/https://bible.by/kjv/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Exposition of the Old and New Testaments. Толкование Мэтью Генри. Режим доступа: https://bible.by/matthew-henry/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Hansard online. The official report of all Parliamentary debates. Режим доступа: https://hansard.parliament.uk/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Historical Picture Archive, History Images, Vintage Pictures & Illustrations Look and Learn. Режим доступа: https://www.lookandlearn.com/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

The Metropolitan Museum of Art. Режим доступа: https://www.metmuseum. org/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

United Kingdom Parliament. Режим доступа: https://publications.parliament.uk/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Артхив – Социальная сеть художников и ценителей искусств. Режим доступа: https://artchive.ru/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Живопись, картины и художники – онлайн-музей Gallerix. Режим доступа: https://gallerix.ru/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Новозаветные сюжеты в живописи. Режим доступа: http://www.hram-feodosy.kiev.ua/synopsys_images_aut/35/0/2, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Литература:

Abbott W.J. The Prison Chaplain // Prison Service Journal. 1968. № 27. P. 21–31.

Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England / by D. Hay, P. Linebaugh, J.G. Rule, E.P. Thompson, C. Winslow. N-Y.: Pantheon Books, 1975. 352 p.

Archer J.E. Social unrest and popular protest in England, 1780–1840. N-Y.: Cambridge University Press, 2000. 124 p.

Atherton R Summons to serve: the Christian call to prison ministry. L.: G. Chapman. 1987. 150 p.

Balch-Lindsay V.S. An orderly metropolis: the evolution of criminal justice in London, 1750–1830. PhD thesis. Texas Tech University 1998. 444 p.

Banner S. The death penalty: An American history. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2002. 385 p.

Barnes H.E. A History of the Penal, Reformatory and Correctional Institutions of the State of New Jersey Analytical and Documentary. Trenton, N.J.: Maccrellish & Quigley Company, 1918. 654 p.

Barnes H.E. Historial Origin of the Prison System in America // Journal of Criminal Law and Criminology. Vol. 12. 1921. Iss. 1. P. 35–60.

Barnes H.E. The Evolution of Penology in Pennsylvania. A Study in American Social History. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company publishers, 1927. 414 p.

Bartky S.L. Foucault, Femininity, and the Modernization of Patriarchal Power // The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior, 3rd ed. / ed. by R. Weitz. N-Y.: Oxford University Press, 2010. P. 76–98.

Bartle G.F. William Allen, friend of humanity: his role in nineteenth-century popular education // History of Education Society Bulletin, 1992. № 50. P. 15–28.

Battestin M.C. Henry Fielding: A Life. L., N-Y.: Routledge, 1989. 738 p.

Beattie J.M. Crime and the Courts in England 1660–1800. Oxford: Clarendon Press, 1986. 663 p.

Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750: Urban Crime and the Limits of Terror. Oxford: Oxford University Press, 2001. 491 p.

Beattie J.M. The First English Detectives: The Bow Street Runners and the Policing of London, 1750–1840. Oxford and N-Y.: Oxford University Press, 2012. 272 p.

Beaumont G. de Tocqueville A. de. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France. Philadelphia: Carey, Lea & Blanchard, 1833. 301 p.

Bender J. Imagining the penitentiary: fiction and the architecture of mind in eighteenth-century England. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 356 p.

Benge J. Elizabeth Fry: angel of Newgate (heroes of history). Bingley: Emerald Books, 2015. 189 p.

Bernstein E. Cromwell and Communism, Socialism and Democracy in the Great English Revolution / transl. by H.J. Stenning. L.: George Allen&Unwin, 1930. 287 p.

Biggs W.W. An Introduction to the History of the Christian Church. N-Y.: St. Martin's Press 1965. 238 p.

Block B.P., Hostettler J. Hanging in the Balance: A History of the Abolition of Capital Punishment in Britain. Sherfield: Waterside Press, 1997. 288 p.

Bolton G.C. William Eden and the convicts // Australian Journal of Politics & History. Vol. 26. 1980. Iss. 1. P. 30–44.

Bosco R.A. Lectures at the Pillory: The Early American Execution Sermon // American Quarterly. 1978. № 30(2). P. 156–176.

Boyer L.M. The justice of peace in England and America from 1506 to 1776. A bibliographic history // The Quarterly Journal of the Library of Congress. Vol. 34. 1977. № 4. P. 315–326.

Brooks A. Prisoners or Servants? A history of the legal status of Britain's transported convicts. PhD thesis, University of Tasmania, 2016. 459 p.

Brown A.S. William Eden and the American Revolution. PhD thesis. University of Michigan, 1953. 231 p.

Bruce A. Blind Justice (Sir John Fielding). N-Y.: Putnam, 1994. 254 p.

Burrows E.G., Wallace M. Gotham: A History of New York City to 1898. N-Y.: Oxford University Press, 1999. 1424 p.

Clark J.C.D. English society, 1688–1832: Ideology, Social structure and Political practice during the Ancien regime Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 286 p.

Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly. Vol. 40. 1988. №. 2. P. 147–64.

Colley L. Britons: Forging the Nation. 1707–1837. New Haven: Yale University Press, 2005. 429 p.

Collins W.J. The Life and Work of Sir Samuel Romilly. L.: Printed by Spottiswoode, 1908. 32 p.

Cooper R.A. Ideas and their Execution: English prison reform // Journal of eighteenth-century studies. 1976. № 10. P. 73–93.

Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / ed. H.J. Klare. Oxford: New York Pergamon, 1966. P. 177–183.

Crane R. Bernard de Mandeville // Philological Quarterly. 1934. № 13. P. 122–123.

Crime in England, 1550–1800 / ed. J. Cockburn. L.: Methuen, 1977. 372 p.

Critchley T.A. A history of police in England and Wales, 900–1966. L.: Constable, 1978. 360 c.

Cullmann O. The State in the New Testament. N-Y.: New York Scribner, 1956. 121 p.

Democracy in America by Alexis de Tocqueville, edited and translated by Harvey C. Mansfield and Delba Winthrop. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 722 p.

Devereaux S. The Making of the Penitentiary Act, 1775–1779 // The Historical Journal. Vol. 42. 1999. №. 2. P. 405–433.

Dobash R.P., Emerson R., Gutteridge S. The Imprisonment of Women. N-Y.: Basil and Blackwell Publishers, 1986. 255 p.

Dodsworth F. Habit, the criminal body and the body politic in England, c. 1700–1800 // Body & Society. 2013. № 19 (2–3). P. 83–106.

Dodsworth F. Police and the Prevention of Crime: Commerce, Temptation and the Corruption of the Body Politic, from Fielding to Colquhoun // The British Journal of criminology. Vol. 47. 2007. Iss. 3. P. 439–454.

Donagan B. Godly choice: Puritan decision-making in seventeenth-century England // Harvard theological review. Vol. 76. 1983. Iss. 3. P. 307–334.

Draper A.J. Punishment, Proportionality, and the Economic Analysis of Crime // Journal of Bentham Studies. Vol. 11. 2009. Режим доступа: https://pdfs.semanticscholar.org/751b/, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Draper A.J. William Eden and Leniency in Punishment // History of Political Thought. 2001. № 22 (1). P. 106–130.

Dunaway W.F. The English Settlers in Colonial Pennsylvania // Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 52. 1928. Iss. 3. P. 317–341.

Eastwood D. Governing Rural England: tradition and transformation in local government, 1780–1840. Oxford: Clarendon Press, 1994. 311 p.

Ekirch A.R. Bound for America: The Transportation of British Convicts to the Colonies, 1718–1775. Oxford: Clarendon Press, 1987. 277 p.

English Prisons: An Architectural History / by A. Brodie, J. Croom and J. O'Davies. Swindon: English Heritage, 2002. 297 p.

Erb M.C. The Rhetoric of Reform: Metaphors of Disease in John Howard's The State of the Prisons. PhD thesis, University of Vanderbilt. 2009. 88 p.

Evans R. The Fabrication of Virtue: English Prison Architecture, 1750–1840. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 464 p.

Fielding: a collection of critical essays / ed. by R. Paulson. N-Y.: Prentice Hall, 1962. 192 p.

Finer S.E. The Transmission of Benthamite Ideas, 1820–1850 // Studies in the Growth of Nineteenth-Century Government / ed. by G. Sutherland. L.: Totowa, N.J., Rowman and Littlefield, 1972. P. 11–32.

Fitzgerald P. Chronicles of the Bow Street Police-office. In 2 vols. L.: Chapman and Hall, 1888.

Fitzroy H.W.K. The Punishment of Crime in Provincial Pennsylvania // Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 60. 1936. Iss. 3. P. 242–269.

Flaherty D.H. Criminal Practice in provincial Massachusetts // Law in colonial Massachusetts 1630–1800. A conference held 6–7 November 1981 / ed. by D.R. Coquillette. Boston, 1984. P. 357–360.

Gaskill M. Crime and mentalities in early modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 396 p.

Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People. 1770–1868. Oxford: Oxford University Press. 1996. 634 p.

Godfrey B., Lawrence P. Crime and Justice 1750–1950. Cullompton: Willan, 2005. 232 p.

Goff D. A Brief Memoir of Elizabeth Fry. Richmond: Friends United Press. 2008. 104 p.

Goldmith M. Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville's social and political thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 183 p.

Gombert K. An «opportunistic interpretation» of Bentham's panopticon writings // Journal of Bentham Studies. Vol. 16. 2014. P. 1–16.

Graber J. The Furnace of Affliction: Prisons & Religion in Antebellum America. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 2011. 234 p.

Gray B.K. A History of English Philanthropy: From the Dissolution of the Monasteries to the Taking of the First Census. L.: P.S. King & son, 1905. 302 p.

Greenberg D. Crime and Law Enforcement in the Colony of New York, 1691–1776. Ithaca, N-Y.: Cornell University Press, 1976. 259 p.

Griffiths P. Lost Londons: Change, Crime, and Control in the Capital City, 1550–1660. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 544 p.

Haakonssen L. Medicine and Morals in the Enlightenment: John Gregory, Thomas Percival and Benjamin Rush. Amsterdam: Editions Rodopi, 1997. 247 p.

Handler P. Forgery and the end of the «Bloody Code» in Nineteenth-Century England // The Historical Journal. 2005. № 48:3. P. 683–702.

Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. 236 p.

Harrison R. Bentham. L.: Routledge & Kegan Paul, 1983. 286 p.

Harvey T.E. The Christian Church and the Prisoner in English Experience. L.: The Epworth Press, 1941. 79 p.

Hearn D.A. Legal Executions in New York State: A Comprehensive Reference, 1639–1963. Jefferson, N.C.: McFarland, 1997. 365 p.

Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford: Clarendon-Oxford University Press, 1988. 422 p.

Himmelfarb G. Victorian Minds: a study of intellectuals in crisis and ideologies in transition. N-Y.: Knopf, 1968. 397 p.

Hinkle W.G. A History of Bridewell Prison: 1553–1700. N-Y.: Edwin Mellen Press, 2006. 249 p.

Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. N-Y.: Columbia University Press, 1978. 123 p.

Hutchins J. Jonas Hanway 1712–1786. L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1940. 221 p.

Ignatieff M. A Just Measure of Pain: The Penitentiary in the Industrial Revolution. 1750–1850. N-Y.: Pantheon, 1978. 257 p.

Ignatieff M. State, Civil Society, and Total Institutions: A Critique of Recent Social Histories of Punishment // Crime and Justice: An Annual Review of Research. Vol. 3. 1981. P. 153–192.

Ingram M. Reformation of Manners in Early Modern England // The Experience of Authority in Early Modern England / ed. P. Griffiths. N-Y.: St. Martin's Press, 1996. P. 47–88.

Innes J. Prisons for the poor: English bridewells 1555–1800 // Labour, Law, and Crime: A Historical Perspective / eds F. Snyder and D. Hay. L. & N-Y.: Tavistock Publications: 1987. P. 42–122.

Jackson H.T. Prison Labor // Journal of Criminal Law and Criminology, Vol. 18. 1927. Iss. 3. P. 218–268.

James J.T.L. A Living Tradition: Penitentiary Chaplaincy. Ottawa: Chaplaincy Division Correctional Service of Canada, 1990. 220 p.

Jayne R.E. Jonas Hanway: Philanthropist, Politician, and Author (1712–1786). L.: The Epworth Press, J. Alfred Sharp, 1929. 143 p.

Johnston D. The Rhetoric of «Leviathan»: Thomas Hobbes and the Politics of Cultural Transformation. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986. 234 p.

Karlsen C.F. The Devil in the Shape of a Woman. N-Y.: W.W. Norton, 1987. 370 p.

Jones A.M. Quakers and Social Reform in England, 1780–1870. PhD thesis, University of Murdoch. 2010. 354 p.

King P. Newspaper reporting and attitudes to crime and justice in late-eighteenth and early-nineteenth-century London // Continuity and Change. 2007. № 22 (1). P. 73–112.

Kling D.W. The New Divinity and the Origins of the American Board of Commissioners for Foreign Missions // Church History, 2003. № 72 (4). P. 791–819.

Knowles J.B. The Abolition of the Death Penalty in the United Kingdom. How it Happened and Why it Still Matters. L.: The Death Penalty Project, 2015. 67 p.

Krebs A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / ed. J.C. Freeman. L.: Heinemann Educational, 1978. P. 35–52.

Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches / eds.V. Depkat, J. Martschukat. Washington-Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, 2012. P. 85–99.

Langbein J.H. The historical origins of the sanction of imprisonment for serious crime // The Journal of Legal Studies. 1976. № 1–1. P. 35–60.

Law, Crime and English Society, 1660–1830. In honour of John M. Beattie / ed. N. Landau. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 263 p.

Leslie-Melville R. Life and Work of Sir John Fielding. L.: Lincoln Williams Ltd., 1934. 374 p.

Lewis O.F. The development of American prisons and prison customs, 1776–1845: with special reference to early institutions in the state of New York. Albany: Prison Association of New York, 1922. 350 p.

Lewis W.D. From Newgate to Dannemora: The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848. Ithaca, N-Y.: Cornell University Press, 1965. 311 p.

Lindemann M. Medicine and Society in Early Modern Europe. New Approaches to European History. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 249 p.

Linebaugh P. The London Hanged: Crime and Civil Society in the Eighteenth Century. N-Y.: Cambridge University Press, 1992. 512 p.

Lockmiller D. Sir William Blackstone. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1938. 1938. 295 p.

Mack M.P. Jeremy Bentham: An Odyssey of Ideas 1748–1792. L.: Heinemann, 1962. 482 p.

Maestro M. Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms. Philadelphia: Temple University Press, 1973. 191 p.

Manchester A.H. A Modern Legal History of England and Wales 1750–1950. L.: Butterworths, 1980. 410 p.

Mandeville Studies: New Explorations in the Art and Thought of Dr. Bernard Mandeville (1670–1733) / ed. by I. Primer. The Hague: by Martinus Nijhoff, 1975. 223 p.

Markets, Market Culture and Popular Protest in Eighteenth Century Britain and Ireland /eds. A. Randall, A. Charlesworth. Liverpool: Liverpool University Press, 1996. 199 p.

Marvin C. Space, Time, and Captive Communications History // Communications in Transition: Issues and Debates in Current Research / ed. M. Mander. N-Y.: Praeger, 1983. P. 20–38.

McConville S. A history of English prison administration. Vol. 1: 1750–1877. L.: Routledge & Kegan Paul, 1981. 550 p.

McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. L.: Routledge, 1989. 432 p.

McGowen R. «He Beareth Not the Sword in Vain»: Religion and the Criminal Law in Eighteenth-Century England // Eighteenth-Century Studies. Vol. 21. 1987–1988. № 2. P. 192–211.

McGowen R. A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // The Journal of British Studies. Vol. 25. 1986. № 3. P. 312–324.

McGowen R. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History. 1988. № 9. P. 63–98.

McKelvey B. American Prisons: A History of Good Intentions. Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1977. 408 p.

McKenzie A. Martyrs in Low Life? Dying «Game» in Augustan England // Journal of British Studies. Vol. 42. 2003. № 2. P. 167–205.

McKenzie J. The Christian and the State // Church and State in the Middle Ages / by B.D. Hill. N-Y.: John Wiley & Sons Inc. 1970. P. 6–15.

McLennan R.M. The Crisis of Imprisonment: Protest, Politics, and the Making of the American Penal State, 1776–1941. N-Y.: Cambridge University Press, 2008. 520 p.

Melossy D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. L.: Macmillan Press, 1981. 243 p.

Meranze M. Penalty and the Colonial Project: Crime, Punishment, and the Regulation of Morals in Early America // The Cambridge History of Law in America. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 178–210.

Meranze M. The Penitential Ideal in Late Eighteenth-Century Philadelphia // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1984. № 108. P. 419–450.

Mischler G. English political sermons 1714–1742: a case study in the theory of the «divine right of governors» and the ideology of order // British Journal for Eighteenth-Century Studies. Vol. 24. 2001. Iss. 1. P. 33–61.

Morgan R. Divine philanthropy: John Howard reconsidered // The Journal of the Historical Association. Vol. 62. 1977. № 206. P. 388–410.

Nelson B. Bridewell’s Fall: Summary Justice in London, 1730–1800. Graduate thesis, Iowa State University, 2017. 74 p.

Nicolazzo S. Vagrant Figures: Law, Labor, and Refusal in the Eighteenth-Century Atlantic World. PhD thesis, University of Pennsylvania, 2014. 232 p.

Nicolle M. William Allen: Quaker Friend of Lindfield, 1770–1843. Lindfield: Margaret Nicolle, 2001. 152 p.

O'Connor T.P., Perreyclear M. Prison Religion in Action and its Influence on Offender Rehabilitation // Journal of Offender Rehabilitation. Vol. 35. 2002. № 3 (4). P. 11–33.

Oldham W. Britain's Convicts to the Colonies. Sydney: Library of Australian History, 1990. 270 p.

Paulson R. The Life of Henry Fielding: A Critical Biography. Oxford: John Wiley and Sons Ltd, 2000. 414 p.

Penal Practice and Culture, 1500–1900: punishing the English / eds. S. Devereux and P. Griffiths. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 319 p.

Pike L.O. A History of Crime in England. Illustrating the Changes of the Laws in the Progress of Civilisation. Vol. 2: From the Accession of Henry VII to the Present Time. L.: Smith, Elder, & Co, 1876. 719 p.

Platt A.M. Rethinking and unthinking «social control» // Inequality, Crime and Social Control / ed. by G.S. Bridges, M.A. Myers. Oxford: Westview Press, 1994. P. 72–79.

Porter R. Disease, Medicine and Society in England: 1550–1860. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 84 p.

Porter R. Howard's Beginning. Prisons, Disease, Hygiene // The Health of Prisoners. Historical Essays / ed. R. Creese, W.F. Bynum, J. Beam. Amsterdam and Atlanta: GA Rodopi, 1995. P. 5–26.

Porter R. The Greatest Benefit to Mankind. A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. L.: Fontana Press, 1999. 765 p.

Quinn M. Jeremy Bentham, choice architect: law, indirect legislation, and the context of choice // History of European Ideas. 2017. № 43(1). P. 11–33.

Rabinowicz L. Podstawy nauki o więziennictwie. Warszawa: Gebetner I Wolff, 1933. 455 s.

Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N-Y.: Macmillan & Co, 1948. 853 p.

Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 3. N-Y.: Macmillan & Co, 1957. 688 p.

Rafter N.H. Partial Justice: Women in State Prisons 1800–1935. Boston: Northeastern University Press, 1985. 269 p.

Rafter N.H. Partial Justice: Women, Prisons, and Social Control. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. 290 p.

Richter D.H. Ideology and form in Eighteenth-century literature. Texas: Tech University Press, 1999. 275 p.

Rock P. Law, Order and Power in Late Seventeenth and Early Eighteenth Century England // Social Control and the State: Historical and Comparative Essay / ed. S. Cohen, A. Scull. L.: Basil Blackwell 1983. P. 191–221.

Rodman B.S. Bentham and the Paradox of Penal Reform // Journal of the History of Ideas. Vol. 29. 1968. № 2. P. 197–210.

Rothman D.J. Conscience and convenience: The asylum and its alternatives in progressive America. Boston: Little Brown, 1980. 464 p.

Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. Boston: Little Brown, 1971. 376 p.

Rothman D.J. The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic. N-Y.: Walter de Gruyter, Inc, 2002. 380 p.

Rusche G., Kirchheimer O. Punishment and Social Structure. N-Y.: Columbia University Press, 1939. 268 p.

Schorb J. Reading Prisoners: Literature, Literacy, and the Transformation of American Punishment, 1700–1845. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 250 p.

Semple J. Bentham's Prison. A study of the Panopticon Penitentiary. Oxford: Clarendon Press, 1993. 344 p.

Sharpe J.A. Crime in Early-Modern England, 1550–1750. L.: Longman, 1984. 230 p.

Shaw A.G.L. Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and other parts of the British Empire. Carlton: Melbourne university press, 1981. 399 p.

Shoemaker R.B. Reforming the City: The Reformation of Manners Campaign in London, 1690–1738 // Stilling the Grumbling Hive: The Response to Social and Economic Problems in England, 1689–1750 / ed. L. Davison. Stroud: Alan Sutton, 1992. P. 99–120.

Smith C. The Prison and the American Imagination. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2009. 258 p.

Smith G. Review of A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779, (review no. 882). Режим доступа: http://www.history.ac.uk/reviews/review/882, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Snell E. Discourses of criminality in the eighteenth-century press: The presentation of crime in The Kentish Post, 1717–1768 // Continuity and Change. 2007. № 22 (01). P. 13–47.

Snell E. Perceptions of violent crime in eighteenth-century England: a study of discourses of homicide, aggravated larceny and sexual assault in the eighteenth-century newspaper. PhD thesis, University of Kent, 2004. 280 p.

Southwood M. John Howard. Prison Reformer. An account of his life and travels. L.: Independent Press Ltd, 1958. 144 p.

Spierenburg P. The Prison Experience: Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe. New Brunswick: Rutgers University Press, 1991. 339 p.

Taylor J.S. Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. L.: Scholar Press, 1985. 248 p.

Teeters N.K. The Cradle of the Penitentiary: The Walnut Street Jail at Philadelphia, 1773–1835. Philadelphia: Sponsored by Pennsylvania Prison Society, 1955. 152 p.

The Civic Life of American Religion / ed. by P. Lichterman, B. Potts. Stanford. Calif.: Stanford University Press, 2009. 176 p.

The criminal prisons of London, and scenes of prison life / by M. Henry. L.: Griffin, Bohn, 1862. 634 p.

The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D. N-Y.: Oxford University Press, 1995. 425 p.

Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. 379 p.

Tobias J.J. Crime and Police in England: 1700–1900. N-Y.: St. Martin's Press, 1979. 194 p.

Trevor-Roper H.R. The crisis of the seventeenth century. Wisconsin: Worzalla Publishing Company, Stevens Point, 1999. 451 p.

Vázquez I.R. Criminal Law Reform in the Eighteenth Century Europe. A Comparative Study: England, France, Spain // International Journal of Humanities and Social Science Vol. 2. 2012. № 4. P. 26–37.

Ward R.M. Print, culture, crime and justice in 18th century London. L.: Bloomsbury, 2014. 336 p.

Webb S. and Webb B. English Prisons under Local Government. L. and N-Y.: Longmans, Green & Company, 1922. 261 p.

Weiss R.P. Humanitarianism, Labour Exploitation, or Social Control? A Critical Survey of Theory and Research on the Origin and Development of Prisons // Social History. Vol. 12. 1987. Iss. 3. P. 331–350.

White M.T. Ordering the Mob: London’s Public Punishments, c. 1783–1868. PhD thesis, University of Hertfordshire. 2009. 419 p.

Whiting J.R.S. A house of correction. Gloucester: Alan Sutton, 1979. 122 p.

Williams D. Puritans and pirates: A confrontation between Cotton Mather and Williams Fly in 1726 // Early American Literature, 1987. № 22. P. 233–251.

Witches of the Atlantic World: An Historical Reader and Primary Sourcebook / ed. by E.G. Breslaw. N-Y., L.: New York University press, 2000. 550 p.

Аванесов С.С. Аллегорическое и буквальное в герменевтике сакрального текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013 №5 (25). С. 55–60.

Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в. М.: Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, 1997. 205 с.

Айзенштат М.П. Идеи Иеремии Бентама в России // Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып. 3 / отв. ред. А.С. Намазова. М., 2004. С. 158–171.

Айзенштат М.П. Иеремия Бентам и Россия: утилитаризм Н.С. Мордвинова // Философский век. Альманах 19: Россия и Британия в эпоху Просвещения. Опыт философской и культурной компаративистики. Ч. I. СПб., 2002. С. 28–38.

Айзенштат М.П. История в воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века // Диалог со временем, 2019. Вып. 67. С. 315–322.

Айзенштат М.П. Философ-реформатор Иеремия Бентам // Россия и Британия. Выпуск 3: В мире английской истории: Памяти академика В.Г. Трухановского / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2003. С. 360–377.

Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Изд. Ольги Морозовой, 2009. 896 с.

Акройд П. Уильям Блейк. СПб.: Крига, 2016. 456 с.

Алексеев В.И. Пенсильванская и Оборнская системы содержания осужденных: аспект соотношения (1860–1917 гг.) // Адвокатская практика. 2010. № 4. С. 45–48.

Альперн Л.И. В поисках свободы: интеграция тени, или Тюремная реформа как перманентная революция // Неволя. 2006. № 10. С. 50–57.

Англоведение в современной России : колл. монография / отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН, 2019. 390 с.

Андреященко Р.А. Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 26 с.

Анисимков В.Н., Королева Е.В. Наука уголовно-исполнительного права и политика государства в сфере исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 7–10.

Анненков М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы // Вестник Европы. 1873. Т. II. С. 706–765.

Артеменко С.А. Причины возникновения и развитие движения методистов в Англии XVIII века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. Вып. 1. С. 51–59.

Асланов Л.А. Культура и власть. Философские заметки. Кн. 1. М.: Изд-во ИТРК, 2001. 496 с.

Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1990. 254 с.

Барлова Ю.Е. «Надзор и прибыль» общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 166–186.

Барлова Ю.Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб.: Алетейя, 2018. 244 с.

Барлова Ю.Е., Осипова М.С. «Настоятельный призыв к милосердию»: Джонас Хануэй в истории английской социальной политики // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 10–16.

Белоусов Р.С. Тайна Иппокрены. М.: Советская Россия, 1978. 318 с.

Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/ nlo/2005/75/ne5.html, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII-го века. Т. I. Киев: Университетская типография, 1862. 656 с.

Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1. М.: Мысль, 2000. 461 с.

Болховитинов Н.Н. Изучение американской историографии в России // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы : материалы II науч. конф. М., 1995. Режим доступа: http://www.amstud. msu.ru/full_text/texts/conf1995/bolhovitinov5.htm, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Васильева С.А. «В темнице был, и вы пришли ко Мне…»: история зарождения практики тюремного служения в протестантской традиции и его влияние на ход пенитенциарных реформ в Америке, Европе и России : монография. М.: Проспект, 2019. 184 с.

Васильева С.А. «Проба пера» интеллектуала во власти: неизвестный проект Джереми Бентама // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Серия: Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 115–126.

Васильева С.А. «Теология тюрьмы» в проповеднической деятельности американских тюремных капелланов в начале XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 5–12.

Васильева С.А. Британский след в истории российской тюремной благотворительности // Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 280–290.

Васильева С.А. Издание «Проповеди для заключенных» 1790 года как первое руководство для тюремных капелланов // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 278–289.

Васильева С.А. Пенитенциарный проект английского просветителя Джонаса Хэнвея // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского

государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. Т. 8. 2017. Вып. 3. С. 101–112.

Васильева С.А. Проблемы реформирования английской системы уголовных наказаний в памфлете Б. Мандевиля «Расследование причин участившихся казней в Тайберне» // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. Вып. 3. С. 114–120.

Васильева С.А. Уильям Иден в парламентской борьбе за изменение уголовного закона // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 73. С. 99–111.

Васильева С.А., Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2020. 484 с.

Везломцев В.Е. Смысл и назначение наказания в современном мире: социально-философский аспект. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. 116 с.

Винокурова М.В. К вопросу о наказаниях в обычном праве малых городов средневековой Англии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Выпуск 6 (50). Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840001512-2-1/. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Винокурова М.В. Обвинение, оправдание, наказание в обычном праве малых городов средневековой Англии // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 3. С. 110–126.

Всемирная история : в 6 т. Т. 4 : Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 1192 с.

Высокова В.В. «Светская» и «духовная» история в Британии в эпоху Просвещения: рационализация религии и секуляризация исторического письма // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 76–94.

Высокова В.В. United Kingdom of Great Britain and Ireland: к вопросу об особенностях национального историописания (на примере антикваров XVI–XVII вв.) // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Серия: Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 45–57.

Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1868. 189 с.

Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. 646 с.

Гольденвейзер А.С. Современная система наказаний и ее будущность по трудам Парижского пенитенциарного конгресса. Киев: Типография Петра Барского, 1896. 136 с.

Греков М.Л. Тюремные системы: состояние, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 25 с.

Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология : учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 681 с.

Дьяконова Н.Я. К вопросу о Филдинге как сатирике и просветителе // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, языкознание, литературоведение. 1956. № 2. С. 95–104.

Елистратова А.А. Фильдинг: критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат, 1954. 99 с.

Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии : пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1963. 184 с.

Ерохин В.Н. Методологические подходы к изучению истории религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2008. 227 с.

Ерохин В.Н. Пуританизм как фактор в развитии английской культуры раннего Нового времен // «Модернизация культуры: идеи и парадигмы

культурных изменений» : мат. Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2013. С. 14–20.

Ерохин В.Н. Пуританское движение в Англии в XVI – начале XVII вв. в освещении современной англо-американской историографии. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 294 с.

Ерохин В.Н. Современная британская историография об идейных течениях в церкви Англии в первые десятилетия XVII века // Запад – Восток. 2010. № 3. С. 81–90.

Ерохин В.Н. Формирование англиканской идентичности: история и современность // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 23–33.

Ивонина Л.И. Дипломатия и революция. (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск, 1998. 277 с.

Ивонина Л.И. Патриотизм и политическая лояльность в британской поэзии начала века Просвещения // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории и международных отношений: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной. Рязань, 2021. С. 227–234.

Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.

Исаев М.М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М.: Типография Военно-юридической академии, 1947. 36 с.

История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 2006. 568 с.

Казалет Э.А. О значении Джона Говарда в истории тюремной реформы. М.: Тип. Об-ва распространения полезных кн., 1892. 91 с.

Каменецкий Б.А. Томас Старки и его место в истории политической мысли в Англии в XVI в. // Средние века. 1973. Вып. 36. С. 88–108.

Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. 424 с.

Кареев Н.И. Две английские революции XVII в. Петроград: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1924. 270 с.

Карначук Н.В. Темы преступления и правосудия в английской популярной литературе конца XVI – начала XVII вв. // Средние века. Т. 71. 2010. № 3–4. С. 331–362.

Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.

Кестлер А., Камю А. Размышления о смертной казни. М.: Праксис, 2003. 272 с.

Кирияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании : автореф… канд. филол. наук. Белгород, 2009. 25 с.

Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула: Автограф, 2000. 272 с.

Кованов К.В. Бернард Мандевиль и общественная мысль Англии первой половины XVIII века. М.: Российский государственный торгово-экономический университет, 2013. 259 с.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. статей : пер. с нем. / под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.

Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень: Тюменский университет, 1996. 171 с.

Косых Т. А. Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60–70-х гг. XVIII в. // Известия Уральского федерального унивесрситета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. 2016. № 3 (154). С. 241–249.

Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ-Петербург, 2016. 320 с.

Креленко Н.С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX вв.: исторический миф в контексте политической борьбы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 110 с.

Креленко Н.С. Город, где формируется новый образ жизни («портреты» Лондона в работах Уильяма Хогарта) // Городская повседневность в России и на Западе : межвуз. сборник науч. тр. Саратов, 2006. С. 52–69.

Креленко Н.С. Причудливая память потомков: английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем. 2001. Вып. 4. С. 74–83.

Кросс Р. Прецедент в английском праве / под ред. Ф.М. Решетникова ; пер. с англ. Т.В. Апарова. М.: Юридическая литература, 1985. 239 с.

Лабутина Т.Л. Актуальные проблемы имагологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Выпуск 2 (56). Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840001709-8-1/. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Лабутина Т.Л. Английская революция середины XVII века и интеллектуальный мир англичан // Диалог со временем. 2015. Вып. № 53. С. 16–29.

Лабутина Т.Л. Политическая мысль раннего английского Просвещения // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 233–240.

Лабутина Т.Л. Просветительское движение в Англии // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 178–180.

Лабутина Т.Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 151–164.

Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии: политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 1994. 302 с.

Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.

Лавровский В.М. Промышленный переворот в Англии. М. ; Л.: Гос. изд-во, 1925. 80 с.

Ле Гофф Ж. В поддержку долгого средневековья // Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 31–38.

Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 177–192.

Левенсон П.Я. Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1893. 94 с.

Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. М.: Юрайт, 2016. 291 с.

Марков В.П. Концепции наказания в англо-американской системе права // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 247–252.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: ГИПЛ, 1955; Т. 21. М.: ГИПЛ, 1961.

Маруков А.Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 308 с.

Мещерякова Н.М. Английский гуманист Томас Старки – представитель ранней буржуазной идеологии // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 256–276.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Женева, 1955 г. Одобрены Экономическим и Социальным Советом в резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.

Мишле Э.И. Второй международный конгресс. СПб.: Типография П.И. Шмидта, 1878. 180 с.

Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М.: Юридическая литература, 1967. 190 с.

Нахапетов Б.А. Джон Говард и его вклад в эпидемиологию чумы // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3. С. 3–15.

Некрасов А.П. Гуманистические идеи конца XVIII – первой половины XIX в. как фактор, изменяющий уголовную политику Европы и влияющий на отношение к смертной казни в обществе // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1 (26). С. 190–195.

Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. СПб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880. 674 с.

Никифоров Б.С. Современное американское уголовное право. М.: Наука, 1990. 253 с.

Одиночное заключение : сборник материалов и документов / сост. Ш. Шалев. Лондон: Центр криминологии им. Мангейма, 2008. Режим доступа: http://www. solitaryconfinement.org/, загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2022.

Орлов А.А. «Пусть Иеремия Бентам приготовит... кодекс!». Трактат Дж. Бентама «План всеобщего и вечного мира» (1786–1789 гг.) и его влияние на Россию // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер. История и политология. 2015. № 2. С. 53–62.

Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) : очерки. М. Гиперборея, Кучково поле, 2008. 368 с.

Остроух А.Н. Учение Бентама о праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 240 с.

Павлова Т.А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. М.: Наука, 1979. 246 с.

Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Ч. 1. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 149–159.

Павлова Т.А. Квакерское движение в Англии (вторая половина XVII – начало XVIII в. // Религии мира. История и современность. М.: Наука, 1982. С. 184–205.

Павлушков А.Р. Понятие «религиозно-пенитенциарное пространство» в современном научном дискурсе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 6. С. 39–45.

Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии. Институты и идеи : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. 39 с.

Паламарчук А.А., Диденко А.В. Апелляционная юстиция в тюдоровской и раннестюартовской Англии: парламентские акты 1532–1533 гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 152–154.

Пассек А.В. Проект о преобразовании тюрем. СПб: Типография А. Траншеля, 1867. 96 с.

Пахалов М.Ю. Ритуальность и иррациональность судебного процесса (на материалах средневековой Англии) // Государство и право. 2007. № 6. С. 114–120.

Пахалов М.Ю. Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. 343 с.

Принс А. Преступность и репрессия. Уголовно-юридический очерк. М.: кн. маг. Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1898. 210 с.

Ревенок Н.Д. Рыцарь добра и справедливости. К 250-летию со дня рождения Джона Говарда // Медицинская сестра. 1976. № 12.

Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.

Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем. 2000. Вып. 2. С. 5–13.

Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–16.

Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 25–1. С. 6–11.

Репина Л.П. Новая биографическая история // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 5. С. 5–12.

Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. Т. 10. 2010. С. 10–40.

Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 191–195.

Рулан Н. Историческое введение в право : учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 2005. 672 с.

Руяткина Т.М. Идеи воспитания в английском гуманизме второй трети XVI века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 16 с.

Свод решений международных тюремных конгрессов Лондонского (1872 г.), Стокгольмского (1878 г.), Римского (1885 г.) и С.-Петербургского (1890 г.) // Тюремный вестник. 1894. № 5. С. 246–264.

Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 1995. 115 с.

Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб.: Алетейя, 2006. 294 с.

Сидорова В.П. Британский взгляд на торговлю России и Ирана (по запискам Дж. Ханвея) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 36–40.

Слиозберг Г.Б. Д. Говард. Его жизнь и общественно-филантропическая деятельность (биографический очерк). СПб.: Общественная польза, 1891. 72 с.

Соколов А.Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале современной культурной антропологии // Диалог со временем, 2012. Вып. 39. С. 59–78.

Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки и техники. Т. 4. 1998. № 1. С. 174–182.

Сордж Б. Огонь задержанных ответов. СПб.: МРО ХВЕП «Христианская миссия», 2013. 256 с.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Софронова Л.В. «Клирик из Лондонской епархии»: к проблеме идентификации христианского мыслителя английского Возрождения // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 161–188.

Софронова Л.В. Проект церковной реформы в Англии накануне реформации: случай Джона Колета // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2014. № 12. С. 31–43

Софронова Л.В., Хазина А.В. Проблема свободы воли в английской предреформационной теологии: казус Джона Колета // Современная научная мысль, 2017. № 4. С. 11–17.

Стецкевич М.С. Английская религиозно-политическая модель на рубеже XVIII–XIX веков: проблема деформации // Религия и традиционная культура. Сборник научных трудов. СПб., 2000. С. 45–57.

Стецкевич М.С. Влияние религиозного фактора на политическую жизнь Англии (кон. XVIII–пер. пол. XIX в.) // Великобритания: политика, экономика, история. СПб., 1995. С.81–89.

Стецкевич М.С. Джереми Бентам и Церковь Англии // Диалог со временем. 2009, Вып. 26. С. 127–154.

Стецкевич М.С. Представление о роли и функциях Церкви Англии в английской общественной мысли кон. XVIII–первой трети XIX в. // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994. С. 58–67.

Стецкевич М.С. Проблема трансформации религиозных институтов: Церковь Англии в конце XVIII–первой половине XIX в. (от эрастианизма к трактарианизму) // Процессы трансформации религий. СПб., 2014. С. 106–124.

Стецкевич М.С. Церковь Англии и английское общество в середине XVIII–первой трети XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. Вып. 1. С. 16–25.

Субботин А.Л. Бернард Мандевиль. М.: Мысль, 1986. 136 с.

Субботин А.Л. Бернард Мандевиль. М.: Институт философии РАН, 2013. 109 с.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. По изданию 1902 года. Тула: Автограф, 2001. 688 с.

Тальберг Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем. Киев: Университетская типография, 1875. 69 с.

Твалтвадзе А.Г. Секуляризация как фактор общественного прогресса (на примере государственно-правовых отношений) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения : сборник / сост. и общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Ч. 3: Институт научного атеизма – Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. М.:

МедиаПром ; Российская академия государственной службы, 2009. С. 303–326.

Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы : теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2019. 46 с.

Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения : монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России. 2005. 219 с.

Тепляшин П.В. Парадигма английской эпистемологии наказании: эпоха Просвещения и Нового времени // Проблемы теории права: личность, общество, государство : сборник науч. статей. Красноярск, 2009. С. 58–63.

Токвиль А. де Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

Тревельян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.

Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц-Стифена / пер. В. Спасовича. СПб.: В. Ковалевский, 1865. 610 с.

Уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Калинина. М. ; Рязань : Логос ; Академия ФСИН России, 2006. 444 с.

Узланер Д.А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69.

Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М.: Госюриздат, 1950. 424 с.

Фадеев И.А. Проблема религиозной идентичности Церкви Англии в исторической перспективе: к вопросу о вероучительном статусе 39 статей // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 153–166.

Фадеев И.А. Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М.: Маска, 2015. 416 с.

Филимонова М.А. Политическая борьба националистов/федералистов за консолидацию США (1781–1788 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2011. 525 с.

Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб.: Типография и литография А. Траншеля, 1873. 97 с.

Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1881. 342 с.

Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Типография министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. 503 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2021. 384 с.

Хилл К. Английская Библия и революция XVII века / пер. с англ. Т. Павловой. М.: ИВИ РАН, 1998. 490 с.

Хилл К. Английская революция. 1947. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. 184 с.

Цветков И.А. Проблема методологических инноваций в отечественной американистике // Североамериканские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 119–124.

Чакубаш Ю.В. Социально-педагогические основы деятельности пенитенциарной системы США : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1993. 24 с.

Чекалюк В., Подолян Т. Гений добра и любви к человечеству. Очерк о Джоне Говарде // RELGA: научно-культурологический журнал. 2015. № 8 (296).

Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. 441 с.

Чугунова Т.Г., Софронова Л.В., Хазина А.В. Английский реформатор Джон Фрит о католическом богословии чистилища // Научный диалог. 2020. № 3. С. 439–452.

Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1957. 305 с.

Эрлихсон И.М. «Ньюгейтский календарь»: психологическая реконструкция английской криминальной биографии XVIII столетия // Вестник Томского государственного университета: культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 166–178.

Эрлихсон И.М. В поисках идеала: генезис английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII веков. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. 471 с.

Эрлихсон И.М. Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Серия: Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 75–84.

Эрлихсон И.М. Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История и международные отношения. Т. 20. 2020. № 4. С. 526–534.

Эрлихсон И.М. Детоубийство в структуре женской преступности в Англии XVIII века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. С. 481–487.

Эрлихсон И.М. Джон Шеппард и анатомия преступления в поздней публицистике Д. Дефо // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 72–85.

Эрлихсон И.М. Женское насилие в структуре английской преступности XVIII века // Британия: история, культура, образование : сб. статей по материалам Междунар. научн. конф. / под ред. А.Б. Соколова. Ярославль, 2018. С. 396–402.

Эрлихсон И.М. История Мэри Адамс или карьера лондонской проститутки (по материалам Ньюгейтского календаря) // Запад и Восток: история и перспективы развития : сб. ст. 30-й Юбилейной Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань, 2019. С. 608–613.

Эрлихсон И.М. Лондонская толпа на страницах английской публицистики первой трети XVIII века («Исследование о причинах частых казней в Тайберне» Б. Мандевиля, 1725) // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2017. С. 281–285.

Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Мартин Мэдан как идеолог консервативной альтернативы реформы английского уголовного правосудия XVIII века (по материалам неизвестного трактата «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов…» (1784) // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 61–76.

Эрлихсон И.М., Васильева С.А. К вопросу об отношении общества к преступности (по материалам английской публицистики первой трети XVIII века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52) С. 48–58.

Ястребицкая А.Л. Предисловие к публикации / 95.01.045. Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? / пер. Дубровского И.В. Le Goff J. L'histoire politique est-elle toujours l'epine dorsale de l'histoire? // Le Goff J. L'imaginaire medieval. Essais. P.: Gallimard, 1981. P. 333–349 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. С. 265.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1.1. Казнь лорда Феррерса в Тайберне, 5 мая 1760 г., за убийство его управляющего, гравюра.
Источник: URL: https://www.lookandlearn.com/history-images/XJ000666/Execution-of-Lord-Ferrers-at-Tyburn-5-May-1760-for-murder-of-his-steward

1.2. Ленивого приговаривают к казни через повешенье. У. Хогарт, графика, 1747.
Источник: URL: https://artchive.ru/artists/11~Uil'jam_Khogart/works/20746~

1.3. Высылка осужденных в Вирджинию, иллюстрация.
Источник: Criminal London: a pictorial history from medieval times to 1939 / ed. M.D. Herber. Chichester, 2002.

1.4. Брайдуэлл. У.Г. Томс, гравюра, 1739.
Источник: URL: https://www.sandersofoxford.com/shop/product/bridewell/

1.5. Разрушения, спровоцированные восстаниями в Лондоне, поджог Новой тюрьмы Ньюгейт и мебели г-на Акермана, 6 июня 1780 года, У. Гамильтон, акварель.
Источник: URL: www.oldbaileyonline.org/static/Crimes.jsp

1.6. Карьера мота. Сцена в тюрьме. У. Хогарт, картина маслом, 1733.
Источник: URL: https://artchive.ru/artists/11~Uil'jam_Khogart/works/373~Kar'era_mota_Tjur'ma

1.7. Богохульники, ростовщики и содомиты. У. Блейк, акварель.
Источник: URL: https://artchive.ru/williamblake/works/257767~Bogokhul'niki_rostovschiki_i_sodomity_Illjustratsii_k_Bozhestvennoj_komedii#show

1.8. Воры, мучимые змеями. У. Блейк, акварель.
Источник: URL: https://artchive.ru/williamblake/works/403517~Nakazanie_vorov_Illjustratsija_k_Bozhestvennoj_komedii_Dante

1.9. Говард освобождает заключённого. Ф. Уитли, гравюра, 1790.
Источник: URL: https://gallerix.ru/storeroom/30382/N/553/

1.10. Полуповешенный Джон Смит, гравюра, 1705.
Источник: Criminal London: a pictorial history from medieval times to 1939 / ed. M.D. Herber. Chichester, 2002.

1.11. Карьера проститутки. Сцена в Брайдуэлле. У. Хогарт, графика, 1732.
Источник: URL: https://artchive.ru/artists/11~Uil'jam_Khogart/works/386662~Kar'era_prostitutki _Stsena_v_Brajdvele

1.12. В темнице был, и Вы пришли ко Мне… Я. Лёйкен, гравюра.
Источник: URL: http://www.hram-feodosy.kiev.ua/synopsys_gallery/231/1/11/140.5./35/559?PHPSESSID=e8d0e808a23f1b33a161c88d5d25fa9a#top

THE CHAPEL, ON THE "SEPARATE SYSTEM," IN PENTONVILLE PRISON, DURING DIVINE SERVICE.

1.13. Церковная служба по «одиночной системе» в тюрьме Пентовилль, иллюстрация.
Источник: The criminal prisons of London, and scenes of prison life. L., 1862. P. 133.

1.14. Плавучие тюрьмы графства Кент, иллюстрация. *Printed for Bowles and Carver.*
Источник: URL: https://catalogue.nla.gov.au/Record/197108

1.15. Водяная мельница, тюрьма Колбатфилдз, Дж. Блак, акварель,1808.
Источник: URL: https://www.metmuseum.org/ art/ collec tion/ search/744274

1.16. Наказание «испанской мантией» в Копенгагене, иллюстрация.
Источник: Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. 4th ed. L., 1792. P. 76.

1.17. Проект тюрьмы-исправительного дома в г. Престон (Ланкашир), архитектор У. Блэкберн, 1784.
Источник: English Prisons: An Architectural History. Swindon, 2002. P. 46.

1.18. Паноптикон. Проект архитектора У. Ревли, 1791.
Источник: English Prisons: An Architectural History. P. 58.

1.19. Схема подземной камеры тюрьмы Уорик. Иллюстрация к отчету.
Источник: Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline. L., 1816. P. 6.

1.20. Чертеж «тюремной мельницы»

Источник: Rules for the Government of Gaols, Houses of Correction, and Penitentiaries. 2nd ed. L., 1821.

The Wages of Sin;
OR,
Robbery justly Rewarded;
A
POEM;
Occasioned by the untimely Death of
Richard Wilson,
Who was Executed on Boston Neck, for Burglary,
On Thursday the 19th of October, 1732.

THIS Day from Goal must Wilson be
conveyed in a Cart,
By Guards unto the Gallows-Tree,
to die as his Desert.

For being wicked overmuch,
there for a wicked Crime,
Must take his fatal Lot with such
as die before their Time.

No human Pardon he can get;
by Intercession made;
But flee he must unto the Pit;
and by no Man be stay'd.

The fatal sad and woful Case,
this awful Sight reveals,
Of one whom Vengeance in his Chase
hath taken by the Heels.

Here is a Caution in the Sight;
to wicked Thieves, and they
Who break and rob the House by Night;
which they have mark'd by Day.

We see the Fall of one that cast
his Lot in by Decree,
With those that wait the Twilight past;
that so no Eye may see.

That wicked Action which he thought
by Night would be conceal'd,
By Providence is strangely brought
thus far to be reveal'd.

By which we see apparantly;
there is no Places fare,
Where Workers of Iniquity
can hide themselves secure.

There is no Man by human Wit;
can keep his Sin conceal'd
When he that made him thinks it fit
the same should be reveal'd.

He that gets Wealth in wicked Ways;
and slights the Righteous Rule,
Doth leave them here amidst his Days,
and dies at last a Fool.

Here we may see what Men for Stealth
and Robbing must endure;
And what the Gain of ill got Wealth
will in the End procure.

Here is a Caution high and low;
for Warning here you have,
From one whose Feet are now brought to
the Borders of the Grave.

He does bewail his misspent Life;
and for his Sins doth grieve,
Which is an hopeful Sign that he
a Pardon will receive.

He says, since he forsook his God;
God has forsaken him,
And left him to this wicked Crime,
that has his Ruine been.

He calls his Drunkenness a Sin;
with his neglect of Prayer,
The leading Crimes have brought him in
to this untimely Snare.

All you that practice cursed Theft;
take Warning great and small,
Lest you go on, and so are left
to such untimely fall.

Repent of all your Errors past;
and eye the Stroke of Fate,
Lest you thus come to Shame at last;
and mourn when 'tis too late.

Remember what the Scripture saith;
a little honest Wealth,
Is better far than mighty Store
of Riches got by Stealth.

This Warning sounded in our Ears;
this Sentence loud and Shrill,
O Congregation, hear and fear,
and do no more so ill.

FINIS.

BOSTON: Printed and Sold at the Heart and Crown in Cornhill.

1.21. Возмездие за грех, или Грабеж, справедливо вознагражденный. Стихотворение по случаю безвременной кончины Ричарда Уилсона, который был казнен в Бостон-Нек за кражу со взломом в четверг, 19 октября 1732 года.

Источник: The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. Boston, 1732.
Перевод см. приложение 2.8.

The Dying Groans of
LEVI AMES,
Who was Executed at BOSTON, the 21st of October, 1773,
for BURGLARY.

I.
YE youth! who throng this fatal plain,
And croud th' accursed Tree:
O! shun the paths that lead to shame,
Nor fall like wretched me.

II.
On the dark confines of the Grave,
With trembling haste I tread;
No Eye to chear, no Hand to save,
I'm hurri'd to the dead.

III.
Justice forbids a longer Day,
My dying Hour is come,
When my poor Soul must haste away,
To her Eternal home.

IV.
Methinks I see your pitying Tears,
You mourn my wretched State;
To shun my Crimes, avoid the Snares,
If you would shun my Fate.

V.
Tho' young in Years, I'm old in Crimes,
To lawless Rapine bred;
The Scourge and Scandal of these Crimes,
When living and when dead.

VI.
Is there a Man thro'out this Throng,
To sinful Robbery prone?
Forbear to do thy Neighbour wrong,
And mourn the Crimes You've done.

VII.
See angry Justice shakes her rod,
And points to Guilt's black scroll;
The terrors of a frowning God,
Distract my sinking Soul.

VIII.
Unless kind Mercy interpose,
And deep Repentance rain,
To change these momentary Throws,
For Hell's Eternal pain.

IX.
O! for a beam of Love divine,
To chear this gloomy Day;
To make me chearfully resign,
To give my Life away.

X.
Thou who did'st suffer Death and Shame,
Such Rebels to restore:
O! for thy great and glorious Name,
Accept one Rebel more.

XI.
Inspir'd by thee, I fix my Trust,
On thine atoning Blood,
To join th' Assembly of the Just,
And praise my Saviour GOD.

XII.
Farewell to Earth, farewell to Sin,
One Pang will set me free;
Support me, O! thou Rock divine,
And snatch my Soul to Thee.

1.22. Предсмертные стоны Леви Эймс, казненного в Бостоне 21 октября 1773 года за кражу со взломом.

Источник: The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. Boston, 1773.
Перевод см. приложение 2.9.

1.23. Заключение по «системе молчания», тюрьма Пентридж, 1867.
Источник: URL: http://ergo.slv.vic.gov.au/image/penal-establishment-pentridge-silent-system

1.24. Арестант в Черри-Хилл, иллюстрация.
Источник: Диккенс Ч. Американские заметки. Глава VII. Филадельфия и ее одиночная тюрьма // Собр. соч. Т. 9. М., 1958.

1.25. Восточный пенитенциарий Черри-Хилл, Пенсильвания, гравюра, 1856.
Источник: URL: https://philadelphiaencyclopedia.org/wp-content/uploads/2015/08/ESP.jpeg

1.26. Заключенные за чтением Библии.
Источник: Stanford J. The Prisoner’s Companion. N-Y., 1827. Frontispiece.

1.27. Тюрьма Синг-Синг, иллюстрация.
Источник: Frank Leslie's Illustrated Newspaper, vol. xlv, February 16, 1878.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Элементы фольклорного дискурса[1]

2.1. Английские паремии, связанные с концептами «воровство» и «смертная казнь»

The thief is sorry he is to be hanged, not that he is a thief.	Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор.
Give a thief enough rope and he`ll hang himself.	Если вору дать свободу действий, это доведет его до виселицы.
Hang a thief when he's young, and he'll no' steal when he's old.	Повесьте вора в юности, тогда он не будет воровать в старости.
Save a thief from the gallows and he will cut your throat.	Спаси вора от виселицы, и он перережет тебе горло.
Thieves and rogues have the best luck, if they do but scape hanging.	Ворам и мошенникам посчастливится, если они смогут избежать виселицы
War makes thieves, and peace hangs them.	Война рождает воров, а мир их вешает
As meet as rope for a thief.	*Досл.* Как веревка для вора. Идиоматическое выражение: очень своевременно, очень кстати

Источник: *Кирияк О.А.* Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании : автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2009.

2.2. Идиомы, связанные с местом исполнения смертной казни – Тайберном

To take a ride to Tyburn	*Досл.* Прокатиться до Тайберна. Прочили незавидную участь, пожелание несчастья, проклятие.
Tyburn Tree (three-legged mare)	*Досл.* Тайбернское дерево (трехногая кобыла). Виселица, приспособленная для казни нескольких преступников одновременно.

[1] Под фольклорным дискурсом в данном случае понимаем особый тип коллективной речевой деятельности, обусловленный социокультурной ситуацией, историческими условиями. Фольклорный дискурс реализуется в ряде устойчивых коммуникативных ситуаций, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности.

Lord of the Manor of Tyburn	*Досл.* Властитель поместья Тайберн. Смертник, висельник.
Tyburn Fair	*Досл.* Ярмарка Тайберна. Городской карнавал в день казни.

2.3. Народная песенка, «плод Ньюгейтского остроумия»

If I swing by the string	Веревочка качается,
I shall hear the bell ring	Вороночка болтается,
And then there's an end of poor Jenny!	А колокол звонит – надрывается, Конец бедной Дженни, конец!

Источник: *Defoe D*. The Fortunes and The Misfortunes of the Famous Moll Flanders / ed. G.A. Aitken. L., 1895. P. 247. Перевод А. Франковский.

2.4. Фронтиспис Ньюгейтского календаря

The anxious Mother with a Parents Care,
Presents our Labours to her future Heir
"The Wise, the Brave, the temperate and the Just,
Who love their neighbour, and in God who trust
Safe through the Dang'rous paths of Life may Steer,
Nor dread those Evils we exhibit Here.

Для материнского стремления
Чад оградить от преступления
И предназначен этот труд.
Здесь воровство, разбой и блуд
Несут заслуженную кару,
Внушая страх младым и старым.

Источник: Frontispiece from The Newgate Calendar / ed. by D. ó Danachair, pub. by the Ex-classics project, 2009. URL: https://www.exclassics.com/newgate/ngintro.htm/ Перевод И. Эрлихсон.

2.5. Жаргонизмы, связанные с исправительным домом и тюрьмой Ньюгейт

Bridewell-cur	Ругательство. *Досл.* Шавка Брайдуэлла – *в отношении женщины*
Sons of Bridewell Bitches, who are Pimţs to your own Mothers	Ругательство. *Досл.* Сыновья брайдуэллских шлюх, сутенеры собственных матерей – *в отношении мужчин*
As black as Newgate's knocker.	*Досл.* Черный, как молоток Ньюгейта. Идиоматическое выражение: хуже некуда, дальше некуда
Bothe shakeled in a fetter	Мы оба скованы одной цепью. Символ воровского товарищества, отсылка к тюремным кандалам
Making The Black Dog Walk	*Досл.* Гонять Черного пса. Легенда о призраке в виде собаки, появляющейся в Ньюгейте накануне казни. В начале XVIII в. паремия означала жестокое обращение заключенных с новоприбывшими
Newgate or Victory!	*Досл.* Ньюгейт или победа! Клич разбойников и воров

Источник: The London-Spy Compleat, In Eighteen Parts. Being the First Volume of the Writings of Mr. Edward Ward. 5th ed. L., 1718. P. 137; Акройд П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2019. С. 287.

2.6. Народная баллада

On Bridewell	**Брайдуэллу посвящается**
It WAS once the Palace of a Prince, If we may Books confide in; But given was by him, long since, For Vagrants to reside in.	Во дворец, что для себя возвел Принц, от безделья маясь, Как узнаем из книг, привел Бродяг и попрошаек.
The Crumbs that from his Table fell Once made the Poor the fatter But those that in its Confines dwell Now feed on Bread and water.	И крошек с царского стола Хватало для народа. Теперь из общего котла Черпают хлеб и воду.
No Ven'son now whereon to dine, No Fricassies nor Hashes; No Balls, no Merriment, or Wine, But woful Tears and Slashes.	Нет ни паштетов, ни рагу Остались только кости… Босые ноги на снегу И вой бессильной злости.
No Prince or Peers to make a Feast, No Kettle – Drums or Trumpets; But is become a shameful Nest Of Vagabonds and Strumpets.	Нет ни балов, ни звуков труб, Нет песен, смеха, шуток… Слетает брань с поблекших губ Воров и проституток.
Where once the King and Nobles fat, In all their Pomp and Splendor, Grave City Grandeur nods its Pate, And threatens each Offender.	Где в окружении льстецов Король купался в лени, Толпа отпетых гордецов Дрожит, склонив колени.
Unhappy thy ignoble Doom, Where Greatness once resorted; Now Hemp and Labor fills each Room, Where Lords and Ladies sported.	Их ожидает высший суд По воле злого рока. Пенька и труд нашли приют В обители порока.

Источник: The London-Spy Compleat, In Eighteen Parts. Being the First Volume of the Writings of Mr. Edward Ward. 5th ed. L., 1718. P. 128–129. Перевод И. Эрлихсон.

2.7. Народная поэма о долговых обязательствах

Sure, none like Man will their own Kind annoy	Неподражаем Человек в нападках на собрата,
Hawks will not Hawks, Wolves will not Wolves destroy	Ни волк, ни ястреб от своих такой не спросят платы.
But these Inhuman Sharks, worse beasts than they,	Но Он терзать тебя готов за каждый жалкий пении,
On their own Fellow Creatures basely Prey;	Чтобы голодного послать на смерть,
Surely at last such defined are to Starve, Who can no better Life than this deserve.	А жить – так на коленях.

Источник: The London-Spy Compleat, In Eighteen Parts. L., 1718. P. 164. Перевод С. Васильевой.

2.9. Возмездие за грех, или Грабеж, справедливо вознагражденный. Стихотворение по случаю безвременной кончины Ричарда Уилсона, который был казнен в Бостон-Нек за кражу со взломом в четверг, 19 октября 1732 года.

This Day from Goal must Wilson be conveyed in a Cart, By Guards unto the Gallows-Tree, to die as his Desert.	В тот день из замковой тюрьмы, исполнив скорбный труд, Тюремщики Уилсона на плаху повезут.
For being wicked overmuch, there for a wicked Crime, Must take his fatal Lot with such as die before their Time.	За то, что он был слишком зол, и сбился он с пути, Принять он должен жребий свой, до Времени уйти.
No human Pardon he can get, by Intercession made; But flee he must unto the Pit, and by no Man be stayed.	Никто его не милует, на помощь не придёт, Когда он в Бездну тёмную сегодня упадёт.
The fatal sad and woeful Case, this awful Sight reveals, Of one whom Vengeance in his Chase hath taken by the Heels.	Вот Зрелище прискорбное и случай хоть заплачь, Когда рукой Возмездия является палач.
Here is a Caution in the Sight, to wicked Thieves, and they Who break and rob the House by Night; which they have marked by Day.	Наглядное пособие полунощным Ворам, Чтоб более не шастали по складам и дворам.

We see the Fall of one that cast his Lot in by Decree,
With those that wait the Twilight past, that so no Eye may see.

Сегодня вы увидите, как Рок приимет Вор,
И в Сумерках забвения он скроет свой позор.

That wicked Action which he thought by Night would be concealed,
By Providence is strangely brought thus far to be revealed.

Вот злое Преступление, что ночью сотворил,
По воле Провидения Господь судье раскрыл.

By which we fee apparently, there is no Places sure,
Where Workers of Iniquity can hide themselves secure.

Он знает без сомнения, таких Местечек нет,
Где Вор сумел бы спрятаться и не нести ответ.

There is no Man by human Wit, can keep his Sin concealed
When he that made him thinks it fit the same should be revealed.

Нет умысла злодейского с надеждой на успех,
Чтобы всемилостивый Бог не выявил тот Грех.

He that gets Wealth in wicked Ways, and flights the Righteous Rule,
Doth leave them here amidst his Days, and dies at last a Fool.

Тот, кто хотел разбогатеть в момент, без всякий правил,
Такого хитрого Глупца Господь ни с чем оставил.

Here we may see what Men for Stealth and Robbing must endure;
And what the Gain of ill got Wealth will in the End procure.

И если ты хотел прожить бесстыдным Грабежом,
В тюрьме окажешься, мой друг, со скромным Багажом.

Here is a Caution high and low, for Warning here you have,
From one whose Feet are now brought to the Borders of the Grave.

Сей стих – дитя раскаинья, предупреждений полн,
Вор видит Яму тёмную и замогильный Холм.

He does bewail his mis-spent Life, and for his Sins doth grieve,
Which is an hopeful Sign that he a Pardon will receive.

Слезой раскаинья своей смывает с сердца страх,
С надеждой на Спасение и с верой на устах.

He says, since he forsook his God, God has forsaken him,
And left him to this wicked Crime, that has his Ruine been.

От Бога отвернулся он и сбился вот с пути,
Теперь без Божьей помощи так тяжело идти.

He calls his Drunkenness a Sin, with his neglect of Prayer,
The leading Crimes have brought him in to this untimely Snare.

Безбожный, грешный пьяница Молитвой пренебрёг
И Бог его от камеры в итоге не сберёг.

All you that practice cursed Theft, take Warning great and small,

Для всех адептов Воровства,
предупрежденье вам,

Left you go on, and so are left to such untimely fall.

Repent of all your Errors past, and eye the Stroke of Fate,
Left you thus come to Shame at last, and mourn when 'tis too late.

Remember what the Scripture faith, a little honest Wealth,
Is better far than mighty Store of Riches got by Stealth.

This Warning foundeth in our Ear, this Sentence loud and Shrill,
O Congregation, hear and fear, and do no more so ill.

Судьбу, по глупости своей, ты выбираешь сам.

Покайся ты в грехах своих, взгляни в глаза Судьбе,
Иначе в скором времени не повезём тебе.

И лучше в мире честным жить, обычным мастерством,
Чем в страхе золото копить преступным воровством.

Предупрежденье это звучит в наших Ушах
Как колокол набатный, в Мирян вселяя страх.

Источник: The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. Boston, 1732. Перевод В. Туарменского.

2.9. Предсмертные стоны Леви Эймса, казненного в Бостоне 21 октября 1773 года за кражу со взломом

Ye youth! who throng this fatal plain,
And crowd the accursed Tree:
O! shun the paths that lead to shame,
Nor fall like wretched me.

On the dark confines of the Grave,
With trembling haste I tread;
No Eye to chear, no Hand to save,
I'm hurried to the dead.

Justice forbids a longer Day,
My dying Hour is come,
When my poor Soul must haste away,
To her Eternal home.

Methinks I see your pitying Tears,
You mourn my wretched State;
To shun my Crimes, avoid the Snares,
If you would shun my Fate.

Вы, молодежь! Пришедшая из мест,
Из тех равнин, где был когда-то проклят
Толпитесь вы, глядя́ на мой позорный крест.
Не дай вам Бог познать мой горький опыт.

На темные контуры страшной Могилы,
С дрожащей поспешностью я наступаю;
И в свете не сыщешь спасительной силы,
Я к мертвым сегодня, друзья, поспешаю.

Увидеть закат Справедливость мешает,
Мне Смерть обещая спасению вместо,
И скоро Душа моя прочь отлетает,
Где в Вечности ей уготовано место.

Мне кажется, вижу я жалости Слёзы,
Оплакать меня вам труда не составит,
Но может быть казни ужасной угрозы,
Кого-то из вас непременно исправят.

Tho' young in Years, I'm old in Crimes,
To law lets Rapine bred;
The Scourge and Scandal of these Crimes,
When living and when dead.

Хоть молод я ликом, преступник в сединах,
С такими Закон убедительно краток.
Вся жизнь моя в бедах, несчастьях, руинах,
И это до смерти за Грех мой расплата.

Is there a Man throw-out this Throng,
To sinful Robbery prone?
Forbear to do thy Neighbor wrong,
And mourn the Crimes You've done.

Найдёшь ли в Толпе человека такого,
Чтоб был к Грабежу повседневному склонен?
Потом, чтоб оплакивать в замке оковы.
Свершив это Зло, Ты добра не достоин.

See angry Justice shakes her rod,
And points to Guilt's black scroll,
The terrors of a frowning God,
Distract my sinking Soul.

В руках Справедливости меч и улики
Слепая она, но карает жестоко.
Пред ликом суровым и хмурым Владыки
Душа моя стонет опять одиноко.

Unless kind Mercy interpose,
And deep Repentance rain,
To change these momentary Throws,
For Hell's Eternal pain.

Надеюсь на Милосердие Божие,
Очистит совесть дождём Раскаяния,
Избавить грешника от Ада может
И мук предсмертных Души метания.

O! for a beam of Love divine,
To chear this gloomy Day;
To make me cheerfully resign,
To give my Life away.

О! за луч божественной светлой Любви,
Пронзившего мрачного дня небо;
Готов я радостно к смерти идти,
Где ждёт меня неизвестная небыль.

Thou who didn't suffer Death and Shame,
Such Rebels to restore:
O! for thy great and glorious Name,
Accept one Rebel more.

Ты, победивший и Смерть и Ад,
Прощавший уже разбойника грешного:
О! твоим лишь Именем спасаться рад,
Прими еще душу Мятежника безутешного.

Inspired by thee, I fix my Trust,
On thine atoning Blood,
To join the Assembly of the Just,
And praise my Saviors GOD.

Вдохновленный твоим Именем,
В Вере правильной укрепляюсь
На твоей Крови искупительной,
К Справедливости приближаюсь.

Farewell to Earth, farewell to Sin,
One Pang will set me free;
Support me, O! thou Rock divine,
And snatch my Soul to Thee.

Прощай мой Грех, сегодня эту Землю покидая
Чрез Боль к освобождению шагаю.
На Господа лишь только уповая,
Я Душу Ему в руки полагаю.

Источник: The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. Boston, 1773. Перевод В. Туарменского.

2.10. Фронтиспис «Исповеди заключенного»

Here dissipation, vice and folly stare;	Порок, безумие и блуд здесь преуспеют разом:
Here the base heart is fearlessly laid bare;	Отнимут честь, осрамят взор и ум пленят рассказом.
Here the weak head is open'd to your sight;	И умерщвленная душа становится ареной,
Here ignorance, falsehood, misery and spite	Где хамство, ложь, и нищета окутают вас тленом.
Stalk in your view.	

Источник: Frontispiece from Inside Out; or, An Interior View of the New-York State Prison; Together with Biographical Sketches of the Lives of Several of the Convicts / By One Who Knows. N-Y., 1823. Перевод С. Васильевой.